

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕБЕДЕВ Владимир Ильич	5
РЫЧКОВА (БИЧЕ-ООЛ) Клара Монгушевна	13
ЗАМАНА Леонид Васильевич	18
КАЛТАН Александр Николаевич	22
ЧЕЛОВЕК ИЗ КРЕМНЯ	22
ОБРЕЧЁННЫЙ ХОЗЯИН	24
ПОСЛЕДНИЙ БИЧ ИМПЕРИИ	28
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ	30
ФАНАТ	32
КОКИН Александр Васильевич	35
КОНОНЕНКО Наталья Борисовна	40
КАРАУЛ!	40
РЫБАЛКА	42
МЕДВЕЖЬЯ ИСТОРИЯ	44
ПИСЬМО С ПОЛЯ	46
ПРЕДЧУВСТВИЕ	51
КУЗНЕЦОВ Сергей Александрович	57
ВСТРЕЧА	57
ПАСЕКА	60
ЗАГАДКА «РЕКИ ДИКИХ СВИНЕЙ»	66
ЧЕРТОВЩИНКА	67
МОНГУШ Андрей Александрович	71
ЯМА	71
Из историй двух поездов	76
МИРОНОВ Александр Алексеевич	81
Из бытия Окинской экспедиции	81
ВВЕДЕНИЕ	83
ПОХОЖДЕНИЯ ПАНА БОБРОВСКОГО В ХОЛОДНОЙ СИБИРИ	84
КРАСНОЕ И БЕЛОЕ	94
КРАСНОЕ И БЕЛОЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ	95
ДВА ЗАСТОЛЬЯ	96
ОТОПЛЕНИЕ	98
РОМБ	101
РЕСТОРАН ПОД ТЕЛЬФЕРОМ	103
ЛЮБОВЬ К ЭЛЕКТРИЧЕСТВУ	105
ЗОЛОТОЙ АЛЬЯНС	107
САМОРОДОК «КАРТА БУРЯТИИ»	108
ЗАБВЕНИЕ	108
ПОХИЛЕНКО Людмила Николаевна	110
ПРУДНИКОВ Сергей Григорьевич	115
«РЫБАК»	115
САЗОНОВ Виктор Андреевич	130

СТЕПАНОВА Ирина Борисовна	149
Пролог	149
Экспедиция в Восточный Саян. Август 2021 год.. (из ненаписанной книги)	150
СТРЕЛЬЦОВ СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ	158
<i>Слово о Сергее Стрельцове</i>	158
«КОГДА ВОДА ВСЕМИРНОГО ПОТОПА ВЕРНУЛАСЬ ВНОВЬ»	161
ОСВОЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОСТИ	165
ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО	167
ЭКСТРЕМАЛЬНЫЙ СТРЕЛЬЦОВ	168
ФРОЛОВ Анатолий Александрович	171
Геологи гостреста № 13 в тылу и на фронте	171
ЧЕРНЫШОВ Алексей Иванович	206
Дневник одной экспедиции	206
ШАРИПОВ Раис Гайнулович	242
Загадка 58 километра	242
Панимбинские столбы	251

Владимир Ильич Лебедев стоял у истоков создания нашего института, — Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук (ТувИКОПР СО РАН) и долгое время его возглавлял. Он ушёл из жизни 20 октября 2020 года, не дожив до своего 85-летия всего десять дней.

В 2025 году Владимиру Ильичу исполнилось бы 90 лет. Коллектив нашего института посвящает 4-й выпуск сборника стихов и прозы «Вокруг сердца Азии» его светлой памяти.

Лебедев Владимир Ильич родился 30 октября 1935 г. в семье сельских учителей в деревне Малое Матвеево Яранского района Кировской области, русский.

В 1953 г. окончил Митякинскую среднюю школу в Тарасовском районе Ростовской области. В этом же году начал трудовую деятельность в качестве рабочего Янис-Ярвинской геологоразведочной партии Северо-Западного геологического управления Мингео СССР. С декабря 1953 г. по июль 1954 г. работал в Восточном Казахстане на Масляном руднике Зыряновского свинцового комбината Минцветмета СССР в качестве коллектора, бурового мастера.

С августа по октябрь 1954 г. работал в Центральном Казахстане в качестве геофизического рабочего Атасуйской партии Джезказганской экспедиции Казахского геофизического треста Мингео СССР.

В 1954–1957 гг. проходил воинскую службу в качестве наводчика орудия — помощника командира огневого взвода зенитного полка Рогачевской гвардейской дивизии в Белорусском военном округе.

В 1957–1962 гг. — студент геологоразведочного факультета Ленинградского горного института им. Г.В. Плеханова. Окончил институт по специальности «Геологическая съёмка, поиски и разведка месторождений полезных ископаемых» с присвоением квалификации — горный инженер-геолог. В 1958–1961 гг. учёбу в институте совмещал с работой в Байхакской геологосъёмочной партии Ленинградской группы Минусинской геологической экспедиции Красноярского геологического управления Мингео СССР, проводившей на территории Тувинской АССР геологическую съёмку масштаба 1:200 000. Защитив дипломную работу «Генезис арсенидного кобальтового месторождения Хову-Аксы» в мае 1962 г. был распределён в Тувинскую комплексную геологическую экспедицию, в которой работал по февраль 1975 г. в качестве геолога, старшего геолога, начальника геологосъёмочных и тематических партий. В 1965–1969 гг. обучался без отрыва от производства (заочно) в аспирантуре на кафедре «Месторождения полезных ископаемых» Ленинградского горного института им. Г.В. Плеханова, в специализированном диссертационном совете которого в декабре 1969 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Условия образования и закономерности размещения арсенидных кобальтовых жил Хову-Аксынского рудного узла». Докторскую диссертацию на тему «Рудно-формационный анализ, условия образования и закономерности размещения кобальтовых месторождений Центральной Азии» защитил в Специализированном докторском совете Института геологии и геофизики СО АН СССР в 1986 г.

С февраля 1975 г. работал в системе Сибирского Отделения АН СССР (СО РАН):

- 1975–1979 гг. — старший научный сотрудник Тувинской экономической лаборатории Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР;
- 1979–1986 гг. — старший и ведущий научный сотрудник Тувинской геологической лаборатории Института геологии и геофизики СО АН СССР;
- 1986–1994 гг. — заведующий лабораторией, директор Тувинского комплексного отдела СО АН СССР (СО РАН);
- 1995–2015 гг. — директор Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН;

- 2015–2017 гг. — научный руководитель ТувИКОПР СО РАН;
- 2017–2020 гг. — главный научный сотрудник лаборатории «Прогностно-металлогенические исследования» № 217 Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН (Новосибирск). На условиях совместительства — профессор Института геологии и горного дела Сибирского федерального университета (Красноярск); профессор кафедры «Горное дело» Тувинского государственного университета (Кызыл); главный научный сотрудник лаборатории «Геодинамика, магматизм и рудообразование» ТувИКОПР СО РАН (Кызыл).

Научно-организационная деятельность В.И. Лебедева была связана, главным образом, со становлением Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Под его научным руководством выполнены фундаментальные и прикладные исследования, результатами которых являются — обоснование перспектив наращивания минерально-сырьевого потенциала Тувы по цветным, редким, благородным металлам и редкоземельным элементам; оценка и прогноз освоения месторождений полезных ископаемых региона; разработка технологий экологически безопасной переработки арсенидных кобальтовых руд, техногенных отходов кобальтового и асбестового производства, извлечения золота и других благородных металлов из первичных руд, аллювиальных россыпей и техногенных отходов старательской золотодобычи, получения углеродных адсорбентов, моторных топлив и другой товарной продукции из каменных углей Улуг-Хемского бассейна; обоснование вариантов структурного реформирования хозяйственного комплекса Республики Тыва с приоритетным развитием горнодобывающей отрасли и транспортной инфраструктуры, включая обоснование целесообразности строительства железной дороги в Туву и через Туву в Монголию и Китай, обеспечивающих развитие международных связей и торговых отношений на долгосрочную перспективу со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Его личный вклад в области Наук о Земле — выявление закономерностей размещения и локализации гидротермального кобальтового арсенидного и других типов эндогенного оруденения в Центральной и Средней Азии, Северной Африки; разработка технологий и оборудования глубокой переработки минерального сырья и техногенных отходов горнорудного производства; геоэкологический прогноз вероятных последствий антропогенного воздействия на природную среду в процессе промышленного освоения минерально-сырьевых ресурсов Тувы, сопредельных регионов Сибири и Монголии. В.И. Лебедев — автор 86 и соавтор более 490 научных работ, в том числе: 56-ти монографий и монографических обзоров, 19-ти изобретений, 2-х полезных моделей технологического оборудования. В монографиях «Условия образования гидротермальных кобальтовых месторождений» (Борисенко, Лебедев, Тюлькин, 1984), «Рудномагматические системы эталонных арсенидно-кобальтовых месторождений» (Лебедев, 1998), «Ore-magmatic systems of arsenide-cobalt deposits» (Lebedev, 2003), «Metallogeny of cobalt in the ore-belt of Bou Azzer–El Graara (Anti-Atlas, Morocco)» (Lebedev, Maacha, 2017) приведены новые данные об условиях образования уникальных рудообразующих систем Центральной Азии и Северной Африки, обоснована природа источников рудного вещества и рудообразующих флюидов, разработаны геолого-генетические модели эталонных месторождений пятиэлементной рудной формации. В монографическом обзоре «Особенности минерального состава

руд, стадийность формирования и зональность кобальт-арсенидных месторождений района Бу-Аззер» (Лебедев, Азизи, Мааша, 2005) охарактеризованы флюидный режим и минералого-геохимические особенности формирования уникальных собственно кобальтовых месторождений Марокко. В книге «Кайнозойский вулканизм Восточной Тувы» (Сугоракова, Ярмолюк, Лебедев, 2003) дано описание эоплейстоцен-голоценовых продуктов извержений на территории Тувы, особенностей их размещения, вещественного состава, геохимических характеристик и изотопной геохронологии.

В.И. Лебедев участвовал в подготовке научно-производственных кадров: являлся членом Специализированных Советов Д 002.50.01 и Д 003.067.03 (ИГМ СО РАН, Новосибирск) и Д 212.099.21 (СФУ, Красноярск) по защите докторских диссертаций; исполнял обязанности заведующего кафедрой «Экономическая география и ГИС», читая курсы лекций «Основы построения ГИС-управления природопользованием», «Природные ресурсы Тувы» и «Организация научных исследований», а также на кафедре «Горное дело» — «Геология и минерально-сырьевой потенциал Республики Тыва» в Тувинском государственном университете (Кызыл). Под его научным руководством защищены 5 кандидатских диссертаций, осуществлено научное консультирование трёх соискателей учёной степени доктора геол.-мин. наук и шести соискателей учёной степени кандидата наук. В период руководства академическими учреждениями Тувы (ТКО СО АН СССР (СО РАН) и ТувИ-КОПР СО РАН в 1988–2017 гг.) защищены 12 докторских и 24 кандидатских диссертации.

Он занимался научно-организационной деятельностью: с 1988 г. — член Объединённого учёного совета наук о Земле СО РАН; с 1986 г. — член Научных советов «Тектоника Сибири и Дальнего Востока», «Рудообразование и металлогения Сибири»; с 1995 г. — чл.-кор. Академии инвестиций и экономики строительства Российской Федерации, с 2001 г. — чл.-кор. Международной академии инвестиций и экономики строительства, с 2008 г. чл.-кор., а с 2009 г. — действ.-чл. Российской академии естествознания.

Награждён: Почётной грамотой Президиума Верховного Совета Тувинской АССР (1981); Указом Президента Республики Тыва — Почётным званием «Заслуженный деятель науки Республики Тыва» (1995); Указом Президента Российской Федерации «Медалью Ордена за заслуги перед Отечеством II степени» (1999) и Почётным званием «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (2005); Почётными знаками Сибирского отделения РАН «Серебряная СИГМА» (2008) и «Золотая СИГМА» (2014). «Почётный гражданин России» (2010), «Почётный гражданин г. Кызыла» (2011). Правительством Республики Тыва награждён Орденом Республики Тыва (2014), Федеральным агентством научных организаций России — Почётной грамотой ФАНО РФ (2016). Губернатором Красноярского края — именной медалью за вклад в Международное сотрудничество (2017). Президиумом СО РАН — именной медалью в ознаменование 60-летия СО РАН. Владимир Ильич Лебедев ушёл из жизни 20 октября 2020 года.

**Лаборатория геодинамики, магматизма и рудообразования
ТувикОПР СО РАН. Кызыл, 2005 г.**

**В.В. Зайков, К.С. Кужугет и В.И. Лебедев — основатели
академической геологии в Туве**

В.И. Лебедев и К.С. Кужугет на полевых работах. 2005 г.

ГЕОЛОГАМ

Горную кручу, залом или реку
Геолог в штормовке — штурмует схода,
Чтоб недра земные открылись веку,
Чтоб клад свой щедрый не скрыла природа.

Бывает трудно ходить по кручам,
Рюкзак зелёный набив образцами,
Но всё же взбираемся к самым тучам,
Забыв усталость за делами.

Мы часто пели: «Вдвоём в маршруте
Нам чёрт не страшен — была бы дружба,
Немного ветра, больше света,
Руды бы гору — вот это служба!»

Казалось бы просто — ногами двигать,
Лезть сквозь дебри — заманчиво даже.
Но труд геолога — это мыслить,
Как дать народу, стране металла.

Мы много строим, металл нам нужен,
Нужны нам глина, соль и уголь.
Так будь геолог с Землёю дружен,
Чтоб дружба эта не шла на убыль.

Прогнозы и факты — анализ полный,
Решил геолог свою задачу:
Здесь быть комбинату, город воздвигнуть,
Чтоб жили люди всегда с удачей!

Бывало время, когда геолог
Прошёл маршрутом — и вот открытие.
Теперь к открытию путь очень долог,
Плохой помощник — одно наитье.

Глубокое знание природных явлений,
Научный анализ разведочных данных,
Трезвый подход к разрешенью сомнений —
Это начало новых открытий.

Открытие — это венец творений,
А путь к открытию — работа в поте:
Проходка скважин, штолен, маршруты —
Это все знают, у нас в почёте.

Не важно — какой оклад имеют,
Какую должность занимают,
Важнее — как во всём успевают,
А поэтому — не стареют.

Геологи есть на всей планете,
Стиль работы — близок у всех.
Но где, скажите, с таким почётом,
Как в нашей стране говорили о них?

Ранней весной страна отмечает
ДЕНЬ ГЕОЛОГА-полевика.
Каждый из нас его встречает
С верой в открытие — наверняка!

17.01.1965

С ПРАЗДНИКОМ!

Отдых — хорошее дело, конечно,
Любим мы спорт, искусство, банкеты,
Но геология — это вечность,
Это подобно жизни Планеты.

Поэтому — наши о ней разговоры,
Поэтому — споры до хрипоты,
Это, конечно, не склоки-раздоры,
Это прикидки — как поиск вести.

Ранней весной страна отмечает —
ДЕНЬ ГЕОЛОГА-ЗЕМЛЕПРОХОДЦА,
Каждый из них его встречает
С верой в будущее системы СОЛНЦА!

Палатка тесная, спальный мешок,
Карта, компас и молоток —
Нехитрый скарб полевика,
Рассчитанный на романтика.

Геолог — профессия романтическая,
Многие нас называют бродягами.
Это мнение для нас привычное —
Землю меряем мы шагами.

Нет возражений — мы ходим много,
Каждой весной стремимся в поле,
К работе своей относимся строго
И рады своей бродячей доле.

Было время быстрых открытий,
Всего то нужно — пройти маршрутом.
Ныне открытые — прогноз науки,
Его не измеряешь километром.

Если геологи вместе собрались, —
Слышно о дайках, контактах и сбросах.
Жёны сначала часто роптали:
«Всё о работе, когда же отдых?»

Романтик не тот, кто время проводит,
По скалам ползёт давно исхоженным.
Он недра разведует, рудник строит,
Богатство страны чтоб было умножено.

1972

СТАРЫМ-СЕДЫМ, НО МОЛОДЫМ

Нытик — он что? Привык к комфорту,
К пижаме в полоску, к перине мягкой.
Геолог всё это отправил к чёрту —
Бродит в тайге — по уши мокрый.

Сухие маршруты бывают реже,
Тогда в маршруте — лишь струи пота.
Но жизнь такая мне нравится тоже.
Геолог-нытик? Не вериться что-то!

Скучать о доме, жене и детях —
Всё это бывает. — Кто же скроет?
Всю жизнь геолог в заботах этих,
Но ныть не будет, хоть сердце ноет.

Скука от жизни — удел несчастных,
Тех, кто дело, работу не любит.
Скука такая бывает от лени,
Чаще бывает она от безделья.

Скуке гимна мы не слагаем —
Гораздо приятнее петь о веселье.
Весёлым по жизни шагаются легче,
Счастливые кажутся нам моложе.

Молодость, говорят, проходит с годами,
Старость — на смену, а с нею — седины.
Но люди счастливые, хоть и с сединами,
Душой остаются всегда молодыми.

Приятно с людьми такими встречаться,
Соратничать с ними и даже спорить,
Как правило, люди такие не старятся —
Это им просто некогда делать.

Такие люди любить умеют,
В беде любой не оставят друга,
Встретив «нечисть» — борются с нею —
Таким по жизни шагать не трудно.

Не важно — какой оклад имеют,
Какую должность они занимают.
Важно — как везде успевают,
Видно поэтому — не стареют!

1973

ПОЖЕЛАНИЕ ТУВЕ

Саяны с севера, а с юга — Танну-Ола
«Колечком» опоясали Туву.
В заоблачных высотах скалы голые
Пронзают голубую чистоту.

Стоят хребты от века «она» — древние,
Лишь кое-где нарушен их покой.
Но верим мы, что в обозримом времени
Пойдут составы с углём и рудой!

И в этом суть работ
ТуваИКОПРовцев —
Приложить все усилия к тому,
Чтоб освоение нашей территории
Обогатило в будущем страну!

Научному прогнозу рудоносности
Посвящены сотрудников труды,
Решаются проблемы разной сложности,
Но цель одна — побольше бы руды.

Не самоцель — маршруты пешеходные,
Заброска вертолётom на «белки»,
Заезды вездеходом в кручи горные,
Бивачные стоянки у реки.

Понятно всем геологов стремление
Пораньше в поле выехать весной,
Чтобы проверить те предположения,
Которые наместились зимой.

1976

**КЛАРА МОНГУШЕВНА
РЫЧКОВА (БИЧЕ-ООЛ)**

Клара Монгушевна родилась в 1946 г. в Кызыле. В 1969 г. закончила Свердловский горный институт по специальности горный инженер-геофизик, направление: поиски и разведка месторождений полезных ископаемых геофизическими методами. С 1970 г. работала в Тувинской геологоразведочной экспедиции, с 2000 г. — в Тувинском институте комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Кандидат геолого-минералогических наук.

Розовеет снег в лучах заката.
Тёмный лес затаённо молчит.
Неподвижностью околдована,
Умеряю свою я прыть.
И стою пред лесной поляною;
В белый саван одета она;
Холодна, неприветливо стылая,
Поджидает, наверно, меня.
Но вдруг вижу: из снега колючего
Оголённые кусты

Упрямо тянут к небу руки,
окоченевшие свои.
И ликую я, как здорово,
не одна я жду весны.
Ждём весну и тепла и ветра,
Оголтелый птичий гам!
Хорошо, что надежда на встречу
Каждый год возвращается к нам!

Особенный день сегодня;
Прозрачный весенний день!
Мне, может быть, встречу с тобою
Устроила эта капель!

Тёмный лес, как надёжная стража,
На пути моём стоит,
Не пропустит вперёд, не пропустит,
К отступленью отрежет путь.

Не ищи ту тропу, не надо,
Слишком долго по ней идти.
У хрустального водопада
Лучше ноги омой свои.
Опрокинь себя в небо синее
И жар-птицу прижми к груди.
И вернётся на землю грешную
Нежным ангелом во плоти.

Я понимаю всё, я вижу
Я молча отступаю в тень
И, словно гор моих громада,
Закрывает ночь, закрывает день.
И я стою во тьме крошечной,
не зная, где и что со мной.
И только луч звезды сгоревшей
Мне быстро кинул якорь свой.

Эта встреча на бегу
Мне о многом сказала сейчас.
Сохранить только дружбу хочу,
Ну а большее — не для нас.
Ну, а мудрость — не усталость ли
чувств,
Да и есть ли она у меня,
Если снова хочу я весну,
Но я вижу — она не моя.

Да, я знаю, я вам не пара.
Из другого времени я,
Вы упали, сражённый пулюю,
В сердце пулей ранена я.
Ваша пуля нашла Вас метко.
Где теперь лежите Вы,
Проросли лопухом придорожным
Или ельником встали Вы,
Ни холма, ни креста над могилой...
Вас пытались стереть с Земли.
Но остались Вы в вашем сыне,
И остались ваши стихи.
А я знаю, что Вы в Поднебесье
В острие той летящей стрелы,
Что не целясь, охотник отправил
Прямо в солнце с нагой скалы.

Сию в прокопчённой комнате,
Листаю научный журнал.
Вдруг вижу: вулканы Тоджи,
Жарки, облака и туман.
Зовущий привет от жарков и вулканов,
От тихих озёр и от жёлтой травы
Проник ко мне в комнату лёгким туманом —
Я там побывала всему вопреки.
Научную ценность статьи той
Не мне оценить.
Но вечный привет от жарков
И вулканов
Мне удалось уловить.

Тучи небо закрыли плотной
Серым стёганым полотном.
Не пойму: то весна или осень
У меня стоит за окном.
И как женщина, что-то просит
Иль жалеет о чём-то своём
Не жалеет...
Не жалеет о потерянном, женщина!
Не жалеет, всё уже позади
Не проси и о будущем, женщина!
Не проси, всё ещё впереди.

У вулканов сплошные генезисы,
Парагнейсы и базальтики.
А и ведают ими романтики
Не спешащие, блин, в параноики.
Не спешу ведь и я в параноики
Рисовать разноцветные нолики.
А хочу оседлать Медведицу,
Чтоб поймать свою синюю птицу.
Как поймаю я синюю птицу,
Расседлаю звезду-Медведицу
И закину её в небо чёрное —
Пусть ковшом золотым распяшется.
Ну, а мне с синей птицей
Из ковша бы напиться,
И к вулканам, не зная базальты,
И не ведая, блин, про генезисы.

Ты приходи, приходи
В тёмную-тёмную ночь.
Ты приходи, приходи,
Когда мне бывает невмочь.
Тихо на краешек сядь,
Прядку со лба отведи,
Тихо расскажешь мне
Песню своей любви.
Песню любви к горам
Синим-синим-пресиним,
С шапкой облаков,
На горных вершинах.
Тихо усну я тогда,
И увижу прекрасный сон:
Синие-синие горы
В ожерелье глубоких озёр.

Солнца лучи косые,
Зимняя стылость вокруг.
Эти поляны лесные
Так неприветливы вдруг.
Зимняя стылость вокруг,
День на исходе.
Вдруг раздаётся стук:
Дятел в работе.

Твой голос и шаг
размывается временем.
И память свою
Ворошить не хочу.
Зачем же ты часто
Вдруг лёгким видением
Мелькнёшь из толпы
Предо мной на бегу?

Соединяясь, то разъединяясь вновь.
Крылами тонкими касаясь,
В игре лучей, в игре теней,
Лазеревые бабочки взлететь пыта-
лись.
Но оказалось: два выюнка,
на стебле тонком, недвижимом
От дуновенья ветерка
Так нежно-трепетно ожили.

Белый искрящийся снег
Чуть присыпан рыжей хвоею.
Детства далёкий привет —
Белый искрящийся снег.
И как подарок саянской зимы,
В тёмной зелени кедра, у самой тропы,
Две алые капли зари — снегири.

Ты приходи ко мне, незримая,
Непроторённую тропкою, приходи!
Неслышно сядь со мною рядом,
От тёмных будней отреши.

Я прихожу, где тополя
Неслышно ветками качают.
А тишина —
Так всеобъемлюще полна,
что все грехи мне отпускает.

Я напишу Вам письмо
Из далека-далёка.
Как ветка, чуть задев стекло,
напомню что-то.
Напомню тёмный рыхлый свет
И влажный ветер,
и молчаливый наш обет
о наших встречах.
Но только с нами длится жизнь,
И нет ответа,
И вязну я в тиши, глуши,
Так до рассвета.
Не напишу вам письмо
Из далека-далёка.
И ветка, не задев стекло,
Повиснет одиноко.

Два спящих Кинг-Конга,
Две смежных горы,
Слились воедино
У дальней черты.
И спят и не ведают два великана,
Что спать им недолго осталось у стана,
Что дерзкие люди,
Нарушив покой,
Нещадно рвут землю
Железной рукой.
Вставайте, Кинг-Конги!
Проснитесь, пора!
Исчезнуть вам надо,
Уйти в никуда.
Лишь лёгкий мираж
В летнем мареве дня
Напомнит о вас
Нежной дымкою сна.

Не трудись, мой дружок, не трудись
Слишком много берёшь на себя.
Не суди, мой дружок, не суди,
Слишком мало вины у меня.

Дождик намочит, а ветер обсушит,
И горная астра нам нежно кивнёт.
Тропинка всё выше, тропинка всё круче,
Зовёт нас и манит с собой в горизонт.

Памяти моей провода
Мне говорят: – Нет.
А я говорю: – Да.
Я говорю: – Ты здесь.
Ты помнишь, как у костра,
молча ладонь мне подал?
И пошли мы гулять тогда
По весям и городам.
Ты замков не строил мне,
Ты просто сказал: – Жди.
А я не хотела ждать,
Я торопилась жить.
Семь сроков прошло с тех дней

Что мне отметил.
И с каждым годом ясней
Неотвратимость судьбы.
Вернулась к тому костру,
Он уж давно погас,
Золу разгребла и нашла,
Тот, помнишь — тигровый глаз
Ты мне подарил, Я смеялся,
Его уронила в костёр.
А памяти моей провода
Мне говорят: – Нет.
А я говорю: – Да!
Я чувствую, знаю — ты здесь.

Улетают птицы, унося тепло.
Я одна на острове — снегом занесло.
Замела, завьюжила снега круговерть
Не смогла ни капельки я тепла сберечь.
А седая выюга стелет мне постель
Белую, пуховую под большую ель.
Но я знаю точно: где-то там вдали,
За горами синими птицы те живы.
И они вернутся и весна придёт,
И промчатся выюги, и растает лёд.
И оттаёт сердце, что сейчас в груди
Льдом тяжёлым схвачено,
Как дворец из льдин.

Ах вы горы мои, горы синие,
То вы серые,
То сиреновой дымкой покрытые,
А когда же зима обелит всё вокруг,
Неприступною крепостью кажется
вдруг.
Но куда и откуда б ни шла,
Чёткий профиль ищу ваш всегда.
Вы нужны мне, мои горы синие,
То вы серые,
То вы алым закатом облитые.

Солнца сжигающий зной,
Он — мой.
Прохлада реки моей —
Моя.
И шелест травы — он мой.
И дождь за окном — свой.
И во всём, и везде — я.
Я — вездесущая!

В далёком-далёке,
Где только солнца луч,
Струится налегке
Хрустальный горный ключ.
Напиться б из ручья,
Да нет тропы туда.
Пойду искать тропу,
Иссякнет горный ключ.

Запах дымка от тополёвых веток,
В юность уводит мою.
Может, и вправду,
Живём много жизней,
Не успевая прожить и одну.

Спасибо
За встречи на горной тропе,
За яркие звёзды в ночной тишине,
За солнечный луч, что коснётся меня,
За тихий закат уходящего дня.

Следы давно минувших дней,
Долина здесь хранит упрямо.
Кто был владыкою степей?
Кто обратился в этот камень?
Чи победные крики неслись в небеса?
Чи предсмертные стоны глушила трава?
...Кровью алой горячей питалась земля
И кровавый закат отражался в глазах.
После битвы неистовой молча земля
принимала в себя молодые тела.
За камнем камень, за рядом ряд,
Тела и души — всё на парад.
... Тысячелетий пыль легла на камни,
но кровь всё также горяча,
Поймав вдруг пулю на излёте,
в глазах такая же тоска.

На минеральном источнике
(аржаане) Чымчак¹

И вид непрезентабельный,
В седле едва сажу,
Но упорно лошадку
К нужной точке веду.
Впереди
перевалы, болота,
Курумы, снега.
На источник сегодня
Попасть я должна.
Хоть устала до чёртиков,
И мне всё по фигу,
Но упрямой рукою
Я лошадку веду.
На привале —
Это не гамбургер и не хот-дог,
Простая лепёшка — вот это восторг!

Клара Монгушевна Рычкова (Биче-оол)
в маршруте по Восточному Саяну. 2021 г

¹чымчак (тув.) — мягкий.

ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ ЗАМАНА

Кандидат геолого-минералогических наук,
работает старшим научным сотрудником в
Институте природных ресурсов, экологии и
криологии СО РАН (ИПРЭК СО РАН), г. Чита.

Весна нам в окна постучит,
Ветрами пыль погонит,
В тайгу уедут тягачи,
Отняв тепло ладоней.
И мы простимся до поры,
Присядем на дорогу...
Лишь только песни да костры
Нам в трудный час помогут.

В погоне за призрачным счастьем
Хоть сколько бы лет ни прошло,
Нас память в минуты ненастья
Согреет домашним теплом.
И вспомним в далёкой разлуке
Ступеньки родного крыльца
И матери тёплые руки,
И голос нестрогий отца.
И в сердце тепло отзовётся
Щемящей тоской, холодком.
И детство невольно вернётся
Слезам в подушку, тайком.

И вспомним забытые звуки,
Улыбку родного лица
И матери тёплые руки,
И голос нестрогий отца.
И в душу тревожащих тайнах
Своих повзрослевших детей,
И в первых седирах случайных
Увидим другую метель...
И в холоде вечной разлуки
Останутся в нас до конца
И матери тёплые руки,
И голос нестрогий отца.

Костёр и звёзды над тайгою...
Я предпочту иным мирам
Лоскут тумана над рекою,
И писк под ухом комара,
Июньский дождь, кусты сирени,
Ночные трели соловья,
Часов рассветных полутени,
Мороз трескучий января,
Грозы весенней канонаду,
Июльскую жару в степи,

Лесов бодрящую прохладу,
Осенних красок пышный пир,
Клин журавлей в прозрачной сини,
Цветов разливы на лугах,
И первых заморозков иней,
И горы в девственных снегах,
Вкус земляники, запах хлеба,
В пшеничном золоте поля...
И всё, что посылает Небо,
И всё, что дарит нам Земля.

Под занавес века
На многие лета
Пусть помнятся вам
пожеланья-советы.
Пред пастью дракона
я вам пожелаю,
чтоб не было в жизни
ни дна и ни края,
Чтоб вы для науки
как карлы трудились,
Чтоб в ваших карманах
деньжата водились,
И были доступны
заморские страны,
Чтоб вы могли знать
лишь сердечные раны,
Чтоб вас не минули
ни взлёт, ни успехи,
Изведали вы
и любовь, и утехи,

Чтоб в меру служили вы
женским капризам,
Чтоб вы пребывали
и сверху, и снизу,
На ваших макушках
всегда волосилось,
И ваши детишки
чтоб писать просились,
Чтоб мысль занимая
высокой наукой,
друзей не губили
смертельною скукой,
И были в натуре
ни толстым, ни тонким,
И все, что положено,
прожили с толком!...
Так будьте здоровы,
Живите богато!
И пусть не лишает вас ...
секса простата!

01.01.2000

Солнца и снега,
В меру дождей,
Чувства и неги,
Верных друзей,
Путей без ухабов
И ясных дорог,
Хороших завлабов,
Зазноб-недотрог,
Приятной погоды,

Дебрей лесных,
Лета полгода
И вечной весны,
Веры в удачу,
Спокойного сна,
Счастья в придачу
Без меры и дна!
И всем чиприотам –
Работ и работы!

ЧИПРовские ЗАДИРАЛКИ

Не дадим пропасть народу —
Он один в Галактике!
Для спасенья генофонда
Открываем практикум!
Шеф в теории силён,
Мы сильнее практически!
Обеспечим (за «лимон»)
Взрыв ... демографический!

21.12.2000

К окошку садится
и вертит головкой
красивая птичка —
синичка московка.
Неужто и правда
из самой столицы
в Читу прилетела
на зиму синица?
Мы с папой поставим
для птицы кормушку,
положим ей масла
и хлеба горбушку,
накормим крупую
и булкой свежей,

дадим винограда
и яблоч нарежем.
Чтоб чистила клювик,
чтоб перья блестели,
легко чтоб порхала
и весело пела,
и чаще садилась
на наше окошко,
и к нам залетала
погреть свои ножки.
И даже на лето
забыла столицу.
Зачем в тесноте ей
в столице ютиться?!

Обгоняя их прогресс
В целях репродукции
Разработаем процесс
Способом индукции!

Все спешат на Алханай,
Тянет всех святыня!
Зри красоты, изучай...
Пока позы стынут!

Лишь за то, что был открыт
Криогенный брошантит,
Благодарен на века
Юргенсону Удокан!

Мы в мозолях на ладонях
От зари и до зари
В СВЧ-диапазоне
Изучаем пузыри!

В профсоюзы перейду
С планом грандиозным —
Сотворим для всех среду
Дисбактериозную!

06–08.01.2000

А. АФОНИНУ

Хвала и слава Алексею,
Он «опрокинул» всех светил —
Личинки омуля «посеял»,
В итоге щуку отловил!

Ещё не время подводить итоги,
Ещё невинно чист последний лист,
И бесконечной кажется дорога,
И всё ещё трубят недремлющий горнист.
Под шелест дней листает жизнь страницы,
Как в новых букварях, с ошибками и без,
врубая в них события и лица,
И прочерки пустых надежд — в укор судьбе...
И всё же стоило метаться годы,
чтоб хоть к исходу лет найти
простой ответ,
что жизнь дана, чтоб жить
в ладу с её природой,
и в этом весь её непознанный секрет.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ КАЛТАН

Закончил геолого-географический факультет Харьковского государственного университета в 1980 году. Работал геологом в Восточных Саянах на поисках, разведке и добыче рудного (Зун-Холбинское месторождение) и россыпного золота. В настоящее время — директор ООО «ГеоСервис». Проживает в г. Улан-Удэ.

ЧЕЛОВЕК ИЗ КРЕМНЯ

Выходи на битву, старый рок!

А. Блок

С Лёхой Смоляком, известным в Восточных Саянах специалистом-россыпником, мы вместе учились в Харьковском университете, правда, он закончил геофак на 3 года раньше.

Жили в общежитии и часто после занятий ходили играть в футбол 4 на 4, естественно без судьи. Нередко возникали спорные ситуации, и здесь Лёху переспорить было невозможно. Большого спорщика и упряма я не встречал. В общежитии у него была кличка «Молдаванин», хотя он был по национальности украинцем, родился в Винницкой области на Украине и родители его вскоре переехали в Молдавию поднимать там сахарную промышленность. Отец рано умер от болезни, которая впоследствии поразила и Лёшу. В их семье все трое детей заболели этой наследственной болезнью.

Обычно серьёзный и хмурый, он мог заразительно смеяться, услышав смешной анекдот или шутку. В их комнате в общежитии все четыре жителя имели свои клички — Барбос, Сундук, Дермантин и постоянно подшучивали друг над другом. Словом, обычные студенты...

В июне 1982 года мы встретились снова после университета в посёлке Монды — базе Окинской экспедиции. Смоляк, отработав несколько лет в Саянах, уезжал в Иркутск работать в научный институт, а я только приехал на работу — ещё молодой и зелёный. «Саша, главное — сделать дело, всё остальное — неважно» — эти слова я запомнил, они и были девизом по жизни для Смоляка.

В институте он занимался россыпями, наработал огромный материал для диссертации, но болезнь и перестройка не позволили ему защититься.

В конце лета 1990 года он снова приехал в Монды работать в Окинскую экспедицию. Покачиваясь (у него уже был прогрессирующий рассеянный склероз — болезнь, когда нарушается координация и речь), вышел из автобуса и направился в контору экспедиции. Он производил впечатление сильно выпившего человека, хотя был абсолютно трезв. Лёша приехал сделать своё дело и довёл его до конца, уже будучи инвалидом. Именно Смоляк первым разведал россыпь золота в Восточных Саянах и защитил отчёт с подсчётом запасов. Россыпь была небольшая, всего 48 кг, но ведь до него балансовых

запасов россыпного золота в районе не было! В каком-то исступлении, чуть ли не в трансе он снова и снова приезжал на участок с лотком, плохо передвигаясь как привидение, и промывал одну за другой выкладки из шурфов. Наверное, такими же яростными и беззаветными людьми были первые безвестные старатели Саян, геологи-первопроходцы или отцы-пилигримы и неистовый Аввакум. Упорство, упрямство и желание сделать дело в этом человеке вызывали уважение в одних и раздражение, и непонимание в других. Но Лёше было плевать на других, на чьи-то косые взгляды, усмешки, ухмылки. ЕМУ НАДО БЫЛО УСПЕТЬ РАЗВЕДАТЬ ЭТУ РОССЫПЬ И ЗАЩИТИТЬ ЗАПАСЫ! Россыпник до мозга костей, своё дело он сделал и покинул Саяны.

Лёша Смоляк (второй справа) с саянскими геологами, с. Монды

В августе 1995 года я увёз его к матери, в солнечную Молдавию. Он уже был тяжело больным человеком, инвалидом I группы. Собрался он часа за 2 — все пожитки поместились в небольшом рюкзаке. Лёша никогда не был скопидомом-накопителем и, как истинный геолог, наплевательски относился к вещам и быту.

Ехали мы долго, поездом до Харькова, затем до Одессы и уже оттуда — в его родные Бельцы в Молдавии. Лёша смотрел в окно поезда, разговаривал мало, попивал ликёр, который попросил меня купить на одной из станций. Конечно, он знал, что уже больше никогда не вернётся в эти края, что его болезнь неизлечима и заканчивается летальным исходом. Но свой долг перед самим собой он выполнил, а в схватке с судьбой вышел победителем. Пусть и на какое-то время.

Человек дела, он относился очень серьёзно к работе. Иногда, даже после обильного вечернего застолья, утром, строго в 8 часов, чисто выбритый и при галстуке он появлялся в камералке.

Летом 1984 года я работал с ним в Саянах. Жёсткий распорядок дня в

нашем маленьком отряде из 4-х человек, дисциплина, подъём в 7 утра, маршруты в течение 5 дней, шестой день — камеральный. Причём этот режим работы никогда не нарушался, и изменчивая погода в горах никак не влияла на раз и навсегда установленную маршрутную пятидневку. Мы опробовали практически все ручьи в верховьях Китоа и Онота. Вечером после маршрута Лёша читал целые лекции по геологии россыпей. Начитанность и эрудиция этого человека поражала. Он мог часами рассказывать о своих любимых россыпях, спорил и опровергал или, наоборот, соглашался с корифеями россыпной науки. Мы слушали, внимали, не смея прервать лектора или, не дай бог, перечить. Спорить с ним самим было естественно бесполезно.

Рыбалка, охота его не интересовали совершенно. Из спиртных напитков он предпочитал хорошее марочное вино, крымское или молдавское. К сожалению, в голодном Иркутске 80-х годов, эти напитки были в большом дефиците и когда я уезжал в отпуск на Украину, он просил привезти бутылочку муската или хорошего портвейна.

Я не знаю, жив ли сейчас Лёша Смоляк, человек-легенда. Связь с ним утеряна, последний раз мы пожали друг-другу руки, прощаясь в далёкой Молдавии 29 августа 1995 года. Маленький городишко, где возможно живёт до сих пор Лёша, окружён кукурузными и свёкольными полями, возле двухэтажек 50-ых годов — виноградники, жёлтые глинистые холмы — Кодры, белёсое небо. Всё это мало напоминало голубые Саяны, вернее абсолютно не напоминало. Очень добрая женщина — мать Лёши, угостила меня домашним виноградным вином, дала 2 лея на автобус до ж/д. вокзала и банку абрикосового варенья (у меня не было молдавской валюты). Я уехал на третьей полке в грязном плацкартном вагоне поезда «Черновцы—Одесса»; моё место по билету было занято, но добиться справедливости в таких поездах бесполезно. Я уехал, Лёша навсегда остался в Молдавии, а его дело жизни осталось в наших Саянах. *Держись, Лёша!*

ОБРЕЧЁННЫЙ ХОЗЯИН

Довелось мне общаться недавно с «новым русским», бизнесменом, менеджером, как сейчас модно называть людей кем-то и чем-то руководящих. Он долго рассказывал о преимуществах новых технологий этого самого менеджмента, говорил умно и красиво — заслушаешься. Ему, ещё молодому человеку 30 лет, юристу, волею случая достался во владение целый завод, и он теперь им руководил. На его новеньком крутом «джипе» мы въехали на заводскую территорию. Сразу за воротами разливалась огромная миргородская лужа, достойная пера Николая Васильевича Гоголя. Джип уверенно, но осторожно, проехал это препятствие. Я посмотрел в окно, везде валялись какие-то картонные коробки, обрывки бумаги и пластика, ржавый металлолом. Владелец завода продолжал вещать об успешном менеджменте и новых технологиях, о том, как много ему приходится трудиться, о «совковом» менталитете чиновников и больших перспективах его многопрофильного бизнеса...

Подъехали к конторе, машина остановилась, охранник-телохранитель быстро вышел из джипа и открыл дверь менеджеру. В приёмной — секретарша, мягкий диванчик, дипломы в шкафу на полочке — лидеру российского бизнеса. В кабинете молодого менеджера продолжили беседу, секретарша принесла чай. Внезапно хозяин заторопился: — Извини, у меня режим, в 12 я

должен быть в спортзале — недавно построил, пойдём, покажу. Сгоняю вес и стресс. Вес ему действительно можно было бы убавить, эдак килограмм на 10–12. Бизнесмен пошёл сгонять вес, а я вышел в конец мрачного коридора, где у окна была курилка. Из окна — унылый вид на захламлённый двор, кирпичные стены, грязь и тоска. Я подумал: «Парень, съездил бы ты в посёлок Никольское в Тункинскую долину, посмотрел бы на базу дорожно-строительного кооператива «Ока», зашёл бы на территорию, склады, заглянул бы в контору. Теплица, цветы, идеальный порядок и чистота, техника выстроена в ряд, ни окурка, ни соринки. Откушал бы в столовой, пообщался бы с председателем кооператива». Вот где «менеджмент», а, по-русски говоря, умение руководить, высочайший профессионализм. Вообще говоря, я бы этих новых, да и старых горе-менеджеров периодически возил бы в Никольское и на дорогу, которую строят мужики из кооператива «Ока». Толку, конечно, от этого будет мало, но может кто-то и захочет тоже работать. Если, конечно, сможет, если выдюжит.

Клим Терентьевич Халматов, председатель этого кооператива, смог и выдюжил.

Начинал он в Якутии, мыл золото на Алдане и Забайкалье, затем строил рудник в Саянах. Собственно, там, в Саянах мы и познакомились. Он — начальник горного района старательской артели «Саяны», должность весьма серьёзная для артелей. Сам за рулём «уазика», в кирзовых сапогах, рабочей одежде. Сухощавый, среднего роста, аскетичное лицо корейца, хотя был иркутским бурятом, умный, немного грустный взгляд. На дворе был 1987 год. Наш маленький геологический отряд занимался поисками россыпного золота; базировались мы на Самарте — небольшом старательском посёлке, где на наших глазах строился рудник. Клим целый день мотался по участкам, а их в его подчинении находилось несколько — дорожный, строительный, горный. Помогал он и нам — то тракторишко даст пробы перевезти, то дорогу прочистит, то продуктами, то соляжкой. Был он незлобив, прост, спокоен и обязателен. Если пообещал — сделает.

В геологии люди были тоже неплохие, но часто необязательные и начальники попадались грамотные и энергичные, но попивали. И конечно, таких мощных, толковых, авантюрных и обаятельных руководителей как в артели «Саяны» 80-х годов, я не встречал ни до, ни после.

Директор строящегося рудника Аниченко Анатолий Никифорович садил в кабину «Урала»-бензовоза женщин — поварих и кладовщиц, а сам ехал на бочке сверху сто километров. И это было в порядке вещей: женщин было мало, единицы, их ценили и уважали.

Клим Терентьевич Халматов

Предшественник Халматова на должности начальника горного района — Кучеренко Леонид Семёнович с неизменной кастрюлей квашеной капусты в «Уазике». Капусту он обожал и поедал горстями. В 17 лет узнав, что его отец немец (до войны на наших заводах работало много немцев), рванул в вагоне с железными окатышами из Кривого Рога в Германию. В Бресте пограничные собаки его учуяли, и он был посажен в каталажку — ему светил немаленький по тем временам (50-е годы) срок, но он притворился ненормальным, давай жевать носки в камере и его вскоре отпустили, мол, что с дурака возьмёшь.

Вид посёлка Самарты

В тюрьме он всё-таки отсидел, но много позднее, в 1980-е годы за, как бы сейчас сказали, экономические преступления; отсидев полтора года, вышел, приехал в артель на старую должность. Вскоре устроил путч, пытаясь свергнуть председателя — артельная демократия тогда это позволяла, но проиграл и уехал в Мордовию или Чувашию, где организовал свой кооператив, строил дороги.

— Где это Вы были, Леонид Семёнович, что-то Вас давненько не видно было — спросил его мой приятель однажды. Семёныч снял фетровую шляпу, погладил широкой ладонью боксёра лысый череп и ответил: — В тюрьме я был, хлопчики, в тюрьме.

Сейчас людей такого калибра нет и в помине на руднике, который строили Аниченко, Кучеренко и другие красавцы. Все какие-то жлобы, подлецы и прочая мелюзга.

Да что там рудник! Помню, приехал как-то после дефолта директор компании (как они любят себя называть) «БурятЗолото» — кепка, курточка, глазки бегают, но щёки надувает. Выступает перед работягами: — Кто читает газету «Коммерсантъ», там можно увидеть, что наши акции никто не покупает и не продаёт! Работяги, конечно, газету «Коммерсантъ» зачитывают до дыр. За утренним чаем. Прямо в штольне. На вопросы толком не ответит — не тот калибр у человека, маловат, да и слабоват. В колхозе тебе бригадиром работать, дядя, а ты месторождение золотое крупное гроишь, да ещё и людям не доплачиваешь прилично, обманываешь их. Об экономике рассуждаешь. Тошно смотреть и слушать. В Никольское тебе бы прорабом на дорогу, так и там не потянешь. А ведь не дал Климу работать, своему земляку и соплеменнику.

В 1992 году ввели наши чиновники лицензирование. Клим уже целый год

работал на Барун-Холбе — небольшом золоторудном месторождении в Саянах. Ну и отдайте лицензию человеку, который уже работает и умеет делать дело. Нет, отдали долбанной Компании, те просидели несколько лет, как собака на сене, ничего не делая; в конце концов, продали месторождение питерским богатеям. Те вбухали кучу денег, добыли за 6 лет 300 килограммов золота и благополучно свернули работы. А Клим бы работал до сих пор и добывал бы каждый год 300 килограммов, и разведку бы вёл. А так ни себе, ни людям!

Обиделся тогда сильно Клим Терентьевич на бурятских чиновников из Правительства, да что поделаешь: против лома, нет приёма...

Через пару лет хотел россыпь взять в Окинском районе, в Саянах. Место глухое, только на лошадях, ни покосов там нет, ни пастбищ у местных аборигенов. Так и тут говорят: — Ты нам клуб отремонтируй, а тогда посмотрим, давать тебе разрешение или нет. — Да я для вас уже сколько сделал: дома, дорогу, мосты — сейчас на «Волгах» катаетесь в Улан-Удэ, вашу Тмутаракань поднял, а вам жалко для меня одной бумажки!.

Выпили водки под говяжьи языки у главы района, хотя Клим обычно мало пьёт или совсем не пьёт. Едем обратно — первый раз видел его злым и пьяным, давай геологов-разгильдяев ругать, мол, пьяницы, работать не умеют. Сажу молча, не спорю.

Так и не добился разрешения. После этого золотом заниматься зарёкся. Дороги строил, дома, мосты, а всё равно тянуло в геологию, в горное дело. Горняк ведь!

Не знаю, кто его убедил заниматься кварцитами. Скорее всего, интересно ему стало, литературу почитал, с людьми сведущими пообщался. Два года думал, изучал, прикидывал, рассчитывал. Напоследок пошёл к шаманам, те ему: — Дело стоящее, начинай, берись, будет удача!

Быстро организовал участок, дорогу построил, технику загнал, разведал месторождение, и запасы на баланс поставил. За один год. Сейчас продавать собрался, а зря. «Старый, говорит, стал — болею, то инсульт, то инфаркт, сахар повышенный. Отдохнуть хочу, покоя!». Не отдохнёшь ты, Клим Терентьевич, да и нельзя тебе на покой. Не будет у тебя покоя, дорогой. ***Потому что обречён ты бурятскими и русскими богами дело делать и хозяином быть.*** А инфаркты, инсульты и сахар повышенный не считаются, если человек обречён свыше.

В Никольском, в его кабинете, долго стояла обычная, деревянная для посетителей скамейка, стол и стул. — Что это Вы, Клим Терентьевич, евроремонт не сделаете, мебель офисную и прочие прибабасы? — А зачем? Меня и эта обстановка устраивает, вот на этой скамейке и президент Бурятии сидел и другие высокие начальники — недовольства никто не высказал. Правда, лет через пять сделал евроремонт в конторе.

Заехал как-то к нему на базу с его давним коллегой по работе ещё в Якутии. Осень 2000-го, уже снег идёт, октябрь. Клим кое-как узнал коллегу, а узнав, чуть не прослезился. Коньячок армянский на стол, давай угощать, молодость вспоминать. Вышли на улицу перекурить, меня благодарит: «Удружил ты, что Генку привёз; поговорили, словно четверть века сбросил».

Сентиментальным стал на старости лет...

ПОСЛЕДНИЙ БИЧ ИМПЕРИИ

- Петрович, ставь меня завхозом партии! У меня опыт имеется — я работал экспедитором ресторана «Красная Кубань». Справлюсь.
- Но, Александр, учти, что оклад у завхоза 105 рублей, так что много не заработаешь....
- Да, тогда вариант отпадает...

*Из диалога бича Путы
и начальника партии Осокина*

В конце августа 1999 года я уволился с Холбинского рудника и решил проститься с местами, где прожил 17 лет. Пошёл отдохнуть на Урик, тем более что расчёта ещё не было. Вышел утром из Зун-Холбы, посёлка геологов и горняков, и через 4 часа был в районе стрелки — слияния двух речек: Зун- и Барун-Холбы. Там стоял домик, в котором обычно останавливались рыбаки и охотники по пути на Урик попить чайку и немножко отдохнуть. Подошёл к домику, открыл дверь — никого не было, лежал на нарах спальник в углу, печка ещё не остыла, на столе — сковородка с недоеденными маслятами. Я знал, что здесь последнее время обитал Александр Алексеевич Симонов, по прозвищу ПУТА. «Видимо ушёл за ягодой или грибами» — подумал я, вышел из дома, развёл костёр под таганком, повесил чайничек и закурил. Посмотрел ещё раз на дом и увидел прибитый на крыше красный флаг Советского Союза. Пута, совсем пропащий человек, бич по жизни, достал где-то красный стяг и вывесил его на своём очередном временном жилище.

Флаг красной империи отлично смотрелся на фоне безумно синего Саянского неба и уже пожелтевших лиственниц. «Последний бич империи» — подумал я и вспомнил, как впервые встретился с Путой в почти такой же погожий день начала сентября 1987 года...

Александр Алексеевич Симонов (Пута) (справа)

Мы начинали проходку шурфов в ключе Золотом и Пута пришёл ко мне устраиваться на работу шурфовщиком. Я показал ему профиль, по которому должны быть пройдены шурфы, объяснил вкратце технологию проходки и ушёл. Дело было утром. Вечером, около 5 часов, прибегает наш новый работник и с порога кричит: — Начальник, принимай работу, я твои шурфы уже выкопал!. Пошли на профиль. Там действительно были вырыты четыре больших ямы, каждая глубиной около полутора метров и лежали большие песчано-галечные кучи. Следы больших колёс трактора «Беларусь» отчётливо просматривались по всему профилю. — Ты как копал? — Договорился со знакомым старателем-трактористом и тот «петушком» мне вырыл 4 шурфа.

В этом был весь Пута! Предприимчивость уживалась в нём с беспашабашностью и разгильдяйством! Конечно, он прошёл эти шурфы с нарушениями всех методических требований и техники безопасности, зато быстро и эффективно! Пута умел работать и работать на совесть, когда работал, но эти периоды труда часто прерывались беспробудным пьянством и ничегонеделанием. Он много читал, читал обычно всё, что попадётся, как и большинство бичей в Саянах. Отец у него был отставным то ли генералом, то ли полковником, жил где-то в Рыбинске и Пута получал оттуда письма от матери со слёзными просьбами приехать-вернуться в отчий дом.

Блудный сын этим просьбам не внял и находил вольную жизнь бича в Саянах гораздо привлекательнее регламентированного существования в центрах цивилизации. Весь в наколках, на спине — «Витязь в тигровой шкуре», на пальце массивная золотая печатка, пропитая впоследствии. Он, вероятно, отсидел; говорили, что за ограбление банка, после прибил к изыскателям из Читы, работавшими в Саянах, а потом перекочевал в геологию, где и нашёл себя. Вскоре он нашёл и подругу жизни, известную в широких Саянских кругах под кличкой Дамка. Говорят, в молодости она была чуть ли не красавицей, окончила культпросветучилище, но потом спилась, опустилась и к сорока годам представляла из себя однозубую особу, сильно похожую на Бабу Ягу из сказок А. Роу. Вместе они прожили лет шесть, и Пута вспоминал эти годы с ностальгией. Вероятно, он любил Дамку и, вспоминая её, его взгляд становился туманным и немного печальным. На жизнь эта сладкая парочка зарабатывала собирательством ягод, корней, рыбалкой, не брезговали и мелким мошенничеством и воровством. Известный случай, когда Дамка уволокла из-под носа старательского завхоза из столовой говяжью ногу, погрузила (!) её на водовозку и увезла в посёлок геологов Зун-Холбу, где быстро обменяла ногу на спиртное. Дамка неоднократно была бита за подобные случаи и однажды её забили до смерти. К этому времени, правда, Пута был уже с ней в разводе и, узнав о её кончине, запил горькую. После этого он изменился, хотя это и было почти незаметно. Выдавал взгляд, в нём иногда появлялась тоска, он редко выходил в посёлки и обитал, в основном, в тайге. Не будучи ни хорошим рыбаком, ни охотником, он, тем не менее, умудрялся выживать в лесу, собирая ягоды, грибы, золотой корень, мумиё, каменное масло и меняя это всё на продукты у Володи Шевченко — завхоза горного участка рудника.

В посёлке он появлялся очень свежим и даже помолодевшим — аскетическая жизнь отшельника-таёжника, явно шла ему на пользу. Обменяв дары тайги на продукты и спирт, он начинал гулять, и через несколько дней его уже было трудно узнать: опухший, чёрный, с косматой бородой он кружился по посёлку в поисках одеколona и вскоре исчезал где-нибудь на Урике или

Китое. Проходило 2–3 месяца, он опять выходил на «Выхлоп» и всё повторялось сначала. В конце своей жизни он даже устроился на рудник работать. Это был, конечно, шаг назад, в неволю. Но вольная натура бича давала о себе знать в периодических загулах, которые ему начальством прощались. Во время одной из таких попок он и скончался...

Это произошло несколько лет назад и, вспоминая сегодня Путу — Александра Алексеевича Симонова, я вижу дом на слиянии, осенний пейзаж Саян и красный флаг Советского Союза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

«Sic transit gloria mundi»

В 1985 году в Восточных Саянах появились старатели. Это был филиал чингисской артели «Южная». Старатели строили дорогу из Монд в Самарту, где планировалось строительство Холбинского рудника. За несколько лет эти люди построили мосты, посёлок рудника, фабрику, начали добычу руды на Зун-Холбинском месторождении золота. Сейчас об этом мало кто помнит, но отработку крупнейшего золоторудного месторождения Бурятии начинала и, весьма успешно, проводила до 1993 года старательская артель «Саяны». Причём добыча золота неуклонно росла с каждым годом: с 20 кг в 1986 году до 700 кг в 1992 году.

Председателем артели был Анатолий Павлович Марковский. Бывший проходчик с незаконченным средним образованием, этот человек сумел организовать людей и производство на очень высоком уровне и вывести артель в число наиболее мощных в стране.

Надо сказать, что среди руководителей подразделений артели были очень яркие и амбициозные личности, во многом, по крайней мере, не уступавшие Марковскому. Борьба за кресло председателя артели в условиях артельской демократии принимала порой ожесточённый характер, но каждый раз Палыч оказывался, победителем в этих схватках.

Сегодня, когда старательской артели «Саяны» не существует, можно говорить и рассуждать, что было бы, если бы председателем стал другой человек. Возможно, артель процветала бы до сих пор. Но это всего лишь предположение, хотя и вполне правдоподобное.

У Марковского было две беды — пьянство и заносчивость; кроме того, как это часто бывает в критический момент, рядом оказались люди угодничающие и корыстные. В конце концов, Палыч остался один; когда артель покатила вниз, все его бывшие соратники его бросили и разбежались. Кстати, практически все они получили от Хозяина максимум благ: квартиры, коттеджи, машины, высокие зарплаты, должности.

Осенью 2000 года мы заехали в Утулик на ранчо Палыча. Нас встретил слуга — узбек, кое-как удерживающий свирепого кавказца (здоровенную овчарку). Хозяин спустился со второго этажа заметно опухший и злой. В огромном доме больше никого не было. Марковский остался совсем один, артель обанкротили и он распродал, а иногда и раздавал под честное слово, остатки техники и оборудования. *Sic transit Gloria mundi (с лат. — «Так проходит слава мирская»!*

В его лучшие времена 500 рабов-старателей не смели поднять глаза на грозного председателя. В гневе он был страшен и почти безумен. Я помню

случай, когда он бросил стол(!) в начальника горного участка Бадова за то, что тот не проконтролировал бурение скважин на строительстве дороги. Бадов в последний момент успел увернуться, но вспоминал этот эпизод долго.

На дорожном участке Марковский бросился с кулаками на бульдозериста-грузина и едва не убил его за недостаточное рвение в работе. Раз в месяц он объезжал участки работ, все знали об этом и готовились к приёму Хозяина загодя. В Самарте, рудничном посёлке, отстроенном старателями, кузнец Петья Карелин готовил на углях собачку — всё руководство артели, включая Марковского, со времён работы на Севере в Якутии пристрастились к собачьему мясу. Не дай бог, если собачка не была приготовлена!

— Где золото? — первый вопрос геологам и свирепый пронизывающий взгляд. — Смотрите, не будет золота, рассчитаюсь с вами КРАЗом пустой породы в конце сезона.

Золото, в конце концов, находили, добывали и план делали. Здесь надо отметить, что у Палыча хватало ума никогда не лезть в дела горняков и геологов, хотя посоветовать что-то, конечно, он мог. Но прислушиваться или нет к его словам, мы оставляли за собой. Он всегда заботился о быте старателей и на участках, в первую очередь, строились хорошие бани и столовые. Проходчики в штольнях работали по 8 часов (сколько сейчас работают?), получая при этом больше, чем работавшие на фабрике, дорогах или строительстве. ИТРовцев держал в минимально-необходимом количестве, но их зарплата была гораздо выше любого рабочего. Палыч понимал важность работы инженера, геолога, маркшейдера.

Кстати, артель была очень интернациональная и в ней трудились даже настоящие негры. Один такой чернокожий парень, наверное, дитя фестиваля 1957 года, родом с Кривого Рога, работал водителем. Забавно было слышать его украинскую речь.

Палыч приезжал всегда на участок при галстукe, в дорогом костюме, золотая печатка на пальце, запах французского одеколona (он был не прочь щегольнуть). Выступал он на собрании участка в гробовой тишине. Речь его длилась обычно минут 30–40, затем он отвечал на вопросы самых смелых старателей. С годами количество демагогии стало преобладать в его выступлениях («Палыч гнилит» — говорили ветераны), обещаниям его уже верили мало, слушали его всё более озлобленно, и, в конце концов, в апреле 1993 года перестали слушать вообще. Искусственно созданное на волне всеобщих суверенитетов «БурятЗолото» перекупило рудник по частям вместе с его работниками. Марковский остался ни с чем. Он занялся россыпями под Читой и Иркутском, но продержался там недолго, а строительство дорог прекратили финансировать. Можно было бы в 1993–1994 гг. взять россыпи и получше, но у Палыча в тот момент не оказалось хороших советников. Он часто запивал, чаще обычного, перестал платить людям, задерживал зарплату по году и более, сам просаживал немалые деньги в иркутских казино. Состав работников обновлялся каждый год: на место одних обманутых приезжали другие, в основном из стран СНГ. Последними появились узбеки, одного из которых мы и увидели на ранчо или фазенде, как называли его имение в Утулике. Палыч катился вниз вместе с артелью.

Летом 2000 года он появился в Улан-Удэ, в Комитете природных ресурсов и попытался взять лицензию на какую-нибудь россыпушку. Приехал на поношенной, выдавшей виды «Волге», старался быть молодцом, строил пла-

ны на возрождение артели. Но было видно, что кураж уже не тот. Вернее, его вообще не было — куража, а была его имитация. Чувствовалось, что Палыч выдохся и уже не способен на большие дела. Мне он показался похожим на спущенный мяч; даже в одежде он слабо напоминал прежнего Марковского — клетчатый пиджачок, тенниска, туфли моды 5-ти летней давности. Печатка, правда, осталась, но это наверное единственное, что связывало его со славными временами конца 1980-х–начала 1990-х годов. Тогда любое, самое фантастическое дело было ему по *плечу*.

В 1997 году я отдыхал на диком курорте Шумак. Туда нет дороги, только конная тропа, перевал под 2900 м над уровнем моря. Каково же было моё удивление, когда я увидел два отличных брусовых дома с большими окнами на берегу Шумака, чуть дальше, ниже по течению — ещё и баня! Всё это также было делом рук старателей «Саян». В 1990 году на вертолёте(!) забрасывали сюда семиметровый брус и другие стройматериалы. Здесь чувствовалась рука Марковского, ему понравилось на Шумаке, и он решил сделать небольшую базу отдыха для старателей. С годами в этих домах стали отдыхать не столько старатели, сколько начальство из Слюдянки и Иркутска. Но память об артели осталась и на этом диком курорте.

Проезжая по дороге Туран–Монды–Самарта–Зун-Холба, я всегда испытываю чувство гордости за нашу артель «Саяны». Сколько сделали эти мужики! Большинство из них сегодня оказались за границей — на Украине, в Белоруссии, Молдавии, Литве, Азербайджане. Думаю, они и сейчас с ностальгией вспоминают времена бешеных заработков и солёный пот тяжёлого труда в старательской артели «Саяны», где правил их Цезарь — Марковский.

ФАНАТ

(ПАМЯТИ А.И. ДЕКОВА)

ФАНАТ — термин, обозначающий человека, фанатично преданного кому-то или чему-то. Слово это стало весьма модным в последние годы, но, несомненно, может с полным основанием относиться к АЛЕКСАНДРУ ИВАНОВИЧУ ДЕКОВУ — первооткрывателю восточно-саянского золота. Он был фанатом-золотоискателем. Такое мнение сложилось у меня после встречи с ним. Конечно, и до него были неизвестные старатели XIX века намывавшие золотой песок на Дибии и Забите, Сархое и Монгол-Дабане, Билюте, Китое и Оноте. Но рудное золото впервые нашёл Деков. Кстати, опровергнув некоторых авторитетов геологической науки и, между прочим, Обручева.

На пожелтевших фотографиях начала 50-х годов — это бравый старшина-фронтовик в гимнастёрке, сдвинутая на затылок шапка-ушанка, телогреечка, перепоясанная армейским ремнём, в руках гармошка, улыбка до ушей. Первый парень на деревне!

Великая эпоха заканчивалась — и куда было податься солдатам-победителям как не в геологию — полувоенный орден романтиков-бродяг, суровых мужчин и женщин с обязательной папироской в зубах. Где ещё остался дух фронтового братства?! Возможно на великих сибирских стройках, но там ведь не было геологической вольницы. Ну не в Большом же Луге картошку копать, в самом деле, такому человеку!

В 1986 году Деков приехал в Саяны на старом «Запорожце». Уже была построена старателями дорога, отработана (разгильдяйски) Пионерка — мес-

торожение, с которого начиналось золото Восточных Саян. Возможно, защемило что-то в душе старого золотоискателя. Он привёз с собой нехитрый комплект горняцкого инструмента и лоток. Что он хотел ещё найти? Никто этого не знал. Жизнь и годы научили его не болтать лишнего.

Суховатый, среднего роста — 170–172 см, подтянутый по-военному, *он* ходил по Пионерке, Золотому ручью, Самартинке. Показывал и рассказывал.

Звёздный час Александра Ивановича наступил в декабре 1953 года, когда он нашёл два образца кварца с видимым золотом у подножия кара, названного впоследствии Пионерским. Главный геолог Рубцов долго подслеповато шурился, глядя на образцы и не мог поверить своим глазам. Да, это действительно было золото! Решили провести ревизию летом.

В июле 1954 г. с базы Ильчирской экспедиции они за *три дня* добрались до места находок кварца и без труда вышли на коренное обнажение жил, которые чётко выделялись на серо-зелёном гранитном склоне. Опробовали руду и через несколько дней получили результаты анализов. Килограммовые содержания золота! И пошло-поехало! Зун-Холбинское, Водораздельное, Зун-Оспинское, Коневинское — в течение 10 лет были открыты практически все золоторудные месторождения Восточного Саяна, принёсшие ему славу золоторудной провинции. Золоторудной провинции! А всё начиналось со старшего коллектора (была такая должность в старой геологии) А.И. Декова.

В геологических отчётах пишут «первооткрыватели Пионерского месторождения — Рубцов и Деков». Отчёты необходимо исправить — первооткрыватель один: ДЕКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ!

Пионерское — первое золоторудное месторождение в Восточных Саянах, открытое А.И. Дековым в 1953 г. (фото 2000-х годов)

После своего триумфа этому человеку судьба уготовила годы забвения и даже тюрьму. Возможно, кто-то донёс — в доме Декова нашли бороздовый мешок с образцами кварца с видимым золотом. Три года на зоне в Мамско-Чуйском районе. Конечно, он хранил эти образцы как коллекцию и ни в коем случае с целью продажи. Мне показалось, да я уверен, что у Александра Ивановича не было ни капли алчности, жадности или корыстолюбия. Он был, бесспорно, фанатично преданным золотоискательству и геологии вообще, а представить его барыгой просто невозможно.

Долгие годы он добивался премии за первооткрывательство: писал письма в Совмин. Косыгину и лично Подгорному. Я читал эти полуграмотные послания. Он, безусловно, хотел не столько материального вознаграждения, сколько, и главным образом, удовлетворения честолюбия Пионера Саянского золота. Его не наградили, не признали и забыли. Работает рудник на Самарте, построена фабрика (кстати, на месте старой 1950-х годов), доработана легендарная Пионерка. Годы проходят, а первооткрывателю не оказан даже скромненький знак внимания.

Ребята! Мужики! Назовите хотя бы единственную улицу в Самарте улицей Декова! Ведь всё начиналось с его звёздного декабря 53-го. Конечно, Пионерское месторождение окрыли бы когда-то и без Декова. Но это была бы совсем другая история...

В сентябре 1987 г. в Самарте мы с ним договорились идти искать Дёминский клад. Он назначил срок — март следующего года, просил обязательно достать лошадей, делился своими соображениями по поводу будущего маршрута. Мы проговорили целую ночь, а утром сфотографировались. Бравый, несмотря на свои 70 лет, дед с орденом Отечественной войны на пиджаке, смотрел в объектив ФЭДа. Грудь вперёд колесом, немного грустный, но твёрдый взгляд. Красивейшее в мире небо Саян, золото лиственниц. Последняя осень патриарха.

Через два месяца он умер. Я приехал из отпуска и не мог поверить в его смерть. Он производил впечатление ещё крепкого и бодрого старика. Возможно, он предчувствовал конец своих земных странствий и последнее из них совершил в горы, которые подарили ему радость открытия и где он провёл, наверное, свои лучшие годы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. Александр Иванович Деков был участником Великой Отечественной войны с июля 1941 года по 1945 год. Старший сержант, связист. Награждён двумя медалями «За Отвагу», Орденом «Красной звезды», медалью «За Победу над Германией», Орденом Отечественной войны 2 степени (1986). Освобождал Харьков и Берлин. Светлая ему память!...

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КОКИН

Доктор геолого-минералогических наук, профессор. Кандидат геолого-минералогических наук с 1984 г. Тема кандидатской диссертации «Геохимические особенности золотого оруденения Южно-Верхоянской провинции (Якутия)». Доктор геолого-минералогических наук по специальности геохимия с 1990 г. Тема докторской диссертации «Эволюция источников металлов эндогенных рудных месторождений». Основные научные интересы связаны с проблемами геологии, металлогении, минералогии, геохимии (минералов, руд, гипогенных и гипергенных ореолов, осадочных и изверженных пород, изотопной геохимии), термобарогеохимии золоторудных, серебряных месторождений, редких и цветных металлов.

30 лет работал в разных экспедициях (Чукотка, Магаданская область, Якутия). Занимался геологической съёмкой масштаба 1 : 200 000–1 : 50 000, поисками различного масштаба, тематическими работами по геохимии, металлогении, геохимическому картированию, минералогическому картированию. Для Юго-Восточной Якутии рассчитал региональные кларки и геофон осадочных, изверженных пород. Вводит понятие минеральных кларков. На этой основе автором построена геохимическая карта Южного Верхоянья и Сетте-Дабанского региона масштаба 1 : 500 000. Автор минералогической карты Южного Верхоянья масштаба 1 : 500 000. Занимается структурно-минералогическими и геохимическими исследованиями золоторудных месторождений, их флангов и перспективной оценкой на золото площадей.

С 1994 г. на кафедре экономики, финансов и природопользования СКАГС в г. Ростове-на-Дону занимается проблемами экологии и безопасности жизнедеятельности, природопользованием, проблемами ноосферы и устойчивого развития. В летний период времени постоянно выезжает на полевые работы, продолжая структурно-минералогические и геохимические исследования золоторудных месторождений.

Автор 17 книг. В 2017 году удостоен звания Лауреата премии им. А.В. Сидоренко «За лучшую популяризацию профессии геолога» за роман-эпопею «Геологи, или преданные забвению...», посвящённую освоению Восточной Сибири.

От составителя О.И. Кальной. С Александром Васильевичем Кокиным мне посчастливилось встретиться на Восьмой Международной научной конференции «Вулканизм, биосфера и экологические проблемы», которая состоялась в 2016 году в Туапсинском районе Краснодарского края. На дружеском ужине зашёл разговор о творчестве геологов помимо их профессии. И Александр Васильевич подарил мне свою книгу, вернее свой роман в трёх книгах «Геологи, или преданные забвению». Для меня это

был дорогой подарок! Книги эти я читала по дороге домой (в гостинице, в аэропорту, в самолёте, в поезде), пока добиралась из Туапсе до Кызыла. Рекомендую всем прочесть этот замечательный роман! Не пожалеете! Текст выложен в интернете.

На конференции. 2016 г.

Слева на право: канд. геогр. наук О.И. Кальная (ТувИКОПР СО РАН, Кызыл), докт. геол.-мин. наук А.В. Кокин (СКАГС, Ростов-на-Дону), докт. геол.-мин. наук И.Л. Жуланова (Северо-Восточный комплексный НИИ им. Н.А. Шило ДВО РАН, Магадан)

Говорят, что трудно всем,
А геологам совсем.
Бытие — не житие.
В них бродяжный дух витает.
А назавтра — кто там знает,
Где окажутся уже
С рюкзачком (не в Ле Бурже!) —
Где-то там под Магаданом
Или под забытым Бамом.
В общем, к Чёрту на рога,
Лишь бы шлёпала нога.

Коль вторую хрень возьмёт
Всё равно вперёд пойдёт.
А найдёт коли рудешку —
Олигарх ему в манишку
Сам копеечку зашьёт
И ... в тайгу опять пошлёт.
Не завидуйте, друзья.
Шерпы мы, а не князья.
Но зато нам День в году
Не забыли дать в аду...

Весна пришла.
А март не греет.
Не согревается душа.
Под сердцем, в мыслях,
что-то зреет, не дозревая ни шиша.
На певчих косятся дрозды,
Под стреху ночью забиваясь.
Весна ослабила бразды
и спит ещё, не просыпаясь.
Коты везде уже примолкли,
и не летают воробы.

В народе ходят уже толки,
что март оставит без любви.
Придётся чуни надевать,
не торопиться даже в гости.
На холод можно наплевать,
под одеяло бросив кости.
Под храп весна, глядишь, проснётся,
Но вновь наступит канитель...
Жизнь колесницей понесётся,
тогда и на хрен нам апрель!

Время и пространство растворились...
Вокруг меня природа отдыхает.
Такие откровения не снились —
здесь, кажется, Душа благоухает:
поёт скворец,
цветут сады и нивы,
пчела танцует,
радуясь цветку,
и нежится под солнцем

кот счастливый, и я вот стих
замысловатый тку.
Как просто всё
Природе так внимать
И замечать,
как жизнь течёт рекою.
И как сейчас
мне важно понимать,
что рядом, что вдали, и что я стою...

Я тебе поклонюсь, за тебя помолюсь,
Чтобы ты по планете ходила,
Чтобы ты бы жила. Чтобы ты бы была,
Не меня, так кого-то любила.
Снова вечер. Кому-то он нужен.
Хоть дождливый,
Хоть в изморось стылый.
Потому что кому-то он служит,
Для кого-то, наверно, любимый.
Я тебе поклонюсь, за тебя помолюсь,
Чтобы ты по планете ходила,
Чтобы ты бы жила. Чтобы ты бы была,
Не меня, так кого-то любила.

Я не знаю, ты есть
Или снишься.
Или кажется мне наяву,
что, однажды пройдя.
Удивишься,
Что окликну тебя, позову.
Я тебе поклонюсь,
За тебя помолюсь,
Чтобы ты по планете ходила,
Чтобы ты бы жила.
Чтобы ты бы была,
Не меня, так кого-то любила.

Жизнь надо проживать сейчас,
Не оставлять её на завтра.
И удивляться каждый раз,
как всё-таки она прекрасна.
И, несмотря на холода,
На раздирающие склоны,
Когда в сердцах ещё зима,
А в отношениях упрёки.
В сердцах посеём доброту,
Своей любовью день согреем,
Жизнь превратим не в суету,
А в то, что в ней найти сумеем.
От боли нам не застонать,
От горя нам не веселиться.
Другим мы будем отдавать
Всё то, чем сможем поделиться.

Вином и искрою огня,
Застольем скудным, но от сердца.
Судьбою прожитого дня,
Нам воскресившего младенца.
Мы часто спорим, говорим,
О том, что жизнь всегда прекрасна,
Но тлеем чаще, чем горим,
И проживаем день напрасно.
Жизнь надо проживать сейчас,
Не оставлять её на завтра.
И удивляться каждый раз,
как всё-таки она прекрасна.

КОЗЁЛ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

(басня)

Козла назначили министром просвещения.
И, приняв должность без смущения,
Стал править образованностью стада.

И в том была его отрада,
Что, будучи ещё козлёнком,
Мечтал над пастбищем орлёнком
С высот небесных созерцать:

Как скот будет траву щипать;
На водопой с гор спускаться;
Знать, как от хищников спастись;
Когда весна займётся летом,
А лето в осень перейдёт;
И как зимою незаметно
Морозом пастбища скуёт;
А на краю весны окот
Пополнит весь козлий род.

Тем самым Царь-Медведь заметит
Его козлиные труды.

Старания козла отметит,
Воздаст за тщанье и плоды.

Козёл немедля за неделю
Штат министерства расписал,
И список он уже к апрелю
Царю-Медведю отослал.

Медведь за голову схватился,
Собрал весь скотский персонал
и в челяди той усомнился,
но... всё же штат тот подписал.

Козёл всю челядь обязал
К стандартам новым перейти,
А прежние все приказал

В архивы сдать и заклеить.
Борзая челядь тех козлов
У иностранцев-борзописцев,
Когда-то наломавших дров,
Купила дюжину спесивцев.

Надменно те козлам сказали,
Чтоб с европейского процесса
Переписали и узнали,

Как уберечься от эксцессов
В образовании детей

И тех, кто дальше мог учиться.

Прошло с тех пор немало дней,
Козлы решили отличиться.

Они на древние скрижали
(какие сытость им давали)

всё чужеземное списали,
программы в стадо отослали.

Учителя козлов, козлят,
Баранов, всех парнокопытных
От всего новшества вопят,
От правил новых и постыдных.

Вместо того, чтобы учить
И знаний новых набираться,
Порядок новый стали чтить,
чтоб дураками оставаться.

Свои традиции, методы,
Что в неолите начинали
Образовательные всходы,
Какие множиться давали
Всеми животному союзу
В животном том большом краю —
Признали только за обузу
В образовательном раю.

Козлы, бараны и коровы,
Ослы и лошади исправно
Учить детей были готовы,
Всех школили они державно.

Вместо того, чтобы учить,
Ввели единый скот-экзамен,
В котором надо отличить
Ответ от кукиша к кармане.

В итоге кукиш получило
Всё скотское большое стадо:
В календаре не отличило,
Когда скоту телиться надо.

Коровы дохли, а бараны
В бескормицу косили сено,
В жару от мух гноились раны —
Конец животной был вселенной.

И Царь-Медведь издал указ
Вернуть всё то и как учили.
Козла-министра проучили,
а стаду дал он свой наказ:

Умён не тот, кто в новизне
Всегда полезное увидит,
Но тот дурак, какой извне
Всё в розовом желает видеть.

Мораль сей басни такова:
В министры не садить Козла.

Ты разумом своим
В материю проник,
Нет, голос одинок твой
Во Вселенной.
Насколько низок ты,
Настолько и велик
На Божьей милостью
Земле благословенной...
Что ждёт тебя
В безмерной пустоте,
Скиталец душ
И музы просвещения?
И на какой безвременной
Черте последние исчезнут
Поколенья?..

НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА КОНОНЕНКО

Родилась в 1952 г. Потомственный геолог. С 5-ти лет жила и училась в Туве. В 1976 г. окончила Красноярский институт цветных металлов по специальности «Поиски и разведка полезных ископаемых». Горный инженер-геолог. С 1976 по 1994 гг. работала в Тувинской геологоразведочной экспедиции, затем, до 2001 г. — в Тувинском институте комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Переехав в Красноярск, трудилась в Геологосъёмочной экспедиции (она же в дальнейшем Сибирское ПГО) до 2023 г. Ответственный исполнитель трёх объектов поисковых работ в Туве. Награждена медалью «Отличник разведки недр». В 2023–2024 гг. работала в ОАО Саянская ГРК. Сейчас на пенсии.

КАРАУЛ!

Крайний Юго-Запад Тувы. Удивительные по своей красоте и уникальности места. Буквально «через дорогу» — Монголия. С другой стороны — Горный Алтай. Острые пики скалистых хребтов как будто дышат скрытой угрозой: здесь водятся снежные барсы. Когда поднимаешься на высоту более 3000 м, кажется, что ты если не на Луне, то не на Земле точно. Тишина и покой царят в этом каменном царстве. Ни травиночки, ни пылиночки, только ветер и белые пятна ледников. Становится не по себе: вдруг из-за какого-нибудь поворота появится этакий грозный зелёный марсианин или, что гораздо хуже, самый настоящий барс! А вокруг, куда ни глянь — очертания неприступных скал, словно вырезанные аккуратной рукой из тёмной бумаги и приклеенные на удивительно красивый и чистый голубой фон. Ощущение нереальности картины такое, что если представить, что она написана художником, то непременно воскликнешь: «Не естественно, так не бывает!». Оказывается, бывает. И от сознания этого захватывает дух, и распирает гордость, и жалко тех, кто никогда не видел и не увидит этой красоты! А на границе с Алтаем, на хребте имени Чихачёва, который, в отличие от рядом стоящих пиков, полог и ровен — даром, что трёхтысячник, гоняют целые стаи белых куропаток и расхаживают крупные важные улары. Хребет сложен гранитами и на его поверхности как будто разбросаны в беспорядке каменные подушки и матрацы. Знаменитая подушечная отдельность. Восточный край этой ровной поверхности неожиданно резко обрывается, образуя скальную стенку, высотой метров двадцать, под которой приютились в тени три крохотных, совершенно «малахитового» цвета, ледниковых озерца. В одном из них, самом затенённом, все лето плавал лёд. А кроме льда, там ещё плавал наш студент из Эстонии Петер. Здоровый мужичок был. Но это всё лирика. А я о деле.

Мы работали тогда, на этой площади, в 1987 году от Тувинской ГРЭ, искали серебро. База партии стояла на отметке, если не ошибаюсь, 2300 м. Воздух слегка разрежен, прозрачен и чист. Понятно — гольцы. Но по долине ручья всё же рос небольшой лесок, состоящий, в основном, из лиственниц. Удивительно, но там водились грибы, и мы нет-нет, да баловались жарёной. Вся описанная выше красота находилась на площади наших поисков, и это никого не радовало: двадцать пять процентов её оказалась непроходимой. Я ещё не сказала, что в участок работ входила гора под названием Малая Монгун-Тайга с отметкой 3740 м. Так что, попотели мы там основательно. Тот случай, о котором пойдёт речь, произошёл как раз под её склонами.

Стоял август. Работы близились к завершению. В сентябре в этих местах делать уже практически нечего: на высокогорье рано наступает зима. Наш отряд, состоящий из трёх геологов: Саши К., моей подруги Лены И. и меня, расположился в ущелье под Малой Монгун-Тайгой. Кроме геологов в отряде были школьники (в качестве рабочих) и один студент, а также мой восьмилетний сын Димка. Дети геологов часто ездят на полевые работы с родителями. Ловятся сразу два зайца: и ребёнок пристроен, и общение с природой, а заодно чадо видит, за что родители деньги получают, и вообще, что это такое — работа. Это маленькие, а те, кто постарше, вообще устраиваются рабочими, таскают радиометр и пробы.

С прошлого года у подножья склона, на берегу малюсенького ручья, от горняков нам остались два засыпных домика. В них мы и жили. Мужики в одном, а Ленка, Димка и я — в другом. Наш дом был дырявый со всех сторон, и в дождь посредине помещения, мягко говоря, капало. Вышли из положения, устроив спальные места вдоль стенок, благо было где развернуться. По ночам шуршали мыши, трещала печка, но, находившись за день, все спали, как убитые. С утра уходили в маршруты — каждый в свою сторону, по намеченной схеме, попарно. Димка оставался в лагере один. Конечно, будь мы в тайге, и в голову не пришло бы оставить ребёнка одного в лагере на целый день. Но дело было на высокогорье, а это значит, что вокруг — совершенно лысые горы, а сверху — скалы. К тому же в нашем случае лагерь стоял в ущелье: с одной стороны крутой осыпной склон, с другой — уступ цокольной терраски и холмы. Не заблудишься. Местные жители все были наперечёт и мы с ними дружили. Бояться, выходит, тоже некого. Так казалось нам, взрослым. Всё шло своим чередом, мы работали, Димка хозяйничал один. И вот однажды маршруты «легли» так, что и Саша, и я уходили вглубь ущелья, далеко, а Лена должна была весь день топтать по склону и вершине нашего хребта над самым лагерем. Солнце клонилось к обеду, позади был уже не один километр маршрута, когда снизу, со стороны лагеря, они со студентом услышали Димкин крик: «Мама, папа, помогите!». У Ленки ноги подкосились. Прислушались. Опять. Теперь он уже кричал: «Караул! Помогите!». Сели. Закурили. Крики не прекращались. Ребята решили, что медлить нельзя, и Андрей (так звали студента) понёсся что есть духу вниз. Пока бежал — пытался понять, что же всё-таки случилось? Может, ногу топором разрубил, не дай бог! Димка был у нас «главным заготовителем дров» и с удовольствием рубил всё, что попадало под руку, чувствуя себя при этом настоящим мужиком. Я не возражала. Пока все в лагере, пусть себе помогает, но, когда уходили на работу, топор прятали. На всякий случай — бережёного Бог бережёт. Андрей бежал и боялся, что топор Димка нашёл. С перепугу и

под ноги-то не очень смотрел. Поскользнулся на осыпи, упал, штаны порвал, ногу поранил. «Да бог с ними, со штанами, и нога заживёт, лишь бы в лагере всё было нормально», — думал Андрюха, с замиранием сердца спускаясь к ручью. Вывернул из-за очередного камня и вдруг увидел на берегу Димку, который, размахивая руками, бежал вдоль берега и вопил. Андрея он ещё не видел. «Караул! Помогите!», — неслось по ущелью. От такой наглости у нашего студента просто дух захватило. Это надо же! Ленка там, на горе, с ума сходит; он, спускаясь, чуть не кувыркнулся вниз головой, а этот малолетний охламон, как ни в чём не бывало, бегаёт и орёт! И руками ещё, поросёнок, размахивает! Слава богу, конечно, что ничего не случилось, но на помощь-то звать зачем? Андрюха ещё не успел прийти в себя, когда тот его увидел и очень удивился: «Ты чего пришёл?». «А чего ты орёшь?», — смог, наконец, рассердиться он. «А там кто-то есть — Димка показал на избу — шуршит всё время. Я маму с папой позову, они подумают, что я не один, испугаются и убегут». «Кто подумает-то?», — не понял студент. «Ну, те, кто в дом залез. Теперь они тебя испугаются, пошли» — и он запрыгал от нетерпения: ну и «тормоз» этот Андрей. В доме было тепло и пусто. Для Димкиного успокоения заглянули даже под кровати — никого. Только по углам шуршали мышки-полёвки, устраивая себе на зиму гнездо. Их-то мой «храбрый портняжка» и принял за непрошенных гостей, шорох услышал — показалось кто-то ходит. И он решил действовать по-своему.

Успокоив друга, Андрей вернулся на рабочее место, и они с Леной весь остаток дня провели спокойно, топая по крутому осыпному склону. А далеко внизу, в ущелье, передвигаясь параллельно линии их маршрута, маячила маленькая фигурка. Это Димка бежал вдоль ручья, размахивал руками, показывая, что он их видит, и смеялся от радости — теперь он знал, что не один. Вечером, ещё до нашего прихода, он взял с Ленки обещание, что я об этом случае не узнаю. Думал почему-то, что ругать буду и с собой больше не возьму. Всё выяснилось позже, когда прошло время, и уже никто никого не боялся.

РЫБАЛКА

В 2005 году я работала в Геохимической партии Красноярского ПГО. Работа подвернулась неожиданно и я, собираясь второпях, забыла дома, вместе с другими важными вещами, удочку. А удочка была славная — пятиметровой длины, телескопическая, да с мормышками и мошками, которые мне Саша подготовил. Горевала я по ней всю дорогу. Когда приехали на место, оказалось, что река в километре от нас, и идти надо через отвалы, а там ещё по ма-ри немного, метров 200. Хуже всего, что медведи ходят табунами — один не пойдёшь. А рыбак у нас, как таковой, был тоже один — Боря. Правда, молодёжь всегда готова, хотя ловить не умеют. Я попыталась договориться с Борей насчёт удочки, чтобы сделал мне в обмен на мошку, которую, в свою очередь, сделаю я. Он что-то промямлил, а я оптимистично решила, что молчание — знак согласия и принялась за работу. Мошку эту меня, в своё время, выучил делать Архипыч, профессиональный рыбак с верховьев Енисея. Мошка была, помню, страшная, как атомная война, но ловилось на неё здорово. Хариус шёл буквально косяком, когда на другие наживки не клевало. Поверьте, сама ловила. Делалась она из красного петушиного пера и была довольно большой. Я пыхла над ней весь вечер. Получилась классная ры-

жая страхолюдина — один в один та, которую делали с Архипычем. Ребята испугано посмотрели на неё и просить сделать ещё почему-то не стали. Не понравилась им моя «красавица». Собрались на рыбалку: Боря, Андрей, трое молодых и я. Ну, т. е. все, кроме начальника отряда. Бодро прошагали, мило беседуя, через отвалы, преодолели марь и — вот она, речка. Вышли прямо на какую-то ямку очень удачно. Я говорю: «Ну, Боря, давай, делай мне быстрее удочку». А у Бори взгляд уже дикий, он не слышит ничего. Ребята полезли на другую сторону реки за тальником, т. к. все были тоже без удочек. «Куда лезете? Рыбу распугаете!» — шёпотом ругался Боря и уже забрасывал, забрасывал, забрасывал... Посмотрев на всё это безнадёжное дело мы с Андреем повернулись и поплелись домой. Всю дорогу я ругала Борю самыми противными словами: «Дед Щукарь в молодости, эгоист несчастный, да, настоящий современный мужчина» и т. д. и т. п. Наверное, от досады от меня даже пар шёл — так я кипела. В лагере сама соорудила себе удочку, правда слегка косяковатую и тяжеловатую, но зато она у меня теперь была. Время шло. Ещё пару раз ребята ходили на реку и приносили больших хариусов с чёрной спиной и крупной блестящей чешуёй. Ловил только Боря, остальные завидовали. И вот, наконец-то, всё получилось со временем, и я вместе с Борей и начальником отряда Сашей отправилась на Чингасан. Конечно же, я прикрепила к леске свою знаменитую мошку. Закидываю, проводочка — ничего. А речка узкая, метра 3–5, заросшая вся кустарником. К воде тихо не подойти, к ямкам не подобраться. Пока найдёшь место, где закинуть — семь потов сойдёт. А терпезу ну, просто нет. Азарт. Аж потряхивает. Да и закинуть как следует не удаётся: то уда коротка, то крючок цепляется за ветки. Хочешь провести поближе к берегу, где поглубже — обязательно цапанёшь ветку. Измучилась на нет. А он, зараза, не клюёт даже. У Бори уже три, Саша подошёл с одним, а у меня — ни поклёвочки. Сняла свою мошку — ну, не оценил местный хариус нашей тувинской наживки. Прицепила паута, как ребята. Никакого сдвига. Я и против течения, и по течению, и под бережок, и на перекатик — ничего. В одном тихом месте, без течения совсем, вижу — ходит, даже плеснулся. Я туда. Чуть в сапоги не набрала, подползаю буквально. Хватанул — съел наживку, гад. А у меня паутов больше нет, и вокруг, как назло, не летают. То отбиваться не успеваешь, то ни одного. Стала искать Борю, нашла, паута взяла. Забрасываю, никакой реакции. Вижу — ходит, а братъ — не берёт. Потом и вовсе пропал. Плонула, пошла дальше. Смотрю: бревно в воде и ямка под ним такая, как нужно. И подход с реки есть — выше по течению мелко, подобраться можно. Залезла по колено в воду, иду по отмели тихонечко. Закинула раз, другой, и — вот он, уцепился, тянет. А я в воде стою, вытаскивать не стала, решила подтянуть. Показался уже из воды. Хороший, маленький, плещется, и вдруг — легко. Всё, сорвался. Мучилась ещё час, паутов ловила — хоть бы поклёвка. Ушла расстроенная. У Бори штук шесть, Саша — совсем не рыбак, двоих вытащил, а я — шиш. Вот, думаю, и здесь меня Красноярский край не принимает. У нас с ним взаимная нелюбовь. Решила больше на рыбалку не ходить.

Прошло три недели. Мы уже отработали на новом лагере. Ура! Мы сделали это!!! Работы завершены. У нас впереди почти два дня отдыха, и мы всем отрядом, кроме Саши, который остался считать продукты, отправляемся на старый лагерь, т. е. на охотничью заимку с ночёвкой — в баню и на рыбалку. Вечером банька. А утром на следующий день, взяв удочки, топаем знакомой

дорогой к реке. Ощущения те же, что и во второй раз, но азарт свой я сумела обуздать, руки не трясутся, да и отношения уже у нас другие: уважают, помогают. И мормышки подаренные в кармане лежат, душу греют. Шарились мы по кустам весь день, аж до семи вечера. Дождь раза три принимался идти, и даже шёл как следует, но это казалось не существенным. Да и причём тут дождь, если в реке, у тебя под носом ходит хариус, блестящий, заманчивый. И ничего ему, привереде, не надо. Это август. Рыба отъевшаяся, капризная. Попрыгает, поиграет да и уйдёт в глубину. Ох, сколько мы исходили берега в этот день. И через реку лазили, чтобы под другой бережок закинуть, и упущенные сапоги в реке ловили. Не обедали даже. Не до того. Нашли сухарик в кармане — погрызли. Сапоги уж давно полны воды: то с кустов мокрых набежит, то в реке нечаянно зачерпнёшь. Но что тут долго рассказывать. Поймала-таки я пару вполне приличных рыбок на новые мормышки. По сравнению с главным рыбаком маловато, конечно, но для почина нормально. Вечером мокрые, но счастливые — домой. Уху я в этот раз ела с чувством полного удовлетворения, и, что интересно, она была гораздо вкусней прежней. Может быть, Красноярский край, у нас с тобой всё-таки что-нибудь получится?

МЕДВЕЖЬЯ ИСТОРИЯ

Хочу рассказать про одну «медвежью историю», которая произошла со мной в 2007 на Енисейском кряже, где я трудилась инженером-геологом в составе поисковой партии.

Участок был ну очень медвежий. Следы этих серьёзных хищников встречались, что называется, на каждом шагу. Специалисты говорили, будто бы именно в этих местах количество медведей на квадратный километр площади выражается самой внушительной цифрой на всём кряже. Половина сезона, тем не менее, прошла спокойно. «Хозяева» то ли избегали встречи, то ли нам просто везло. Некоторые из большого коллектива партии относились с иронией к этим, по их мнению, надуманным, страхам и посмеивались над осторожными. Наученная горьким опытом прошлого поля, я-то знала, что мишки, как правило, появляются неожиданно. И оказалась права. Первый «звоночек» прозвенел в августе. Ранним утром, когда большинство нашего партийного народа ещё нежилось в своих мешках, а самые ранние только встали и, захватив полотенца, выползли из своих палаток, их взорам предстал среднего размера медведь, стоящий на краю лагеря и с интересом обозревающий окрестности. На испуганные крики «ранних», выскочили полуодетые остальные, но увидеть гостя посчастливилось не всем. Видимо миша не рассчитывал на такую шумную и многочисленную встречу и предпочёл быстро и незаметно скрыться. Скрыться-то скрылся, а дорогу запомнил. Несколько раз потом, то видели его, то слышали в разных концах лагеря и у геофизиков, которые стояли метрах в стапятидесяти от нас, за рекой.

Между тем настали последние деньки пребывания в поле студентов, время сбора образцов, заполнения дневников, копирования карт и т.п. Все хотели привезти побольше материалов для будущих курсовых. А больше всех Лёха, студент из Томска и мой хороший приятель. Вот с ним-то мы и отправились вечером после работы на старую канаву за образцами. Не далеко, километрах в полутора от лагеря. На самом деле это была не канава, а

канавища, а точнее тракторная траншея, в силу своего солидного возраста заросшая по высоким двухметровым бортам кустарником, в некоторых местах настолько густым, что трудно было через него продираться. К тому же это произведение горнопроходческого искусства было довольно большой длины: ни много ни мало, шестьсот метров. Понятно, что идти по ней, прямо скажем, жутковато, тем более что уже наступал вечер, и в воздухе как-то незримо чувствовалось приближение сумерек. Стараясь не думать о грустном, добежали до дальнего конца канавы. Повезло — нужные породы нашлись сразу, надо было только отколоть образцы. Но рядом, на затёкшей глиной впадине виднелись наисвежайшие следы чётко отпечатавшихся небольших лап зверя. Видно совсем недавно косолапый был тут и скорей всего не один, а с мамой, что, мягко говоря, здорово осложнило бы обстановку в случае нашей с ними встречи. Ой-ой! Надо скорее убираться, пока не попали в историю! Но Лёшка расхрабрился, не торопиться, ещё и надо мной подсмеивается! А я-то хороша! Ни спичек, ни берёсты с собой! Сколько раз толковала студентам, чтобы без всего этого в тайгу не ходили, а тут, как нарочно, сама забыла! В общем, собрали мы с горем пополам все образцы, утолкали их в рюкзак и побежали обратно. Честно скажу, на сердце было неспокойно, несмотря на то, что Лёшка меня всю дорогу развлекал и смешил. Всё же до начала траншеи дошли без приключений. Уф! Кажется, пронесло! Теперь до лагеря рукой подать. Перешли речку, вышли на стрелку, где две дороги сходятся. Вон и палатки виднеются, костёр на кухне потрескивает. И надо бы домой, в тепло лагеря, так нет же! Вспомнили, что неподалёку отсюда есть обнажение, откуда образцы тоже бы не мешало отобрать. Решено! Сбегаем быстренько, с километр всего. Бросив рюкзаки на стрелке, с одним молотком потопали вдоль Безымянки. А дорога старая, заросшая. Между колеями кусты высокие. Видимость метров пять.

Идём себе, я песню мурлычу. Метров двести, наверное, прошли, и как будто кто-то толкнул меня. Поднимаю голову, а впереди, за первыми кустами, рядом совсем, стоит на задних лапах медведь и внимательно смотрит на нас. Видно только верхнюю часть туловища, остальную скрывает растительность. Стоит так, что смотрю я на него снизу вверх (может на пригорке?). Шерсть красивая, тёмная, и выражение морды, я бы сказала, осмысленное. Видно, что не ребёнок. И взгляд вопросительно-возмущённый. Дескать, чего надо и кто такие? Я остановилась как вкопанная, Лёха на меня налетел, даже спросил, кажется: «Что такое?». А я ответить не могу, только показываю головой: вон, туда смотри. Теперь онемели оба. Честно скажу, первое, что мне захотелось сделать — это повернуться и побежать. Даже движение уже изнутри было. Но тут откуда-то пришло воспоминание, что от медведей бегать нельзя (не даром сдаём, оказывается, технику безопасности), и осознание ответственности за студента, стоящего за спиной. И, ещё толком не придя в себя от неожиданной встречи, я закричала как можно громче и басовитее. Что-то типа «э-гей!»! Медведя крик мой явно не впечатлил и уж точно не испугал, скорее заинтересовал. То ли голос у меня был не слишком громкий, то ли уверенности в нём не было, а только миша опустил на четыре лапы с явным намерением приблизиться. Медлить было нельзя. Я топнула ногой и закричала ещё раз на это лесное чудовище, как на собаку: «А ну, пошёл отсюда!». От такой наглости хозяин тайги, видимо, растерялся и, недовольно фыркнув, мягко, одним прыжком перескочил дорогу и скрылся

в таёжных зарослях. Уф! Вот это да! Казалось, такое может произойти с кем угодно, только не со мной. Легко отделались! Переглянувшись, мы сказали хором: «Дальше не пойдём!», повернулись и поспешили в сторону лагеря. Очень хотелось побежать, но, помня наставления инструкции, пошли насколько могли спокойно. Пару раз оглянулась – никого, слава Богу! Успокоилась почти. Тут оглядывается Лёшка и кричит: «Беги!». И мы побежали! Я подумала, правда, что он шутит, меня пугает, тем не менее, побежала почему-то. Бегу и кричу ему: «Врёшь, наверное?». Он в ответ испуганно: «Беги, отвечаю!». Оглянуться не могу, для этого надо остановиться, а я не знаю, далеко ли преследователь, время боюсь потерять. Совсем не хочется попасть в звериные лапы. А конца дороги не видно. Шли вроде не долго, а бежим, кажется, уже целую вечность. Вот, наконец-то, стрелка впереди замаячила, где наши рюкзаки лежат. Близко уже, хоть бы добежать! Смотрим, навстречу нам, от лагеря идёт Юлька, студентка, тоже из Томска. Идёт, улыбается, нас встречает. Я ей кричу на бегу: «Иди отсюда, здесь медведь!» и рукой машу: уходи, мол. А то ещё и её спасать придётся. Остановилась, озадаченная. Тут студент мой оглядывается и падает, я торможу, пытаюсь поднять его на бегу. Встаёт, бежим дальше. Юлька тоже впереди нас чешет обратно. Сообразила, наконец! Пробегаем мимо собственных рюкзаков, Бог с ними, скорее поближе к лагерю. Ура, кухня видна уже! Навстречу спешит народ, поднятый Юлькой нам в помощь. Вот и Михалыч с ружьём топает. Можно остановиться. Добежали! Неужели живы-здоровы?! Оглядываемся — вот он, косолапый, трусит за нами по дороге, на людей ноль внимания. Поравнявшись с рюкзаками, обнюхивает их, мы кричим хором, пытаемся отпугнуть. Сообразив, что тут ему совсем не рады, он, недолго думая, хватается рюкзак зубами и тащит его за собой. Зачем? Там же одни образцы! Но каков наглец! Мы, конечно, закричали, ногами затопали. Оценив обстановку и поняв, что силы не равны, миша фыркнул от досады, прыгнул в кусты и «ушёл» в сторону лагеря геофизиков. Лёшка говорит: «Чего так медленно бежала?». Молодец! Хорошо ему в двадцать-то лет да в кроссовках против моих пятидесяти с лишним в сапогах! Долго у меня ещё колени тряслись! Обсасывали эту историю мы целую неделю. А медведь с тех пор повадился к геофизикам ходить. Сало на глазах у поварахи съел и много ещё чего напраказничал, за что, в конце концов, и поплатился жизнью, дурак. Так-то!

ПИСЬМО С ПОЛЯ

Привет с Кряжа!

Наконец-то я поздороваюсь с вами, милые мои, родные мои, золотые мои родители и любимый мой братик!

На самом деле здороваюсь я с вами каждый день с утра, вспоминаю днём по разным поводам и молюсь о вас на ночь. Но вы-то об этом не знаете!

Хочу рассказать о своём житье-бытье, чтобы Антошка с мамой всё представили, а папа всё увидел. Папуля! На это время я буду твоими глазами.

Лагерь наш находится примерно в 60 км от трассы Красноярск–Северо-Енисейск. По трассе до поворота мы преодолеваем 300 км асфальта, паромную переправу, на которой маемся обычно от одного до двух часов и 160 км ужасающе пыльной гравийки, тряской, как стиральная доска, с

участками выдавленных глин, в дождь мгновенно размокающих и превращающихся в грязевые бассейны. Проскочив этот, относительно приятный участок за день (если выехали в 7 утра, что вряд ли, и ни разу не поломались, что просто фантастика, и на пароме нам не подвернулись бензовозы, которые пропускают первыми — неслыханная удача), то у нас есть два пути: ехать в ночь дальше или ночевать на р. Ведуга рядом с заезжкой. Это дом, а в нём живут два алкоголика — муж и жена. Им, видимо, район платит какие-то деньги как сторожам, которые они тут же пропивают. В доме относительно чисто и тепло, но воняет противно табаком, перегаром и старым барахлом. Если остаёмся ночевать, то получаем «непередаваемые ощущения» от лексикона хозяев, говорящих на «истинно русском» языке, бесконечного их топтания в ночи и выяснения отношений. Поэтому чаще всего мы выбираем первый путь и ныряем в ночь на лесную, пробитую когда-то старателями дорогу. Ничего, к утру доберёмся! Первые 20 км по ней вполне сносные, терпеть можно. Ну, конечно, грязь, ямы, колеи, но по сравнению с последними шестнадцатью (особенно последними десятью) — просто асфальт! Эти последние делятся и делятся, кажется, они никогда не кончатся, и мы будем бесконечно лавировать, нырять по бампер в грязь, скрести мостами, скользить по мыльной глине, сваливаться в колеи, трястись, нырять, скользить и снова нырять. Трудяга «Урал» натужно гудит на пониженной, тянет-потянет и вывозит из очередной ямы.

Но хватит мрака! Перед нами долина Большого Пита. Широкая, спокойная река, по берегам травища по пояс и комары. Бр-р-р! За рекой заброшенный посёлок и, дальше, в 20 км база партии Секретарёва. Это направо, а нам, слава Богу, налево: не люблю броды! Итак, налево, в горку,

сваливаемся в ручей. Пару километров по каменистому руслу (главное не попасть в промоину) и выезжаем на просёлочную, глинистую колеистую дорогу. Теперь до р. Панимба 12 км, потом брод (мелкий, не страшный), и до старой старательской базы рукой подать – 4 км по отработкам. Потом направо в гору, ещё 8 км глинистой, местами болотистой (в общем противной), но уже нашей, дороги. Вот свороток на участок, где мы копаем, бурим, т.е. портим тайгу. Здесь на пригорке растут белые ... (тс-с, это секрет!), дальше, пониже, лагерь геофизиков, через речку место, где за нами в прошлом году медведь гнался, а в 150 м — наша поляна. Приехали!

Ой, подождите, в печку подброшу. Прохладно. С утра была прекрасная погода. Такая спокойная тёплая осень. На самом деле, на календаре 13 августа, Но тепло уже не то, не летнее. Какой ни какой, а север всё-таки. А после обеда всё затянуло серыми тучами, и пошёл мелкий противный дождь. Сразу стало зябко и сыро. Захотелось тепла. Пришлось затопить печку, которую из добрых побуждений навязал мне начальник. Он страшно любит тепло, топит ночью даже в июле и думает, что все мёрзнут. Я долго и безуспешно отказывалась, потом две недели боролась с этим монстром под названием буржуйка (дымила, как паровоз), потом мы с ней как-то притерпелись, притёрлись, нашли общий язык и сосуществуем вполне мирно. Вот только, по причине своих больших размеров, она много «кушает» и щедро отдаёт свой жар окружающему пространству. Отдав, довольно быстро остывает. Сейчас как раз такой момент. Вот, подбросила дровишек, можно жить дальше.

О чём я? Да, мы приехали в лагерь! Поляна расположена на отвалах старых россыпных отработок. Здесь когда-то был лагерь старателей.

Сохранилась в целости только одна изба (её выкупил и поддерживает местный охотник) и полуразобранный дом, в котором у нас стоит движок и дробилка. Туда же стаскиваем пробы и складываем до отправки в город. А в избе — продуктовый склад плюс общежитие. Там живёт вся наша молодёжь. И девушки-студентки и парни. Все на одних широких нарах. Современные нравы!

Поляна большая. С одной стороны — река, с другой — срез склона и крутяк. Всего 8 жилых палаток и одна камеральная. Все, кроме камеральной, расположены по периметру. Посредине — волейбольная площадка с сеткой. Иногда играем. При въезде на поляну — кухня-столовая под крышей-тентом. Моя палатка (4-х местка) в правом дальнем углу поляны, «носом» к речке, спиной ко всем. Поэтому создаётся впечатление закрытого двора. Выходишь из палатки — впереди ручей с кочковатыми берегами, поросшими сплошь хвощом и иван-чаем, и мелколесье: осинки, берёзки, рябинки, кусты какие-то (эх, Антошка бы определил). На другой стороне ручья отвалов нет — моховый склон, тайга. Туда всё время лает наш пёс Гром. Не нравятся ему, видимо, таёжные жители. Напротив двери, «во дворе» у меня столик и лавочка. Под столиком на запасных чурках я храню все умывальные принадлежности, чтобы далеко не лазить каждое утро и вечер. Около двери ещё лавочка. Для гостей. Кстати, отвлекусь. Зовут кофе пить. Грех отказываться. Кофейку, да в тайге — святое дело. Я сегодня дома, горняки плохо копают, работы нет. Камералю. Ну, пошла. Дождь разошёлся не на шутку. Пока бегала — вымокла. А я штаны постирала. Сохнут, горемычные. И канава опять обвалится. Снова с горняками ругаться, чтобы почистили. А они не хотят: рабский труд, видишь ли, по несколько раз одно и то же копать. Я их понимаю, да мне-то что делать? Вчера документировала — половину «полотна» не видно, смех сказать — банкой консервной воду вычерпывала. Сегодня должны были почистить, а тут дождь. Просто напасть какая-то! Вторую неделю почти каждый день. Вчера, правда, не было. Шли с участка — решили ударить по грибам, пока погода позволяет. Напала на поляну — целых одиннадцать белых нашла. Остальные — подосиновики. Ну, думаю, пока запал есть, надо ещё сбегать, может тогда и замариновать хватит. Вытащила начальника (он за бумагами сидел), без компании нельзя — зверьё ходит. Часа два продирались сквозь мелколесье. Результат на лицо: несколько баночек маринованных грибов, слой волнушек на посолку, куча подосиновиков на сушку. Результат и на лице — опухшая моська от мошки. Сегодня лечусь. О! Машина гудит. Наши с участка приехали. Да, о моей палатке. Окружают её с двух сторон кусты, что очень удобно. Хотя для нас и построено заведение типа «сортир», но в стороне — не набегашься, а ночью и вовсе не пойдёшь. Так что кустики рядом — это актуально. В палатке у меня уютно. Левый угол занимает печь в окружении дров, сушащихся сапог, грибов, одежды. Короче производственная часть. Дальше, с левой же стороны, в дальнем углу — деревянный стеллаж на две полки. Там книги, журналы документации, бумаги и т. п. Напротив, с правой стороны от двери — нары с постелью. Сверху одеяло, всё цивильно, а в ногах, т. е. при входе, «тумбочка» из ящика, накрытая вышитой салфеткой с туалетными принадлежностями и всякой хозяйственной всячиной. Напротив двери, у дальней стенки — стол с клеёнкой и полочкой под посуду, чай, кофе, конфеты. Да, да! Мне посылки присылают.

Стоп! Зовут на ужин. Семь часов. С поваром повезло. Приду — расскажу. Поела хорошо. Сегодня на десерт был арбуз — машина из Красноярска недавно пришла, продукты довели. А ещё борщ украинский (повар хохол) и вкуснейшая перловка. Никогда не думала, что перловку можно приготовить так здорово! Во время ужина расстроилась: опять не доделали канаву. Копают по 1,5 куба в день! Кому сказать — не поверят! Старых горняков уж нет. Набрали молодёжь, а им почему-то и без зарплаты хорошо. Полевых, видимо, хватает. Вот бригада киргизов копает нормально. Люди зарабатывать приехали. Остальные делают что хотят. Начальники не командуют. Полная анархия. Всё! Ухожу в монастырь!

На чём я остановилась? А, вспомнила! Пол в моей палатке из досок. Просто лежат. Качаются, правда, но всё равно и теплее и уютнее. А под этими досками живут маленькие мышки — полёвушки. Днём бегают крошки собирают, ночью бумажками всякими шуршат, коробки грызут. Да у меня там ничего нет, глупые! А ещё в палатке моей живут ящерицы. Маленькие такие, сантиметров десять в длину. То по крыше, то по стенам ползают, а одна сегодня на голову мне залезла, когда я лёжа читала. Обнаглели совсем, ничего не боятся. Вокруг жилищ снуют бурундуки, в разрушенной избе напротив живёт сенокосилка, очень хозяйственная. Скоро всю траву в округе «выкосит» и перетаскает в свой угол. Иногда сижу в палатке, слышу цокает кто-то, выйду — белочка в гости пришла. Сядет на ветку сосенки у палатки и стрекочет. Я поговорю с ней. Послушает, убежит. Орехи ей оставляла — не взяла, а может, не видела. Вот такое оно, зверьё моё.

Ладно, завтра рано вставать. Спокойной ночи, родные мои.

Следующий день. Пришла с участка. Кое-как докопали канаву, и я смогла её задокументировать. По дороге опять набрала мешочек грибов. Посчастливилось ещё пару белых найти. Посушу для вас. Когда их собираю, всегда думаю, что вот мама обрадуется. Я знаю, она любит белые. Только не всегда удаётся переслать. Сегодня всю ночь шёл дождь и с утра идёт с перерывами. Небо меняется каждые полчаса. Рваные тучки, тучи, тучищи. На минуту солнце — и опять дождь. И, главное, холодно. Руки мёрзнут. А ведь только середина августа, во, дела! Скорей всего на днях погода установится. Рано ещё совсем-то холодать. Сходила на свою плантацию, что напротив палатки за ручьём. Там на пятачке примерно пять на пять метров, произрастают волнушки и подосиновики. Волнушечки маленькие, хорошенькие. Собирала третьего дня, а сегодня опять выросли. И ходить никуда не надо.

Прошли сутки. Я дома. Документировать нечего, занимаюсь грибами. Курорт! Зато в сентябре будем гнать без передыху. Два дня камералки и наступает тоска. Здесь нельзя не работать — с ума сойдёшь. Правда, уговариваю себя, что я на отдыхе: воздух, солнце, вода, экстрим в виде непогоды, плохих дорог и медведей. Физ. нагрузка к тому же. За это люди деньги платят! Живи и радуйся!

Вот я и радуюсь. Пью чай шиповниковый, ем грецкие орехи и мёд. Во как устроилась! Так что обо мне не беспокойтесь, теперь вы знаете, как я живу. Два дня из моей жизни умножьте на шестьдесят — вот вам весь сезон. Пока, дорогие мои. Я вас очень люблю. Мы с Антоном вас очень любим. Вы не знаете, а мы-то знаем как, правда, Антошка?

Только вот мне вас так не хватает рядом! Иногда иду и мечтаю: вот сейчас приду, а в палатке мама с папой меня ждут, печку топят, блины пекут. Ну, это я так, к слову. «Ну а вообще, прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хорошо!»

Целую. Н.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Поездку на Эйлиг-Хем я, можно сказать, устроила себе сама. Мои коллеги кричали во весь голос, что делать там нечего, и никаких зон там нет, а только одни пустые кварцевые жилы. Но, неожиданно во вторичных ореолах прошлогодней «металлки» проявилась аномалия, да не абы какая, а вполне приличная: и длина, и интенсивность, и сопровождение другими элементами — всё хорошо! Наши пожали плечами, почесали затылки, да и объяснили всё это заражённостью отвалами от старых выработок. Месторождение-то раньше отрабатывалось как жильное. Мне, честно говоря, было жаль давать отрицательную оценку этой половине рудного узла, хотелось оставить возможность кому-то, если не себе, поработать там основательно. Начальство было со мной солидарно. Но, для начала нужно было хотя бы взглянуть на всё это своими глазами и, потом уж, составить об участке своё мнение. Хотя за короткий, в 5 дней, срок вряд ли можно что-то понять в таком сложном деле, как оценка перспектив рудного узла. Но начинать-то с чего-то надо! К тому же одна из аномалий оказалась не завершённой, решено было продлить опробование вторичных ореолов на восток, получить результаты, а потом уж решать, что делать с участком.

Нас было шестеро: молодой геолог Дима, трое студентов, я и водитель. Водителя звали Салават. Это был башкир с капризным характером, который ему прощался за прекрасное владение своей профессией.

Несмотря на то, что инициатива поездки была и моя тоже, дорога на Эйлиг-Хем пугала. Ещё в прошлом году, когда предполагалось наше первое посещение этого участка, при упоминании о дороге меня почему-то охватывал страх. В силу обстоятельств, я туда не попала (а может, не обстоятельств, а чего-то другого?), и вот теперь всё началось сначала. Я боялась этой дороги, более того, место под названием Эйлиг-Хем тоже вызывало у меня какие-то неясные опасения. Надумано это было или подсознание посылало мне сигнал, но поделать с этим я ничего не могла. Пытаясь проанализировать свои предчувствия, я стала думать, чего и почему боюсь? Ну, что дорога? Возможно всё дело в том, что она мне неизвестна. Ведь до прошлого года я не была ответственным исполнителем проекта, и мне не приходилось кого-то куда-то «возить». «Возили» меня. Мне оставалось лишь пережить саму дорогу: её неудобства и сложности.

А ответственность за правильное направление, безопасность людей и за принятие решений в сложных ситуациях лежала на тех, кто нас «вёз». Я была тут не при чём. Конечно, я уже второй год «вожу» отряд на запад Тувы, на Алдан-Маадырскую площадь, но там всё относительно просто: нет сложных

перевалов, болот, бродов, а, главное, не заблудишься. Справедливости ради, надо сказать, что и на Алдан-Маадыре в этом году пришлось натерпеться от дорог. Отрабатывали мы участок под названием Сарыташ и возили туда горняков (копальщиков канав) каждый день за 12 км. Третью пути по нашим полевым меркам была, можно сказать, отличная, вторая — с крутыми короткими спусками и подъёмами, промоинами, но всё же сносная, а вот последняя треть, казавшаяся на вид приятной лесной дорогой, в действительности таила в себе опасность для нашего старенького ГАЗ-66-го (его должны были списать лет 20 назад, а он, бедняга, всё таскал на себе людей и грузы по бездорожью).

Так вот, этот участок представлял собой затяжной подъём длиной всего-то 1,5 км. И хотя дорога шла по лиственничному тенистому лесу, а лес в тех местах, где господствует горная степь, вообще редкость, мотор грелся довольно быстро и, вдруг, посреди подъёма на самом крутом месте, переставал работать. Просто замолкал и всё, как человек, которому стало плохо, он упал в обморок — и ничего не помнит. Мотор тоже отключался, и только хорошая реакция и опыт Салавата, да ещё, пожалуй, надёжные тормоза спасали нас от неминуемого стремительного движения вниз со всеми вытекающими отсюда последствиями. Бывало, такое случалось по три раза за подъём. Машина зависала с приподнятым носом на склоне, держась только на ручном тормозе. Мы сидели в ней боясь шелохнуться, а Салават поливал мотор водой из канистры. Моменты были острые, что ни говори. Потом я начала разговаривать с мотором каждый день, и мы подружились. Я гладила его, жалела и говорила, что надеюсь на него, что он ещё полон сил и, я знаю, не подведёт. Как истинный мужчина, он воодушевлялся, кидался в бой, и, действительно, не подводил. С тех пор остановок на подъёме почти не было, ну разве что без меня.

Намучившись на этом участке, я боялась дороги на Эйлиг-Хем и поэтому тоже. Но, работа есть работа — и мы поехали. Всё вроде было надёжно. Схему расположения участка и возможных к нему подъездов мне рисовали три человека, на карте стрелками было проставлено направление, по которому надо двигаться. Самый трудный участок ожидался ближе к концу пути, о нём я боялась даже думать: какое-то скальное ущелье, какой-то крутой съезд к реке... Внутренний голос бурно протестовал, нашёптывая разные варианты отказа от поездки. Я отмахнулась. Всё! Поехали!

Сначала асфальт, потом грунтовку, всего 100 км, мы пролетели довольно быстро. Остановились всего один раз. На дороге маячил человек, а на обочине стоял КАМАЗ с длинным кузовом. Его как-то перекосило, может водитель заснул и съехал с дороги, может, так неудачно припарковался, но стоял он очень уж наклонно и, видимо, не мог из этого положения выбраться. Наш Салават выгнул грудь колесом (это я так злюсь) и, не поверите, решил попробовать вернуть огромную машину в исходное положение. Вот смех-то! «Мы» были в два раза меньше её. Тем не менее, прицепили трос, наш выдавший виды 66-й поднапрягся, колёса приподнялись, и он запрыгал на месте как привязанный к забору бычок. Раз, другой (глаза б мои не смотрели!) — КАМАЗ даже не шелохнулся — кто бы сомневался! Хорошо, что обошлось без потерь. Ну, разве что через сто метров заменили порвавшийся ремень. «Тебе давали шанс вернуться — сказал мне внутренний голос, и мы поехали дальше. В общем, благополучно миновав все

отмеченные вехи, лишь слегка «плутанув» в одном месте, мы подъехали к тому самому скальному ущелью. Вполне нормальная дорога, не крутая, без промоин. Я успокоилась. Проехали без осложнений. Затем долина с крутыми круглыми глинистыми бортами. Оставили позади две юрты с отарами кудрявых коз и овец и табуном лошадей и подъехали к лесосеке. Начался подъём на перевал, а надо сказать, что с середины пути нас сопровождал дождь. Дорога была скользкой и только обнажившаяся в её полотне щебёнка удерживала колёса от опасного скольжения. В одном месте зияла страшная промоина, а слева был объезд, который выглядел не намного лучше основной дороги. Мы рискнули и удачно. Длинных подъёмов и маленьких спусков было много. На каждом подъёме я думала: «Ну, наконец-то, перевал!», — но... дальше шёл спуск и снова вверх, крутой поворот и вверх, вверх, вверх. Машина гудит нутужно, кажется, вот сейчас не выдержит. Кожей чувствую, как трудно ей даются эти крутяки. И вот на самом вздёрнутом взгорке, она вдруг замирает. Зловещая тишина, только Салават лихорадочно рвёт рычаги, пытаюсь удержать машину. Потом он скажет, что не знает, как ему это удалось. Несколько долгих минут мотор в глубоком обмороке, мы в подвешенном состоянии, и вот, ура, он очнулся, спохватился, ожил, и мы выбрались-таки на этот противный перевал! Можно вздохнуть свободнее. Вот, оказывается оно, самое (а может и не самое?) сложное место! Разумный внутренний голос проворчал: «Я предупреждал. То ли ещё будет». Потом был крутой извилистый спуск под неутихающим дождём, промоина, объезд, движение по реке и, наконец, прошлогодний лагерь геофизиков — место нашего назначения. А дождь шёл не переставая. Поставили на косе машину с продуктами; палатки повыше, на отвалах. Быстренько сварили поесть. Что? Да в этих случаях всегда рожки с тушёнкой — быстро и сытно. Хорошо, что у нас с собой газ! А костёр для чая. Даже успели растянуть рацию, чтобы завтра сообщить о благополучном прибытии на место. Рация вселяет уверенность, всё-таки связь с внешним миром. Знаешь, что тебя услышат и помогут, если что. Следующий день выдался погожим, но мы, не смотря на сжатые сроки, решили посвятить его обустройству лагеря: палатки-то ставили под дождём, наспех. Построили навес под кухню, смастерили стол, установили газовую плиту, сбили под деревьями сушку для проб. Всё бы ничего, но утром оказалось, что рация не работает. Я включала, выключала, нажимала на тангенту (кнопку передатчика) — ничего. Перетянули антенну — вдруг в ней всё дело? Нет, всё по-прежнему! Обследовав прибор ещё раз, я поняла, что у него нет связи с антенной, возможно при транспортировке внутри оторвался какой-то проводок, такое уже случалось. Да... Пропасть между нами и «большой землёй» увеличивалась. Теперь к нашей основной задаче добавилась ещё одна: сделать всё быстро, иначе нас потеряют. Внутренний голос, конечно, не промолчал, предчувствия обретали реальность. Ночью опять шёл дождь, но следующий день порадовал. Тучи частично рассеялись, показалось голубое небо, и проснулась надежда, что дальше всё пойдёт, наконец, как надо. Ребята ушли на работу. Им нужно было пройти 3 км с отбором проб подпочвенного слоя через каждые 50 м. Плюс 4 км подхода и столько же отхода. Я занималась оформлением документации, камералкой, как говорят геологи. Пришли работники мои раньше, чем я рассчитывала — молодость, бегучесть! Мы поужинали борщом и салатом из овощей, купленных в городе (роскошь для геологов) и крепко

уснули в своих спальных мешках. Но не тут-то было! Через час начал греметь гром, небо свинцово нависло прямо над палатками, очертания окружающих гор, ещё недавно видневшихся на фоне угасающего неба, исчезли, и разразилась страшная гроза. Дождь не шёл, он проливался. Через час всё вроде начало стихать, и вдруг гром снова стал греметь всё ближе и ближе. Скоро вспышки молний и гром следовали уже одна за другим почти без перерыва. После второго пика грозовой напасти последовал третий. Такого я ещё не видела! Дождь, ни на минуту не переставая, лил всю ночь. Встала я рано. Картина, открывшаяся мне, была печальной: ребят подмыло, вымокли спальники, в разделку для печной трубы (печку мы не взяли — ехали всего на 5 дней) устремился дождевой поток и залил стоящие под ней сумки с вещами. Ночью никто не догадался их убрать. Вода в реке поднялась и грозила затопить кухню и кострище, расположенные на косе. Мутный поток вовсе не был похож на ту весёлую говорливую речушку, на берег которой мы прибыли совсем недавно. Тревога моя росла: если так пойдёт, мы не сможем выбраться отсюда, а задерживаться нам нельзя. Теперь стало понятно, что все мои опасения были не напрасны. Интуиция, или подсознание моё работали, видимо, как надо. А уж послушаться или нет — это был мой выбор и он уже сделан. Нужно переломить ситуацию, по крайней мере, попробовать. Как? Наверное, просто работать, внимательно следить за развитием событий и быть готовым встретить новые трудности, если они случатся. Новый день наступил. Всё, начиная от неба и кончая землёй, не говоря о нашей одежде, было пропитано водой. Конечно, в другой обстановке, в такой день никто не пошёл бы в маршрут: через 15 минут штаны хоть выжимай, вода стечёт в сапоги и на целый день обеспечены мокрые ноги. Но, боясь последствий задержки, решено было день не пропускать. К тому же, ветерок стал разгонять тучи. Ребята ушли. К обеду вновь начался дождь, который, скажу, забегая вперёд, продолжался до утра. Вечером сушили промокшую одежду у костра, а я ругала себя за то, что не взяли печку. Места в пассажирской будке машины, конечно, мало, зато как она пригодилась бы нам сейчас! Знал бы, где упал... Ночь прошла в тревоге: что дальше? Внутренний голос молчал, но в молчании этом чувствовалась обречённость — он просто устал со мной бороться. Утро принесло некоторое облегчение — хоть вода и не спала, зато день обещал быть солнечным. Почти ни одного облачка! Настроение улучшилось, и мы все отправились каждый по своим делам: я в маршрут в район месторождения, а ребята за пробами. Это были последние пробы и, получается, что основное своё задание мы выполнили. Оставался лишь мой маршрут, который планировался на завтра. Нужно было посетить геохимическую аномалию и попытаться уяснить себе её природу. Но ночью опять начался дождь и, как следствие, утро выдалось серое. Едва мы успели позавтракать, как заморосило. Перебор! Дальше ждать было нечего. Вода стремительно поднималась, грозя нам катастрофой. Собрав быстро вещи, затолкав мокрые палатки в машину и собрав совершенно мокрые, несколько не высохшие пробы, мы спешно двинулись в обратный путь. Я старалась не думать о том, что нас ждёт, а только повторяла про себя: «Мы доедем быстро и хорошо». Настрой и подсознание творят чудеса, говорят. Посмотрим. В самом начале пути небольшой отрезок дороги пролегал прямо по реке. Во время заезда мы его и не заметили: речка прозрачная, мелкая, следы колёс хорошо видны, поэтому смело можно ехать, ничего не опасаясь. Но теперь

мощный поток с рёвом нёсся по руслу, дорога терялась в нём и было непонятно, куда же поворачивать, чтобы не «врюхаться» в яму, и мы «врюхались». Машину наклонило вправо так, что вода начала просачиваться в дверцу. Бок будки упёрся в скальный выступ, мотор хоть и работал, что само по себе было чудом, но не мог вытянуть нас из провала. «Всё, кирдык!» — пробормотал Салават. В этот момент я подумала, что положение наше аховое. В случае если мы здесь застрянем, вытащить нас будет некому, лебёдкой зацепиться не за что. Вода поднимается и непременно подмоет грунт под колёсами, машину перевернёт, как щепку. А у меня в запасе молодой парень и три пацана... . И тут машина, как будто прочитав мои мысли и испугавшись, пошла. Она не просто пошла, она вытащила нас из безнадёжной дыры и повезла дальше, где и её и нас ждали другие трудности. То, что проезжая во врезке в скале, мы обнаружили вывалившиеся глыбы, засыпавшие дорогу, (следствие непогоды), и говорить не стоит. Это была всего лишь маленькая задержка в пути: вышли, откатали камни, расчистили всё и, довольные, поехали дальше. Этап второй — промоина. Честно говоря, я её не принимала в расчёт. Объезд пролегал по небольшой, но крутой горке. Под непрерывно поливающим её дождем, она превратилась из глинистой, в мыльную. Как ни старался Салават направить машину перпендикулярно склону, она накренилась и всё равно пошла «юзом». Когда техника живёт сама по себе, а ты тут вроде и ни при чём, возникает чувство беспомощности и растерянности. Это у нас, а каково водителю? Чудом не перевернувшись, боком съехали с горы. Опять «ура» Салавату, видимо, правильно крутившему руль. Уф! Позади нас осталась пропаханная полоса. А могли бы.... Но не будем о грустном! Как я и хотела, перевал, несмотря на непрекращающийся дождь, пролетели как-то незаметно. А дальше пошло все как по маслу, и часам к трём мы прибыли в Кызыл. Неужели Эйлиг-Хем позади?

После этого проекта, вмещающего кроме эйлигхемского, ещё два перспективных золоторудных узла Тувы, были и другие: поиски золота в пределах Эмийского золоторудного узла, снова Алдан-Маадыр... Но это, как говорят, «уже другие истории».

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУЗНЕЦОВ

Родился в 1952 году 12 ноября в станице Крыловской Краснодарского края. 1960–1970 гг. — школа. В 1971 г. поступил в Новочеркасский политехнический институт. 1972–1974 гг. — служба в рядах ВМФ. 1974–1979 гг. — продолжил учёбу в институте.

С 1979 года работал начальником отряда, начальником партии, начальником геологического отдела, главным геологом экспедиции «Запсибгеолсъёмка» (Кемеровская область, Новокузнецкий район, посёлок Елань). Имеются многочисленные награды экспедиционные, областные и министерские. В настоящее время пенсионер.

ВСТРЕЧА

Свою первую производственную практику я проходил в Горном Алтае (ныне Республика Алтай) в районе Тигирекского хребта. В мою задачу, как студента, входили первичная камеральная обработка собранных материалов и проведение шлиховых маршрутов. Не для геологов: — это промывка в лотке песчано-глинистого материала и русел рек и ручьёв для определения минерального состава аллювиальных отложений водотоков.

Однажды начальник шлихового отряда нашей Кумирской партии Николай Удовиченко назначил мне и ещё двум рабочим, вернее одному рабочему Виктору Иванову и технику-геологу Владимиру Торбокову, очень дальний и тяжёлый в физическом плане маршрут. А трое вот почему. Один промывает шлих, другой, обгоняя первого, моет очередной через 150 метров, третий, обгоняя уже двоих, моет третий шлих. Эта методика здорово выигрывала во времени, при условии присутствия третьего рабочего.

Маршрут начался рано утром с подхода — четыре с лишним километра по глухой тайге без троп и дорог. Место довольно глухое. Приступив к работе, мы довольно быстро продвигались от устья очень протяжённого безымянного ручья до его истока.

День заканчивался, ещё совсем немного и начнёт смеркаться. А в горах ночь наступает стремительно, практически без какого-то перехода. Солнце скрывается за вершиной горы, сразу наступают сумерки, и становится очень прохладно. Всё, надо возвращаться в палатку к тёплой уютно-гудящей печурке.

Я, в очередной раз обогнав напарников, вышел к цирку. Это подковообразный хребет, у подножья которого находилось большое каровое озеро с вы-

текающим из него нашим ручьём. Отобрал из него последний шлих и три бутылки воды для спектрального анализа сухого остатка. Наконец-то закончен этот, казалось бы, бесконечный маршрут.

С лёгким сердцем и в приподнятом настроении выхожу на небольшую полянку изумительной красоты, усыпанную огромными разноцветными альпийскими цветами в обрамлении вековых высокогорных приземистых кедров. Я был в юношеском восторге, просто без ума, от самобытной красоты Горного Алтая, от окружающей меня нереально-фантастической природы. Мог часами, затаив дыхание, любоваться уходящими за горизонт величественными хребтами, увенчанными белоснежными, пронизывающими небо, казалось до самых дальних звёзд, занозистыми пиками неприступных вершин.

Не переставая любоваться сказочной полянкой, дошёл до её середины и остановился. Мои товарищи ещё не подошли. Лямки рюкзака до боли врезались в плечи. За весь день практически отдыхали только один раз — во время скоротечного обеда. Груз был не очень-то и лёгкий. Шесть бутылок родниковой воды на анализы, личные вещи, лоток, лопата, одним словом довольно прилично. Решил здесь передохнуть и дожидаться всех.

Пока я любовался падающими вниз к самому озеру языками ледника цирка, окрашенных последними лучами заходящего солнца в нежнейшие розоватые тона, на полянку выкатился черновато-бурый шарик, через мгновение обернувшийся крохотным медвежонком. От неожиданной встречи с чем-то незнакомым, он бухнулся, как ребёнок, на землю и с любопытством уставился на меня. До моего сознания ещё не доходило, что как-то всё пошло не так. Немного погодя выкатился ещё один такой же клубочек, уселся рядом с первым и без проявления каких-либо эмоций притих. Сознание моё молчало, не реагировало никак. Совсем рядом с ними шевельнулись кусты, и вышел медвежонок, но гораздо крупнее первых — двухгодовалый пестун-нянька. Тоже замер, не желая самостоятельно предпринимать никаких действий, будто ожидая кого-то. Меня вдруг охватило какое-то оцепенение, уши как ватой заложило. Пропали все звуки — журчание ручья, щебет птиц, шелест крон кедров. Подумать только, на меня смотрят три медведя!

И вот появилась она, громадина-мама, у которой глаза, как мне тогда казалось, были на одном уровне с моими. Чудище первобытное, немыслимое зверище! Я оторопело смотрел на неё и отчётливо видел, как очень-очень медленно поднималась у неё шерсть на загривке. Нас разделяло метров десять. Совершенно не отдавая себе отчёт, чем мне всё это грозит, подумал, а что стоять истуканом, надо бы сфотографировать. Более безумной идеи трудно себе представить. На груди висел фотоаппарат «Смена» — наипростейшая прекрасная и безотказная машина. Я приподнял его и сфотографировал, забыв навести на резкость (потом дома распечатал фотографию: да, не резко, но прекрасно видно этого монстра). Мысли проносились стремительно. Я, напрочь забыв про все прослушанные инструкции, подумал «да чего же я жду, надо бежать!» И это была моя самая большая и непростительная ошибка.

Резко развернувшись, я ринулся назад к ручью, слыша за спиной стремительно приближающийся тяжёлый топот. Хочу сбросить рюкзак, чтобы было легче, не сбрасывается, не понимаю в чём дело, потом сообразил — поверх рюкзака ремешок фотоаппарата. Кое-как сняв, швырнул весь груз прямо на

глыбы остроугольного курума и, пока рюкзак летел, подумал: «боже мой, сейчас бутылки разобьются, и завтра снова придётся сюда вернуться и повторить водное опробование». Сознание на грани дикой паники. Это пересказывать долго, а на самом деле всё это длилось секунды.

В тот же миг я оступился и во весь рост рухнул в ручей. Медведица уже на берегу в нескольких метрах от меня. В это время подошёл Торбоков и, видя весь этот кошмар, дабы испугать зверя, начал бить лопатой о камни и испустил такой жуткий нечеловеческий вопль, что я его испугался не меньше. Медведица в ответ так рывкнула, ну душа в пятки. И плачевны были бы наши дела, если бы вдруг не заголосил медвежонок. Материнский инстинкт превыше всего. Медведица бросилась на защиту своего чада, решив, наверное, что там появился ещё какой-нибудь двуногий, а медвежонок либо на острый сук наступил, либо от испуга просто позвал маму, как делают все дети.

Как бы там ни было, но медвежонок подарил нам шанс. С лицами, белыми как мел, мы ринулись к одинокой скале, возвышающейся среди безбрежного «моря» курумника, как спасительный маяк. Надо отметить, что именно в этом районе происходит отделение разгонной ступени от ракет, запускаемых с Байконура. После отделения от ракеты они в воздухе разрываются пиропатронами на довольно большие сегменты. И в округе их разбросано немало. Охотники и пастухи иногда используют их как мостики через небольшие ручьи, а ещё я видел крышу небольшой охотничьей избышки из двух таких сегментов.

Воодушевлённые и уверовавшие, что гроза миновала, мы решили отомстить медведице за наше унижение бегством и напугать её уже по настоящему. С трудом приподняв этот тяжеленный сегмент, мы сбросили его вниз по довольно крутому склону. Может быть, подобный грохот в последний раз слышали эти гребни цирка, когда эта штуковина свалилась с небес им на «голову». Громоподобное эхо, многократно усиленное зеркалами вертикально-обрывистых скал, ещё долго гремело и перекатывалось, проникая и врываясь в самые затаённые уголки таёжных распадков и постепенно стихая, унеслось куда-то вдаль по ближайшим отрогам хребтов, заставляя пугливо вздрагивать их обитателей. Лучше бы мы этого не делали!

Медведицу с детьми испугать нельзя. Разъярённая от подобного грохота, прекрасно понимая, кто был его причиной, она, оставив своих медвежат, одним прыжком с невероятной лёгкостью перемахнула через ручей и ринулась вверх по куруму к нам. Мы, причитая от страха, лихорадочно стали карабкаться на вершину этой небольшой скалы, этого единственного островка надежды. И снова спасает медвежонок, может быть другой, своим протяжным плачем. Опять бросив нас, медведица вприпрыжку, припадая на бок, устремила к своему семейству. Медведи неважно бегают под гору, передние лапы у них короче задних, вот в спешке и получается кувырок.

В это время из-за поворота, устало бредя и ничего не подозревая, появляется наш третий товарищ. Отсчитав положенные свои 150 метров, он присаживается на корточки и начинает промывать в лотке шлих, радуясь, видимо, что последний.

Мы, сидя на скале, начали орать дурными от страха голосами до хрипоты: «Витя, медведь, Витя, медведь!». Он поднял голову, кивнул, долго смотрел на нас и продолжил промывать пробу. Мы опять уже не орём, визжим «Витя, медведь!». Он поднимает голову, снова кивает и опять продол-

жает своё дело. Полянка, где всё это происходило, возвышалась над ручьём где-то на метр, т. е. над Виктором был примерно метровый обрывчик.

Медведица, наконец-то собрав своё войско в боевой порядок, скорым шагом двинулась вниз по ручью. Виктор, услышав какой-то топот совсем рядом, можно сказать прямо над своей головой, медленно стал привставать и, увидев напротив своего лица множество когтистых лап, бросив лоток, лопату и рюкзак, стремглав понёсся к нам, чуть ли не паря над курумом. Мы, убедившись, что лохматое семейство скрылось из глаз, сразу осмелели и начали подтрунивать над ним, во всю дав волю своим эмоциям. Запыхавшись, тяжело дыша от беготни, переживаний и волнения, он нервно попросил у нас сигаретку.

А скажи, Витя, что же за странная у тебя реакция была на наши крики, ну прямо ты суперхрабрец, ну ты прямо герой! Кричим тебе: «Витя, медведь!», а ты только головой киваешь! Ответ нас просто обескуражил. Мы смеялись, нет, ржали до колик! «Вы кричите, Витя, медведь, а мне слышится, Витя, мы здесь, ну я киваю головой и только понять не мог, какая нелёгкая вас туда занесла, какого лешего вы туда забрякались, ну вот на эту самую скалу?».

Смеркалось очень быстро. Появилась первая звёздочка. Мы притихли, немного успокоились, нервный озноб стал потихоньку проходить. До лагеря — около восьми километров по глухой тайге без троп, есть правда одна чуть видимая, та, которую мы сами протоптали. Смех и шутки уступили место угрюмому молчанию. Глубокое ущелье. Слева крутой скалистый заросший склон, справа такой же. Дорога одна — вниз по ручью, куда полчаса назад ушла медведица с тремя медвежатами.

До лагеря добрались очень поздно, но благополучно. На всю жизнь врезался этот маршрут в мою память. Эта коррида, это наше возвращение, когда впотьмах, на ощупь, шли по так называемой тропе и охрипшими голосами орали, что есть мочи, все песни, какие помнили, потом по кругу снова и снова, давая знать косолапым — «цари природы» идут!

В дальнейшем кошмары с участием этой медведицы во всевозможных сюжетах, меня регулярно преследовали лет десять, если не больше. Сильнейшее нервное потрясение, у других не знаю...

А с косолапыми на Алтае, будучи ещё студентом, я встречался девять раз, но чтобы вот так экстремально — больше не приходилось.

В моей памяти всплыла ещё одна история, приключившаяся со мной в этом же году. Примерно через месяц наш отряд был перебазирован на левобережье красивой реки Кумир. Палатки разбили на огромной поляне, у которой даже имя собственное было на топокарте — «Огневая». А своё название она получила видимо оттого, что весной здесь цветёт безбрежное море огоньков — поразительно красивых цветов, которые здесь, на Алтае, я увидел впервые в жизни и был просто очарован волшебной их красотой. Очень меткое название, цветок просто горит, светится в руках, огонёк одним словом!

И это «приключение» я бы назвал:

ПАСЕКА

Где-то в середине июля, когда наши геологосъёмочные работы уже вошли в свой размеренный, выверенный годами ритм проведения полевых исследований, мимо нашего лагеря начал ежедневно проезжать молодой, лет двадцати,

долговязый парень на белом симпатичном коньке. В очередной раз, проезжая мимо, мы зазвали его на утренний чай и познакомились. Звали его Борис, Бор-ря, Борька, как он сам нам представился, предлагая своё имя на наше усмотрение. В армию его не забрали по какой-то уважительной причине и колхоз, где он работал, дабы помочь этой семье (отца не было), решил доверить Борису небольшую пасеку из 20 ульев, смотришь, и мёд будет и зарплата. А урожай мёда и сбор его, гарантировало великолепие и буйство самых разнообразных цветов всех мыслимых расцветок, которых было невероятно много вокруг. Цвело всё, даже замшелые древние скалы укутались ковром разноцветных лишайников.

Пасека находилась от нас километрах в пяти-шести вверх по Кумиру. Ульи были завезены ещё в начале мая и новый хозяин начал осваивать непростую работу пасечника и приводить своё хозяйство в порядок. Каждое утро приезжал он сюда на своём коне и под вечер возвращался обратно. А путь-то неблизкий. От нас до посёлка Усть-Кумир, как мне помнится, километров 18 будет, плюс до пасеки...

Забавно было смотреть, как он, в очередной раз, угостившись чаем, оседлывал свою лошадь. На это зрелище выходил глазеть охочий до шуток весь рабочий люд, находившийся в лагере. Ездил Борька без седла. Подходил он сзади к своему белогривому другу и почти без разбега вскакивал на него, ну прямо как на «коня» в спортзале, что у всех вызывало неопишуемый восторг.

Его визиты продолжались недели две, мы привыкли к нему, радушно привечали и он, будучи человеком очень общительным, быстро со всеми перезнакомился.

Однажды, что было необычно, мы увидели его, возвращающегося с пасеки не вечером как всегда, а в обед. Выглядел он подавленно и растеряно.

Медведь улей разорил, переломал всё, пчёл потоптал, уничтожил семью, а мёд, сколько мог, сожрал. Еду в деревню за ответственным представителем колхозного правления, чтобы всё это документально оформить, составить «Акт о списании». Дело-то серьёзное: ульи — колхозная собственность, и стоит каждый не так уж и мало. На следующий день, проезжая с Борькой мимо нас, Ответственное Лицо молвило «... хана пасеке, если не убить косолапого, всю сожрёт».

Это Лицо как в воду глядело. Через неделю медведь разбил ещё семь ульев, каждую ночь — по одному. Мы все, искренне жалея Борьку, говорили — да возьми ты ружьё, хотя бы из форточки пальни в небо, глядишь и испугается. Отвечал он всегда угрюмо и однозначно, что ружья у него нет, да и боится он, потому и не ночует никогда, наслушавшись от стариков всяких баек про медведей, а пригласить на это дело некого, у всех свои заботы — сенокос, огород, да и всё такое, некого одним словом.

Ещё через несколько дней у Борьки осталась половина пасеки. Представитель власти, это Лицо, устав фиксировать потери ульев, взмолился:

«...мужики, у вас же оружие есть, убейте этого гада, он же Борьку по миру пустит». Да мы и так понимали, что зарплата нашего друга с каждым днём становится всё более и более иллюзорной.

Ну, а мы-то студенты разве кого-нибудь боялись, тем более какого-то там косолапого, мы, властелины природы! Ладно, говорим, мы согласны, если начальство разрешит, но ты Борька будешь с нами, что привело его в неопишемое уныние. Ну а мы своё гнём — как же это мы будем шариться в чужой

избе-то без хозяина? Да нет у меня бражки, взмолился Борька, чем уже в свою очередь и нас огорчил. Ну да ладно, раз обещали, пойдём отпрашиваться.

Начальство — геолог, начальник отряда Владимир Миронов, удивительно легко согласился на нашу просьбу, будто мы отпрашивались не на всю ночь да с оружием, да не против какого-то там медведя, а так, на часик-полтора грибков пособирать недалеко. Ну, мы-то охотники хоть куда, рады-радёшеньки от предвкушения чего-то захватывающего, волнующего и неординарного, совершенно не отдавая себе отчёт в том, во что мы ввязываемся. Обычная и предсказуемая реакция вполне нормальных балбесов. В итоге Володе Торбокову, технику-геологу, достался общественный карабин, т.к. он один раз из него стрелял, ну а мне, студенту, — одностволка — священная частная собственность моего начальника шлихового отряда Николая Удовиченко.

И вот вышла эта великолепная тройка почему-то поздно, часов в шесть вечера, забыв, что ночь в горах не наступает, она стремительно падает, обволакивая сумраком всё вокруг. Да, вспомнилась причина — в одном из отрядов нашей партии добыли старого-престарого лося, и на вертолёте (были же времена, легендарный пилот Селиверстов, вертолёт МИ-4) развезли мясо по всем отрядам. У нас его поставили варить ещё днём, но и спустя часа три оно было таким же сырым, волокна, как проволока, были непрokusываемые. Так и не дождавшись, когда оно сварится, взяли несколько кусков полусырого и двинулись в путь.

Вот с этого-то момента всё и началось.

Войдя, по едва угадывающейся тропинке в лес гуськом друг за другом, сразу очутились во власти густых сумерек и незнакомых, уже ночных звуков. Всёобволакивающая тишина просто оглушала. Геологи как никто другие знают, что это совсем иной мир, нежели ласковый приветливый день, это мир враждебный и мы здесь уже не хозяева, мы — незваные гости, которые вторглись на чужую территорию, куда нас никто не звал и не приглашал. Разговоры как-то сами по себе стихли, и всё внимание было сосредоточено на спине впереди идущего товарища, чтобы либо догнать, либо притормозить и не уткнуться ему лбом в спину, если впереди у него встретится какое-то препятствие.

Первым, как местный житель и знаток тропы, шёл Борька. Я шёл последним. Высыпали звёзды. Тишина прямо-таки давила. И кажется мне, уже давно кажется, не решался как-то сразу сказать, озвучить, что выше по склону, от нас по правую руку кто-то тихо-тихо идёт в ту же сторону, явно к нам прислушиваясь. В конце-концов, я об этом тихонько передал по цепочке. Все сразу восприняли это очень серьёзно, без шуток и сарказма, обстановка к этому не располагала. Что делать, как убедиться, что это не наваждение от страха? Тогда решили всем вдруг резко одновременно остановиться и прислушаться, что мы через некоторое время и сделали. И все отчётливо услышали, как этот кто-то, сделав ещё два шага по инерции, тоже остановился. Мурашки по спине посрывали с наших плеч оружие, вложили его в руки и мы ускоренным шагом, почти бегом, двинулись к пасеке, прислушиваясь и опасливо вглядываясь в густые заросли крутого склона горы. Кто это был мы так и не узнали. Но этот кто-то точно был.

«Всё, пришли» — с нескрываемым облегчением сказал Борька, указывая рукой на смутно темнеющий невдалеке сруб избушки. Большая поляна. Пасека. Мы повеселевшие, позволившие себе даже какие-то шутки, толкаясь, вошли во двор и направились к крыльцу. Вдруг что-то огромное, чёрное и стремительное метнулось с середины поляны и, перемахнув полтораметровую изгородь из наложенных друг на друга осиновых жердей, сбив лапами самую верхнюю, ринулось вглубь леса, треща сучьями. И как-то быстро стало тихо, будто притаившийся зверюга знал, что уж ночью-то мы его преследовать точно не станем. Когда спало минутное оцепенение, подумалось: ну на этот-то раз разбойничьи свои задумки он осуществить не успел? Мы же помешали! Зажгли спички — вокруг разбросанные и переломанные доски очередного улья...

Не мешкая, быстро зашли в избу и заперли дверь на все возможные крючки и засовы. «Это вы зря, — резюмировал Борька. Мы его так испугали, драпал, аж пятки сверкали, больше точно не придёт». Но это как-то не успокаивало. Вот моя койка, продолжал он, вон ещё одна, ну а одному придётся спать на полу, да вы не расстраивайтесь, у меня одеяло найдётся. Да куда уж тут, какой там сон. Все крайне возбуждены, шутка-ли, только что медведь от нас сбежал, да и не медведь — медведище! Но ведь где-то же залёг зверюга, рядом залёг.

И меня вдруг осенило: «Ты, Борька, оставайся в избушке, запишись только, а мы пойдём на чердак омшаника, вдруг он осмелится прийти, вот тут-то мы его и встретим». Омшаник — это сруб без окон, довольно тёплый, зимой здесь хранят улья. Борька, я подозреваю, пацифист в душе и немножко не очень смелый, ну запричитал прямо: «...один на один мне с медведем, да вы чё, это серьёзно что ли, как это, а если он вдруг да в окно, а я, у меня одна ко-черга в доме, не ходите...» ну и далее в том же духе. Нас он не убедил. Вышли во двор, нашли на ощупь длинную лестницу, которая доставала до открытого чердака омшаника и быстрее чем в избу вскарабкались на чердак. Красота, сено кругом, тепло, но шуршание слышно за версту. Обзор с чердака отличный. Видна изгородь, которую подпортил медведь, видны слева ручей и опушка леса за ним. Но вот беда, ни одного улика не видно. Как же охранять-то их будем? А потом сразу успокоила мысль, что мы ведь не охранять их пришли, а по душу чумы лохматой. Слух обострён до предела. Кажется, что слышу топанье муравьёв на земле, это с чердака-то! Поворочались ещё, громко шурша и устраиваясь поудобней.

Всё, уgomонились, лежим не шевелясь. Договорились сразу о двух важных вещах. Во-первых: не курить; во-вторых: стреляет первым Володя из карабина, следом я и не наоборот, т. к. моя пуля из одностволки лишь ранит его, и он убежит подранком. А сколько бед он может натворить после этого, да и в маршруты больше не походишь — опасно, а охотников в округе нет, чтобы успокоить зверя. Всё, договорились, карабин стреляет первый. Владимир, ещё совсем недолго сонно поморгав, заснул.

Вспомнилось, что перед тем, как уговорить нас на эту охоту, Борька принёс ведро медовых сот (хитрец), которые медведь не успел сожрать из очередного разрушенного улья. Так случилось, что именно в это время у меня очень болел зуб, видимо из-за лёгкой простуды. Анальгин — до шести таблеток сразу, уже не помогал. Ну да нет же такой силы, которая удержала бы от такого искушения, от такого лакомства — мёд в сотах! Ел быстро-быстро,

чувствуя, что сейчас, вот-вот настигнет «это», надо успеть. И «это» пришло, настигло. Дикая зубная боль пронзила насквозь. Всё, наелся, а взгляд всё ещё не отпускал ведро с медовыми сотами, которых было так много. Боль осталась и здесь на чердаке, хоть и не такая острая, но вполне достаточная, чтобы не дать уснуть.

Над слегка поваленной медведем изгородью, росла, наверное, столетняя огромная раскидистая ель. И вдруг, на самой её вершине, казалось прямо между звёзд, резко загорелся шар размером с футбольный мяч. Сиял он ровным матово-белым светом, но не так, как лампочка, не слепил, а как луна — и видно, и не очень ярко. Вот это чудеса, думаю, шаровая молния что ли? Откуда? Грозы нет, небо в звёздах. Мелькнула мысль разбудить товарища, но он же начнёт шуршать, демаскируя нас и, всё-таки, закурит, а курильщик он был заядлый. Прости, дружок, но будить не стану. Пока меня мучили эти сомнения, шар начал медленно гаснуть и уменьшаться в размерах. Ещё несколько мгновений и он совсем погас. Что это было? Не знаю.

А всё это время, оказывается, медведь был рядом и не думал уходить, чувствуя свою безнаказанность, к которой он уже довольно быстро привык, и привык к всё возрастающему желанию постоянно видеть в своём рационе мёд, от которого он уже не в силах был отказаться.

Моя борьба с зубной болью и со сном была довольно долгой. Лежал брёвнышком, не ворочаясь, тихо-тихо. Неслышно подкралась вторая половина ночи. Эта тонкая и едва улавливаемая только боковым зрением грань между царствующей ещё непроглядной тьмой и медленно приближающимся рассветом ощущалась по смене палитры еле видимых цветовых гамм, более светлые и чёткие оттенки постепенно приходили на смену торжествующей недавно ночи с её бархатно-чёрными декорациями. Необычайная тишина, не гнетущая, а скорее какая-то умиротворённая, обволакивала тяжёлые от росы травы, цветы, кроны деревьев, и ни одна ночная птица не осмеливалась нарушить это предутреннее безмолвие.

Вдруг, как гром среди ясного неба, — тихий глуховатый стук камня в ручье. Так бывает, когда на переправе порой на него наступаешь, а он, скользкий от тины, соскальзывает и под водой слегка ударяет другой. Я резко повернул голову в сторону ручья и смутно увидел эту громадину, которая стояла в ручье в метрах восьми от нашей засады и, как мне казалось, а может быть так оно и было, не шевелясь, смотрела прямо на меня, в раскрытое окно чердака. Как он подкрался так тихо? Я, стараясь не шуметь, толкаю Володю, он проснулся и сразу всё понял, бесшумно сняв предохранитель карабина прицелился, я тоже. Медведь, как будто что-то заподозрив, начал медленно поворачиваться назад, в сторону опушки леса, пока не осознавая нависшую над ним, в буквальном смысле, опасность. Давай, еле слышно выдохнул я. Он нажал на курок и в звенящей тишине раздался оглушительный щелчок. Как прыгнул медведь, мы не видели, он просто исчез, растворился в сумраке ночи. Выстрела не было, я, по уговору, тоже не стрелял. Мы оба обескуражено молчали. Володя извлёк из карабина патрон — осечка! Бывает же такое! Только сейчас в полной мере до нас дошла наша неосознанная до конца мудрость. Если бы я выстрелил..., хорошо, что нет.

Всё, конец «охоте». Наворочавшись от души в душистой соломе и вдоль накурившись, мы со спокойной совестью, сразу уснули и куда только

моя боль делась. Утром поем медку, ещё успел подумать я, и провалился в какую-то тёмную бездну...

Проснулись мы одновременно от сильных ударов лап животного в дверь омшаника, пытавшего сорвать амбарный замок, уж очень сильно оттуда доносился запах мёда, куда сильнее, нежели от ульев. Нам зверя не видно, обзор из окна не позволяет. Попытался потихоньку отодвинуть доску в крыше, да куда там. Так затрещала на всю округу, и, конечно же, след нашего Мишки простыл. Немного ещё посидев на чердаке и умышленно пошумев, громко разговаривая, с опаской слезли с лестницы и, подбадривая друг друга, помчались к спасительной избе. Стучали долго, Борька всё-таки уснул.

Кое-как, до боли в пальцах, достучавшись в дверь, разбудили его и, забежав в избу, разгорячённые и взволнованные, начали наперебой делиться впечатлениями, перебивая, и не слушая друг друга. И вдруг мой взгляд случайно упал на окошко. В трёх-четырёх метрах от избушки стоял невероятно огромный медведь и, слегка покачиваясь, переминаясь с боку на бок на задних лапах, пристально, не отрываясь, смотрел на нас.

Трудно передать, что с нами начало твориться. Истерика какая-то. Борька что-то орал, я кричу Торбокову — стреляем через стекло! Он в ответ тоже орёт «давай, осечки не будет». Борька взвился. Стекло! Вы не представляете, что значит привезти из деревни сюда стекло на лошади и не разбить его, «не стреляйте», — его голос сорвался на фальцет. Пока мы спорили, может быть секунд пять-десять, лёгкий утренний ветерок одним дуновением смешал голову, лапы и всё остальное, что есть у косолапого в одну кучу и, причудливо извиваясь, лохматым пушистым ковром заботливо укрыл озябшие за ночь цветы и траву, на которых только что «топталось» чудище. Туман.... Но, боже мой, до чего же правдоподобен был этот зверь! Как же позабавилась природа над нами, да и как же она тому-то узнала? Мы, в очередной раз за эту бесконечную ночь, молча смотрели друг на друга. Все видели этот призрак, все. Больше всех рад был этому туману Борька, стёкла-то остались целыми!

Из нашего какого-то полузабытья вернул нас к реальности грохот у самой двери, заставивший нас вздрогнуть и вспомнить, что мы всё ещё на передовой. Бесстрашие и неуёмно-наглая настырность зверя не знали границ. Он всю ночь как бы играл с нами в кошки-мышки, и мы были точно не кошкой. Уже не рискуя, осознав, что имеем дело с каким-то дьяволом, выставили в форточку карабин и два раза вздрогнули тайгу.

После этого, минуты через три, осмелились открыть дверь избушки. Зрелище было печальное и крайне вызывающее, как оплеуха наотмашь всем нам. Нате вам, охотнички, получите! Самый ближний улик, совсем рядом с крыльцом, буквально в трёх метрах, лежал в руинах. Очередной пчелиный дом был уничтожен. А ведь уже светало!

Пчёлы, ещё не опасные, сонные и озябшие лениво и обескуражено копошились в помятой и мокрой от утренней росы траве. На Борьку больно было смотреть. Он, окончательно осознав свой неминуемый финансовый крах, чуть не плакал, а может быть и плакал, скрывая от нас слёзы воротом старенькой застиранной рубашки.

Через неделю пасеки не стало. Медведя никто не стрелял, некому было.

А Борьку мы больше не видели.

Я всегда с лёгкой улыбкой и грустью вспоминаю эту нашу «охоту», оставившую неизгладимый след в моей памяти. А как хотелось бы узнать, что же

стало с этим пареньком, всегда улыбающимся Борькой, как же сложилась его судьба? Чем-то он крепко зацепил меня — эта нескладная долговязая фигура, его старенькая послушная белогривка и его, как бы всегда извиняющийся взгляд, словно говорящий «...а ничего, всё нормально».

Много лет прошло с тех пор и однажды мне удалось побывать в этих местах, местах моей юности. Прошлое необъяснимо властно тянуло к себе... Вот она, наша пасека. Избёнка без присмотра заросла травой, просела, сгорбилась и всё так же смотрит своими окнами-глазницами на упавшую оградку из осиновых жердей и недалёкую опушку поредевшего леса, где от нас когда-то прятался грозный хозяин тайги.

Стояла такая же, будто с тех пор и никуда не уходившая оглушительная тишина, и даже задиристо-неугомонный бродяга-ветер не играл в кронах вековых исполинов. И лишь огромная старая ель, как вечный страж давно опустевшей поляны, еле слышно поскрипывая, тихонько шелестела своими ветками-иголками, будто пытаясь вспомнить что-то и поведать мне.

ЗАГАДКА «РЕКИ ДИКИХ СВИНЕЙ»

Так с китайского переводится название полиметаллического месторождения «Тетюхе» на Дальнем Востоке, которое находится в черте г. Дальнегорска. Здесь, в этом минералогическом рае для коллекционеров, где я был в середине восьмидесятых в отпуске с моим коллегой Александром Уваровым, встретился с удивительным, по моему представлению, геологическим явлением. Мы интересовались у геологов рудника, дескать, что это такое, но они лишь отмахивались, и говорили, что это не их дело, у них план по добыче руды, а остальное их не интересует. А маститый местный (г. Кавалерово) геолог, бард и поэт Рудольф Титович Годунцов заявил, что это явление редчайшее и что он больше такого нигде за всю свою богатую геологическую жизнь не встречал и что у этих образцов есть даже имя собственное среди местных геологов — «уродцы».

Я привожу фотографии этих образцов. На снимках, увы, не лучшего качества, видно, что они как бы распилены, срезаны по разным направлениям и смещены относительно своих длинных осей. Причём это наблюдается повсеместно. Что это за тектоника я не могу понять. По плоскостям смещения всегда присутствует кальцит. Более того, я видел образец, сантиметров семь по длинной оси и диаметром 1 см, который был «разрезан» вдоль и смещён под 40 градусов, спаян и кристалл, уже крестообразной формы, остался целым и не разрушился. Если учесть, что кварц — это по сути хрупкое «стекло», то как это объяснить? Александр как-то шутя, проронил фразу — работал какой-то «природный лазер». Фраза, которая заставила задуматься. Возможно, кто-то наблюдал нечто подобное?

Природа не перестаёт удивлять и периодически преподносит нам свои загадки, свои «творения», которые мы пытаемся объяснить с высоты своих знаний, порой излишне категорично.

Я неоднократно рассказывал это и показывал образцы своим коллегам-геологам, слышал много версий, но, честно признаться, ни одна из них не пришлась мне по душе.

P.S. А минералогический рай начинался с того, что мы ждали обеденного перерыва на карьере (в это время ни взрывов, ни рабочих там не было) и спускались вниз по уступам. В те времена охрана была весьма условной, а практически её вовсе не было. Кругом в хаотичном порядке разбросаны после отпалки самые разнообразные минералы всех мыслимых расцветок. Вот где адреналин-то! Подходили к обнажению и вешали свои куртки на торчащие во все стороны кристаллы кварца, как на небрежно вбитые кем-то гвозди, приговаривая, ну не поверит же никто, не поверит! И времени этого обеда вполне хватало, чтобы набить до краёв рюкзак с прекрасными друзьями и удалиться восвояси. Молодость — она бесшабашна!

ЧЕРТОВЩИНКА

Я хочу поведать одну историю, которая приключилась со мной и моим другом Серёжей Шокальским много лет назад, историю, которой не могу дать объяснение вот уж столько лет.

Хочу сразу отметить, что это не геологическая байка, а самая, что ни на есть быль.

Как-то раз, уже в прошлом веке, мы с Серёжей и другими геологами колесили по Горному Алтаю в рамках федеральной программы с целью опробования гранитоидных массивов для уточнения их возраста и взаимоотношений с вмещающими породами. У нас был оперативный летучий отряд: подъезжали к массиву, опробовали, фиксировали свои наблюдения, ночёвка и утром — к следующему.

Все мы были влюблены в эту сказку, имя которой Горный Алтай! Безбрежное море тайги, кристально-чистые воды рек и озёр, сказочные водопады и пронзительно-синие дали заснеженных, уходящих за горизонт хребтов в обрамлении стройных елей и разлапистых кедров. Это был наш духовный мир, прекрасный и неповторимый!

В маршруте. Серёжа Кузнецов (слева) и Серёжа Шокальский (справа)

Однажды, под вечер мы выбрали место для ночёвки рядом с посёлком Бичикту-Боом, что в переводе с алтайского означает «Горы или камни с иероглифами». Надо отметить, что местные жители очень берегут и охраняют это место, где на алевролитовых плитах видны многочисленные рисунки первобытных людей, отражающих их быт и охоту на разнообразных представителей богатой фауны. Так получилось, что на этот раз пришла наша очередь с Серёжей готовить ужин, остальные геологи разбрелись изучать кембрийские разрезы и девонские вулканиты. До ужина было ещё несколько часов.

Пошли мы к берегу мыть и чистить картошку, такая вот рутина. Подошли и ахнули. Вся галька реки и на косе и в русле была тёмно-синего цвета, вода даже синевой отливала. И эту синеву видели все испокон веков, коль уж эта речка называется «Чакыр», что, по утверждению местных жителей, означает «синий». В её верховьях находится огромный девонский палеовулкан, который и разбросал когда-то на многие километры вокруг эти кислые редкого

цвета вулканиты. Есть ещё один перевод: «Чакыр» — это камень с острыми краями. Не исключено, что эти вулканиты были сырьём для изготовления первобытных каменных орудий, материал-то отменный! Известно, что Россия — страна зелёных камней, и самый редкий цвет у нас — синий. Можно понять наш восторг от увиденного! Забросив картошку, мы с азартом начали собирать это чудо в большой мешок, приговаривая, «...вот Валерий Палыч Казбан наделает-то нам чудных шкатулок для наших дам!» Кое-как отволокли этот тяжеленный мешок в палатку, ну а ужин, конечно же, приготовили и довольно, как вспоминается, неплохой.

В этом сезоне было ещё много маршрутов и, выполнив почти всё запланированное, мы всем отрядом в конце сентября вернулись на базу в пос. Елань. Приехали, уже затемно, наскоро разгрузились в камералке и решили, что завтра всё разберём и разложим по местам.

Утром Серёжа развязывает наш драгоценный мешок, не глядя, берёт первую попавшуюся под руку гальку, и говорит проходящему мимо маститому геологу с искромётным юмором Александру Уварову: «А посмотри-ка, Саша, какая прелесть эта синева, когда ты в последний раз в своей жизни видел нечто подобное и неповторимое?». Саша, задумчиво помолчав некоторое время, говорит тихо и очень вежливо: «Да Вы поэт, Сергей Палыч!» Я обескуражено оглянулся и увидел, что галька в руке абсолютно чёрная, как воронье крыло. Сразу же вытряхнули весь мешок на пол — все гальки чёрные. Смотрели друг на друга и долго молчали, тщетно пытаясь понять, что же произошло. Камни «умерли».

Сразу вспомнилось, как я неоднократно находил в маршрутах милые маленькие друзочки кварца с хрусталиками размером с сантиметр, а то и меньше и как радовалось сердце — горит, радужно переливается в лучах солнца этот образчик в руке, как волшебный цветок. Но когда возвращался в лагерь, друзка вдруг смотрелась обыденной, невзрачной и тусклой, не интересной и даже некрасивой. Цветок увял. Я уверен, что подобное было и не только у меня.

В дальнейшем мне несколько раз приходилось проезжать мимо этого посёлка и так хотелось притормозить, ещё раз всё повторить — набрать снова образцов из этой речушки, увезти на Елань и посмотреть, а не повторится ли это чудо? Да ведь мы же вечно спешим, всё кажется, что куда-то опоздаем, что где-то что-то без нас обрушится, сгорит, всё потом, потом, завтра, завтра. И почему мы такие? К сожалению, только с годами приходит осознание, что не будет уже больше никакого этого завтра. Вернее будет, но не там и не с нами. Невольно приходит невероятная на первый взгляд мысль: «...что же с ними случается, некоторые образцы «умирают», когда их разлучают с местом своего рождения?».

Реакция слушателей на эту историю довольно предсказуема: кто молчит, кто вежливо улыбается и, видимо, мысленно крутят пальцем у виска, и поэтому я её больше никогда не рассказываю.

Конечно же, никакой мистики здесь нет, просто моих знаний не хватает, чтобы дать этому хоть какое-то разумное объяснение. Видимо под влиянием каких-то внешних факторов происходит изменение в породе, возможно, на молекулярном уровне. Мы же уже не удивляемся тому, что под воздействием жёсткого облучения горный хрусталь превращается в морион, а последний при термальной обработке — в цитрин.

Много лет уже прошло с тех пор, но «это нечто» до сих пор не даёт мне покоя. И Серёже тоже не давало. А гальку на косе мы собирали абсолютно сухую и синюю. Была она синей.

От составителя О.И. Кальной. С Серёжей Кузнецовым в своё время меня познакомил Серёжа Шокальский (светлая ему память. Мы с С.П. Шокальским вместе учились на геофаке Харьковского госуниверситета, были друзьями). Сергей Александрович Кузнецов — опытный, знающий геолог, высокий профессионал в своём деле. Хочу сказать, что у него дома собрана прекрасная богатейшая минералогическая коллекция! И, бывая у них в гостях, я всё время люблюсь необыкновенно красивыми образцами. И не один раз получала от Сережи Кузнецова замечательные каменные подарки, за что ему безмерно благодарна!

Некоторые фотографии образцов из минералогической коллекции С.А. Кузнецова

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МОНГУШ

Андрей Александрович родился в 1973 году, выпускник геологоразведочного факультета Томского политехнического университета (1990–1995), сотрудник ТувИКОПР СО РАН с 1995 года по настоящее время, кандидат геолого-минералогических наук (Петрография и минералогия раннепалеозойских дифференцированных габброидов Восточной Тувы, 2002), тема исследований в настоящее время: «Магматизм и геодинамика каледонид Тувы и сопредельных территорий».

- Вы утверждаете, что человек может поднять себя за волосы?
- Обязательно! Мыслящий человек просто обязан время от времени это делать!
(из фильма «Тот самый Мюнхгаузен». 1979)

ЯМА

Вспоминается лето 2003 года, когда мы: мой научный руководитель по кандидатской диссертации Феликс Петрович Леснов¹ — сотрудник Института геологии и минералогии СО РАН (Новосибирск) с 1963 года по настоящее время, Валерий Алексеевич Попов — геолог-съёмщик Тувинской геологоразведочной экспедиции (ТГРЭ) (1963–2002) и сотрудник ТувИКОПР СО РАН до конца своих дней (2002–2008), Сергей Михайлович Костромин, наш водитель, и автор этих строк на экспедиционном ГАЗ-66-м ТИКОПРа ездили в поле с целью исследовать некоторые ультрамафит-мафитовые массивы Куртушибинского хребта Западного Саяна. Из Кызыла выехали 14 августа, вернулись 26 августа. В этом поле мы, на три дня крепко засев в одной из болотистых ям на старой дороге в низовьях р. Алгияк, сумели выбраться из трудной ситуации.

Вначале — выдержки из полевого дневника Ф.П. Леснова, с разрешения автора (копию полевого дневника я сделал сразу после приезда в Кызыл). Феликс Петрович в своём дневнике подробно расписал по дням и часам это знаменательное событие, а также некоторые предшествующие и сопутствующие события.

18 августа 2003 года, понедельник

¹ **Феликс Петрович Леснов** — 1932 г.р., новосибирский учёный-петролог, доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института геологии и минералогии Сибирского отделения РАН, автор десятка монографий и нескольких сотен статей (здесь и далее по дневнику Ф.П. Леснова примечания А.А. Монгуша).

В начале дня посмотрели участок отработки полигонов вблизи от слияния Малого и Большого Алгияков. При отработке в тальвеге русла была вскрыта мощная зона обохрения как песков, так и плотика (кора выветривания). В плотике обнаружена яма («котлован» в древнем русле). По предположению, в этой яме должно скапливаться золото. Но по результатам бурения, богатого золота в яме не оказалось. Скважины пробурены через 10 м.

**В.А. Попов и Ф.П. Леснов. По дороге на Эргакский массив
(северо-западное окончание Западного Саяна). 2002 г.**

Проба Л-03-16. Владимир Фёдорович Щербинин, начальник артели золотодобытчиков, передал мне часть пробы, которая, по его словам, представлена «самородным свинцом». Общий вес пробы около 0,5 кг. Она включает около 300 отдельных фрагментов размером от 1 до 6 см в поперечнике. Форма фрагментов обычно округлённая — от правильных шариков до игольчатой формы. Отдельные фрагменты имеют явно антропогенное происхождение (*см. в отдельном пакете*). Проба сборная. Фрагменты были извлечены из золотого концентрата после промывки аллювия (пролювия) из правой террасы Малого Алгияка вблизи его слияния с Большим Алгияком. В этом месте были шурфы, а также жилые постройки. В шурфы иногда бросали аккумуляторы. Надо изучить химсостав 20–30 таких фрагментов. Кроме того, Щербинин передал мне ещё около 40 зёрен платиноидов из того же пакетика, что и в 2002 году.

Координаты посёлка базы артели Алгияк (Тыва) N 53°07.900'' E 94°41.600''

Добыча на Алгияке золота с начала добычи: 1991 — 63 кг, 1992 — 205, 1993 — 435,1; 1994 — 699,4; 1995 — 1004,2; 1996 — 1289,4; 1997 — 1518,3;

1998 — 1734,8; 1999 — 1998,4; 2000 — 2257,0; 2002 — 2840,0; 2003 (июль) — 134 кг (ниже, уже на копии дневника, кто-то карандашом дописал: «Скорее всего, ошибка в запятых»¹).

Возможное рабочее название статьи по материалам 2003 года: «Контактные взаимоотношения и петрология ультрамафитов и габброидов в Куртушибинском офиолитовом поясе (Северная Тува)».

19 августа 2003 года, вторник

Утром, около 9³⁰, выехали с базы артели Алгияк на юго-восток вдоль левого борта р. Алгияк в направлении её устья, где она впадает справа в реку Сыстыг-Хем. Цель — добраться до массива Сыдыг (отметка 1412,8) или хотя бы взять образцы из аллювиальных валунов р. Сыстыг-Хем, дренирующей склоны г. Булка и г. Сыдыг. По левому берегу р. Алгияк идёт старая тракторно-«уральская» дорога, по которой когда-то ездили поисковики в верховья р. Сыстыг-Хем. Дорога изобилует опасными для проезда местами. И вот, проехав около 10 км, мы серьёзно «засели» в болоте. Это было около 12 часов дня. Попытки выбраться самостоятельно ни к чему не привели.

Решили, что водитель Сергей вернётся пешком в артель и попросит на выручку «Урал». Он ушёл, а мы с Валерием Алексеевичем и Андреем Монгушем решили продолжить движение по старой дороге до слияния Алгияка и Сыстыг-Хема. Пройдя около 3–4 км на СВ, мы приблизились к руслу р. Сыстыг-Хем примерно в 1–1,5 км выше устья р. Алгияк. На всём этом интервале в делювии обнажались зеленоватые тонкоплитчатые хлоритовые сланцы.

Проба Л-03-17. В русле р. Сыстыг-Хем, берега которой покрыты зарослями и заболочены, из небольших кос Андрей отобрал серию галек. В них преобладают грубослоистые алевропесчаники (сланцы), реже встречаются среднезернистые диориты, а также среднезернистые габбро. Встречены контакты габбро и диоритов со сланцами (ороговикование?).

20 августа 2003, среда

Вчера мы так и не дождались возвращения шофёра Сергея со спасительным «Уралом». Ночевали втроём в кузове погрузившейся в болото нашей машины. С полночи начался моросящий дождь, который продолжается и утром. Сейчас 9¹⁰, «Урала» нет, а дождю не видно конца. Надо позавтракать.

21 августа 2003, четверг

Левобережье р. Алгияк в её низовье.

Итак, третьи сутки мы стоим на месте, застряв в болотистом борту (левом) р. Алгияк. Сергей (шофёр) так и не возвратился с долгожданной помощью — «Уралом» или трактором. Вчера весь день и прошедшую ночь шёл моросящий дождь. К утру погода улучшилась, закончился дождь, облачность стала ниже... К 11 часам дня я принял решение послать Попова и Монгуша на базу артели, поскольку трактора всё нет. В начале 12-го часа они отправились в путь. Надеюсь, что часа за 4 они доберутся до артели...

¹ Судя по почерку, писал В.А. Попов. Действительно, цифры, видимо, увеличены на один порядок, кроме 2003 г.: по данным: «Концепции развития горнодобывающей отрасли промышленности Республики Тыва до 2020 года» артель старателей «Тыва», основной участок золотодобычи которой был в Алгияке, в 2000 г. добыла 300 кг, в 2001 — 313 кг, в 2002 — 301 кг, в 2003 г. — 212 кг золота.

22 августа 2003 г., пятница

Вчера, после предыдущей записи вскоре все трое ребят — Валерий Алексеевич, Андрей и Сергей вернулись к машине. Сергей так и не получил никакой помощи в артели на Алгияке и вернулся, с полпути вернулись и Андрей с Валерием Алексеевичем. Это было часа в 3–4 дня. После этого мы ещё предпринимали попытки вытащить машину под проливным дождём. Она проползла вперёд ещё метров на 4–5 с помощью наматывания троса на ступицу передних колёс. При этом повредили оба сепаратора на ступицах¹, порвали тонкий трос. К вечеру устав, улеглись все вчетвером в кузове. К ночи дождь утих, но моросящий дождь продолжался всю ночь.

Сегодня утром встал я около 8 часов, перекусил наспех и решил идти на базу артели. Утром дождя почти не было. Я вышел со стоянки в 9⁰⁰, дождя не было. Потом начался дождь, и продолжался всё время моего пути... Часа через 1,5 я достиг того места дороги, где она раздваивается, т. е. одна, по которой шёл, уходит на Сыстыг-Хем, а вторая уходит с левого борта р. Алгияк, через полигоны на пос. Хут. Как раз к этой развилке я подошёл в тот момент, когда к этому месту подходила вахтовка «Урал». Меня подобрали и доставили на базу артели... Переговоры с начальником артели золотодобытчиков В.Ф. Щербининым пока не привели ни к каким результатам. Свои «Уралы» и трелёвщик он давать не хочет. Вся надежда на приход «Урала»-бензовоза с лебёдкой. Надо ждать...

Мне передали новую пробу зёрен минералов ЭПГ², которые были собраны из золотого концентрата, намытого в последние месяцы с полигонов, расположенных примерно в 2,7 км ниже по течению р. Алгияк от того места, где сливаются Большой и Малый Алгияк.

Проба Л-03-18 минералов ЭПГ. Проба насчитывает около 30 зёрен разных размеров. В ней представлено одно зерно размером до 5 мм с хорошей кристаллографической огранкой, имеющее желтоватый оттенок. Возможно, это изоферроплатина³.

Геолог Анатолий Васильевич Чудин. Проводил съёмку на Саянском⁴ и Кызыр-Бурлюке⁵. Кызыр-Бурлюк — 1976. Хутинская партия, первый автор.

Из беседы с Чудиным (он был на Кызыр-Бурлюке вместе с Добрецовым и Сибилевым) узнал, что до этого массива от дороги большие подходы. Лучший из них — от водораздела Амыл–Ус (оз. Чёрное), т. е. по хребту. Но это расстояние около 15 км. В общем, Кызыр-Бурлюк недоступен. Кстати, в нём тоже есть асбест.

Со слов Чудина — разрез офиолитов по Лев. Коярду находится дальше того места, где мы были, и на его правом борту. Там расположено несколько глубоких боковых (мелких) притоков, очень глубоко врезанных и очень крутых. Как раз там самые хорошие обнажения.

¹ Сепаратор — своеобразная широкая шайба на конце ступицы (которая не давала соскальзывать тросику; а стандартный трос слишком толст для наматывания на ступицу колеса).

² ЭПГ — элементы платиновой группы.

³ На основе всего полученного в 2002 и 2003 гг материала была опубликована статья: Леснов Ф.П., Ойдул Ч.К. Минералы элементов платиновой группы в золоторудной россыпи реки Алгияк в Северной Туве: новое проявление // Зап. ВМО. — 2004. — № 4. — С. 61–65.

⁴ Саянское месторождение асбеста в верховьях р. Коярд.

⁵ Кызыр-Бурлюк — габбро-гипербазитовый массив в междуречье Амыл–Сыстыг-Хем.

Щербинин передал мне четыре кусочка чёрного углеподобного пористого вещества. Эти кусочки были найдены по Алгияку в болотных торфах. Возможно, это болотные железные руды (восстановленное железо за счёт гумидных кислот). Проба Л-03-19 — болотная железная руда.

Примечание. К пробе Л-03-16 — свинец. Со слов Чудина — это антропогенка. Два фрагмента — это пульки от пневматического ружья и пистолета. Остальной свинец — это литьё дробы путём переплавки свинца в горнах. Горны стояли на каждом участке. Всё ковалось: и гвозди, и всякая другая мелочь...¹

Во второй половине дня погода улучшилась. В 19³⁰ вечера Щербинин пригласил меня в столовую поужинать. Выходя из артельной столовой, я услышал за домами звук подъезжающего грузовика и вначале подумал, что пришёл бензовоз «Урал». И вдруг из-за дома показывается наш ГАЗ-66... От такого счастья я просто застыл на месте. Ребятам удалось выбраться из «гнилого» места в низовьях Алгияка. Итак, мы свободны...

На этом закончилась дневниковая запись Ф.П. Леснова, связанная с «ямой».

Да, я помню этот момент, когда Феликс Петрович застыл на некоторое время, всё смотрел на нас, как будто не верил своим глазам. Когда мы вылезли из машины, он весь сиял и громко говорил: «Ну вы герои!!! Герои!!!». А Валерий Алексеевич в своём стиле говорил что-то сатирическое на тему геологов и золотарей.

Как мы вылезли из ямы. Прежде всего, это настрой шофёра Сергея. Надежду на «Урал» он, видимо, оставил на базе артели и вернулся с надеждой только на свои силы. На следующий день, после возвращения Сергея, Феликс Петрович пошёл на базу золотарей, а мы, не считая собаки Джарги, продолжили попытки вылезти из ямы.

Надо сказать, что дорога эта выше по течению вся изобилвала ямами, в которых за время дождя образовывались большие глубокие лужи. Но те ямы были на относительно возвышенных участках, в лесу и с более или менее твёрдым дном. Наша же яма, находящаяся в низине с редкими деревьями, в долине ручья, притока Алгияка, плавно переходила в болотистое русло этого ручья. Непосредственно перед этой ямой располагалась другая, сравнительно небольшая яма. Когда мы застряли в «нашей яме» и вылезли осмотреться, Феликс Петрович, помню, говорил, глядя на эту небольшую яму: «Уже в эту яму не надо было соваться». И везде глинистая земля: в долине как Алгияка, так и других золотоносных правых притоков верховьев Сыстыг-Хема неогеновые торфа² могут до 100 % состоять из глины, а во врезанных в них четвертичных долинах глинистость торфов порядка 70 % при их общей мощности 10–30 м.

В последний день «сидения на яме» мы работали особенно энергично, к тому же это ещё и согревало. Подкапывали землю перед колёсами, делали отводную канавку для стока накопившейся в колее дождевой воды, я даже

¹ Золото в верховьях Сыстыг-Хема начали добывать мускульным способом с середины 19-го столетия.

² Торфа — не золотоносные рыхлые отложения, залегающие на золотоносных песках, которые, в свою очередь, залегают на плотике, т. е. коренных (скальных) породах.

сделал попытку хоть немного подкопать землю под задним мостом. Хотя я тогда был намного худее, чем сейчас, просвета, чтобы подползти к мосту, было очень мало. Поковырял, насколько смог, кончиком лопаты землю под крепко сидевшим на ней мостом. Починили тонкий трос, в очередной раз стали пытаться вылезти с помощью импровизированной лебёдки. Тросик всё время срывался со ступицы, но мы продолжали по новой...

С.М. Костромин и А.А. Монгуш. Алгияк, обеденный чай на пути к базе артели после освобождения из «ямы» (снимает В.А. Попов, на заднем плане — его собака Джарга)

Продвинулись вперёд метра на 3, но на этот раз Сергею, кажется, удалось выехать из колеи чуть влево, к берёзке, к которой был привязан тросик. Слава богу, машина на этот раз не сидела на мостах, по крайней мере, на переднем, — она могла продолжать движение без «лебёдки», хотя положение было ещё опасным. Но дышалось уже гораздо легче. Адреналина в крови хоть отбавляй. Подключенный передок, первая пониженная, автоблокировки в мостах и педаль газа, отжатая, наверное, в пол до упора. Никогда до и после я не слышал такой громкий рёв двигателя ГАЗ-66-го. Сергею удалось развернуться в заболоченной низине и выехать на безопасное место. Ура! Нас охватила безмерная радость...

Кызыл, апрель 2024 г.

ИЗ ИСТОРИЙ ДВУХ ПОЕЗДОК

В 2005 году поехали мы дружной компанией — Калинин-оол Сереевич Кужугет, Олег Константинович Гречищев, Валерий Алексеевич Попов с внуком Андреем, Сергей Григорьевич Прудников, Пётр Сергеевич Изендеев, Игорь Чаш-оолович Хертек и автор этих строк — на запад Тувы. Полевые исследования начали в низовьях Ак-Суга, потом посетили проявления Подарок, Узун-Саир, затем нужно было ехать далее на запад. Но после Алдан-Маадыра поленились возвращаться обратно на мост через Хемчик и далее через Чадан, а решили ехать напрямик, вброд через Алаш в его устье.

Подъехали к броду. Уровень воды в реке, как оказалось потом, был высоковат, течение, соответственно, тоже неслабое.

На том берегу был всадник, местный чабан лет 60-ти. Увидев наши намерения, он кричал, сложив ладони рупором: «Ремень уштуур! Трамблёр дуглаар!». Игорь Хертек — лихой, таёжный водитель, снял ремень привода вентилятора, накрыл целлофаном трамблёр зажигания, обмотал скотчем, и вперёд! Ровно на середине реки наш ГАЗ-66-й заглох. Пол экспедиционной будки машины залило водой по щиколотку... После череды приключений, которые продолжались до поздней ночи и которые вряд ли забудутся, назавтра мы, слив воду из мотора, благополучно поехали дальше.

Самым сложным был момент, когда уже в сумерках, подплыв на резиновой лодке, на стремнине за доли секунды нужно было ухватиться руками за крюк на переднем бампере 66-го. А далее уже дело техники: привязать конец верёвки к крюку лебёдки, вытянуть трос на берег, подцепить к «Беларусу», которого при посредничестве того чабана удалось пригнать из Дон-Терезина...

Если бы Олег Константинович Гречищев не задремал к тому времени, когда мы подъехали к броду, то, возможно, всё было бы прозаичнее — повернули бы обратно к мосту¹.

С.Г. Прудников, О.К. Гречищев и П.С. Изендеев.
Экспедиционная будка ГАЗ-66. 2005 г. (снимает А.А. Монгуш)

И ещё вспоминается 2006 год, когда мы с Калин-оолом Сереевичем Кужугетом ездили со съёмочной группой немцев по разным уголкам Тувы. Больше всего запомнилась поездка в низовья Хемчика, в те места, которые приобретут всеобщую известность из-за приездов В.В. Путина и С.К. Шойгу.

¹ Эта история чем-то напоминает рассказ геолога-съёмщика Георгия Павловича Александрова «Рисковая переправа» о том, как геологи переправлялись на резиновой лодке через взбухший и разлившийся от дождей Алаш в августе 1957 года (Вокруг сердца Азии: сборник стихов и прозы тувинских геологов и не только... — Кызыл: Тувикопр СО РАН, 2005. — С. 22–25).

А.А. Монгуш, В.А. Попов, О.К. Гречищев, К.С. Кужугет.
Полевой лагерь на Ак-Суге. 2005 г. (снимает С.Г. Прудников)

По дороге из с. Шанчы к месту сплава по Хемчику встретили группу местных мужчин: они ехали навстречу, насколько помню, на грузовике ГАЗ-53. Они попросили продать ведро бензина. Калинин-оол Сереевич согласился, и Эдик Даваа, водитель нашего уазика, безпрекословно исполнил просьбу. Мы, шесть человек: Калинин-оол Сереевич, я, два немца, и нанятые ими в Москве оператор и звукооператор, ведя съёмку, на двух лодках сплавились к навесному пешеходному мостику через Хемчик, а водитель, как условились, подогнал туда нашу институтскую 214-ю «таблетку».

После ужина Эдик, чуя неладное, попробовал проехаться обратно вверх по склону, что подтвердило его подозрения: на уклоне бензин скатывался в заднюю часть бака, и тогда наконечник бензопровода хватал вместо бензина воздух. Немцы, которые довольно неплохо говорили на русском, тут же провели экстренное совещание, на котором была выражена их непреклонная позиция в том, что «кровь из носу», любой ценой (возможные денежные траты не играют никакой роли по сравнению с завтрашними планами) завтра утром мы должны быть у села Шанчы, где были запланированы важные мероприятия. Но больше запомнилось то, как Калинин-оол Сереевич в контексте того, что не хватило того самого ведра бензина, горестно сказал: «Вот так всю жизнь. Из-за своей доброты и доверчивости я попадаю в такие переделки».

Но благодаря этой ситуации я пережил очередную увлекательную, незабываемую ночь, чему очень рад. Я и двое местных парней на двух конях поехали в ночь на Шанчы за бензином. По дороге внезапно обрушился ливень. Видя, что он не собирается утихать, мои спутники сноровисто расседлали коней и присели, укрывшись от дождя потниками. Я последовал их примеру. Вскоре ливень стих также быстро, как начался. Поднялись на

перевал. В крошечной тьме парни, один за другим, подняли и опустили какой-то камень, говоря, что это *көдүрер-даш* (камень для поднимания), и что такова традиция. Приехав в Шанчы, заезжали в два или три двора, стучались, будили хозяев. Канистра бензина нашлась. Тут же повернули коней обратно. Начиная светать.

На обратной дороге, как и по дороге в село, коней часто переводили с быстрого шага на рысь. Я сидел сзади, ухватив руками впереди сидящего. Наш вороной конь бежал как-будто очень нескладно, с большой амплитудой вертикальных движений. Не выдержав, дребезжащим в такт бега рысака голосом я сказал: «Да-а, ну и коняка! Бежит как будто нарочно подпрыгивает, чтобы больнее было. Весь зад отбил!». В ответ: «А этот конь из таких, которые бегут так, как *им* удобно (и чихать они хотели на удобство ездока — подумал я потом). Поэтому они очень выносливы на длинных расстояниях. А бывают кони, которые подлаживают свой бег под наездника, чтобы ему было удобнее и мягче. Но такие быстрее устают» (получилась почти что аллегория-притча на тему «Будь самим собой»). Тут я взглянул на соседнего саврасового коня, который бежал заметно плавнее...

Когда подъехали к нашим товарищам, уже совсем рассвело. Эдик что-то такое придумал с бензином, что помогло бы преодолеть перевал, если бы не удалось достать бензина, даже провёл успешные испытания. Но далее просто дозаправились, поехали, и всё сделали по намеченному плану: засняли, как жители села Шанчы ставили юрты, делали «изиг-хан»¹ и так далее.

Кызыл, апрель 2024 г.

**А.А. Монгуш, Берген, К.С. Кужугет, Стефан, Кирилл, Борис.
Низовье Хемчика. 2006 г. (снимает водитель Эдуард Даваа)**

¹ *Изиг-хан* — приготовление мясных блюд из мяса, крови и внутренностей барана (овцы).

У пос. Шанчы. Сентябрь 2006 г. (фото Бергена)

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ МИРОНОВ

А.А. Миронов родился 18 августа 1956 г. в пос. Калангуй Читинской области. Закончил Иркутский политехнический институт (1974–1979 гг.) по специальности «горный инженер-геолог» (геологическая съёмка, поиски и разведка месторождений полезных ископаемых, редких и радиоактивных руд). Начал свою трудовую деятельность в Окинской ГРЭ (ПГО «Бурятгеология»). В дальнейшем работал геологом, старшим геологом, директором различных геологических предприятий. В настоящее время — директор ООО «Сибирь Геопоиск». Первооткрыватель Харанурских золоторудного и россыпного и Светлинского полиметаллического месторождений. Награждён знаком «ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ МЕСТОРОЖДЕНИЯ» (2014, 2022).

От составителя О.И. Кальной. Замечательные рассказы Александра Алексеевича Миронова порекомендовала нам включить в наш сборник моя соученица по геофаку Валя Кузьменко, за что я ей весьма благодарна! Я начала читать эти рассказы и «утонула» в воспоминаниях о своей молодости и работе в Тувинской ГРЭ — настолько всё это созвучно нашей (к сожалению, бывшей) геологической жизни! Думаю, что читатели не останутся равнодушными к этим замечательным рассказам. И ещё. Я бы рекомендовала Александру Алексеевичу издать отдельную книгу своих произведений. Это было бы очень хорошо! Не сомневаюсь, что книга найдет своего читателя.

ИЗ БЫТИЯ ОКИНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый, имевший какое-либо отношение к геологии знает, что любое специальное письменное творение, будь то отчёт или проект, независимо от его назначения, геологи всегда начинают не с главы и не с раздела, а с не очень понятной чужаку части текста — ВВЕДЕНИЯ.

Введение более всего похоже на напутствие — завещание от уходящего родного человека к своим потомкам, в том числе и будущим. В ней предшественники, старшие коллеги-геологи передают в очень сжатой форме последователям всю имеющуюся у них жизненно важную информацию по тому, или иному району, вопросу, проблеме. Неважно, что эти последователи проявятся, быть может, через 10, или даже 100 лет; так, или иначе опыт «дедов» будет терпеливо лежать в архивах, ожидать их будущего внимания.

Поэтому я, как геолог, почти инстинктивно следую данной традиции и начинаю своё повествование с введения.

Вместо эпитафии

Гора, гора, ещё гора,
Саян – Хамар-Дабан,
Река, дорога, ветер, ПЫЛЬ,
Деревня — чей-то стан...

А.А. Мионов

Ах, Монды, Монды — край земли,
Кто здесь бывал, тот точно знает,
Что счастья здесь нельзя найти,
А кто имел — тот потеряет...

А.М. Криворученко

ВВЕДЕНИЕ

На самом юге северной Азии, там, где ревущий красавец Иркут вырывается из теснины гор, на стыке двух горных стран Восточного Саяна и Хамар-Дабана стояло да и стоит ещё село Монды. Вечный и мудрый горный красавец Мунку-Сардык надёжно ограждает его от всех западных влияний, создавая необычайную атмосферу тесного соседства высокопрофессиональной мудрости и жизненной непосредственности.

Отправная точка — название села. Для не посвящённого человека оно звучит не совсем благозвучно и, порой, вводит его в определённое смущение и неловкость при необходимости произношения вслух. Жители же села привыкли и не усматривают в нём ничего оскорбляющего их закалённый слух. При этом, наиболее пытливые умом потомки бурят и казаков объясняют данный топоним с двух позиций: либо как производное от монгольского приветствия «Мэндэ» — «Здравствуй», либо от бурятского «Модон» — «Лес». Оба толкования в равной мере имеют право на существование. В подтверждение их обоснованности здесь и граница с Монголией с удобным перевалом и следы когда-то буйного, но ныне вырубленного лиственничного массива по долине Иркуты.

Существует ещё одна версия. В определённой степени она в как-то приобщает наше, богом забытое село к западно-европейской цивилизации. Название его якобы происходит от французского слова «Монд» — «Мир». Звучит не плохо. Возникла эта версия либо от чьей-то тонкой изощрённости ума, помноженной на глубокие знания истории региона, либо от похмельной отрыжки пролетарского юмора, вдохновлённого некоторыми познаниями из средней школы. Сейчас истину установить невозможно, да и нет в этом нужды: интересующее нас село существовало и существует, а в нём проживает, вернее, проживала в недалёком прошлом, весьма колоритная общность — геологические жители села Монды, работники Окинской экспедиции. Это так называемые, мондинцы. Хотя правильнее их следует называть либо мондюками, либо мондянами, это в зависимости от ситуации.

При этом следует особо обратить внимание на то, что это поселение на южной границе Советского Союза в определённый период истории явилось

уникальнымместилищем многочисленного, высокообразованного геологического человеческого эквивалента и, что особенно важно, очень молодого.

Молодость и безудержный энтузиазм, помноженные на воспитание, знания и традиции разных геологических школ создали в этой русско-бурятской глухомани атмосферу необычайного творческого подъёма и чудачества.

Как само село, так и окружающая его территория, были разделены на две неравные части рекой и глубинным тектоническим разломом. Так и в геологической жизни экспедиции всегда рука об руку шагали бесшабашность, производственная самоотверженность и безудержное жизнелюбие, порой переходящее в раздолбайство. Все эти слабо сопоставимые в обычной жизни особенности являлись причинами тех жизненных событий и коллизий, которые представляются на суд читателя. Предлагаемые рассказы составляют мизерную часть из богатейшего фольклорного наследия, к великому сожалению, бывшей Окинской геологоразведочной экспедиции. Оставшиеся ныне на её месте «фундаментальные» руины лишь знающему человеку напоминают о масштабах и грандиозности прошедших здесь когда-то событий. И тем труднее представить, что среди этих одиноких старых стен и битых фундаментов кипели столь бурные жизненные страсти, по сравнению с которыми порой бледнеют романы Стендаля и Бальзака.

Для большей части геологов в Мондах прошли лучшие и самые любимые годы жизни. А может это с любовью и грустью им вспоминается, увы, прошедшая молодость. Так или иначе, у каждого из нас там осталась часть Души и далеко не худшая.

ПОХОЖДЕНИЯ ПАНА БОБРОВСКОГО В ХОЛОДНОЙ СИБИРИ ИЛИ СЕВЕРНАЯ ЭПОПЕЯ ФИЗИКА-ЯДЕРЩИКА

1. МОНДИНСКИЙ ТРАМПЛИН

ИНТЕЛЛИГЕНТ

Они появились вдвоём. Два друга. Физики. Один, с солидным пузцом — «пан Бобровский», второй — Миша Холод, но это не тот который мороз. Впрочем, речь пока не о нём.

Бобровский — в прошлом подающий надежды молодой физик-ядерщик, бывший работник закрытых «ящичных» НИИ. Записи в его трудовой книжке навевали мысли о синусоидальности жизни и настраивали на своеобразный двухстрочный ямб: «Заведующий отделом экспериментальной лаборатории Института ядерных проблем. г. Харьков» — «Монтажник. г. Урюпинск»; «Научный сотрудник лаборатории прикладной ядерной физики. г. Киев». — «Плотник учебного комбината. г. Бровары» и т. д. и т. п.

Приграничный посёлок Монды, компенсируя свою удалённость от культурных центров, внёс в его коллекцию увесисто-солидную запись: «Начальник лаборатории учёта, хранения и утилизации радиоактивных и ядерных отходов Окинской геологоразведочной экспедиции, Ордена Трудового Красного знамени ПГО “Бурятгеология”».

Лаборатория представляла собой одинокий, покосившийся бревенчатый сарай на территории пилорамы, отделённой от экспедиции некоторым расстоянием и забором. Два последних фактора сыграли главную роль в перерождении убогого служебного сарая в элитный клуб по интересам для гео-

лого-геофизического персонала, вернее его мужской половины. «Кабачок у пана Бобровского» стал любимым местом неофициальных встреч геологов среди унылой череды дней камерального зимне-весеннего периода, от дней окончания полевого сезона до начала нового.

Пан Бобровский ежедневно, с тщательно скрываемым нетерпением ожидал появления посетителей. Им был даже разработан своеобразный ритуал их приёма. Визитёров хозяин заведения встречал величественно. Восседа на кресле, гибриде деревянной скамейки и венского стула, не вникая в содержание приветственных фраз о погоде, начальстве и причинах прихода, он молча, по-царски, протягивал правую руку, как бы для поцелуя, но только ладонью вверх. В ответ, лидер делегации, прервав вступительную речь, доставал из-за пазухи бутылку белой и почти подобострастно вкладывал её в пухлую ладонь. В полном молчании начальник объекта сосредоточенно облачал свои руки в резиновые перчатки и брался за длинные металлические щипцы, так называемый манипулятор ограниченного радиуса действия. Отточенными движениями профессионала, из святая-святых лаборатории хранения радиоактивных эталонов, из скважины, извлекалась на свет охлаждённая затворница, а её место занимала вновь принесённая сестра. Священный, священный акт преемственности, вкупе с украинской рачительностью неизменно вызывал восхищённый трепет пришельцев.

Наконец, манипулятор и перчатки возвращались на штатные места, и всеобщий вздох облегчения звучал командой к действию — можно было начинать.

В один из таких приёмов, когда уже реально забрезжил конец рабочего дня и была выставлена последняя бутылка, гости обратили внимание на необычайную задумчивость, даже можно сказать унылость гостеприимного хозяина. На свои настойчивые расспросы, разомлевшие друзья, вдруг услышали совсем неожиданное:

— Господа! Ответьте мне, есть среди вас интеллигенты в третьем поколении?

Вопрос весьма каверзный. Вспомнилось что-то институтское про рабочий класс, трудовое крестьянство и какую-то прослойку трудовой интеллигенции. Или прокладку. Но целое поколение, тем более три — явный перебор. Единодушный ответ — «нет». Для убедительности выпили.

— Прошу налить! — это от Пана. Налили. По опыту знали — будет тост. Стоящий и тостующий Бобровский представлял собой монументальную, пусть и не очень стройную фигуру.

— Разрешите представить вам, господа, интеллигента в третьем поколении! Палец в грудь. Строгий наклон головы. Да уж!!! Стук кружек и одобрительные возгласы убедительно показали, что данное сообщение принято всеми единогласно и без малейшей тени сомнения. Живительная влага мгновенно донесла до сознания присутствующих уникальность неожиданного признания. Наступало прозрение...

Из небытия десятилетий, сквозь дымы революций, жара совещаний троек и малых совнаркомов неуловимо потянуло эпохой исчезнувшей цивилизации. Пахло породой и, природой...

Среди фонтана речей, тостов и просто воплей гости не сразу услышали новое, безутешное и безнадежно горькое молчание пана Бобровского. Каза-

лось, восторги друзей доставляли ему нестерпимые, физически осязаемые страдания. Прекратить их могло только одно заклинание — «Налить!».

И налили.

Последний, завершающий бокал озвучивал, по традиции, гостеприимный хозяин. Его монолог был полон трагизма и безысходности:

— Друзья, вот сижу я здесь с вами, раскрепощён душой и телом. Чувствую вашу душевную, тёплую поддержку, можно сказать дружеский локоть и шершавую пролетарскую ладонь помощи. И я, интеллигент в третьем поколении, несмотря на нашу некоторую социальную разобщённость, испытываю к вам необычайное чувство благодарности, может быть, даже любви. Но гложет меня одна тяжёлая мысль, предчувствие неотвратимого. Вот приду я сейчас домой и встретит меня моя жена и, меня, интеллигента в третьем поколении, она будет бить палкой! У неё есть специальная, такая круглая палка, в углу стоит. Меня, интеллигента в третьем поколении и палкой! А вас, господа, жёны бьют палкой?!?!

Скупая мужская слеза заблестела в уголках его глаз.

И праздник кончился. Друг в беде. Друг просит помощи. Может совета. Но просит. Первым нашёлся обладатель щегольских молдаванских усов горный мастер-завхоз:

— Дружище, ты ведь был плотником? У тебя ножовка есть? Есть?! Так возьми ты эту палку и распили!!!

Гениальная простота решения повергла всех в такой неописуемый восторг, что в результате, из ниоткуда, материализовалась полнокровная бутылка «Медвежья кровь». Жизнь вновь прекрасна!

Расходились по домам в благостном расположении духа, только без песен, но через рабочие места. Не хотелось огорчать дорогих начальников. Им и так нелегко.

Наконец-то рабочий день кончился. Труженики от геологии с чувством выполненного долга степенно потянулись к своим жилищам. Когда открылась панорама родной Геологической улицы, их вниманию было представлено действо в стиле боевиков из жизни дикого запада. По пыльной зимней дороге, пытался бежать пан Бобровский. Встречный ветер, тяжёлый живот и градусы рабочего дня, сводили, на нет все титанические усилия его организма. Тело безнадежно отставало от рвущейся прочь души. Пана неотвратимо настигала жена. В слепом отчаянии, в надежде оторваться от погони, беглец бросился в навал моренных валунов. Там его и настигла супруга с карающей шваброй в руках...

Когда пыль рассеялась, а «гроза и ужас» пана с орудием возмездия на плече скрылась из виду, друзья окружили несчастного. Матерясь и охая, держатель кабачка поведал предысторию печальной сцены:

— Прихожу домой, её нет. Я нашёл эту палку, рулеткой разметил по 8 сантиметров и распилил на 17 штук. Семнадцать, и главное, так ровно! И тут она. Я ей эту кучку и преподнёс оптом: — Ну, на!!! На, бей, бей!!!

— Ну откуда я знал, что у неё есть ещё и швабра!

СВАДЬБА

Это был УДАР. Беспощадный, выверенный во времени до минуты и до сантиметра в пространстве. Разящий наповал и не оставляющий никаких шан-

сов. Более жестокого и подлого удара придумать было нельзя. Мозг отказывался верить в реальность свершившегося. А это произошло. И именно в этот, этот единственный и столь долгожданный день!

В голове всё ещё отдавалось эхом: – Приду, проверю!

И подводящее черту лязганье висячего замка о пробой. Всё! Лишён всего: свободы, индивидуальности и, можно сказать, самой жизни. Перед переполненными горем глазами страшные орудия пытки: сырое мясо и мясорубка. А в ушах грозное: – Перемолоть! И ещё назидательное: – Я тебя предупреждала!

Солнце и счастье безмятежной жизни остались где-то там, далеко в прошлой жизни, потерянной, увы, безвозвратно.

Бобровский тяжело вздохнул и в очередной раз стал проверять надёжность своего каземата. Нет, шансов выбраться на свободу никаких: на двери чугунный замок, рамы окон пробиты гвоздями, подполье — ещё хуже. Лишь единственная маленькая форточка на кухне заставляла с чёрной завистью смотреть на формы кота Максскимельяна. Из своих собственных элементов тела в неё протискивалась лишь ладонь.

А за стеной, в соседней квартире, набирала обороты свадьба. Женился самый близкий друг Мишка. Событие, приближение которого Бобровский ожидал трепетнее любой самой нетерпеливой невесты, ожидал, ежедневно пересчитывая оставшиеся дни, началось. Но без него. Все многодневные, сладостные мечты, навеянные предвкушением небывалого торжества, превратились в прах. Нестерпимая боль от осознания того, что свадьба проходит без него, главного друга, можно сказать её зачинателя и вдохновителя, жгла и сводила с ума. Мишкина свадьба и без него — Бобровского!

А как всё сегодня начиналось! Ничто не предвещало надвигающейся трагедии. С утра в строгой тройке, он, свидетель и друг жениха, находится в самой гуще предпраздничной суеты. Солидностью и элегантностью порой затмевая самого жениха. Даже в сельсовете, чванливый председатель Гриша, вынужден был отметить его импозантность, почтительно поглядывая сквозь треснувшее стекло очков. А какую витиеватую, можно сказать, министерскую подпись поставил он, свидетель в сельсоветовском журнале регистраций! Бедный председатель даже крикнул от зависти и досады. Да, Григорий, в школе надо было прилежнее заниматься чистописанием!!

Душа пела! А впереди ещё был целый вечер дивного застолья, где центральной фигурой будет он — Бобровский! В его власти будут гости и тосты. Всё разнообразие напитков будет подчинено его воле и без ограничений! В голове роились искрящиеся спичи, тосты, каламбуры. Земной рай во всём своём великолепии!

Всё рухнуло в одночасье. В сельсовете, после регистрации, счастливых молодожёнов поздравляли шампанским под его мудрым руководством. Но увлечённость процессом несколько ослабила бдительность. Только после третьего фужера радостный свидетель уловил шипящий взгляд дорогой супруги. Но и в этот момент он не чувствовал приближающейся катастрофы. Ведь святое дело — свадьба. И что, нельзя поздравить друга в такой-то день совсем маленькой, ничтожно маленькой рюмочкой??

О кардинальном изменении своих планов на нынешний вечер он узнал только дома, куда его на минуточку заманила коварная подруга жизни, якобы

навести лоск в наряде. И в результате свадебный генерал превращён в арестанта домашней гауптвахты.

Звон бокалов и мощный рёв «Горько!!» вернули пана Бобровского к тяжкой действительности. В голове рефреном звучало:

*«Ох, у соседа быстро пьют,
А что не пить, когда дают,
А что не петь, когда уют
И не накладно.
А тут вон.....»*

Ещё это чёртово мясо. Хотя, оно, конечно же, коровье... Но и без него жизни нет. А друзья, тоже там за стенкой, гуляют, забыли сразу. Как только водка лезет им в горло, когда я здесь вот так?

Мерзкий, нудящий стук по стеклу заставил несчастного затворника прерывать печальные размышления. За окном активно жестикулировал молдаванистый щёголь Валера. Всеми возможными жестами он торопил пана открыть форточку.

– На, держи!! Только быстрее, пока не засекли. Твоя идёт!

В форточку протиснулась полновесная эмалированная кружка. Далее действия развивались под счёт раз — сюда, два — туда, три — назад. На счёт четыре гонец утешитель исчез с опустошённой кружкой. А снаружи уже гремел отпираемый замок.

Не успев выдохнуть, арестант кинулся к мясорубке. Фарш хлынул селевым потоком...

Только тогда, когда прощально брякнул замок за довольной результатом воспитательного процесса женой, труженик рискнул выдохнуть.

– Дружище, держи!! — в форточке опять маячил эмалированный бок. Процесс пошёл. Каждый выходящий покурить или просто размяться на свежем воздухе гость старательно вносил свою посильную лепту в акцию поддержки узника произвола...

Сердце даже самой суровой супруги смягчится от искреннего раскаяния и ангельского смирения проштрафившегося мужа. А если это ещё и подкрепляется неистовым, самоотверженным трудом на благо семьи, то здесь недалеко и до награды.

– Молодец! Ну, наконец-то, слава богу, осознал мою правоту! Пусть даже не совсем сам. Но он определённо заслужил поощрение — так думала растроганная половина Бобровского, неся невольному затворнику от праздничного стола салат под шубой, обильно приправленный ломтиками колбасы — пусть полакомится труженик!

Труженика на кухне не было видно. Сумерки оттеняли белизну пустого стола.

– И даже убратся успел! — радостное умиление переполнило сердце восхищённой жены.

Несколько мгновений спустя высвободившаяся сила эмоционального всплеска хрупкой женщины приблизилась к взрыву маленькой ядерной бомбы в ограниченном пространстве. Здесь было всё: световое и инфракрасное излучения, звуковая и ударная волны. Последняя, кстати, нанесла наиболее чувствительные повреждения, безмятежно лежащему под столом работнику мясной отрасли. Но это он почувствует значительно позже. А сейчас пока он

слагал основу скульптурной композиции с условным названием «Строитель коммунизма и его верная мясорубка на отдыхе в фарше».

2. КОЛЫМСКИЙ ИСХОД

ИЗГНАННИК

За исцарапанным иллюминатором, выдавшего виды АН-24, медленно проплывали нескончаемые и какие-то безбровые, заснеженные гольцы. Даже с высоты чувствовался беспощадный, всё пронизывающий холод, сковавший до звенящего окаменения и чахлую тайгу и, округлые меандры русел рек. Всюду, куда не глянь, был унылый, какой-то бесконечный, безмерно промёрзший снег и нескончаемая, всепоглощающая стылость.

Бобровский в очередной раз зябко поёжился от холодящих душу предчувствий и, с глубокой тоской вспомнил такой далёкий, тёплый и уютный домик в мондинской экспедиции. Да, всё познаётся в сравнении. Сейчас, из колымской дали, пыльные и неприятные Монды уже казались земным раем. Увы, к величайшему его сожалению, потерянным им навсегда. В тоскливом сознании ассоциативно всплывала фреска Мазаччо и картина Кокси «Изгнание из рая».

«Да, Адаму то с Евой было, несомненно, лучше» — думал с тоской убитый судьбой пассажир — там им было тепло даже с минимумом одежды из листочков и веточек, не то, что здесь». Последняя мысль его немного отвлекла от созерцания унылого пейзажа и, даже, увлекла. Представив свою грозную и грузную спутницу уже не в необъятной цигейковой шубе, а в миниатюрной, не скрывающей ничего тонкой зелёной веточке вокруг бёдер, Пан было сладостно причмокнул, но, охлаждённый суровым взглядом супруги, лишь обречённо вздохнул.

А ведь всё могло быть совсем иначе. И не надо было бы кочевать из оазиса уже наступившей весны в этот край вечной мерзлоты и морозного ужаса для всего живого. И для него, любимца просторов Тавриды.

А причиной такого страшного падения стала мимолётная расслабленность, в один миг разрушившая до основания так любовно выпестованное, сладкое и уютное житие.

В тот несчастливый день все развивалось по обычному, в деталях проработанному и не раз проигранному сценарию. Гости — геологи из камералки, сплочённой группой вальяжно расположились вокруг стола. Частично опустошённые бутылки болгарского вина уютно стояли в центре стола, лаская глаза окружающих своим внутренним содержанием. Всем было хорошо и уютно. Беседы текли полноводным свободным потоком. Эти часы рабочего времени в здании лаборатории хранения радиоактивных отходов были желанной отдушиной среди бесконечной череды зимних дней. Это был своеобразный и единственный на всю Тункинскую долину, а может быть даже и славную Республику, мужской элитный клуб по интересам. Несколько часов душевного отдохновения вдали от зорких глаз начальства и строгих супружниц, давали мужской части геологической службы экспедиции необычайный заряд бодрости и жизнелюбия. Каждый из тружеников ума и молотка с нетерпением и трепетом юного любовника ожидал заветного часа, бережно собирая денежные знаки на цели пополнения запасов винного погребка Пана Бобровского. Последний, на правах хозяина заведения и бессменного его

председателя, формировал программу очередного заседания и устанавливал дату его проведения.

Вдруг, в самый разгар мероприятия, монотонный гул голосов прорезал резкий стук в дверь. Опытные гости резко прервали беседу и вопросительно глянули на Пана.

— Спокойно ребятки! — отозвался хозяин — это мой мальчик вернулся, бегал за салцом домой. Откройте!

Но когда массивный засов освободил дверь, всех ждало удивление и неприятное разочарование: за дверью стоял разъярённый начальник экспедиции.

— Да, вот тебе бабушка и мальчик! — прокомментировал событие неунывающий горный мастер Валера — а кто скажет, что это девочка, то пусть первый бросит в меня камень!!!

Впоследствии эта фраза, почему-то приписанная злым роком и начальником экспедиции пану Бобровскому, сыграла в его судьбе самую зловещую роль. Он был строжайшим образом разобран и обсуждён на совместном заседании парткома, разведкома, женсовета и товарищеского суда. Затем был с позором изгнан с должности начальника хранилища р. о. и уволен «за организацию систематического распития спиртных напитков в рабочее время с широким привлечением ИТР поисковых и съёмочных партий». Особо отягощающим обстоятельством, как следовало из постановления товарищеского суда, явилось «злостная и циничная пьянка, устроенная в день Всесоюзного ленинского субботника, нанёсшая тяжелую моральную травму всем сознательным мондинским строителям светлого коммунистического будущего, а также подрастающему, неокрепшему беспартийному поколению».

То, что вся тяжесть административного гнева обрушилась на несчастную голову пана Бобровского, объяснялась весьма просто. Приближался полевой сезон и карать геологов было крайне опасно и непродуктивно. Народ они своенравный, свободолюбивый, однозначно бы отреагировали на репрессии массовым весенним увольнением и, как говорилось, «встали бы на крыло». Обезлюдившие геологические партии практически сразу бы прекратили своё существование, чем нанесли непоправимый вред производственным планам в целом и административному аппарату экспедиции — в частности. А Пан и его должность не влияли никак на полевые работы экспедиции и являли собой отличный объект для проявления праведного гнева.

И вот, бывший любимец геологического народа и убеждённый поклонник Бахуса, а ныне изгнанник за убеждения, прибывал на негостеприимную Колыму. Этот длинный и утомительный путь из весны в зиму мог повергнуть в бездну уныния любого, даже самого жизнелюбивого человека. Как, никак край ГУЛАГА и бессрочных ссылок.

Пересохшие от долгого воздержания губы несчастного переселенца беззвучно и обреченно шептали:

*И до весны, до корабля
Не доживу, когда, ни будь
Не пухом будет мне земля
А камнем ляжет мне на грудь....*

ГОРОДОК СУСУМАН

Сусуман сразу и навсегда не понравился Бобровскому. Серые, убогие железобетонные коробки, заросшие от крыш до фундаментов уродливыми наростами льда и изморози, узкие пешеходные тропки, среди грязно-серых сугробов петляющие между каменных халуп нанесли тяжёлую моральную травму славному сыну степей Тавриды. В добавок к географо-климатическим невзгодам добавлялись ещё морально-этические: здесь проживала родная сестра беспрекословно уважаемой супруги Пана. К ним-то и прилетела чета бедных странников.

Внутри жилище родственников выглядело уныло. Пещерный полумрак комнат только усугублялся жёлтым светом от 40-ваттных лампочек Ильича. Видимо эти лампочки были из тех нескончаемых остатков, завезённых первыми северными караванами ещё в 30 годы. Жалкое и неустойчивое тепло от облезлых батарей парового отопления делали более осязаемым свирепствовавший за стенами мороз. Влажный и спёртый воздух помещения гармонично дополнял убогую картину бытия тружеников севера. Светлым пятном на стене «залы», украшающим жилище северян и вселяющее определённый оптимизм в их суровые души была картина великого советского живописца Д. Налбандяна «Леонид Ильич Брежнев на Малой земле».

Стол не ломился от яств. Выставленная в честь приезда гостей одинокая бутылка спирта несколько оживила изгнанника совести. С глаз его слетела вуаль грусти и отчаяния. В голове стали зарождаться приличествующие данному моменту спитчи и афоризмы. Но беда пришла, откуда её никто не ждал. Карающая реплика благоверной в один миг прервала высокий полёт души.

— А он больше не пьёт — весомо изрекла она — плохо ему что-то последнее время, да и боли после этого часто появляются, блуждающие!

Насчёт блуждающих болей, Пану действительно было очень неприятно вспоминать. Хоть и деревянная и экологически безопасная, но всё-таки палка. Она не очень хорошо гармонировала с плечами и спиной нашего труженика. Ох, и строга его дорогая супруга! Вспылчива, да и горяча бывает порой, да и рука её весьма тяжела во гневе...

КОЛЛЕКТИВ

Знакомство с трудовым коллективом прошло вяло и без приличествующего такому знаменательному моменту застолья. От ИТРовцев партии, работающих в стильной комнате-камералке, веяло таким диким унынием и покорностью судьбе, что наш герой даже слегка опешил. Да и было от чего. Каждый из геологов, как мог, отгородился от окружающих соратников. Кто шкафом, кто полкой и, существовал в этом своём, закрытом от окружающих мирке. Закутанные в затасканные свитера и безрукавки они боле всего походили на досрочно расконвоированных ЗэКов, отбывающих срока за неведомые им прегрешения...

И потекли серые, похожие друг на друга трудовые будни, слипшиеся в одну нескончаемую безрадостную полосу. Лишь ритуальное чаепитие несколько скрашивало обстановку режима трудовых подвигов. Когда электрический кипятыльник с неимоверным усилием заставлял клокотать воду в эмалированном чайнике, труженики с облегчением покидали свои насиженные места. За чаем велись неспешные, но какие-то пресные, с точки зрения Пана

Бобровского, разговоры. Не было в них волнительной жизненной искры и радости бытия. А присутствие двух женщин лишало компанию удовольствия обсуждения целого ряда животрепещущих мужских тем. Да и чаем ли единым может быть жив геологический народец в период вынужденного зимнего бездействия??? Надо было, что-то предпринимать.

И Бобровский рискнул. Выбрав удобный момент, он, на умело утаённые ранее от всевидящего супружеского ока 3 рубля, с величайшей предосторожностью преобрёл бутылку болгарского вина «Медвежья кровь». В этот раз фортуна ему благоволила: и женщин не было, они не пришли на работу по каким-то там семейным причинам. Это был уникальный шанс. И Пан его не упустил. На глазах изумлённых старожил он, как столичный факир, с захватским хлопком откупорил невесть откуда появившуюся бутылку и, не без артистизма, вылил её содержимое в чайник. Пустую же тару с цветастой наклейкой, эту неоспоримую улику факта злостного нарушения трудовой дисциплины, он элегантно, отточенным жестом профессионально упрятал в ящик стола. Следующим движением в чайник был вставлен кипятильник, а вилка последнего — в розетку. Три столовые ложки сахара, щепотки предусмотрительно принесённой из дома корицы, гвоздики и лимонной кислоты завершили подготовительный ритуал. Минуты текли неимоверно долго. Народ, забыв о работе, выполз из своих убежищ и сгрудился вокруг чайника. Все мысленно торопили время и мечтали об одном: только бы не лицеизреть начальство в ближайший час. И сладостный миг настал! Пан с грацией и манерами радушного хозяина, потчующего дорогих гостей, разливал в чайные кружки чудесный, пахучий напиток.

Первый глоток под тост «За коллектив» поверг тружеников умственного труда в бездну наслаждения. Горячий, ароматный и бодрящий напиток лечебным эликсиром упал на застарелый лёд душ геологов. Уже через несколько минут их глаза заблестели и щёки приобрели уже забытый, живой окрас. Стало как-то светлее и, даже закопчённые стены, вдруг словно расступились. А разговоры!!! Будто весенние потоки прорвали глиняную плотину глухого молчания! Заговорили все!!! Разом!!! Горячась, перебывая друг друга, невольные молчалники торопились донести окружающим свои самые заветные и светлые застоявшиеся мысли и чаяния.

Но всё прекрасное имеет свой конец. Так и капли чудесного эликсира жизни растаяли бесследно. Мужчины с недоумением и некоторой лёгкой обидой смотрели на пустой чайник с одиноко торчащим в нём сиротой кипятильником. Повседневность тягучими шагами медленно возвращала ранее утерянные позиции. Народ тускнел и скукоживался прямо на глазах...

— Мужики, по рублю! — спасительный клич бросил тонко чувствующий ситуацию Бобровский. Но суетливое, больше ритуальное обследование карманов, к сожалению, не принесло ожидаемого результата. Две затёртые до дыр рублёвые бумажки, сдобренные убогой кучкой медных и серебристых монет, не оставляли надежды на понимание продавщицы винного отдела.

Да, северные тучные заработки явно не оседали в карманах этих тружеников молотка. Ежемесячные потоки зелёных, красных и сиреневых бумажек, даже не касаясь рук работников, уплывали и оседали на каких-то условных счетах в ожидании наступления той главной будущей жизни, в которой и наступит счастье. А сейчас — лишь унылая, бесконечно длинная процедура накопления первичного капитала, предтеча фундамента будущего счастья.

Но день чудес ещё не окончился. И в тишине надвигающегося уныния, Пан жестом великого мага, вдруг материализовал изумлённой публике хрустящую пятирублёвку. Это был его последний денежный резерв, остатки бывшего финансового благополучия, который он, как полководец, в критический момент безжалостно бросил в затухающий огонь будущего единения.

Народ восхищённо вздохнул и вновь воспрянул духом. Выходило две полновесные бутылки. Два самых безденежных геофизика, чувствовавших себя несколько ущербными ввиду полного отсутствия наличности, бросились в магазин. Действительно, операция предстояла ответственная и требовалась незамедлительность действия со всеми необходимыми предосторожностями.

Но этот день был удачен во всём... Вечером работники расходились по домам в приподнятом настроении и благостью в душе. Их уже не угнетали рано сгустившиеся сумерки. А осклизлые, мёрзлые тропинки не казались дорогой в безнадёжность. Даже завтрашний рабочий день уже не страшил своей обыденной безысходностью...

К НОВОЙ ЖИЗНИ

Опустилась всепоглощающая ночь. Супруга удовлетворённо уснула, наполняя квартирку убаюкивающей и такой уютной тишиной.

А Бобровский был терзаем мыслями о будущем. Как фельдмаршал после удачно проведённого сражения, он раздумывал над стратегией новой предстоящей битвы. Проблему создавали деньги. Вернее, полное их отсутствие в мужских карманах. Тем не менее, довольно значительное их количество осуществляло свой вечный круговорот. И надо было найти способ, который бы обеспечил их движение в нужном направлении. Пусть даже не ревущим полноводным потоком, а хоть тонкой, но неиссякаемой струйкой.

Всё осложнялось тем, что лучшие половины геологического состава отличались каким-то особым, почти маниакальным, трепетным отношением к денежным знакам. Они дважды в месяц трепетно с благоговением получали их в кассе экспедиции, ласково поглаживая пересчитывали и, на максимальной скорости несли в сберегательную кассу. Они их КОПИЛИ! Следствием этого явилось почти полное отсутствие рублей в мужских карманах. Да и зачем они им? Ведь дома тружеников регулярно и кормили, и поили, а прочие излишества, такие как-то табак и вино были им категорически противопоказаны.

Из командировки в Магадан Пан привёз стопку незаполненных фирменных бланков с печатями и две горсти значков «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры» и «Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов». Всё это богатство удалось добыть по случаю, у знакомого земляка-завхоза из дома престарелых за почти символическую и весьма приятную плату — совместно «раздавленную» бутылку плодово-ягодного портвейна.

Не мешкая ни дня, Бобровский организовал низовые, но радостные ячейки ярких рационализаторов и убеждённых поборников охраны памятников. И в полном соответствии с утверждёнными где-то в далёкой Москве Уставами стал активно собирать сначала вступительные взносы, а затем и регулярные ежемесячные членские взносы. Дело было государственное и строгие супруги, хоть и отчаянно мучились, но вынуждены были послушно выдавать

требуемые суммы. Пусть всего по 15 и 10 копеек в месяц с каждого активиста, но фонд моральной поддержки и психологической разгрузки тружеников «ума и молотка» заметно наполнялся. Хотя ему и было недостижимо далеко до округлостей счетов партийного фонда, но он всё таки с некоторой регулярностью позволял членам во главе с Председателем плодотворно проводить тематические собрания.

Для очередного торжественного собрания рационализаторов и охранников, посвящённого Дню конституции 5 декабря, Пан приготовил своим единомышленникам сюрприз. Он из столичного Магадана привёз ДЕЛИКАТЕС!!! Да ещё какой! Сыровяленая колбаса. Олень. Шедевр деликатесной самобытной мастерской **PREMIUM TRADITION!** Уникальный пищевой продукт, созданный, как гласила цветастая этикетка, *«без жидкого дыма, без глютена. Категория А»*. Но, почему-то, изготовленный в очень далёкой Москве и, притом, на каком-то 22-м километре Киевского шоссе. Хотя вес нетто продукта и составлял всего 75 граммов, но зато стоимость была 300 полновесных трудовых рублей!

В составе материкового шедевра пищевой промышленности перечислялось всё, начиная с мяса оленя — говядины и кончая ацетатом натрия с натуральными красителями. А вот о коварном полиэтилене, мелко нашинкованном в мясе безвременно павших оленей почему-то не упоминалось совсем! И в результате, после дегустации продукта, бобровский желудок, не ожидавший такого подвоха, как-то не переварил присутствия этого злосчастного ингредиента, а аппендицит ещё и воспылал праведным гневом.

Следствием этого стало временная нетрудоспособность основателя и бессменного председателя неформального сусуманского клуба мужского единения.

Так или иначе, для восстановления подорванного непосильным трудом здоровья председатель двух филиалов был доставлен в больницу, где и был у него удалён недоразвитый зловерный отросток.

Десять дней послеоперационного периода для Пана были чудеснейшими за все прошедшие месяцы!!!

Полная нега! Нет ежеутреннего тяжкого подъёма под ритуальное ворчание дражайшей супруги, нудного шагания на работу по промёрзшим деревянным, скрипучим тротуарам в сырое тепло затхлой камералки...

А здесь в солнечном внимании старшего и среднего медицинского персонала Бобровский купался как в июльских тёплых водах Чёрного моря, набираясь живительной энергии и сил для новых свершений.

От составителей. Автор обещал продолжение.

КРАСНОЕ И БЕЛОЕ

Конец рабочего дня. Молодой специалист терпеливо маялся в блудливой очереди ОРСовского магазина. В голову очереди то и дело влезали то знакомые и друзья впереди стоящих, то просто страждущие с перепоя граждане. Перед бывшим студентом, а ныне тружеником солнечной Бурятии стоял экспедиционный механик Максим Дошинимаевич — крупный, степенный и немногословный бурят.

На вопросительный взгляд хозяйки прилавка Дошинимаевич бросил коротко, но весомо:

– Бутылку! — в его исполнении родное слово прозвучало как «Путылку!».

Надо отметить, что труженики ОРСа в последний привоз товаров постарались и выбрали для работников экспедиции, весьма своеобразный ассортимент горячительных напитков. В результате, полки магазина были уставлены многочисленными бутылками болгарских вин с самыми затейливыми этикетками и названиями, но с одной, строго фиксированной ценой на всех — два рубля пятьдесят копеек. И это при полном, хотя и временном отсутствии истинно народных напитков.

Всё это привело к тому, что многие заслуженные покупатели просто терялись у прилавка и, что бы хоть как-то произвести желаемую покупку, судорожно и неопределённо тыкали пальцем в сторону полок с уточнением: – Вон ту, ту!!

И, получали то, что соизволяла подавать продавщица Зина.

В отличие от прочих, механик не утруждал себя лишними, суетными движениями. Достаточно было того, что он пришёл в магазин. Пока продавщица двигалась к ящику с вином, в её мощную спину ударило уточнение: – Две!

Народ в очереди одобрительно крикнул. Действительно, чего лишний раз ходить. Да и сдачи не надо сдавать — всё быстрее.

– Ты чего даёшь? — это Дошинимаевич вышел из нирваны, плясая на пару бутылок «Монастырская изба».

– Давай хорошую бутылку, вон ту! Красную, «Медвежья кровь». Ишь, хотела дрянь подсунуть!

На крыльце, отягощённый покупками молодой спец столкнулся с механиком. Последний неторопливо покуривая, блаженно щурился на заходящее солнце. Его бронзовое лицо олицетворяло покой и мудрость кочевого народа.

– Дошинимаевич, а почему ты не стал брать светлое вино, ведь оно значительно лучше? — поделился будущий покоритель недр своей точкой зрения — у нас в городе за ним очередь, его только и берут, а не эту краску.

Созерцатель заката медленно повернулся, его прищур стал несколько шире, а губы скривились в презрительной усмешке: – Ты, молодой, сопсем дурак будешь! Чему тебя в институте учили? Сопсем в жизни ничего не понимаешь! Вот слушай. Ты пьёшь белое вино и ссышь как? Белым!! Я пью красное вино и, тоже ссу белым. Организм краска берёт — полезно значит!!

Прошли десятилетия. А я до сих пор люблю красные вина. Что тут поделаешь, полезно значит!!

КРАСНОЕ И БЕЛОЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Моему другу по экспедиции Г.Б.

Опять пятидесятилетие. Город. Кафе. Юбиляр красив и строен. Рядом сын — юная, улучшенная копия отца.

Как и положено, за столами представители руководства **Компании**, её достойные члены и, пара-тройка «товарищей по партиям» из прошлой, ещё советской экспедиционной жизни. Тосты, привычно сменяя друг друга, доносили до именинника данные его биографии, расставляя по местам основные

вехи счастливого жизненного пути. Мерный, застольный гул перемежался активным виловым побрякиванием и плотоядным посапыванием.

— А что это вы, Александр Асеевич, пьёте только вино?

Это сам первый зам компании вдруг решил осчастливить вниманием близ сидящего гостя со стороны.

— Все **НАШИ НАСТОЯЩИЕ** геологи предпочитают крепкие напитки. А вы что? Болуете, однако?

Вокруг дружно и с энтузиазмом закивали. И налили себе водочки ещё.

Столь неожиданное общее внимание смутило чужака и заставило прекратить манипуляции с вилок. Тесно сжатый соседями, он был несколько ограничен в возможности полноценно закусить, а тут ещё эта забота. Отмолчаться не удавалось. Да и не совсем прилично было бы не отвечать на вопрос гостеприимных хозяев, а одному из главных — тем более.

— Дело в том, уважаемый Мунко Бадмаевич — начал гость — что когда-то в молодости был у меня случай. Если желаете, то я расскажу.

И, далее, прозвучал рассказ о наставлениях и наставниках далёкой юности в далёкой Саянской экспедиции.

— С тех пор — подвёл итог повествованию сказитель — я пью только красные вина, полезно значит!!!

Над столом повисло тягучее молчание. Команды смеяться не было. Гости притихли и даже прекратили жевать. Народ вдруг активно заинтересовался составными ингредиентами салатов и гарниров, по-видимому, пытаясь раскрыть волнующие их секреты общепитовских шедевров.

Всё было бы ничего, но рассказчик не очень обдуманно раскрасил своё повествование специфической национальной интонацией, очень родной и узнаваемой окружающими. Как-то враз чужаку стало просторнее. Молчание затянулось, становясь всё осязаемее, постепенно превращаясь в тягучую обволакивающую субстанцию.

— А что это вы, уважаемый, говорите с немецким акцентом? — это наконец-то разбил тишину сам первый зам.

— Всё как-то это не понятно звучит. Да, а??

— Дак, у меня с языками всегда проблема — гость пытался изобразить смущение — путаюсь я часто, однако.

Да, действительно, с языком у него и проблемы...

ДВА ЗАСТОЛЬЯ

Поздней осенью, после первого полевого сезона, я получил неожиданную командировку в областной город. Отправляли на курсы повышения квалификации, учиться на начальника партии. Нет, нет, не той ПАРТИИ, которая главная, а той, которая геологическая.

Приятно после таёжной глухомани вновь оказаться в городе недалёкой студенческой жизни. А тут ещё, закадычный друг Гена сподобился согласиться на свадьбу, да так удачно по времени, что я успел как раз к банкету.

Гуляли в зале кафе. Гости в основном родственники и сослуживцы жениха с невестой.

Так случилось, что я оказался на дальнем конце стола, вернее, на самом его краю и замыкал собой плотную шеренгу сидящих гостей. Напротив сидел

не высокий, ясноглазый, весьма приметный мужчина, возрастом немногим за сорок. Подруги невесты с нескрываемым интересом бросали на него взгляды.

Всё шло своим чередом. Произносились тосты. Утирались слёзы умиления и сопли позднего раскаяния. Отдельные гости заговорили стихами, большинство мужчин — комплиментами. Народ хмелел. Мерноебряканье вилок и бокалов периодически прерывалось криками «Горько!!» и «Сор в вине!!».

Самые хмельные головы, смотря на действие во главе стола, уже начали путать главных виновников торжества с их свидетелями. Свадьба входила в силу.

Из общего гула веселья меня выдернул беспардонный возглас: «Ты кто?».

Ясные глаза соседа напротив внимательно смотрели на меня. Выпитая водка нисколько не изменила его, разве что глаза стали ещё яснее и бездоннее и, притягательнее.

— Геолог? И откуда? — мой пламенный монолог о сойотах, Саянах и Окинской экспедиции произвёл на него самое неожиданное действие. Слегка обмякшая фигура резко напряжилась, весь он как-то собрался и, можно даже сказать, что даже увеличился в габаритах.

— В какой партии работаешь? — в голосе не осталось и следа от праздничной пьяной расслабленности, чувствовался самый неподдельный интерес.

— Тустукской.

— Моя партия! — незнакомец произнёс это весомо, с нажимом, тоном, не терпящим никаких возражений.

— Да нет, у нас начальник Балдынов Вале...

— Я говорю — моя партия, я её создал. Я Ставский!! Слышал обо мне?

Да, о Ставском я слышал. Эрик Феодосьевич. Легенды о его похождениях и выходках обязательно входили в условный курс «Подготовки молодого геолога Окинской экспедиции» и, передавались из уст в поколения. Ставский представлялся своеобразным мериллом бесшабашной саянской геологической удали и отваги. Эталон гремучего сплава геологии, любви к женщинам и вину.

И вот эта легенда сидит передо мной.

— Меня в экспедиции помнят?

— Да, конечно, ещё как помнят!! — мои жаркие уверения о нетленности его подвигов звучали для него самой сладкой музыкой.

— А что помнят? — вопрос на засыпку перед полной расслабухой.

— Про козла и камералку вспоминают, конные скачки по курумникам, серебряные свадьбы Карамбы. Да и про всё остальное!!

— Да, помнят. А вспоминают?.

Незаметно для себя, Ставский отрешённо погрузился в поток сладких воспоминаний, оставив за бортом и нынешних гостей, и свадьбу, и жениха с невестой.

— А Любка где? — это опять меня вырвали из сутолоки веселья.

— Какая?.

— Ты, что Любку не знаешь? — вопрос прозвучал сродни — ты что, совсем дурак? Главного в жизни не знаешь.

— Да Любку, Любку!!!!

Судорожно вспоминаю немногочисленных жителей нашего посёлка в поисках ставшей на глазах легендарной Любки. Ну, нет, не знаю.

– Да учительницу Любку!!! Где она?

Учительница? Опять нет. Есть только степенная Любовь Илларионовна, строгий начальник над всеми учителями поселковой школы.

– Она, она!!! Расскажи о ней!

Краткая справка о самой учительнице, её муже и детях бросила Ставского из ностальгического благодушия в самую чёрную ярость. Львиное рычание сменило человеческую речь. А скрежет зубов так меня впечатлил, что я произвольно подставил ладони — собрать все что выпадет.

Наконец стали пробиваться членораздельные фразы: – Приеду! Осенью обязательно приеду! Точно приеду!!!

В свадебной сутолоке я не заметил, как он ушёл. Как оказалось — нас всем. Нет, не приехал он больше в Монды. Осенью, после окончания сезона, сплавляясь на резинке по Витиму, он утонул.

Прошло двадцать лет. Кончился социализм, рассыпался Советский Союз, превратилась в прах Окинская экспедиция. Лишь серые бетонные остовы напоминали о былом празднике геологической жизни.

И вдруг, нестареющий съёмщик Александр Михайлович приглашает приехать в Монды на свой 50-летний юбилей. Он один из немногих остался жить на руинах рассыпавшейся экспедиции.

Юбиляр собрал гостей в здании старой деревянной камералки, дорогой и памятной каждому гостю по годам счастливой молодости. Сколько событий смешных и не очень свершилось в этих стенах!

Гуляли как всегда: сначала степенно и рассудительно, а далее с всё возрастающим размахом и задором. Постепенно годы уступали напору бесшабашности и оптимизма и отшелушивались от тел сухими листьями. Народ хмелел и молодец.

В один из очередных заходов за стол, я оказался рядом с той Любой из далёкого, но памятного допроса Ставского. Под действием ностальгического порыва, настоянного на красных и белых винах, я рассказал ей о давней встрече на свадьбе. Глаза слушательницы затянуло зыбким туманом. Что-то неувлечно знакомое, Ставского, промелькнуло на её лице.

– «Ты, Саша, — это уже мне — посиди здесь, я сейчас отведу Вову домой и вернусь. Ты мне всё подробно расскажешь!».

И они ушли домой, сославшись на годы и усталость. А я ломал голову и не знал, что ещё могу рассказать ей поподробнее из той мимолётной встречи. Но, к моему облегчению, она так и не пришла. Оказалось, муж Вова, всегда отличавшийся крестьянской смекалкой и предусмотрительностью, просто запер её в доме на висячий замок. На всякий случай. Пусть бывшего соперника и нет на этом свете, но как-то так оно надёжнее. Бережёного Бог бережёт, да и ...

ОТОПЛЕНИЕ

Гриша Дёмин — председатель сельского совета был горд собой как никогда. Ведь это он, а никто другой, догадался устроить паровое отопление в здании сельсовета и, что наиболее важно, у себя в кабинете. Как это поднимет престиж власти в народе и, особенно её представителя на месте: его Григория Дёмина! Мысль о том, что украшенная радиаторами комнатёнка сразу перейдёт в разряд КАБИНЕТА ВЛАСТИ, его кабинета, приятно грела душу. Те-

перь пусть попробуют насмеяться над ними (Гришей и сельсоветом) эти вечно хмыкающие бездельники геологи.

Геологов председатель сельсовета не любил. Да и было за что. Чем занимаются? Хоть-бы работали. А то всё лето шляются где-то в горах в своё удовольствие. Туристы. Охотничают, рыбалят. Вертолётами их возят туда-сюда. И, ещё за все эти удовольствия и деньги платят государственные. И не малые. А мало того, они потом всю зиму ходят по селу с умными физиономиями. Мыслители. Выделываются.

Это кто-то из них прилепил к нему прозвище «Сельсовет». Против самого слова, в принципе, Гриша ничего не имел, можно сказать, он его даже любил, но вот в приложении к нему, к председателю, в родном слове сразу появилась какая-то двусмысленность. Это чувство неясной, глубоко скрытой издёвки занозой сидело в Гришиной голове. А тут ещё некоторые стали добавлять совсем идиотское: «Сельсовет и бабушка на фронте». Одно слово — завидуют.

Для выполнения работ по установке отопления прислали из районного центра сварщика — бойкого на руку и на язык парня лет 25. Дёмину он не понравился сразу и насовсем. Хотя и дело сварщик своё знал и работал споро, но не проявлял он к председателю должного уважения. И, самое обидное, не хотел он слушать мудрые Гришины замечания по ходу работ в свете новых решений съезда партии. А как отцу самой идеи, заказчику и коммунисту, ему было это очень обидно и даже оскорбительно. Да и было ещё подозрение, что дурацкую приставку придумал тоже он.

Так как ни свадеб, ни похорон в ближайшие дни не предвиделось, а других дел председатель не любил, то он полностью посвятил себя шефству над процессом ведения ремонтных работ. Что бы, не смотря на сложную внешне-политическую обстановку, данный процесс не сбился с единственно верного, намеченного партией пути. Так вдвоём они и работали: один гнул и резал трубы, второй стоял и пытался руководить.

Этот памятный морозный понедельник не располагал к работе дуэтом и тем более к душевной беседе. Сварщик находился не в лучшей своей форме. Причин было две: болела голова — это с похмелья и болело всё остальное — это от ушиба всем остальным о твёрдое. У председателя от водочки голова не болела никогда. Опыт и тренировки. Да и болеть-то чему?

Накануне, в воскресенье, мастер по отоплению ходил на правый берег Иркут в гости к приятелю. Возвращался домой уже ночью, на автопилоте. Следует отметить, что по Мондам ночной порой ходить иначе и нельзя — темень непроглядная. Селяне регулярно требовали у сельсовета повесить фонари. С той же регулярностью Гриша обещал и... на этом всё кончалось.

Когда труженик трубы и бензореза вышел на бетонный мост через Иркут, ему казалось, что все ночные трудности его пути остались позади: до дома оставалось метров пятьсот асфальта. Только некоторое время спустя, ощутив себя лежащим под мостом, на жёстком льду, он осознал преждевременность этой мысли.

Накануне пьяный водитель не совсем верно рассчитал траекторию тяжёлого «Урала» и вырвал из бетонного моста весомый кусок тротуара. В эту-то дыру и вступил наш герой по причине темноты и опьянения. Хотя последний фактор, следует признать, был скорее положительным: несмотря на значительную высоту моста, несчастный отделался только ушибами. При этом от

удара в его голове родилась МЫСЛЬ. Мысль о виновнике своего падения, как в прямом, так и в переносном смысле. Кандидат был только один — Гришка-сельсовет. По мере усиления болей в организме эта уверенность крепла и получала дополнительные фактические подтверждения. К утру все умозрительные изыски были завершены и, обвинение преступнику было готово.

И так, работа в этот день не шла, а медленно скреблась к обеденному перерыву, чем вызывала справедливый гнев представителя власти. Замечания председателя сельсовета с каждым разом становились всё категоричнее и жёстче. На третьем часу воспитательного процесса, когда были исчерпаны все аргументы, когда не возымели действия даже выдержки из «Кодекса строителя коммунизма», Григорий с пронзительной ностальгией вспомнил железный порядок и дисциплину Великого Отца всех народов. Против этого, как правило, никто не решался возражать. Побеждала генетическая память, вернее Великий Страх на уровне условного рефлекса.

Но в этот день всё было не так, как НУЖНО. Вместо ожидаемого ужаса в глазах и молчаливого раскаяния, поборник порядка получил встречное предложение: не мешкая отправиться в дальний путь по известному адресу из трёх букв и, по мере возможности, подольше там погостить. Неслыханное по цинизму глумление над дорогими идеалами заставило представителя власти прекратить дискуссию и обратиться к методам физического убеждения. Председатель был матёр и коренаст, слесарь — рукаст, но узок в кости. Поэтому, как всегда, дело марксизма-ленинизма стало довольно скоро побеждать. Когда подлый пособник гнивающего империализма был загнан в угол и уже принуждался к капитуляции, в сельсовет вошёл почтальон. Возникшая заминка в боевых действиях уронила председателя сельсовета на глазах у народа на пол. Обрезок дюймовой трубы, использованный слесарем в качестве контраргумента, положил конец противостоянию.

На показательном суде по делам: «О нападения на представителя советской власти во время исполнения им служебных обязанностей, с целью дискредитации сельского поселкового совета, и советского строя в целом» и «Попытка убийства коммуниста Дёмина Г.С. по наущению империалистических спецслужб» многократно демонстрировалась причудливо изогнутая водопроводная труба, повторяющая очертания головы стойкого ленинца. При этом, как показала экспертиза, потерпевший получил «...незначительные телесные повреждения, не затронувшие жизненно важные органы».

Сам, счастливый от всеобщего внимания председатель, давал многочисленные и подробнейшие разъяснения по поводу выявления им подлого переорожденца, о его многочисленных и коварных планах подрыва советской власти.

Гришина голова в целом, и её содержание в частности, совершенно не пострадали. А белоснежная повязка очень даже шла к его мужественному лицу и навевала дорогие его сердцу слова:

*Шёл отряд по берегу, шёл издалека,
Шёл под красным знаменем командир полка.
Эх! Эх! Командир полка!
Голова повязана, кровь на рукаве,
След кровавый стелется по сырой траве.
Эх! Эх! По сырой траве!*

И представлялся он себе бесстрашным комиссаром на вороном коне и с шашкой в руках, мчавшимся в атаку на ненавистных врагов. И в ужасе падали, падали они на землю, и молили, молили его о пощаде...

А бледному сварщику «дали» весомый срок и увезли куда-то ещё севернее и ещё глуше. Там, видимо, тоже требовалось отопление. Остатки труб и бензорез унёс домой хозяйственный парторг. Чего же пропадать добру.

Сельсовет же так и остался без «парового» тепла, но с двумя одинокими ребристыми батареями в виде настенных панно. Да и к чему ему это буржуазное излишество, когда есть наша родная, пролетарская печь?!

РОМБ

Главный инженер экспедиции с трудом подавлял бешеное желание выплеснуть наружу захлестнувшую его смесь ярости и досады. В самый напряжённый момент, когда решается вопрос о выполнении годового плана разведки, ему приходится ввязываться в разборку этого безумного и нелепого скандала. Бросить решение головоломных, но высшего пилотажа проблем проходки восстающего и, как руководителю и, как председателю комитета по трудовым спорам, окунуться по самые уши в дегтярно-чёрный и специфически запашистый омут брачно-семейных дразг.

Ошеломляющую весть принесла председатель профсоюзного разведочно-го комитета. Прямо с порога кабинета она ошарашила его заявлением:

– Станислав Михайлович! У нас назревает убийство! Двойное убийство!! Марушкевич планирует убить Александра Михайловича и ещё её! И вполне серьёзно! Он сам мне заявил об этом. А я, как председатель разведочного комитета, со всей ответственностью заявляю: нам в экспедиции убийства не нужны! Особенно таких начальников партий!!

При этом указательный палец председателя весьма наглядно подтверждал весомость сказанного.

И далее, не обращая внимания на перекосившееся как от зубной боли, лицо начальника, она споро доложила о уже проделанной работе:

– Расширенное заседание разведкома через 30 минут. Все члены оповещены, дополнительно приглашены представители женсовета и парторг. Потенциальный убийца строго вызван, но с интервалом в 45 минут. Во избежание недоразумений возможная жертва находится дома, под замком.

– Вот чёрт, влип! Обложила! Не ответить — болью отдавалось в голове несчастного руководителя производства. Обречённо сгребая в кучу техническую документацию, он мучительно анализировал действительность: «И этот олух хорош, закозлил среди зимы. Нашёл время. Потерпел бы до выезда в поле. А теперь, попробуй, отмажь его. А ещё и обидится, что не помог, а ещё друг, скажет».

Комиссия выглядела внушительно. Здесь были все: начиная от золотящейся зубами и кольцами начальницы ОРСа и кончая штатным спортсменом в тенниске «Олимпиада 80» под блестящим, в отдельных местах, двубортным костюмом. Две представительницы женсовета, сложив губки бантиком, гармонично вписались в нишу между несгораемым шкафом и облезлым двухтумбовым письменным столом. Несколько особняком держались парторг и начальник отдела кадров. Как никак, штатная элита.

Разбор событий показал следующее: в экспедицию по распределению, из славного города Харьков, прибыла молодая геологическая чета. Он — ширококостый, медлительный увалень «з западной Украины». Она — миниатюрная очаровательная во всех отношениях панночка, с обворожительным старославянским именем, прославляющим солнце, и звучавшим песней эльфов в наших богом забытых местах. Обладательница чудесного имени и оказалась нынешним яблоком раздора, вернее, разбора.

На фоне смуглолицых аборигенов златокудрая красавица представлялась феей, занесённой в дикую страну гор неким волшебным ураганом. Немногие мондюки могли сохранить ясность мыслей и спокойствие души в её присутствии. У некоторых душевное смущение достигало такой силы, что захватывало помимо всего прочего и голову, перерождаясь, при этом, в тяжёлую и весьма опасную для семейной жизни немочь.

Первой и главной жертвой в ряду околдованных, оказался вечно юный классик геологосъёмочных работ, получивший харьковчан в виде пополнения, под своё начало.

В связи с возникшей производственной необходимостью, молодой муж был срочно отправлен вертолётom на дальний участок горных работ, а златокудрый специалист взят под опеку корифеем литологических серий и свит.

А поскольку знаний, накопленных предшествующими поколениями исследователей недр, было необозримое море, то только его опытная и крепкая рука могли помочь молодому, неоперившемуся специалисту идти правильным курсом.

Когда процесс познания геологической истины достиг апогея, вдруг возникли некоторые непонимания среди экспедиционной общественности и, в особенности, среди представительниц её прекрасной части.

По неведомым причинам, для них производственные проблемы вдруг уступили место частнособственническим инстинктам, густо приправленным мелкобуржуазными пережитками. Особой силы возмущение достигло тогда, когда корифей стратиграфии и литологии откомандировал златокудрого специалиста в столицу Республики, в группу поддержки своего будущего отчёта.

Но самые активные события развернулись позже, после возвращения отчётной группы в родное село.

Возмущённая супруга аса подсвит и комплексов провела титаническую работу и сумела объединить в единое целое две враждующие фракции под условными названиями «Обманутые жёны» и «Мужья без рогов» в единое целое, направив эту грозную силу тропею праведного гнева и порицания всех проявлений супружеской неверности и гиперсексуальности.

Тем временем, возвращавшаяся с победой домой после успешной сдачи, камеральная группа находилась в радужном настроении и не ожидала никаких неприятностей. Напротив, окрылённые успехом блестящей защиты, камеральщики чувствовали себя героями дня. Но, как оказалось, преждевременно.

Активные и весьма целенаправленные действия активистов «Альянса высокой морали», сначала раскололи монолит камеральной группы, а затем раздали каждой разрозненной группировке и отдельным лицам причитающуюся им долю наказаний. Большинству возвратившихся были предъявлены обвинения в пособничестве прелюбодеянию бездействием и, проведены превен-

тивные разъяснительные беседы о вреде помыслов о супружеской неверности.

Всё это иллюстрировалось яркими примерами из жизни предшественников неизбежности и неотвратимости наказания.

Основной же удар пал на головы наставника молодёжи и его солнцеемной ученицы. Помилование как таковое, даже в случае чистосердечного раскаяния было не приемлемо в принципе. Амнистия, как удел мягкотелых и беспринципных пособников империализма, была отвергнута в принципе.

Стылый автобусик, чахоточно прокашливая, медленно полз вниз по долине, торопясь, прочь от негостеприимных заснеженных вершин. Первые лучи солнца оттеняли вишней поднятые им клубы замороженной пыли. Шлейф ещё долго висел в неподвижном воздухе, постепенно разрастаясь вширь и наливаясь алым. Снежно-пурпурные пики Мунку-Сардык бесстрастно взирали на ползущую жестяную коробку, где прижатая к заинделенному окну, суровым мужским плечом, беззвучно плакала маленькая женщина.

Слезинки лишь на мгновение, тонкими полосками, просветляли морозноматовое окно и тотчас-же сами превращались в ещё более мутный и не пролицаемый лёд.

А в пустом доме, у холодной печи, на детской скамеечке, сидел мужчина с закаменевшим лицом и курил, курил в открытую топку. Его отрешённый, ничего не видящий взгляд терялся в черноте холодного зева печи...

А усердный автобус всё наматывал и наматывал унылые километры на кардан, убегая вдаль от негостеприимных гор, подводя пыльную черту ещё под одним жизненным абзацем...

РЕСТОРАН ПОД ТЕЛЬФЕРОМ

Весна рядом. Горное солнце первыми робкими лучами ощупывает промёрзлую и растрескавшуюся землю. Уже не так нестерпимо обжигает лицо лёгкое и не очень ласковое прикосновение зимнего ветерка. Да и знаменитая мондинская пыль с каждым днём всё больше и больше приобретает форму простой, хоть и вездесущей, разновидности, постепенно утрачивая черты ужасающей всё живое беспощадной и губительной «морозопыли».

Геологический люд душой чувствовал приближение живительного тепла. Всё чаще и чаще выходит мужская половина экспедиции покурить на крыльцо. Всё длиннее и насыщеннее становятся беседы под сигаретный дым. Души полевииков одолевает томление неясных желаний. Да, весна идёт. Ещё немного тепла и прилетят к месту летних гнездовий... вертолёты. А там и начало сезона не за горами. И, значит, настала пора готовиться к ПОЛЮ.

О, подготовка к полевым работам — это отдельная песня геологического бытия. Камеральные работы завершены, организм настоятельно требует движения, а накопленный за длинную зиму жирок — встряски. Души начинают петь. Скоро, очень скоро они вырвутся из душных помещений на волю, в поля!!!

Партионные завхозы с упорством щекастых хомячков снуют между техническим и продуктовым складами ОРСа, волоча вырванную с кровью драгоценную добычу в свои заветные каморочки. Отвыкшие за период зимней бескормицы случайные посетители этих сокровищниц порой просто немели от открывающихся им картин изобилия.

На грубо сколоченных полках валяжно расположились рулоны портяночной ткани и венгерские фруктовые компоты. Ящики тушёной конины и сгущённого молока мирно сосуществовали с свежооттянутыми кайлами и блестящими резиновыми сапогами. Особые, почётные места занимали ящики с родной водкой и заморскими винами.

Святылище Валеры — завхоза съёмочной партии располагалось напротив крыльца камерального здания, в едином ряду со складами разных тяжёлых железяк. Над ними грозно нависал старый, но ещё бодрый тельфер — для погрузки и разгрузки этих самых тяжестей. Он то и дал впоследствии название хранилищу партийных ценностей.

В работе по перетаскиванию имущества принимало всё мужское поголовье партии, опьянённое солнцем и свободой. Хотя лёгкий весенний кайф, как правило, почему-то к концу трудового дня всё чаще перерождался в тяжёлую и дурно пахнущую алкоголем стадию. Последнее несколько огорчало и в определённой мере нервировало прекрасную половину человечества — дражайших спутниц жизни.

Проведённые последними аналитические исследования показали, что источником всех треволнений является простой дощатый сарай, предназначенный для хранения партийной утвари. В том числе и алкогольной. Причина найдена и следовало приступать к решительным действиям. Решение проблемы лежало на поверхности: прекратить доступ своих благоверных под любыми, даже не самым благовидным предложениям к источнику соблазна. Остались лишь технические вопросы.

Они были решены оперативно и кардинально: постоянный контроль за не очень устойчивыми (морально) спутниками жизни и недопущение их приближения на *тостоопасное* расстояние к источнику неучтённого, вернее, не контролируемого хранилища социально опасного продукта.

В результате, принято решение о проведении ежедневного визуального контроля за дверьми аморального склада, согласно утверждённого графика. В график дежурств были включены наиболее ярые и активные представительницы геологического женского сословия.

С утра мужественные представители партии, вырядившиеся в новенькие противознцевалитные костюмы, наводили порядок в выше названном складском помещении под тельфером. Лёгкий утренний ветерок при небольшом морозце существенно снизил энтузиазм и общественную активность женского коллектива. В результате режим наблюдений был безнадежно нарушен и в «ресторанчик под тельфером» пришёл долгожданный праздник.

Только свободный, раскрепощённый труд приносит истинное наслаждение. Бойко двигались тюки и летали по полкам ящики со снедью. Весело кучковались по дальним углам необработанные пробы прошлых сезонов. Лаская звук, звонко хлопали пробки бутылок, покидая насиженные места. Задорно брякали эмалированные кружки, словно подтверждая правоту произнесённых тостов. Процесс пошёл!! Да и ещё как!

Но, как известно, всё хорошее имеет конец. И наступил обед. Отчаянные работники и примерные мужья беззаботно двинулись по домам — кормиться. В результате, предательский запах нектароподобных напитков достиг обоняния благоверных.

После обеда оказалось, что ряды тружеников понесли первые потери: был посажен под домашний арест начальник партии. Суровая супруга по органо-

лептическим признакам сделала соответствующие выводы и приняла простое и кардинальное решение, ограничив свободу перемещения амбарным замком. Послеобеденный период ознаменовался усилением визуального контроля за нехорошим складом и ветреными благоверными.

Сложилась своеобразная революционная ситуация: мужья уже не могли остановиться (ведь процесс пошёл в полный рост), а жёны не могли допустить его развития. Требовалось срочное разрешение данной проблемы.

И оно было найдено! Как всё гениальное решение было просто и оригинально. Раз супругам не по душе посещения мужьями клуба под тельфером, то следует уважить их мнение и прикрыть заведение на своеобразный санитарный день. А желание мужчин? И оно тоже было уважено.

Зоркие наблюдательницы на крыльце отметили направленное движение части мужской части партии к объекту вождения. В это время мимо склада и наблюдателями медленно прошествовал ГАЗик с глухой, без окон будкой для перевозки ВВ, закрыв сектор наблюдения. Притормозив по своим делам, он на пару минут лишил представительниц прекрасного пола возможности лицезреть двери склада. Когда же автомобиль отбыл, то оказалось что двери злачного помещения были закрыты на висячий замок, а представители мужской части партии самым волшебным образом исчезли. Почуввав подвох, изумлённые караульщики решили всё прояснить на месте. Но, к вящему их изумлению, замок на двери оказался самым что ни на есть настоящим, а в чреве щелястого склада явно никого не было! Никого не было и за столами в камералке! Как и куда смогли подеваться подопечные, стало неразрешимой загадкой. И это при дневном свете!

А в это время машина с будкой, в чьём тёмном чреве уютно расположилась исчезнувшая мужская рать, двигалась в сторону Иркут, навстречу желанному продолжению праздника открытия полевого сезона.

И ещё долго, до самых звёзд, через шум перекатов горного красавца прорывались то счастливое взгукивание, то лихой казачий клич...

ЛЮБОВЬ К ЭЛЕКТРИЧЕСТВУ

Социализм с человеческим лицом в самом расцвете. Для достижения новых экономических вершин в ЦЕНТРЕ принято и доведено до трудящихся масс постановление «О мерах по усилению мероприятий по экономии электроэнергии в народном хозяйстве».

На первом этапе было введено всеерное отключение потребителей. Это когда все окрестные населённые пункты на некоторое, чаще неопределённое, время полностью отлучались от источников электроснабжения по строго согласованному районными властями графику. А иногда и чаще, но это уже в целях перевыполнения плана.

В связи с этим, прекращалась подача электроэнергии и в наше забытое богом село с не очень благозвучным названием. И ежедневно, морозный горный воздух вздрагивал от астматического всхрюкивания застуженного дизелька резервной электростанции экспедиции, пытающейся обеспечить энергией вечерний сеанс радиосвязи с партиями. Запуску, как правило, предшествовала суэта местных механиков, реанимирующих его после ночного забытья.

Очередная директива предписала ещё более тщательно и масштабно осуществить данные мероприятия по дальнейшей экономии, доведя её до какой-то неведомой, но священной величины. В результате судорожных раздумий в начальственных головах родился клич: «Долой всех «козлов», вернее самопальных электрических нагревателей из нашей светлой советской жизни!».

Оперативно была создана уполномоченная комиссия по выявлению и уничтожению энергоёмких произведений народного творчества. Во главе этого карательного органа был поставлен главный экспедиционный электрик Намсарай — маленький компактный человечек с острыми плутоватыми глазами.

Боевой отряд активистов энергосберегающего движения частым гребнем прошёлся по частным подворьям, освобождая щелястые тепляки и стайки от коварных расхитителей народной энергии. Жалобные мольбы и увещевания несчастных хозяев о суровых морозах и бедной скотине не могли поколебать твёрдость пролетарской карающей руки. Десятки электрических самоделок окончили свой трудовой путь в недрах подведомственного Намсарай-электотеха.

Чем успешнее проводились мероприятия по экспроприации неположенного, тем значительнее и важнее становился маленький Намсарай. Казалось, что даже ростом он становился выше, выявляя и изымая очередной электроприбор.

Отчётность по выполнению директивы затмила самые смелые мечты. Оказалось электроэнергию крали все. Не крали только непутёвые полевики-геологи и Намсарай. Первые — ввиду отсутствия хозяйства и должной крестьянской смётки, последний — по идеологическим соображениям.

Прибывшая из района комиссия вручала яркую грамоту за социалистическую принципиальность и высокие показатели отличившемуся электрику в частности и его боевой дружине в целом. Звучали похвальные речи и жидкие аплодисменты. Как бы-то ни было, а к этому триумфу приложили руки все мондяне: подпольные электрические нагревательные приборы были у всех и, подавляющее большинство их лишилось.

Раскрасневшийся виновник на радостях судорожным экспромтом пытался принять в ответ на поздравления встречные, повышенные обязательства. Нужные и правильные слова застревали в пересохшем горле оратора, не желая пробиваться в народ. Но праздник удался. Только некоторая, несознательная часть статистов, сурово хмурила брови и цинично сплёвывала в сторону красной трибуны и передовика.

А ночью у Намсарая сгорел любимый сарай. Как оказалось, от электрического «козла» повышенной мощности, самолично сконструированного узким специалистом длинными зимними вечерами. Правда, на пожарище почему-то сочно пахло бензинчиком, но это видимо наносило от жёлтенькой сельской водовозки, выполнявшей в этот раз почётную роль настоящего ПОЖАРНОГО АВТОМОБИЛЯ.

ЗОЛОТОЙ АЛЬЯНС

Самые свирепые постперестроечные годы. Геологическая экспедиция приказала долго жить. Денег нет. Нищие геологи рыскали голодными волками в поисках пропитания, вернее работы. На ниве растаскивания недр, как пена

заклубились, рождаясь и лопаясь, разнообразные общества и компании самых ограниченных ответственностей и ориентаций. Единым для всех их было желание урвать. Сейчас и много. Лучше — ещё больше.

Как то звонит мой старый приятель по экспедиции Володя и сообщает о своей крупной удаче: его пригласили консультантом в конторку, занимающуюся поисками россыпей в Восточном Саяне. Компанию организовали вдруг взбогатевшие местные буряты-коммерсанты, пожелавшие вложить деньги в вечный металл.

Следует знать, что кто, как не Вова, был лучшим спецом по россыпной золотоносности района и знающим его, как родной дом. Редкостно удачное стечение обстоятельств выпало на его долю: работа самая благодатная для души и ещё зарплату обещали.

Условились мы встретиться с ним в Иркутске в августе месяце — после его возвращения с первой тестовой рекогносцировки.

Но прошли август и сентябрь, а он так и не появился. Исчез. Как оказалось, совсем. Позднее выяснилось, что он погиб — утонул в тот выезд в реке Забит.

Его нашли случайно. На устье реки Диби. Опознавать вызвали бывших мондинских геологов. Да, это был он, босой и обезображенный.

А пёстрая компания, которой он показывал золотоносные участки, как оказалось, уже давно выехала в город, даже не вспомнив о нём и, не упомянув о его исчезновении.

В ходе пародийно-короткого расследования этого события, коммерсанты и единомышленники дружно заявляли, что он просто от них ушёл куда-то по своим делам, когда они выпимши спали. Ушёл рано утром, босым и с промывочным лотком.

На этом всё и закрылось. Постановили: несчастный случай, однако.

Прошло несколько лет. Как-то, будучи в гостях у своего старого знакомого, восьмидесятилетнего бурята-сойота, мужчины многоопытного и мудрого, я стал расспрашивать его об это давней и мутной истории, не дающей мне покоя.

Следует особо отметить, что буряты в высокогорной Оке отличаются необычайной наблюдательностью и всегда в курсе всех событий, происходящих в округе. Эта особенность в жизни бывших кочевников всегда приводила меня в изумление и восторг.

Многолетняя дружба с Доржо Соктоновичем и его семейством с годами переросла у нас в почти родственные отношения и я не сомневался, что услышу от него самое правдивое и объективное объяснение происшедшего. Многочасовая душевная застольная беседа вдруг как-то неожиданно резко перешла в звеняще трезвую фазу в тот момент, когда я озвучил свой вопрос. Мерное её течение с великим множеством отступлений и комментариев вдруг прервалось сухой, но очень ёмкой фразой:

— Саша, никогда не связывайся с бурятами.

И дальнейшего возврата к этому не допускалось уже никогда, до самой трагической смерти моего собеседника.

САМОРОДОК «КАРТА БУРЯТИИ»

В 2005–2007 гг. в Бурятии был открыт новый золотороссыпной район — Еравнинский. На первой разведанной россыпи ручья Каменный золото преимущественно крупное, часты самородки весом до килограмма. При этом вскрыша минимальная — всего 1–3 м, а автомобильная дорога находится всего в 100 метрах.

В одной из съёмок нашли самородок весом 250 г. Вес его — средний, но его форма своеобразная — стилизованная контурная карта Республики Бурятия.

Было ясно, что второго такого дара природы ожидать в обозримом будущем не приходится. Возникла мысль — подарить это уникальное творение природы Республике Бурятия, открыв его для всего населения республики и её гостей. Мысль была хороша.

Но всё затмевающая любовь директора артели к деньгам отмела благородные порывы и доводы, и ушёл самородок «Карта Бурятии» на переплавку, в небытие.

ЗАБВЕНИЕ

Июль 2011 года. Восточный Саян. Истоки реки Иркуты. На гривке, заросшей лиственницами, едва угадывается старая звериная тропа, причудливо петляющая среди сглаженных коренных выходов углистых сланцев и карбонатов. Вдруг какое-то несоответствие заставило оторвать взгляд от обнажения и оглядеться. Под кронами приземистых лиственниц прятались несколько серых грубо отёсанных столбиков и дощатых пирамидок. Горное солнце и жгучий мороз отпрепарировали древесину. Сучки и волокна ребристым скелетом рельефно выступали на её поверхности.

Это были надгробия могил забытого в десятилетиях кладбища Ильчирской геологоразведочной экспедиции. Здесь были похоронены геологи и горняки, погибшие при разведке Ильчирского месторождения хризотил-асбеста и первых золоторудных месторождений горной Бурятии: Пионерского, Динамитного, Зун-Холбинского. Годы безжалостно стёрли имена ушедших...

Лишь на одном из надгробий, увенчанном алюминиевой пятиконечной звездой белела металлическая табличка: *«Геолог Горбовская Вероника Васильевна 1934 г. рождения. Погибла при исполнении служебных обязанностей 29 июля 1956 года. Спи спокойно дорогой товарищ»*. Выше — рамочка давно истлевшей фотографии.

**Крест в Восточных Саянах,
поставленный в память о геологах-
первопроходцах (фото А.Н. Калтана)**

Прошло ровно 55 лет. И, вероятно, уже нет в живых родителей молодой специалистки, по-видимому, так и не сумевших посетить место последнего пристанища дочери. Давно нет и экспедиции, а непроходимые ранее горы прорезала автодорога к золоторудным месторождениям Холбинского рудного поля. Уже почти никто не вспоминает этих давно преждевременно ушедших геологов и горняков, буровиков и маршрутных рабочих — этих простых тружеников геологии. И не помнит их заслуг и свершений, больших и совсем малых. Стёрлись в памяти людской и их имена.

А случайно забредший на кладбище тупой вандал, ради своей утехи выстрелит пулей в венчавшую надгробие звезду и побредёт далее с лёгким сердцем и пустой головой...

Во многих труднодоступных местах Сибири, среди гор и тайги, у заброшенных и ныне действующих рудников, там, где тяжёлым трудом и тяжким потом, энтузиазмом и самоотверженностью создавалась минерально-сырьевая база России, в ветхости и безвестности ютятся скорбные вехи этих свершений — забытые могилы тружеников геологии.

Людмила Николаевна ПОХИЛЕНКО

Людмила Николаевна родилась 10 августа 1964 года в г. Усть-Каменогорске (Восточный Казахстан). В 1977 году переехала с семьёй в Новосибирский Академгородок, где и окончила среднюю школу в 1981 году. В том же году поступила в Новосибирский государственный университет на геолого-геофизический факультет в группу геохимии. Весной 1987 года защитила диплом по специальности «геохимия, минералогия» и была принята на работу в Институт геологии и геофизики СО РАН. В октябре 2006 года защитила кандидатскую диссертацию по теме «Особенности флюидного режима литосферной мантии Сибирской платформы (по ксенолитам глубинных пород в кимберлитах)». На протяжении всего вре-

мени работы в институте летний период по мере возможности проводила в поле, собирая материал для дальнейших исследований мантийного вещества и накапливая бесценный опыт полевого минералога и геолога в разных поисковых обстановках Якутии, Канады, Финляндии. Неоднократно принимала участие в профильных международных и всероссийских конференциях, семинарах и симпозиумах, в том числе регулярно до последнего времени в Международной кимберлитовой конференции (ИКС) и Международной Гольдшмидтовской конференции (Goldschmidt).

С ДНЁМ ГЕОЛОГА!

Как хорошо уйти в поля
под звуки мартовской капли
и встретить Главный День Апреля,
где не оттаяла земля,
где стынут пальцы рук и ног,
где греет лишь костёр несмелый,
и снег, нетаявший и белый,
хрустит под натиском сапог.
Зимовье старое в тайге.
Собачий лай и чай горячий.
И время ничего не значит,
сгорая тихо в очаге.
Вот так в кругу друзей сидеть,
развесив уши, байки слушать,
уху и строганину кушать,
пить спирт и на огонь глядеть.

И вспоминать своих ребят,
что с нами этот мир делили:
ещё вчера алмазы мыли —
и вот ушли за перекат...
Пусть будет светлой наша грусть.
Пусть будет радостным наш праздник.
Пусть труд наш будет не напрасен,
не обесценен будет пусть.
Пусть будет много сил у всех!
Пусть все найдут то, что искали!
Пусть в каждом поднятом бокале
бурлят здоровье и успех!
Пусть в царстве мира и добра
вершатся яркие открытия!
Ну — за великое событие:
За День Геолога! Ура!

БУМАЖНЫЕ СОЛДАТЫ

Порвав простор железной птицей,
Доверив дом и быт коту,
Мы проникаем в заграницу,
Как будто перейдя черту,
Где замки и аэростаты
Нас искушают день за днём,
Но мы начистим свои латы
И все за родину умрём.
Вдыхая жизни запах терпкий,
Идя по розам и шипам,
Мы, стиснув зубы, счастье терпим,
С восторгом погружаясь в спам.
Простив себя, забыв утраты
И неумело гнезда свив,
Мы все – бумажные солдаты,
Мы все сгорим в огне любви.
Пренебрегая здравым смыслом,

Ища позорный компромисс,
Спеша с Титаника, как крысы,
Хоть в лодках нету мест для крыс,
Покрыв все неудачи матом,
Мы убедимся – видит Бог,
Что мы железные ребята,
Нас не свернуть в бараний рог.
В который раз начав сначала,
В который раз поверив в сны,
Услышав, что нам прокричала
Другая сторона луны
Об одиночестве примата,
Которому – увы! – не прёт,
Разочаруемся в закатах,
Поймём, что ничего не свято,
Мы непокорные пираты,
Голландец наш, лети вперёд!

ЗА ТУМАНОМ 57 ЛЕТ СПУСТЯ

Понимаю, прозвучит смешно и просто,
Безрассудно, безалаберно, никак.
Не хочу, друзья, хватать я с неба звёзды —
Вот такой уж я законченный чудака...

Люди алчут благ и славы
И над недругом расправы,
Обличительного слова на суде...
А я думаю, что предки были правы,
Улыбаясь яркой утренней звезде.

Мне меняться и раскаиваться поздно.
Глупо сетовать, что жизнь не удалась.
Не хочу, друзья, хватать я с неба звёзды —
Пусть висят и светят каждому из нас.

Кто-то ноет, что не вечен,
Кто-то правдой изувечен,
Кто-то ловко тиражирует успех.
А я верю: добротою мир отмечен,
Если в нём звучит весёлый детский смех

2021

ОСЕНЬ

Сбросили последнюю листву
Грустные берёзы на аллее,
И как будто сделались белее
Их стволы. По озеру плыву
Жёлтым оторвавшимся листом,
Забывая всё, что было летом:
Гомон птиц с утра перед рассветом,
Блеск росы, плеск рыбы под мостом.

Украшая гладь осенних вод,
Растворяюсь в отражениях елей,
В яростном предчувствии метелей,
В бескорыстной щедрости невзгод.
Утону у времени в плену,
Ощущая дно подгнившим краем,
И уже поняв, что умираю,
Что есть силы крикну про весну.

2021–2022

ПОЛЕ

Это поле — тайга в полмира,
Где цветы в нескончаемом танце.
Перекаты мелькают мимо,
Иногда предлагая остаться,
А мошка, ненасытно злая,
Под одежду лезет упрямо.
Счастье в том, что я в этом таю,
Жалко, что не узнает мама.
Это поле — песок зыбучий
Под ногами, палаткой и лодкой.
Не напряжно, не зло, не скучно
Я порхаю чуть шаткой походкой.

А столбы, озарённые светом,
Уходящего солнца храмы —
Как сияющие эполеты.
Жалко, что не увидит мама.
Это поле — моя работа,
Но в конце не поставишь точку:
Поселяется в сердце что-то,
Вглубь забившись уютным комочком,
Воздвигает друзьям обелиски,
Гладит ласково старые шрамы.
Поделиться — лишь с самым близким...
Жалко, что уже нету мамы.

2021

Мы бежим от войны,
прикрываясь банальным «не должен»,
пряча страх за цинизмом, подставив под пули других.
Мы надеждой больны
мы опасности чувствуем кожей,
и, как раненый зверь, тихаримся, спасаясь от них.
Мы бежим от вины,
не желая делить её с кем-то,
презирая всех тех, кто зачем-то идёт воевать.
Но раскаты войны
пробивают незримые стены,
и осколки ракет наши души кромсают опять.
Мы бежим от себя,
упрекая и власть, и военных
в недостатке добра, справедливости, чести, любви.
Своё сердце скрепя,
вновь латаем пробитые стены
и глядим из-за них на чертоги Отчизны в крови.
Этот жалкий балет
нам даёт ощущение покоя,
будто мы ни при чём, будто всё это — чья-то игра.
Но осколки ракет
ранят небо опять голубое —
безмятежная жизнь похоронена в нашем вчера.

май 2023

ПАДАЛ СНЕГ¹

Падал прошлогодний белый снег.
Спать ложился на твоём плече.
И уже неведомо зачем
Таял в первом солнечном луче.
Лёгкие снежинки во дворе
Танцевали свой безумный вальс.
Выданный пургой зиме аванс.
Предпосылка вьюги в январе.
Счастье
кружилось в снежном вихре
Сомнений и смятений,
Утрат и сожалений и волнений,
Забытых снов и острых ощущений,
Вмиг прижали уши и притихли
Злоба, жадность, хитрость и тоска.
Мудрая житейская река
Уносила груз хитросплетений
Жизней человеческих в века.
Падал прошлогодний белый снег —
Символ безупречности зимы.
Что при этом чувствовали мы?
Вспоминали сладость южных нег?

Год сменился новым, и часы
Громко били, время торопя.
Я смотрела только на тебя,
Свой бокал с шампанским пригубя.
Счастье
гнездилось в наших душах,
Распахнутых небрежно,
Прижавшихся друг к другу безмятежно
Посреди пустыни белоснежной.
Сохранить, сберечь и не нарушить
Хрупкий миг гармонии тепла,
Думаю, я всё-таки смогла.
Как слеза, прозрачна и безгрешна,
Выступала каплями смола...
Жизнь прошла парадом под окном,
Отчеканив маршем злобу дня,
Ни тебя не слыша, ни меня,
Ни о чём не думая земном.
Разгорался новый страшный век.
Рушились устои и мечты.
На поля усталой пустоты
Падал прошлогодний белый снег.

Река Оленёк. 2012 г.

¹ Ссылка на песню, сгенерированную ИИ:

<https://drive.google.com/file/d/1dYRTYNRGfVwKLkRJUNmT0tTbTRi0cp1X/view?usp=sharing>

Река Синяя. 2020 г.

Отряд на трубке «Обнажённая»

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ПРУДНИКОВ

Сергей Григорьевич родился 11 января 1960 года в деревне Раевские Гомельской области. Окончил Донецкий политехнический институт в 1982 г. по специальности горный инженер-геолог. Трудовую деятельность начал в Тувинской геологоразведочной экспедиции Красноярского ПГО. Работал геологом, начальником отряда Кызыл-Таштыгской и Куртушибинской геолого-поисковых партий с 1982 по 1994 годы. С мая 1994 г. — научный сотрудник лаборатории «Магматизм и рудообразование» Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. С 2004 года — кандидат геолого-минералогических наук. В настоящее время — заведующий лабораторией «Геодинамика, магматизм и рудообразование», руководитель Базового проекта. Общий стаж работы — 43 года, из них в СО РАН — 31 год.

«РЫБАК»

СТРАНИЦА ИСТОРИИ ГЕРОИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ НЕДР КРАЙНЕГО СЕВЕРА ИЛИ САМОЕ СЕВЕРНОЕ КАТОРЖНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ГУЛАГА?

Но может, удастся нам снова
Достичь рубежа неземного,
Который легко достигался
Тогда, в молодые года...

Юрий Визбор

Минерально-сырьевой потенциал нашей Родины был создан трудом тысяч советских геологов, подчас в суровых условиях и на пределе человеческих возможностей. Особенно это касается освоения северных территорий нашей страны. Без сомнения, эти люди совершили героический трудовой подвиг, но получилось так, что в нашей недавней истории героические её страницы тесно переплелись с трагическими.

Совсем молодым человеком мне довелось соприкоснуться с таинственной историей освоения одного из месторождений урана на самом крайнем севере Евразии — на полуострове Челюскин.

«Куда летим, мужики?» — такими словами нас встретили в аэропорту Хатанга Полярной геологоразведочной экспедиции. «Мужики» — это наш небольшой отряд из пяти человек: начальник отряда партии экзогенных полезных ископаемых и неотектоники Красноярской тематической экспедиции ПГО «Красноярскгеология» Владимир Иванович Биндарович, геолог Татьяна Коротких, разнорабочий отряда и по совместительству племянник начальника Олег 16-ти лет от роду, да двое молодых и восторженных студентов-практикантов Донецкого политехнического института — Борис Ткачук и автор этих строк. Узнав, что конечная цель нашей экспедиции район реки Гольцовая на полуострове Челюскин, геологи Полярной ГРЭ нас ошарашили:

«Повезло вам, парни — летите в страшное и гиблое место — самый северный каторжный посёлок советского ГУЛАГа!».

**Участок работ партии экзогенных полезных ископаемых и неотектоники
Красноярской тематической экспедиции ПГО «Красноярскгеология»**

По сути, наш маленький отряд был авангардом в начавших разворачиваться в Полярной ГРЭ грандиозных работах по планомерному геологическому изучению недр полуострова Челюскин и архипелага Северная Земля. В течение последующих 15 лет трудом многих сотен полярных геологов одно из «белых геологических пятен» было переведено в разряд наиболее перспективных регионов Арктики России, была открыта новая Таймыро-Североземельская золотonosная провинция России и два рудно-россыпных района (о. Большевик и п-ов Челюскин). По данным Таймыргеолкома (1997 г.) суммарные ресурсы россыпей золота на о. Большевик оцениваются в 40–45 т, полуострова Челюскин — 45–50 т. Наиболее значимы ресурсы юго-восточной части о. Большевик на «рудное» золото, оцениваемые в 2000 т.

Но в том далёком, 1981 году, великие открытия были ещё впереди. А перед нашим научно-тематическим отрядом стояла конкретная задача: на

подрядной основе с Полярной ГРЭ создать геоморфологическую карту поисков россыпного золота в северной части Таймырского полуострова в период 1982–1985 гг. (см. карту).

Историческая справка:

Полярная (Хатангская) геологоразведочная экспедиция (ПГРЭ)¹, по договору с которой мы работали, была создана особым решением Правительства СССР в пос. Хатанга в 1974 г. под разведку месторождений импактных алмазов «Скальное» и «Ударное». В период с 1975 по 1984 гг. проводила геологосъёмочные работы масштаба 1 : 50 000 уникальной Попигайской структуры (астроблемы) площадью около 5000 км², где были выявлены месторождения импактных алмазов, которые значительно превышают все мировые запасы технических алмазов. На это ушло более 10-ти лет труднейшей работы в условиях арктического Севера. Запасы по месторождению были утверждены в ГКЗ СССР с высокой оценкой. Утверждённые запасы технических алмазов обеспечивали все потребности СССР в этом сырье на десятки лет. С 1980 г., после выполнения правительственного задания «особой важности», Полярная геологоразведочная экспедиция приступила к планомерным поисковым работам на золото и платиноиды, апатиты, медно-никелевые руды, месторождения нефти и газа, угля на обширном пространстве северо-восточной части Эвенкии и восточного Таймыра, вплоть до мыса Челюскин (Неволин, 2017).

Итак, мы были первым десантом, который высадился на широкой галечной косе реки Гольцовая 8 августа 1981 года (*фото 1*).

Фото 1. Научно-тематический отряд партии экзогенных полезных ископаемых и неотектоники Красноярской тематической экспедиции ПГО «Красноярскгеология» (слева направо: нач.альник В.И. Биндарович, рабочий Олег, геолог Татьяна Коротких, студент Борис Ткачук)

В связи с тем, что работы ещё только разворачивались, то нашему авангардному научно-тематическому отряду и достались все прелести подготовительного этапа по остаточному принципу. Достаточно сказать, что в пос. Хатангу мы прилетели 1 июля, а на участок нас смогли забросить только 8 августа, когда до конца сезона оставалось не более 30 дней. Начальник отряда и опытный геолог Владимир Иванович Биндарович — известный иссле-

¹ Полярная геологоразведочная партия НКГРЭ. Виктор НЕВОЛИН. — Режим доступа: <https://norilsk/topic/67469328867403>, свободный.

дователь недр Енисейского края с 1969 года. Однако, как оказалось, опыта работы на Крайнем Севере ни у кого из членов отряда не было. По советам бывалых геологов в Красноярске специально для нашего отряда были пошиты палатки, так называемый «полярный вариант» — вначале собирался каркас из металлических трубок, затем на него навешивался изнутри утеплитель, и сверху палатка покрывалась брезентовым пологом. Каркасы были изготовлены перед самым отъездом нашей экспедиции в мех-цехе Красноярской тематической экспедиции и нам предстояло впервые испытать их в полевых условиях. Каково же было наше удивление, когда оказалось, что один каркас явно превышает размер палатки! Как мы ни пытались натянуть полог на каркас — нам это не удалось. За ненадобностью мы оставили его на Первом лагере в устье р. Широкой, там он и лежит до сих пор.

Вторым пунктом в нашем комфортном обустройстве были печки. Так как в тундре отсутствовало всякое топливо, то, опять же, по совету бывалых геологов, мы взяли железные печи, оборудованные под так называемые «капельницы» — это когда за палаткой ставится канистра с соляркой, та по трубке поступает в печь, капает на сковородку и должна очень жарко гореть. Однако, в нашем случае что-то сразу пошло не так, и солярка упорно отказывалась поступать по трубке в печь. Начальник с Олегом долго пытались наладить капельный обогрев своей палатки, но солярка упорно выплёскивалась куда угодно, но не в печь. Пытаясь создать давление в канистре, Олег дул в неё — солярка издевательски выплёскивалась ему в лицо и в скором времени он пропитался соляркой как заправский дизелист. Члены нашей палатки, глядя на это, не сговариваясь от печки отказались, благо стоял месяц август — самый тёплый месяц на Челюскине. Палочкой-выручалочкой мог стать бензин с обогревом палаток паяльными лампами, но бензин мы взяли в ограниченном количестве, рассчитывая в основном на солярку.

Ещё один сюрприз нас ожидал на другой день, когда мы растянули антенну и вышли на связь с базой Полярной ГРЭ в Хатанге и с базой Тематической экспедиции в Красноярске. Батареи к радиации оказались практически разряжены, оба комплекта! Первые 20 дней нас ещё слышали, потом мы могли работать только на приём, включая радиацию на некоторое время, чтобы прослушать вести с Большой земли.

Фото 2. Геолог Татьяна Коротких в маршруте на плато Лодочникова

Таким образом, на берегу реки Гольцовой вырос и обосновался наш небольшой лагерь, готовый к выполнению важного правительственного задания по созданию геоморфологической основы поисков россыпного золота на полуострове Челюскин. Нам предстояло на резиновых лодках спуститься к устью реки Гольцовой до Северного Ледовитого океана. Важно было выявить золотоносность аллювиальных отложений реки и её притоков, ещё важнее было определить границу распространения древней морской береговой линии с отложениями которой могли быть связаны погребённые морские россыпи. Для нас наступили трудовые будни: мы ходили в многокилометровые маршруты, били шурфы в мерзлоте, опробовали рыхлые отложения, мыли шлиховые пробы в ледяной воде (*фото 2*). В маршруты ходили с раскладными стульчиками через плечо — тундра на многие километры была заболочена, а на стульчике всегда можно было присесть среди болот (*фото 3*).

Фото 3. Отдых в маршруте

На первый взгляд однообразная и скучная заполярная тундра оказалась богата неприметной жизнью. На окрестных озёрах в изобилии гнездятся гуси. С Борисом мы совершили вылазку на соседнее озеро, на охоту, впервые в жизни. У гусей линька. При нашем приближении они сбились в огромную стаю на другом краю озера. Стреляли мы по-ковбойски, почти не целясь, уверенные в победе, но гуси, к нашему удивлению, разбежались по озеру совершенно невредимые и вдалеке гоготали над нами. Вернулись мы в лагерь ни с чем. На следующий день пошли с Владимиром Ивановичем, настреляли каждому по паре гусей, отпраздновали начало первого в нашей жизни полевого геологического сезона.

В одном из маршрутов мы с Борисом Ткачуком вышли на ровное плато, посреди которого выделялись 2 бочки. Пустыми бочками с отработанным топливом таймырская тундра усеяна обильно — геологи по мере расходования топлива их просто выбрасывали, не заботясь об экологическом состоянии окружающей местности. Но, к нашему удивлению, обе бочки оказались полны бензином, который нам был очень нужен. После недолгого размышления — «Откуда они здесь и кто их мог оставить посреди безлюдной на сотни

километров тундры?» — мы приняли решение 1 бочку прикатить в лагерь, благо до лагеря было не более 1 км. Не желая того, мы нарушили святое правило геологов-полевиков — будь-то в тайге, или в тундре — не брать чужой «заначки». По сути, с этого момента и начался отсчёт событий, которые можно озаглавить так: «Бочка наносит ответный удар». Бочка бензина пришлась нам очень кстати — теперь мы могли отапливать палатку с помощью паяльных ламп. Для экономии мы разводили бензин с соляжкой, паяльная лампа страшно чадила в палатке, но топливом мы были обеспечены.

Бочка наносит ответный удар—1

Через несколько дней настало время перебазироваться на новый участок. Для этой цели у нас были 4 резиновые лодки, куда мы складировали снаряжение, и каждый на своей лодке, сплавлялся вниз по течению к новому лагерю (*фото 4*). Обратно, за оставшимся снаряжением, возвращались с лодками на буксире (*фото 5*). Так постепенно с работой мы и двигались к намеченной цели на побережье. Геолог Татьяна Коротких в это время шла следом по берегу. Неожиданно для всех с противоположного берега раздался звук работающего двигателя и на взгорок выехал вездеход. Начальник переплыл на тот берег и отправился навстречу вездеходу. Нам всем тоже не терпелось познакомиться с неизвестными путешественниками. Для этого необходимо было переправить и Татьяну Коротких. Я посадил её на своё место кормчего в лодке, а сам взгромоздился сверху на бочку бензина. Этого оказалось достаточно для изменения центра тяжести, и лодка мгновенно перевернулась. Мы с Татьяной оказались в ледяной воде, ребята бросились переворачивать лодку, вытаскивать мокрый груз. Пока мы занимались ликвидацией аварии, начальник поговорил с людьми на вездеходе и, к нашему всеобщему огорчению, тот уехал дальше по своим делам.

Фото 4. Отряд перебазируется вниз по р. Гольцовой на новый участок

Как оказалось, на вездеходе был отряд геологов-учёных из Красноярского отделения СНИИГГиМС известных исследователей геологии Таймыра — супругов Анатолия Игнатьевича и Инги Даниловны Забияк. В 1981–1983 гг. коллективом КО СНИИГГиМС велись направленные тематические разработки на золото. Вначале сезона на вертолёте они забрасывали бочки с бензином для организации промежуточных «баз дозаправки» по трассе предстоящего маршрута, потом по мере движения заправляли вездеход от бочки к бочке. Их «заначку» мы с Борей и обнаружили на каменистом плато. К нашему счастью, они простили и подарили нам эту бочку бензина. Плохая новость пришла позже, когда мы разобрали утопленные вещи — оказалось,

что весь запас спичек был уложен в один холщовый мешок в перевёрнутой лодке. Экспедиция оказалась на грани срыва. Рация ещё работала на передачу, и можно было вызвать вертолёт для эвакуации. Спички мы долго сушили на печке — с трудом, угрожающе шипя, но они всё же загорались. Мы ликovali! Экспедиция была спасена.

Фото 5. Возвращение за оставшимся снаряжением

Отработали второй участок. Кончился полярный день, похолодало, наш резиновый флот впервые замело снегом (*фото 6*). Гуси «стали на крыло», сбивались в огромные шумные стаи и готовились улетать на юг.

Фото 6. Резиновый флот замело снегом

Сплавились и отработали третий участок. Закончилось короткое лето и практически сразу наступила зима, река замёрзла, тундра покрылась снегом. Гуси улетели. Пора пришла и нам заканчивать полевой сезон. Рация окончательно «сдохла», на связь мы уже не выходили — Красноярск, видимо, решил, что мы держим связь с Хатангой, а Хатанга — наоборот, в итоге про нас все забыли. Мы включали рацию утром на короткое время, чтобы послушать новости с материка. А послушать было что, так как в это время в Игарке разбился единственный в Красноярском крае вертолёт МИ-6 и все полёты запретили на две недели для выяснения обстоятельств аварии, а потом пришёл

танкер на полярную станцию Мыс Челюскин с топливом для вертолётов, но к берегу он не смог пробиться из-за сложной ледовой обстановки, и все мы по радиации слушали как полярники героически по льду прокладывают нефтепроводы и разгружают так необходимое именно для нашего вертолёта топливо. Однажды кто-то вспомнил и про нас из далёкого Красноярска: «Отряд Биндаровича, если вы нас слышите, то двигайтесь в устье реки Гольцовой, там есть балок, продукты и дизельная электростанция! Двигайтесь к устью реки Гольцовой! К устью реки Гольцовой...».

Мы поселились в одну палатку, снаружи обложили её снежными кирпичами, внутри отапливали двумя паяльными лампами (*фото 7*). Нам было тепло и уютно. К устью реки Гольцовой за 40 км мы решили не ходить, будем ждать вертолёт на месте, как того и требует «Инструкция по технике безопасности на геологоразведочных работах». Самым трудным испытанием для всех обитателей было дежурство Олега — утром он разогревал паяльную лампу прямо в палатке, не вылезая из спальника. Это похуже газовой атаки! Из палатки мы наблюдали за небольшими стадами диких оленей, которые, в свою очередь, с удивлением таращились на нас. Подружились с местным песком, который приходил к нам клянить лепёшки, а затем забавно уносил их к себе в жильё. Владимир Иванович терпеливо ждал, когда шкурка песка «выйдет», чтобы привезти шикарный подарок дочери на шапку. Песец «вышел», но за лепёшками больше не явился. Всем отрядом мёрзли по ночам. За палаткой небо полыхало от невообразимых полярных сияний.

Фото 7. Утепление палатки с помощью снежных кирпичей

На речной косе я нашёл замытый песком старый шурфовочный вороток из цельного ствола лиственницы, откопал и приволок в палатку — «следы таинственной экспедиции по поиску радиоактивных руд!» — решили мы. Несколько дней калёным гвоздём я выжигал пафосную надпись — посвящение первопроходцам Севера, выдолбил шурф в мерзлоте и установил столб на

высокой террасе на правом берегу реки Гольцовой. Как водится на Севере, дал название: «Столб Евтихия» — прадеда моего. Евтихий Иванович никогда не был на Севере, не сделал никаких географических открытий, он — простой белорусский крестьянин из небольшой полесской вёски — дошёл до Кенигсберга, пешком, в пехоте, в 1945-м.

Так неспешно, в ожидании вертолётa, прошёл месяц сентябрь и, как всегда бывает при томительном ожидании, неожиданно для нас, морозным солнечным утром 1 октября он появился на горизонте! Светящихся от счастья и чумазных от соларки нас вывезли вертолётom на Полярную станцию на мысе Челюскин, где мы и получили в местном почтовом отделении радиogramму из Донецкого политехнического института об отчислении студентов Прудникова С. и Ткачука Б. из института за прогулы. Как оказалось позже, telegramму отправил староста нашей группы с целью оказать давление на руководство экспедиции и вывезить нас из наметившейся полярной зимовки.

Бочка наносит ответный удар спустя 23 года

Прошло 23 года. Я уже стал соискателем, готовился защищать диссертацию по россыпям Тувы. Как Ведущую организацию мне определили КНИИ-ГиМС (г. Красноярск), куда я и прибыл для доклада своей диссертации на учёном совете института. Меня радушно встретила учёный секретарь института Инга Даниловна Забияка, очень приятная женщина, уже в годах, склонная к полноте, глядя на которую трудно было поверить, что она исходила пешком весь полуостров Челюскин. Мы познакомились, она угостила меня чаем с конфетами, разговорились: «Инга Даниловна! А ведь мы с Вами знакомы уже 23 года! Помните реку Гольцовую на Челюскине и двух студентов из Донецка, которые утащили у вас бочку с бензином? Так вот — одним из этих студентов и был я, соискатель...». «Как, так это были вы?!» — казалось, по комнате прокатился настоящий полярный ураган с северным сиянием в придачу... Первое моё впечатление оказалось ошибочным — Инга Даниловна действительно исходила пол-Таймыра! К счастью для меня, предзащита прошла удачно.

Бочка наносит ответный удар спустя 33 года

Борис Ткачук не стал геологом. После окончания института он получил второе (юридическое) образование и много лет работал юристом в г. Киеве, занимался защитой прав украинских Чернобыльцев. Благородная профессия. Но после событий в Донбассе в 2014 году мы с моим хорошим товарищем Борей Ткачуком, уроженцем Западной Украины, оказались по разные стороны. Вы скажете: «Вряд ли в этих событиях виновата Бочка бензина из далёкого 1981 года». Но кто знает, кто знает... Как капли дождя, сливаясь, образуют один мощный поток, смывающий всё на своём пути, так и все наши проступки, начиная с маленьких, неприметных, давно стыдливо позабытых, сливаясь в большой грозный энергетический ком не установленного ещё вида, приводят однажды к большой беде. Так было, и, к сожалению, так будет всегда (Закон сохранения и превращения энергии, 1978¹).

¹ Франкфурт У.И. Закон сохранения и превращения энергии. Изд. 1-е. — М.: Наука, 1978. — 196 с.

ОТДЕЛЬНЫЙ ЛАГЕРНЫЙ ПУНКТ «РЫБАК» НА МЫСЕ ЧЕЛЮСКИН

Во время экспедиции нас всех волновало, что где-то здесь недалеко располагался самый северный каторжный посёлок в мире из системы сталинского ГУЛАГа, сведения о котором давно обросли вымыслами и небывицами. Судя по окружающей нас почти безжизненной, холмистой, изрезанной балками и неглубокими речными долинами тундре, воображение рисовало самые страшные картины жизни обречённых на верную смерть несчастных заключённых. В тот 1981 год нам не довелось увидеть этот лагерь, как оказалось мы не дошли до него всего 14 км. Прошли годы, меня не оставляла мысль узнать хоть что-то про этот лагерь, и главное: для чего надо было создавать его на краю земли. И только с появлением интернета удалось собрать сведения о самом северном из достоверно известных «островов ГУЛАГа», который назывался сначала Каменским месторождением, затем объектом 31 горно-промышленного управления (ГПУ) МВД №21, но более известен под именем «Рыбак».

По собранным архивным материалам специалистами в области истории и практики географических исследований в полярных областях Сергеем Алексеевичем Ларьковым и Фёдором Александровичем Романенко была восстановлена история секретных работ по поискам радиоактивных руд в Центральной Арктике (Ларьков, Романенко, 2007¹).

Историческая справка:

Отдельный лагерный пункт «Рыбак» — подразделение ГУЛАГ в составе Норильского исправительно-трудового лагеря на мысе Челюскин полуострова Таймыр в Красноярском крае, действовавшее в 1951–1952 гг. ОЛП «Рыбак» был самым северным из известных учреждений системы ГУЛАГ. Лагерный пункт был организован для разведки и разработки урановых руд — сырья для атомного оружия.

Урановое оруденение на описываемой территории было выявлено М. Г. Равичем и С.М. Плишиным в 1947 г. в процессе геологосъёмочных работ масштаба 1 : 1 000 000 (Качурина, Макарьев и др., 2013²). В работах участвовал большой коллектив геологов, топографов, геофизиков, коллекторов, рабочих — более 50 человек. Для дальнейшей разведки в 1948–1950 гг. была организована крупная экспедиция Норильского горно-металлургического комбината. Масштабы оруденения предварительно оценивались Л.Д. Мирошниковым. Работами того времени не был определён генезис оруденения (либо гидротермальный, к чему склонялись авторы, либо хемогенно-концентрационный, связанный с деятельностью подземных вод), от которого зависел прогноз его перспективности. Изучение ураноносности осуществлялось по линии массовых поисков и привело к выявлению порядка 45 проявлений и одного месторождения (**Каменское** «Рыбак») урана.

Проявление Каменское, расположенное на водоразделе рек Каменная и Широкая (левый приток р. Гольцовая), локализовано среди обогащённых ураном нижнепалеозойских углеродистых граптолитовых сланцев в пределах эндоконтактной зоны Ло-

¹ Ларьков С., Романенко Ф. Самый северный остров Архипелага ГУЛАГ // «Враги народа» за Полярным кругом: Сб. ст. / Под ред. А.Н. Земцова. — М.: ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, 2007. — С. 206–209. — Режим доступа: https://4italka.site/dokumentalnaya_literatura_main/biografii_i_memuaryi/393356/fulltext.htm, свободный.

² Качурина Н.В., Макарьев А.А., Макарьев Е.М., Гавриш А.В., Орлов В.В., Сахаров А.А., Дымов В.А., Козлов С.А. Государственная геологическая карта РФ. М-б 1 : 1 000 000 (третье поколение). Серии Северо-Карско-Баренцевоморская и Таймырско-Североземельская. Лист Т-45–48–М. Челюскин: Объясн. зап. — СПб.: Картфабрика ВСЕГЕИ, 2013. — 568 с.

дочниковского массива гранитоидов позднекаменноугольного–раннепермского возраста и контролируется зонами брекчирования по углеродистым сланцам и дайкам гранит-порфиров. Выявлены две генерации уранового оруденения: 1) древнее — рассеянного типа, сингенетичное с породами ордовика и силура; 2) молодое (вторичное) оруденение, связанное с корой выветривания зон смятия и дробления. Аномальные концентрации урана наблюдались на глубине 1,5–2 м от поверхности, а богатое урановое оруденение — ниже зоны сульфатной минерализации. Минерализованные зоны крутопадающие, расположены кулисообразно и прослеживаются на десятки и первые сотни метров при мощности от 0,5 до 5–6 м. Максимальные концентрации установлены в раздувах минерализованных зон, приуроченных к узлам пересечения их с поперечными зонами смятия углеродистых сланцев. Скважинами они прослеживаются на глубину более 100 м от поверхности. Оруденение комплексное V-Mo-P-U.

Силами экспедиции были построены две взлётно-посадочные полосы — зимняя и летняя, принимавшие самолёты Игарской авиагруппы Управления полярной авиации ГУСМП и авиаотряда Норильского комбината. Для обслуживания авиации с 1950 г. работала экспедиционная метеостанция. В посёлке, получившем название «Рыбак», было построено несколько жилых и производственных помещений (фото 8).

Фото 8. Спутниковый снимок Каменского месторождения «Рыбак» (V-Mo-P-U) по состоянию на 2023 год (развалины посёлка, горные выработки)

Тяжеловесные грузы и техника завозились в «Рыбак» по 100-километровому зимнику из бухты Зимовочной на северном берегу залива Фаддея, где разгружались пароходы. Здесь была построена перевалочная база из трёх жилых щитовых и рубленых домиков и нескольких складских помещений. На берегу были свалены огромные кучи неразобранного груза, оборудования для предполагавшейся обогатительной фабрики, электростанции, горы консервов и т. д. По мнению О. Нехаева, «на доставке грузов был задействован весь ледокольный флот и арктическая авиация». Основная часть грузов была доставлена осенью 1950 г. на ледоколах «Ермак», «Красин», «И. Сталин» и на ледокольном пароходе «Г. Седов».

В 1951 г. в «Рыбаке» для обслуживания экспедиции появился отдельный лагерный пункт Норильлага, укомплектованный осуждёнными по уголовным статьям. Заключённых привозили на пароходе из Дудинки в бухту Зимовочную, откуда они этапировались (пешком или на тракторных санях) в «Рыбак».

В 1951–1952 гг. заключённые «Рыбака» строили новые жилые и производственные помещения для экспедиции и были заняты на горных работах (рытьё шурфов и канав),

а также использовались на хозяйственных работах. В основном посёлке экспедиции в марте 1953 г. было шестнадцать строений (восемь жилых домов, контора, столовая, радиостанция с двумя 15-метровыми вышками антенны, гараж, электростанция, склады), открытый склад ГСМ, метеоплощадка, а также несколько балков и палаток.

К 1952 году, когда рудник на Рыбаке должен был уже стабильно работать, ситуация изменилась. В СССР, а также в «странах народной демократии» (ГДР, Чехословакия, Болгария) были обнаружены значительные месторождения радиоактивного сырья в местах, куда более удобных для освоения, чем расположенный на Крайнем Севере Таймыр. Сохранение экспедиции и лагеря в Рыбаке стало нецелесообразным как из-за малой перспективности рудопроявления, так и из-за трудностей регулярного снабжения оборудованием, продовольствием, строительными материалами и ГСМ. Решение о консервации работ экспедиции было принято руководством Норильского ГМК в марте-апреле 1952 г., а 24 октября был подписан приказ МВД о ликвидации ГПУ-21. Геологическая документация, содержащая результаты работ этой организации, переданная в Спецотдел МВД, в архивах не сохранилась и данные о запасах выявленного месторождения отсутствуют.

Уже летом 1952 г. в «Рыбаке» работала группа консервации Арктикснаба, принимавшая ценности от бывшей экспедиции. Сотрудники группы консервации были здесь с жёнами, работала столовая, т. е. весной-летом 1952 года людей было довольно много. К зиме в посёлке осталось всего четыре человека, вероятнее всего, вольнонаёмные, в задачу которых входили охрана имущества и укатывание взлётно-посадочной полосы трактором для поддержки её в рабочем состоянии. Осенью-зимой 1952 года по зимнику более или менее ценное имущество было вывезено в бухту Зимовочную. В том же 1952 году там погиб в пургу работник экспедиции В.В. Сивов, могила которого сохранилась на берегу бухты.

Группа консервации работала целых два года, что говорит о том, что оборудования, продовольствия, одежды, строительных и горюче-смазочных материалов в «Рыбак» было завезено с большим запасом — средств на поиски радиоактивного сырья не жалели! Метеорологическая станция экспедиции ещё весной 1952 года была передана Управлению полярных станций и связи ГУСМП, и 28 июля на неё прибыл метеоролог Л.А. Каймук, 20 мая 1953 года его сменил Н.Г. Николаев. Полярная станция «Рыбак» была закрыта 15 мая 1954 г. На плане 1954 года Н.Г. Николаев сделал примечание: «Лагерь в настоящее время пустует». К тому времени число строений в лагере уменьшилось на один большой барак, строение средних размеров и три балка, очевидно, разобранных на дрова (та же участь постигла один жилой дом и несколько балков в посёлке).

Консервация и перевозка имущества продолжались до лета 1954 года, когда «Рыбак» был покинут людьми навсегда. Закончила свою работу группа консервации (в 1954 году ей руководил А.И. Савинский), прекратил функционирование аэропорт и ненужная уже полярная станция. Лётчики с Диксона и из Хатанги, изредка летающие и поныне в этих местах, рассказывают о 7–8-ми полуразвалившихся деревянных строениях.

В постройках перевалочной базы в бухте Зимовочной в 1953 году была организована полярная станция, начальником которой был назначен М.К. Блиндеров. От базы на станции осталось много имущества — несколько щитовых и рубленых построек 1948–1952 гг., деревянная стотонная баржа, три шлюпки, восьмитонный кунгас, с помощью которых разгружались суда с грузами для «Рыбака». Экспедиция оставила здесь также запас солонины и острубей на 5–6 лет. Комплект радиостанции принят зимовщиками от полярной станции «Рыбак». Поначалу на станции зимовало 10 человек, с 31 мая 1957 г. персонал сокращён до трёх, а 15 сентября 1958 г. она была закрыта, т. к. располагалась в неудачном для наблюдений месте. Собачьи упряжки были переданы воинской части, располагавшейся там до 1993–1994 годов. После её ухода бухта изредка посещается геологами и туристами-спортсменами.

Таким образом, можно сделать вывод, что отдельный лагерный пункт «Рыбак» в составе Норильского ИТЛ, удалённый от него на северо-восток на 850 км, существовал на полуострове Челюскин в 1951–1952 годах. Численность заключённых в нём — от 200–300 до 600–800 человек, причём первая цифра кажется более близкой к истине — эту партию завезли в основном для строительства большого лагеря. Кроме этого, заключённые были заняты на геологопоисковых, геологоразведочных и хозяйственных работах. Геологические работы могли сопровождаться попутной добычей в небольших объёмах радиоактивных руд. Для сегодняшнего уровня знаний о географии ГУЛАГа — это самый северный из островов его архипелага, существование и характер работ которого подтверждено документально.

Интересные сведения о посёлке Рыбак я нашёл в воспоминаниях известного исследователя Таймыра геолога канд. геол.-мин. наук Льва Васильевича Махлаева (Махлаев, 2010¹). Он в 1965 году организовал в КНИИГиМС тематическую группу по теме: «Докембрийские формации Таймыра», куда вошли супруги Анатолий Игнатьевич и Инга Даниловна Забияки.

Л.В. Махлаев посетил посёлок Рыбак вместе с И.Д. Забиякой в 1967 году, всего через 15 лет после закрытия и его наблюдения, как очевидца поражают. Приведу его воспоминания с небольшими купюрами эмоциональной части текста, касающейся предполагаемых условий содержания заключённых. Сам Л.В. Махлаев провёл в экспедициях в условиях Крайнего Севера много лет, исколесил Челюскин вдоль и поперёк, домом ему и его товарищам всегда служила обычная брезентовая палатка с печкой, а в полевой сезон 1967 года Л.В. Махлаев, после поломки вездехода, вынужден был пройти с товарищем путь длиной в 100 км пешком от плато Лодочникова до бухты Зимовочной, практически повторив путь первых исследователей месторождения «Рыбак». В своих воспоминаниях он отнёс это «критическое» событие на грани выживания к «забавному приключению».

«Я был в этом брошенном посёлке (вернее, в том, что от него осталось) уже после ликвидации лагеря. Был несколько раз, но самым сильным осталось первое впечатление.

Мы с Ингой (И.Д. Забиякой) шли маршрутом на плато Лодочникова. Нашей целью был сбор материала, характеризующего граниты. Внимание привлекли яркие блики, вспыхнувшие на склоне горы, когда солнце пробилось сквозь облака. Посмотрев в бинокль, я увидел, что это блестят кучи битого стекла. Я понял, что это и есть остатки печально знаменитого лагеря, о котором я много слышал, но точного положения которого не знал, и внёс соответствующие изменения в наш маршрут. Мы вошли в лагерь с востока, по хорошо сохранившейся тракторной дороге от бухты Зимовочной. Первое место, куда мы попали, был громадный открытый продуктовый склад. Продукты хранились без какой-либо защиты: ни сараев, ни навесов: длинные вереницы штабелей мешков с мукой и крупами, фанерных и дощатых ящиков с макаронами, лапшой и прочими «тестяными изделиями», сухими овощами, с полопавшимися стеклянными банками овощных консервов, проржавевшими банками тушёнки и сгущёнки, сгнившей колбасой, разползшейся в кисель халвой и прочим богатством.

Мешки с мукой и крупой частично истлели. Снаружи их содержимое неоднократно мокло, раскисало, превращалось в тесто, и снова сохло, сформировав плотную корку, оберегавшую середину, а потому внутри каждого мешка можно было нагрести ведра 2–3 исходного содержимого, а то и больше. Нижние мешки в

¹ Махлаев Л.В. Полвека в геологии: о жизни, работе, обществе и стране (от эпохи Сталина до нынешних времён). — Сыктывкар, 2010. — Режим доступа: textarchive.ru/c-2127039-p27.html, свободный.

каждом штабеле давно стали достоянием мышей и леммингов, которых там обитало немыслимое количество. Однако были там и более странные звери. Когда я увидел первую такую животягу, я попросту испугался, потому что это был какой-то монстр. Представьте себе толстое жирное создание, ростом с крупную собаку или умеренных размеров свинью, сплошь покрытую лоснящейся серой шерстью. Щеки надутые, толстые, морда круглая, по краям головы висят узкие длинные уши, брюхо круглое, хвоста нет. Зверь этот еле ковылял на коротких и толстых кривых лапах и явно страдал одышкой. Когда он уставился на меня тяжёлым и грустным взглядом, усиленно шмыгая носом и шевеля раздвоенной верхней губой, я наконец-то понял, что это заяц. Только немыслимо отъевшийся и непомерно разжиревший. «Свино-зайцы», как мы с Ингой их окрестили, жили прямо среди мешков с крупами и мукой, поедая их содержимое. Эти же лабиринты штабелей мешков и ящиков укрывали их от хищников — прежде всего от волков. Видимо, они тут же встречались с себе подобными, тут же рождались дети, сразу начинавшие беззаботную жизнь на всём готовом! Так они и вырастали без малейшей потребности не только в бегах, но и вообще в сколько-нибудь существенном перемещении. Мышцы атрофировались от безделья и ожирения. Потому-то и уши у них висели, а не стояли...

На вещевом складе меня поначалу поразило обилие дверных щитов: их была не одна сотня, но потом я вспомнил, что из дверных щитов были сколочены лагерные бараки в Бирюлях, и до меня дошло, что это не что иное, как стройматериал для расширения лагеря. О том же говорили десятки огромных мотков колючей проволоки. Лагерь намеревался шириться и процветать. Штабеля стальных забурников, арматуры, многочисленные мешки с цементом, ручные пожарные насосы для откачки воды из штолен, какое-то электрооборудование непонятного назначения (реле, рубильники, трансформаторы, генераторы, моторы...), запчасти к тракторам... К товарному складу примыкала «зона», — огороженная колючей проволокой территория с остатками полудюжины бараков. Они были страшнее бирулинских: каркас из досок обшит снаружи и изнутри брезентом, пространство между двумя слоями брезента забито сухим мхом.

Пара бараков была получше: они были сколочены из дверных щитов. Кто там жил, я не знаю. Возможно, со временем в такие бараки собирались переселить всех. Не зря же завезли столько щитов. Наконец, один барак был целиком бревенчатый, рубленый... Судя по валявшимся под нарами геологическими молотками, это был барак специалистов. Видимо, тут жили геологи. Это был более «ценный» и трудно-восполнимый контингент, а потому их хоть как-то оберегали!

По углам периметра ограды стояли некогда вышки охраны. Из них уцелело две, остальные были повалены и изрублены. Уцелевшие вышки представляли собой плотно сколоченные дощатые будки, обшитые изнутри фанерой, с двумя застеклёнными окнами на смежных стенах и с двумя прожекторами.

Встречался я с некоторыми бывшими вольнонаёмными. Геофизик Дима Гвиздь, с которым мы работали вместе на Толевой, был когда-то вольным техником-геологом на Рыбаке. Он говорил, что вышки там стояли пустыми. Никто на них не дежурил. Вышки были, а «вертухаев» не было! Более того, лагерное начальство требовало, чтобы охранники никогда не носили при себе оружия, чтобы не возникало ни малейшего соблазна применить его. В авральных работах ВОХРовцы участвовали наравне с заключёнными. Значительная часть охранников и сами были людьми подневольными: это были не штрафники в полном смысле этого понятия, но всё же в чём-то проитрафившиеся военнотруженики, для которых перевод в этот лагерь на такую должность был наказанием, и не малым. Посёлок охраны и вольнонаёмных работников на Рыбаке почему-то (в отличие от Бирулей) не уцелел. От него сохранилось лишь полуразвалившееся барачного типа здание конторы, у входа в которую валялись остатки табельной доски («приход-уход») с номерками на гвоздиках... Инга не могла понять, что это такое. Она моложе меня, и табельную систему учёта

уже не застала, а я всё же первые два года своей трудовой жизни перекидывал дважды в день свой личный номерок с одной половины доски на другую и обратно.

За пределами зоны и посёлка находился сам рудник — серия штолен, уходивших внутрь горы. Уцелели откаточные отвалы, но входы в штольни были обрушены, и проникнуть туда было невозможно. Странно выглядели и разведочные линии шурфов. Впечатление было такое, словно их оставили на минутку: не прибранные специально, а брошенные как попало кайлы, тут же валяются эмалированные миски, кружки, алюминиевые ложки. Обычно таким имуществом не разбрасывались. А вот в бараках всё было убрано. Таким и остался Рыбак в моей памяти. Уныние, тоска, запустение и ... следы поспешной эвакуации, почти бегства. Кстати, добытую руду специальная комиссия, составленная из геологов НИИГА и треста «Арктикразведка», признала некондиционной: слишком уж низким было содержание урана. Её отвезли в железных бочках в Ледовитый океан, подальше от берега, и затопили».

К счастью, история про лагерный пункт «Рыбак», как самый страшный каторжный лагерь сталинского ГУЛАГа, не подтвердилась. Основные и самые тяжёлые работы по разведке уранового месторождения и подготовке его к освоению были проведены в период 1948–1951 гг. силами сотрудников геологоразведочной экспедиции — геологоразведочные работы, строительство посёлка, двух взлётно-посадочных полос, завоз продовольствия и оборудования. Отдельный лагерный пункт Норильлага «Рыбак», укомплектованный осуждёнными по уголовным статьям, был создан для обслуживания экспедиции в 1951 году и ликвидирован в следующем 1952 году. Все заключённые в полном составе были вывезены на Большую землю.

Полуостров Челюскин и его недра — самой труднодоступной и удалённой горной страны Евразийского континента, изучали и осваивали целеустремлённые, самоотверженные, добрые и мужественные люди, горячо любящие и преданные своей Родине — геологи и геофизики, буровики и горняки, топографы и гидрогеологи. Только свободные люди могли жить и с усердием работать в труднейших природно-климатических условиях Крайнего Севера.

Среди них есть и наши земляки-тувинцы: уроженец пос. Ырбан, Заслуженный геолог России, генеральный директор ООО «Голевская ГРК», ныне — депутат Верховного Хурала Республики Тыва Андрей Георгиевич Листков и уроженец г. Кызыла, начальник участка артели старателей ООО «Восток» Владимир Петрович Сайгутин.

ВИКТОР АНДРЕЕВИЧ САЗОНОВ

Виктор Андреевич родился в 1953 году. Закончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института в 1986 году. В геологии начинал рабочим в 1970 году (Казахстан, Горный Алтай), затем проходчик, бурильщик, геологосъемщик в Восточном Казахстане и в Западно-Сибирской геологосъемочной экспедиции. В 1995–1999 гг. — главный геолог, директор артели старателей (Горный Алтай). Работал в «Зарубежгеологии», в Перу. Вернулся на Родину, работал главным геологом в золотодобывающих артелях. Ушёл из жизни 14 августа 2022 года.

БАЙКАЛЬСКИЕ И ДРУГИЕ ЗАРИСОВКИ

Ветер, ветер, Баргузин,
Дуй скорее в магазин.
Ветер, ветер, ветерок
Ты надуй нам литерок,
Хлебушка на сдачу,
Омуля в придачу.
Славный будет вечерок.
Дуй живее ветерок!

На горе гуляло горе,
Выло вьюгой между скал.
В ледяном немом просторе
Злодей ветер заплутал.
Мраком мгла скрывала звёзды,
Снег сугробы налепил.
Засыпал я очень поздно,
Видно водки перепил.
Тетивой цеплялись туго,
Впившись в камни, корни древ,
Уже не ждал тебя, подруга,
От желаний перезрев.

Погоди. Не торопись. Пусть осталось мало дней,
Но мы ещё успеем спеть песню про любовь.
Погоди. Не торопись. Пусть осталось мало лет,
Но мы ещё успеем спеть песню про печаль.
Погоди. Не торопись. Пусть осталось мало ...,
Но мы ещё успеем спеть песню про друзей.

Спешу признаться Вам, сударыня,
Что чувствую звериным я чутьём,
Вы в свете да, конечно барыня,
Но и рабыня Вы, когда вдвоём.

Постоянство твоего непостоянства
Для меня раздвигает пространство
Для любви раздвигает вселенную
Невозможно необыкновенную.

МОСКВА

Москва! Столица всякого ума...
«Как много в этом слове...»¹
Скопила ныне всякого дерьма,
Что для провинции совсем не внове.
Мы у себя, в своей глуши,
Хотя и ходим в Интернет,ы,
Не видим от Москвы просвета.
Душила всех и будет всех душить
Ей неугодных писателей, поэтов,
Учёных, самородков от станка,
Орателей², встречающих рассветы
На нивах, там, где хлебушко растёт,
Что бы набить московский жадный рот,
Который, не смущаясь, всё сожрёт
И труд провинций отнесёт
В свои злачёные клозеты.
О, сколь погибло талантливых ребят,
Кто не воспитан был для взяток
Во чреве зла, воспитанном Москвой.
Но у неё есть армия! Хоть волком вой,
А хоть грызи от голодухи удила, —
Она гребёт, как (с Рюриков) гребла,
Стволов могучих русский сок.
А если прорывался неугодный голосок,
Картечью била со ствола,
Порола задницы урезанным бюджетом,
И всё жирела: то выборным Советом,
То Думой, придуманною ею
Что бы покрепче в круп вогнать нам шлею.
Да ну её в дырявый пим с прорехой.
Ребятам питерским в ней не видать успеха,
Пока они в том варятся котле.
Но возникали варианты на Земле,
Когда сносили к чёрту все столицы
Либо пытались переместиться³,
Чтобы отсеять присосышей толпу.
Пять, десять лет... И что?
Они же тут как тут.
И зад полижут, и шепнут на ухо,
И тыл подставят, продадут.
Как на дерьме с зелёной мухой,
Бороться с ними надо лишь отравой
(Я не садист, ребята, право,
Но мух навозных не люблю
И не терплю. Я дустом их травлю.)
Достукается. Ох! Москва дождётся,
Коль грабить Русь всё ей неймётся
Однажды касками шахтёры постучали,
Так москвичи все сразу заскучали
И, дал бы Бог шахтёрам тем ума,
То не купились бы на сладкие посулы,
А москвичей (пардон, не всех) тюрьма
На нарах парила б под дулом.

Я не сторонник авторитарной власти,
При ней и беды, и напасти
Всякие наш испытал народ.
Наоборот.
Технично надо бы и аккуратно,
Законно и субдемократно
Шепнуть хамлу: «Ребята! Ша!
Неси в казну всё до гроша».
И в каждый, от дедов до внуков, рот
Вложить природный наш доход
Как в ОАЕ или в Катаре
По столько тыщ на жителя страны.
А там уже стригите, пацаны,
По правилам, а не в угаре,
Налоги с морды по закону.
А если будут вам препоны
Со стороны зажавшихся чинуш,
То им устроить хладный душ
Не из бригад балованных таманцев,
Не из толпы идейных обосранцев,
А из девятой роты псковичей,
Те знают как «мочить» всех сволочей.
Но это случай очень крайний,
И он не должен быть случайным.
Я не пророк, но мне сказать придётся,
Что коль Москва всё хапать не уймётся,
То через пять-семь лет ещё один урок
Ей пережить опять придётся.
Быть может, ей пойдёт он впрок
Если от жадности сама не захлебнётся.
Народ в провинциях пока ещё молчит,
Но зреет злость в сердцах трудяг,
И даже водка не сбивает с темы,
Наоборот, острит проблемы.
А вдруг поднимет кто-то стяг
И выйдет Данко от станка.
Народ поддержит мужика,
А наш солдат в отца стрелять не станет,
Скучкуются и радостно помянут
Поганым помелом под чванный зад
Толпу, со звонким званьем «Бюрократ».
Шугнут, но убивать не станут
(Не кровожаден наш народ)
И только поворот им от ворот
Кремлёвских им предложат.
Не дай тому свершиться, Боже.
Ибо в веках не видела природа
Страшней того, как гнев народа.
Тьфу, тьфу и через левое плечо.
Да и по деревяшке постучу.
Я много видел. Всё мне нипочём.
Но вот такого видеть не хочу,
Но мысль интересна...
Всё. Молчу.

2011

¹ А.С. Пушкин (прим. автора).

² Пахарей (старославянское) (прим. автора).

³ Бразилия, Казахстан (А толку!?) (прим. автора)

ВЧЕРА

Проснулся очень рано. До утра.
Глаза открыты в новый, незнакомый мир.
Подумалось — зачем я был «Вчера»
И кто «Сегодня» будет мой кумир.
«Вчера» печально с пробуждением исчезает,
Свою задачу выполнив, и вот
Приходит «Завтра». «Завтра» наступает!
Я не хочу! Но всё ж оно придёт.
Придёт! Наступит мне на память,
Заставит, может быть, о чём-то сожалеть,
Закинет детство моё в замять
И лишь отрывками немного будет греть.
Немного вспомнит о любви к подруге,
Помянет предков во сырой земле
И вспомнит как однажды с другом
Мы мзеев запускали на горе.
«Вчера», «Вчера»...
Свет из окошка
Струит тепло в мою кровать.
Пришла пора — «Вчера» мне вспомнить понемножку
И вот «Сегодня» тихо помирать!

ЗУН-ХОЛБА

ДЕНЬ МЕТАЛЛУРГА, ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Маркшейдерам

Маркшейдеров все в жизни уважают.
Все «математики» и пусть слова грубы,
Но квершлаги и штреки продолжают,
Но с маршем труб их славно провожают,
И на помин души всем много наливают,
Когда проходчикам не додают кубы!
С ПРАЗДНИКОМ!

ПТО (произв.-техн. отдел)

Вы производство постоянно в напряжении
Из-за бумажек держите всегда.
О, если б не было у вас девчушки ЖЕНИ,
Всему отделу грозила бы беда!
С ПРАЗДНИКОМ!

Отдел нормирования

Нормируйте: и производства сводки,
И каждый вздох, и каждый шаг.
Но тот, кто в праздник подсчитает литры
водки —
Нам будет самый первый враг!
С ПРАЗДНИКОМ!

ПВС (пылевентилирующая служба)

Пылевентилируя природу,
Разгоняя воздух по углам,
Вы не забывайте, что народу
Надо очень выпить по сто грамм!
С ПРАЗДНИКОМ!

Геологам

Мы все одною ниткой связаны
И понимаем где и что искать.
Эксплуататоры добытчикам обязаны
За каждый метр трижды наливать!
С ПРАЗДНИКОМ, КОЛЛЕГИ!

Участку ГПП № 1

Как здорово, что существуем мы у вас!
Как славно, что вы у нас любимы!
Мы так друг другу здесь необходимы
И каждый день, и даже каждый час!
С ПРАЗДНИКОМ!

Участку ГПП № 2

Для Умных не уместны здесь слова —
Есть аксиома: Геологи — Участок номер
Два.

А тем, кто знает аксиому лишь во зле,
Тем места нет на праздничном столе.
С ПРАЗДНИКОМ!

Отдел кадров

Мы мужчины — да, мы из стали!
Таковыми сделала нас природа.
Но кадры решают всё — прав был товарищ
Сталин!
И мы вас любим как друзей народа!
С ПРАЗДНИКОМ!

Склад

Я обряжусь в истерзанный наряд,
Истрёпанный годами в подземелье,
И к вам приду, что бы увидеть этот взгляд,
Смущающий сильнее, чем похмелье.
С ПРАЗДНИКОМ!

ВШТ

Перевозя руды миллионы тонн,
Вы не скучайте, думайте о том,
Что те миллионы, что вы перевезли,
Геологи для вас же и нашли.
Ведь если б не нашли мы золото,
То где бы вы работали, ребята?

ГЗУ

Ни разу никого не заложил,
И ни врага, тем боле друга.
Ты жизнь не правильно прожил
Однажды доложила мне подруга.
Пытался возражать, но что-то сник,
Пошёл на ГЗУ и заложил за воротник.
Для этого была причина —
Ведь там не пацаны, ведь там мужчины!
С ПРАЗДНИКОМ!

Авлону и др. начальникам «Бурят Золото»

Мы знаем, что мозги не прикарманишь,
Всегда уверены мы в избранном пути.
В Холбе есть золото — природу не обманешь.
И мы его достанем — мать ити!

Столовой

Рабы желудка после шахтных трудовней,
Мы выползаем к солнцу, что б погреться
И все спешим к вам, нежным, поскорей,
Нет, не поесть — на вас прекрасных насмот-
реться!
С ПРАЗДНИКОМ!

Лаборатория Самарта

Под нашей грязною шахтовой робой
Стучит любовью сердечко к вам.
Мы так вас любим, когда вы в пробах
Даёте золота по двести грамм!
С ПРАЗДНИКОМ!

Хозслужба (магазин, прачечная, и все)

Я был бы грязь и был бы свин,
Когда бы не ходил я в магазин,
Жевал бы я коровой свою жвачку,
Когда б не посещал я прачку.
Спасибо, женщины, за ваш нелёгкий труд.
Поклон от всех, кто проживает тут.
С ПРАЗДНИКОМ!

ГКР

Капитально если разобраться
В горном деле, то многие тогда
Смогли б без вас так жидко обознаться,
Но и без нас вы тоже никуда!
С ПРАЗДНИКОМ!

Диспетчерам

Звонок, звонок. Ещё звонок!
Чтоб оборвался этот чёртов проводок!
Нет. В шахте люди золото гребут,
Чуть что не так — диспетчера зовут.
Поэтому диспетчерам — УРА!
Работа, видишь ли, с утра и до утра.
С ПРАЗДНИКОМ!

Главному инженеру

Геолог и горняк — что братья близнецы:
Природа одна мать, хоть разные отцы,
Поэтому всегда нам вместе надо знать,
Что братьям только вместе выпивать.
С ПРАЗДНИКОМ!

Автоцех

Подвези — один пристанет, то другой,
Кому-то срочно повидаться с Самартой,
А за спиною груз под двадцать тонн,
И в перевал движка надрывный стон.
Скрипят колодки, как под коленкою сустав,
Сейчас бы водки, но геолог тут пристал,
Даёшь руду и золото в руде.
Видал я это золото... В руде!
С ПРАЗДНИКОМ!

БВР (отдел буровзрывных работ)

Мысли взрыв, порывов капсюль,
Детонатор возжелать.
Главное, не надо капать,
Надо больше наливать!
С ПРАЗДНИКОМ!

Шуляку Г.Б.

Как жаль — в твоих инициалах
Лишь буквы К не доставало.
Тогда б все, вероятно, круче уважали,
Те, кто тебя до этого не знали.
Мы ж просто видим везде твои следы,
Где заложил в Холбу свои труды.
А, в принципе, Борисыч, вместе нам
Давно пора принять по сотне грамм.
Твоих трудов, дерзаний продолженье
Мы совершаем здесь без напряженья,
И солнца свет встречаем под землёй,
В надежде, что напьемся мы с тобой!
С ПРАЗДНИКОМ!

Отдел техники безопасности

С безопасностью труда
Дружат все везде всегда.
Так и мы вас поздравляем
И, конечно ж наливаем
(Что бы не было беды)
Много грамм простой воды!
С ПРАЗДНИКОМ!

Славе Норильевичу ЛЯХНИЦКОМУ

Тихо стало. Небо село
В звёздных шортах на вершины.
Закемарило, уснуло. Надо для костра
Мне собрать опавшей хвои.
Видно нам, мой друг, с тобою
Помолчать об очень многом подошла пора.
Ель палатку гладит лапой.
Чай вскипел. И это славно.
Значит, будем обжигаться мыслями о том,
Что хотели мы остаться,
Но придётся возвращаться.
Что же делать, вот и речка зазвенела льдом.
Вот и лес стоит понуро.
Над горами тучи хмуро
Чёрной стаей наметают белые снега.
Слушай друг, настрой гитару.
Что-нибудь споём на пару,
Что б печаль осталась светлой, ну а грусть легка.
Искры упорхнули к звёздам.
Подожди! А вдруг не поздно
Нам с тобой сейчас про горы спеть тихонько в унисон,
Но засыпает друг мой старый
И, в обнимкою с гитарой,
Видит добрый, про работу, самый лучший в мире сон,
Что нам дали три зарплаты,
Премимальных за полгода,
И любимая вернулась.
Это хорошо!

1999

АНТОНИНА

Встал сегодня утром рано,
Во дворе полно тумана,
Не блестит в траве роса,
И на завтрак колбаса,
В небе тучки ходят густо,
В кошельке стабильно пусто.
День, как будто бы обычный,
А настрой такой отличный, —
Сердце песенки поёт,
Словно виски пью компот.
И в душе цветёт гербарий,
Счастья — полный серпентарий.
И спросил себя, спросонья:
В чём причина, ё-моё?!
Вспомнил!
Отмечает нынче Тоня
День рождения своё.

И такая сразу благодать
Облекла весь мой скелет.
Пожелаем Тоне радость
И любви на много лет.
Чтобы солнышко светило
Золотистою копной,
Что б с любимым коллективом
Изучить весь шар земной,
Что б всегда с тобой был рядом
Яркий творчества азарт,
Что б блестели сладким ядом
Эти умные глаза,
Чтоб цветы всегда носили
Каждый день, а не раз в год.
Будь всегда такой красивой,
Остальное всё придёт!

Михал Михалычу ШЕВАЛЬЕ — начальнику «ПодЗубьевой» турбазы

(написано в разные времена)

Налей, начальник, в кружки нам сироп,
Что так искрится в фирменном стекле.
Эх! Водка «Люкс», — погода жопа,
Заметил мудро однажды Шевалье.

Опять дожди, опять сентябрь,
Опять от дома где-то в стороне.
Не надо денег — тепла хотя бы
Да груз полегче на больной спине.

А нам — что хмарь, что ливень с неба,
Что холод с Зубьев, что Казыра шум...

Вот тут бы сала, а так же хлеба
И что б работа только шла на ум.
Ведь мы не геи и не засранцы,
Нам просто хочется узнать,
Чего содержат «чёрные сланцы»
И где то место, куда их слать.

Мы от Пезаса и до Израса,
Где на коленках, а где ползком.
Эх! Жизнь — копейка! Судьба — зараза!
Связала накрепко с маршрутным рюкзаком.

Опять скрипят голеностопы
И ворон кличет беды на скале.
Эх! Водка — «Люкс», погода — жопа!
Налей начальник! Прав был Шевалье!

Когда я заболёю
Совестью своей,
Я не пойду в аллеи,
А позову друзей,
Что бы они лечили,
Как доктор Эскулап,
Болезни той причину
Пожатьем твёрдых лап.
Когда я занемогу
Или занемогу,
Я годы подытожу
На этом берегу:
И что сберёг и прожил,
И что пропил-отдал.
Нас ждёт один и тот же
Прощающий вокзал.
И пусть на теле раны,
И пусть на сердце грусть,
Другим своим обманом
Не указал я путь,
Не рисовал дорогу
От счастья до небес.

Я просто жил немного
Сегодня с вами здесь.
И пусть найдут причины,
Чтобы не пить, пока
Нормальные мужчины
Валяют дурака,
А женщины хорошие,
Любимые всегда
Пусть не забудут прошлые
Счастливые года,
Опять простят душою
И телом отдадут.
А мельницей большою
Года все перетрут,
Перемолотят грёзы
И чувства наши в прах,
А нас оставят в прозе
И, может быть, в стихах
На камушке могильном,
Обросшем трын-травой....
О чем это ты, милый,
Судачишь сам с собой!?

ПОКОРИ МЕНЯ

Покори меня. Покори
Тихой радостью, светлой печалью,
Чтобы мне не спалось ночами,
Что б мечтал о тебе до зари.
А закат всё алей и алее
Наливался багряновым звоном.
Никого нет на свете милее
В моём сердце навеки влюблённом.
Покори меня. Покори
Взглядом чистым, ласковым словом.
Я люблю тебя снова и снова
И с тобою хочу говорить.
Волны бьются в гранит парапета,
В пальцах солнечной радугой тая.
Я люблю тебя радостью лета
И снегами зимы обнимаю.

Покори меня. Покори
Рук движеньем, улыбкою нежной.
И словами любви и надежды
Счастье в сердце моём пусть горит.
Серебрятся луною отроги,
Стражи тайн и открытий немые.
Я люблю тебя больше дороги,
Что водила меня по России.
Покори меня. Покори
Неподсудным своим ожиданием
И прощением, и прощанием,
Волшебством своим встречи дарить.
А по небу звезда золотая
Проплывает, мечтой окрылённая.
Ты одна в моей жизни такая
Несравненная, непокорённая.
Покори меня! Покори....

2003

ЧУМАЦКИЙ ШЛЯХ И МИЛКИ ВЭЙ

Небо к ночи звёздами вразброс приколочено.
Торопился, видать, сапожник хмельной,
Выполняя чей-то заказ, давно уж просроченный,
Колотил молотком. Шил заплаты дратвой

Цвета свежего, не процеженного,
Струйкой брызжущего молока.
И бежит та дорожка не езженная
От начала до издалека.

Первым снегом упаду
На твою девственную грусть.
Был я светом, — стал вдруг тьмой.
Ну и пусть!
Был я счастьем, был я болью,
Был таким, каким тобою
Я придуман был.
Через мысли и желанья,
Через горечь расставанья
Я к тебе, любимой, плыл.

Плыл, свой парус раздувая
Ясной только мне мечты.
Плыл сквозь мерзость,
Точно зная,
Не найду другой, как ты.
Первым снегом упаду
На твою о лете грусть.
Был я светом, — стал вдруг тьмой.
Ну и пусть!

Наплывали сумерки тенью,
Растворялись часы в мгновениях
И летели облака багряные,
И шептались слова полупьяные,
И звучали слова хмельные,
Непонятные, но родные,

И сплетались в узлы руки,
Исчезали вокруг звуки,
Исчезали года и сомнения
В бесконечности соприкосновения,
В быстротечности соучастия...
Может это и есть счастье!?

28.10.2003

Снова осень. Шум дождя.
Не выходит солнце рано.
Снова, бодро проходя,
Несёт пузырь нам Л. Доманов.
И хорошеет вдруг в душе,
И даже дождик нам не в тягость.
Так пусть же людям всем вообще
Приносит Л. Доманов радость.

Илюша возле окон бродит,
Неся желаний скорбный груз.
Но он к нам что-то не заходит?
Нюх потерял он. Ну и пусть!
А за стеклом всё небо в хмари,
Ворчит подруга, нас любя.
Ну что ж. Придётся дать нам «гари»
Под стон осеннего дождя!

ПРОРОЧЕСТВО ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

У одиночества пределов в мире нет
И беспредельно счастье одиночек, —
Когда ты сам себе подаришь и рассвет,
И сам утонешь средь болотных кочек.
О, одиночество! И счастье, и печаль,
И сам себя и хвалишь, и ругаешь,
И сам с собою расстаёшься, и встречаешь,
Плывёшь медузой и закаляешься как сталь.
Неоспоримо вечное пророчество,
Что ТВОРЧЕСТВО РОЖДАЕТ ОДИНОЧЕСТВО!
Проверено ни за день, ни за год,
Назначено на много лет вперёд,
Всё это может быть наоборот!

08.2005

УТРО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МОЕГО

(что вижу, то пою в деревянной камералке)

Сажу у окна. Пялю зенки в природу,
Надевши очки на худющий свой морд.
О! Сколько проходит мимо народу,
Пишу на бумажке о них натюрморт.
Конечно ж, я право имею на это!
Ещё я имею право на то,
Что б праздновать день свой рождения летом,
Заклав на ломбарде на штрипках пальто.
Вот Бабин прошёл, смяв в руках бумагею.
Наверно в контору — работа така,
А я всё сажу и в окошко глазею
И Муза меня посещает слегка.
Вот пара Татьян на север рванула
(Нельзя пить так много с конфетами чай),
Вот солнце на небе слегка промелькнуло
И скрылося¹ в тучах. Наверно скучать.
Вот бодрый Шкарбань по имени Вова,
Вослед бороде своей сорок шестым,
Шагает туда. Возвращается снова
И тоже с бумагой. Да что это с ним?
Вот Лёша мелькнул. Показался и сгинул,
Волною забот унесённый за борт.
Возможно, он временно нас всех покинул,
Возможно, сегодня ещё он придёт.
Сажу и курю. И думаю мысли,
Не то, что бы умные, а так вот — вообще.
Витает по комнате дым коромыслом
И зреет опять сожаленье в душе
О том, что, наверно, совсем стал я старей,
Что выпить ведро не смог до конца...
А вот идёт умный Саша Уваров,
Несёт протокол и морду лица.
Людмила прошла, значит, будем смеяться,
И, может быть, выпьем, если нальют.
Ведь в этакый день надо нам поздравляться,
Коль нас не ругают и больно не бьют.
А в мире опять что-там происходит:
Кто греет на пляже лоснящийся зад,
Кто мёрзнет в снегу. А жизнь-то уходит
«И некогда нам оглянуться назад».
Но нет ни обиды, ни сожаленья.
В окне ходят люди — уже хорошо!
Жаль только, что этот вот день мой рожденья
Попил тут, немного поел и ушёл.
Чего горевать!? У других скоро тоже
Придёт день хороший. Такой же, как мой.
И петь буду я и с напетою рожей
Скажу всем «Пока», и отправлюсь домой.

18.06.2002

¹ Наш друг Валерка Ка так говорит (*прим. автора*).

Поговорим? Иль помолчим?
В молчании намного больше откровения.
Ведь наших глаз и радость, и сомнения
Намного чище, чем слов прекрасный дым.
Пройдёмся? Или постоим?
Что можно сделать на ходу?
Да многое, коль хочешь миг ускорить:
Махать руками, говорить и спорить,
И слушать про чужую ерунду.
А может, постоим?
Замрём. И будет что-то
Невыразимое и вечное всегда,

Когда притянутся сердца навстречу,
Когда мгновенье обратится в вечность
И откровений пролетят года,
Минуты пролетят, сгорят секунды звёздами...
С тобой сто лет назад ещё мы были взрослыми,
А вот сейчас стоим мы, словно дети,
Ранимые и светлые с тобой.
Одни на этом свете!
Словно дети...

Я бы мог тебя обмануть,
Нашептать, что угодно, ночами,
В омут ласк твоих нежных нырнуть
И тонуть в них я мог бы годами.
Я бы мог тебе столько сказать,
Больше, чем во всём мире поэты.
Говорил бы зимою и летом,
Что тебе мог бы много отдать,
Но...!
Для меня есть одна только песня дорог.
Ей я отдал себя.
Сё видит Бог!

08.2005

Обожаю тебя до безобразия,
До неистовства и до ревности.
Ты, моя тайная пассия,
Не клялась ни разу мне в верности,
Не сулила мне обещаний,
Не роняла слёзы мне вслед,
Не дарила мне на прощание,
Хоть украдкой, очей твоих свет,
Не махала платком, не скорбела,
Когда все меня провожали.
Видно, вот потому тебя телом
И душою тебя обожаю.

08.2005

Наполнен мир стихами о любви
И песнями о встречах и прощаниях.
Я чувствую, как все слова мои
Перед тобой застыли в изваяниях
Из мрамора, гранита и бетона...
Произнесу — и в миг окаменели.
Люблю тебя я нежностью со стоном,
Но не люблю со стопами в постели.
Когда с тобой дороги разлучают,
Люблю тебя так искренно и нежно,
Когда ж желанье нас соединяет,
Во мне живёт лишь временная нежность
До той поры, когда уйду в безвестность.
Прости меня за эту откровенность.

08.2005

ПИШЕТСЯ

Перекатами, перевалами
И любовью твоей запоздалою...
Вот такая судьбина досталась мне
Как подарок за то, что живу.
Не сдаюсь, не сдаю, не сгораю,
Словно Феникс всегда возрождаюсь
От твоих слов и глаз, что всегда вспоминаю
Я и ночью, и днём... И живу!
И по-прежнему манят дороги
Тех, последних из очень многих,
Кого жёны клянут, но любят боги...
Там, с любовью к тебе, среди них
Я живу!
Но порой, смежив веки усталые,
Понимаю — жизнь нас не балует,
Но я лечу в ней, в ней же я плаваю
Перекатами, перевалами...

Там за горой, за синей круглой сопкой
Полоской тонкой заиграл рассвет.
Такой несмелый и такой же робкий,
Каким был я в свои семнадцать лет.
Травинки плачутся росой искристой
И убегает по камушкам от бед
Ручей весёлый, звонкий, голосистый,
Каким был я в свои семнадцать лет.
По небу звёзд рассыпались мониста,
Мне посылая вечности привет

Своим сияньем трепетным и чистым,
Каким был я в свои семнадцать лет.
А ветер гонит по асфальту листья
И мне, как им, назад возврата нет.
Промчались дни, промчались годы быстро
И мне давно уж не семнадцать лет.
Не стать таким, каким бывал я прежде
И на виски ложится первый снег
Такой же глупый и такой же нежный,
Каким был я в свои семнадцать лет.

Звонил,
Но ушки твои нежные не услыхали моего привета,
А без тебя нигде нет капли света,
Лишь тьма везде, лишь тьма и тьма.
Схожу с ума!
Без твоего ответа.
А ты молчишь...
Скажи, — зачем мне это:
Ночами вспоминать,
И днём не забывать,
И в солнца лучике искать
Твою улыбку?
Скажи зачем?
Не верю, что ошибкою твоей был насмерть опьянён!
В душе тоска и грусть,
И нежности твоей прощальный звон
Останется в веках как пламень всепрощающей любви.
Живи!

Скажи, зачем я эту женщину любил?
Наверно было что-то в ней такое,
Что я хотел назвать это любовью...
Скажи, зачем я эту женщину любил?
Скажи, зачем она была моей?
Быть может, что-то было в ней,
Как нежность первых чистых дней...
Скажи, зачем она была моей?
Скажи, зачем она была?
Как луч неожиданный, подаривший свет
Надежды мне на много лет...
Скажи, зачем она была?

Скажи, зачем она ушла?
Быть может я неправильно любил,
И говорил не то, не то дарил...
Скажи, зачем она ушла?
Скажи, зачем мне дальше жить?
Без её рук, без её взгляда
И без её дыхания рядом...
Скажи, зачем мне дальше жить?
Ни от кого не требую ответа,
Зачем придумывать ответ.
Пусть она ходит рядом где-то
Как утра радостный рассвет.

КИТАЙСКИЙ НОВЫЙ ГОД

Я готов сегодня синим жеребцом
Скакать вослед за синею кобылой.
Увы. Сижу неполюбленным бобылём
В тоске, в мечтах о моей милой.

А вот он и я! А вот моё сердце!
А рядом друзья и хочется греться:
В случайных звонках,
Неожиданных встречах,
И в наших «Пока!»
Когда уже вечер,
И в «Здравствуй» с утра,
И в ночь «До свидания»,
И мысли все в прах,
Одно ожидание,
Она позвонит,
А он не позвонит...
А сердце стучит,
А сердце трезвонит,
Скажите, где вы
Друзья и подружки?
За тленью молвы,

За не выпитой кружкой,
За не памятью недругов,
За надеждой друзей...
В вечной жизни кругов,
Мы верны только ей, —
И прекрасной, и светлой мечте...
ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ДРУЗЕЙ!
А кто нам не верит,
То не наши, НЕ ТЕ!,
Кому выпало верить
И ждать, и любить,
Кому счастье за дверью,
Там, где надо ходить
По бескрайнему небу
Заветной мечты...
Странно. Где бы я ни был,
Но где-то рядышком ТЫ!

СЛУЧАЙНАЯ ЛЮБОВЬ

(песня, однако)

Для чего и зачем это было
Предназначено нашей судьбой,
Что бы время быстро проплыло
Счастьем нежным рядом с тобой,
Чтобы ласковых глаз твоих лучик
Согревал кратким мигом любви,
Чтобы мне изумительный случай
Никогда не забылся вдали.

Припев

Случайная любовь, случайная.
Как музыка без слов печальная.
Картинки снов необычайные
От радости и до отчаянья.
Случайная любовь, случайная.
И солнце встреч, и лёд прощания,
И нежность глаз, и обещания...
Случайная любовь. Случайная.

Может, странствия нас и разлучат
На недели. А вдруг на года!?
Память сердце моё не измучит,
Не забуду уже никогда
Миг случайный с подругой лучшей,
Подарившей любовь навсегда.
Случай! Случай! Милый мой СЛУЧАЙ!
Ты надежда моя и беда!

Припев

Случайная любовь, случайная.
Как музыка без слов печальная.
Картинки снов необычайные
От радости и до отчаянья.
Случайная любовь, случайная.
И солнце встреч, и лёд прощания,
И нежность глаз, и обещания...
Случайная любовь. Случайная.

ПИШЕТСЯ ЕЩЁ

Предложенная мне каким-то Богом жизнь,
Как кажется, пока не удалась.
Я возносился вверх и падал тут же вниз.
Мне снился Ад, содом и снилась власть.
Во сне мне целовали ноги боги,
Но проклинали наяву, живущие во мгле.
И снились мне врагов постылых дороги,
Скребущие печать их по земле.
Шагала рядом жажда о прекрасном
И шлёпала калошами печаль,
Душа мечтала петь о чём-то важном
(Втайне желая получить медаль).

Мне синим призраком желалось и хотелось
Чрез мистику проникнуть вглубь сердца.
Мне так с друзьями откровенно пелось,
Что в мыслях был прекрасен мой конец.
Но нет конца мне. Где ж сейчас он бродит?
К чему ж он тайною покрыт,
К чему ж с ума меня он ночью сводит,
Ведь я живой и, к счастью, не зарыт?
Противно ковыряние в себе,
Когда бездельником дни не считаешь,
Когда глядишь или читаешь
Чужие откровения в судьбе.

06.03.2013

А вот вчера!!!
А вот вчера происходило чудо!
Сегодня лишь печаль о нём.
Вчера наполнена была посуда
Дешёвым, но счастливым днём.
Вчера и вороны не каркали, но пели,
Вчера не так давил мороз,
Вчера нам плакали капли
Ручьями вешних чистых слёз.
Вчера мы верили, мечтали
И совершали что-нибудь,
Вчера друзей не предавали,
Свой, обозначив в жизни путь.
Вчера мы не были в печали,
Вчера не ждали бурь и гроз,
Но вот сегодня мы дождались
Воспоминаний о ВЧЕРА до слёз.

06.03.2013

Сегодня и сейчас!
И больше никогда!
Вчера прошло. И нет ему возврата.
Что завтра будет — радость или беда,
Кончина или же отрада?
Сегодня и сейчас!
К чему мне ЗАВТРА знать?
Зачем мне ждать от Вышнего приветов?
(Уверен — не дождусь ответа,
Так как не любит Он мне отвечать).
Сегодня и сейчас!
Творить, любить и верить,
Что он наступит — этот час,
Где чистых душ открыты двери,
Где светлых помыслов прекрасен чистый
мир,
Где счастье ближних — твой кумир,
Где радость светит лучиками глаз.
Сегодня и сейчас!

06.03.2013

ОПЯТЬ ПРО ВЧЕРА

А вчера было тоскливо.
Была водка, было пиво. Пели девочки красиво
Про «люблю» и «не люблю»,
И какой-то светлый парень
Подпевал им на гитаре, выпивая «Мизандари»,
Собирая по рублю.
Но тоска не уходила, —
А в душе: «Всё это было, может быть, не так красиво,
Но не менее счастливой
Нам казалась эта жизнь!»

06.03.2013

С.П. 2005

Вот ещё год.
Кому-то он чего-то хорошего, наверно, преподнёс,
А у кого-то он чего-то отобрал, открыжил и унёс.
Так радоваться надо или в печали его встретить?
Вот в чём вопрос.
Потерь непредсказуемых и неизбежных череда
Пусть не согнёт тебя, а нас тем боле.
Единственной болячкой будет пусть всегда,
Когда чего-то не пускает в поле,
Когда нет рядом друга для души
И не поются песни о дождливом лете.
Но вот когда всё это есть — так хочется пожить
И походить ногами по планете.
Да будь здоров, а так же будь всегда,
Во век веков на долгие года!
С днём очередного дня!

Опять иль снова, от старых ран
Друг заболел — В.П. Казбан.
А мы ему: стихи и песни,
А мы ему: что все мы вместе,
А мы ему... Решают остальное доктора,
Но пьем мы за его здоровье с утра.

8.02.2017

ПЕРУ

декабрь

40 дней Валере Казбану

Сорок дней.
А он мне не ответил.
Обещал, что вернется домой
И расскажет, как славно отметил
Свой успех над монгольской толпой.
Не успел. Не допел. Не доехал.
Не случилось друзьям рассказать.
Он в душе будет радостным эхом
Тем, кому повезло его знать.

05.12.2017

Привет тебе, далёкая Шальная!
Застрял я тут, в дерьме, в другой стране.
Но помню всё, мечтаю я и знаю,
Что ты с грустинкой вспомнишь обо мне.
Ах, годы! Гадость! Сволочь расстоянья.
Душой я измеряю к тебе, с любовью, путь.
С тобой судьба одна — от встречи до прощанья,
И капелька слезы, упавшая на грудь.

30.11.2017

СОНЕТ АВГУСТОВСКИЙ ВТОРОЙ

О! Сколько разных глупых слов
С тобой в ночи мы говорили.
Дарил нам тайны неба кров,
В галактиках которого мы плыли
И улетали в нежность губ,
В желания прикосновений
И в звуки сердца иерихонских труб,
Звучащих радостью любви и откровений.
Звенела ночь! И ветерок беспечный
Чуть шторы шевелил в распахнутом окне.

Он видел всё и нам дарил он вечность.
Я был в тебе и ты была во мне.
Кто так придумал? Кто поиздевался?
Ведь ночь была! Неуж-то память снов
Откликнется в душе неверным галсом,
Штормами жизни уйдёт на дно любовь?
Не знаю, кого сердцем помолить.
Сегодня я один, но ты во мне навечно.
Позволь же ни секунды не забыть!

31.08.2017

Молился о тебе. Как ты смогла
Меня заставить молиться о любви?
С тобой мы были словно два крыла
Одной мечты. Мы видели вдаль,
Где ожидают нас и радость, и удачи,
Где скромный, но уютный дом,
В котором ты, ведь же нельзя иначе,
Создашь для нас, наполненный теплом.
В котором ты и я.
В котором дети наши —

Тебе помощница, мне — сын и разгильдяй,
Похожий на меня.
Садится солнце в пашни...
Мы не вспахали их. Я их пахал мечтой
До дней последних, когда жизнь прошла...
Я видел тебя миг! Не расстаюсь с тобой
Во снах, в бреду...
Как ты смогла?

30.05.2017

СОНЕТ МАЙСКИЙ ВТОРОЙ

Перевернуть бы жизнь назад
И снова в юность возвратиться.
Туда, где твой манящий взгляд
Заставил сердце взлететь птицей,
Затрепыхаться в твоих ласковых руках,
Петь о любви, срывая голос в страсти,
И видеть зов, желание в глазах,
И умирать от радости и счастья.
Одним прикосновением руки
К щеке моей забыть, что было
Всё до тебя. Мы берега одной реки,
Но счастье мимо нас проплыло.

Нам в реку бы. С обоих берегов
Поплыть навстречу, утонув в стремнине,
В объятьях нежных и свою любовь
Навеки сохранить...
Увы. Отныне
Ты далеко. Другой давно с тобой,
Оберегает ваш семейный сад.
Мечты, мечты...
Как трудно им со мной!
Перевернуть бы жизнь назад.

20.05.2017

Голубь мой небесный. Мой ангел сизокрылый.
Ты взмахни мне счастье трепетным крылом
И воспари крылатой песней над могилой,
Которая в России мой последний дом.
Полети и песнею спой на колокольне,
Полети над пашнею, полети в луга.
Обрадуй ты меня свободой привольной
На земле, которая мне сердцу дорога.
Озари полётом родимые просторы.
Ручейки и реки свободой озари,
И тайгу, и степи, и большие горы,

И страну родную светом озари.
Голубь мой! Лети ты чистой птицей счастья,
Пролетай с любовью над моей страной
И вернись. С тобою я приму причастье
И умру. А ты, пока живой,
Поворкуй с подругой под злачёной крышей,
Расскажи о том ей, что ты в эти дни
Провожал меня, что я из жизни вышел...
И тихонько в колокол на память позвони.
Голубь мой!...
Лети, лети!!!! Взмывайся...

Льют дожди. Дороги сносят
Сели. Жуткая река,
Будто бы в Сибири в осень,
Разгрызает берега.
Ну а нам, кому погода
Признак внешний что живём,
Эти изыски природы —
Честно? — Пофиг! Нипочём.

Мы к мечте идём упорно,
Нас не сломят дождь и град.
Друг, налей! И я, бесспорно,
За наш праздник выпить рад!
Не горюй. Я не навечно
Пропадаю здесь в Перу.
Пропоёт ещё нам Хемчик
Свою песню поутру.

1.03.2017

Привет тебе, хранительница дум
И сокровенных моих желаний.
Вот тут бы написать «Пришло на ум
Желание открыться для тебя до точки крайней».
Открылся. Рассказал. Молчу.
Не знаю, что в ответ я получу.

Один!	А в результате что?
О, счастье, что даровано судьбой!	Дешёвый мой уют, потёртое пальто,
Один!	Очки, седая голова и тлен
Нет рядом никого! Врагов, любимых, прочих...	Остывших юности желаний,
Увы, один!	Когда-то сердцу радостных страданий,
Противны и тоскливы дни и ночи.	Во всех галактиках гулял...
Опять один!	И штукатурка обнищавших стен.
А в первой строчке мнил себя героем,	В пустых глазах лишь память в парусах,
Удачи жаждал, ждал паденья Трои,	За горизонт уплывших бригантин.
Все океаны переплыл, все покорил высоты,	Исчезло всё: любовь и ненависть, и страх...
Всех женщин полюбил, облыбызал красоток,	Один!

4.04.2017

Кораблик маленький моей души	Они мой омут, мой топор и свет.
С надеждой, сквозь лета и бури,	Скажи мне сколько? Сколько долгих лет
К тебе одной, сквозь тлен, спешил,	Мне ждать прикосновения твоей руки?
Снимая с плеч притворства шкуру.	Ещё остались в мире дураки.
И груз веков, нависших как проклятье,	И я один из них, замученный мечтою,
Что надо говорить слова...	Что только смерть подарит встречу мне с тобою.
Слова — то ложь! Прикосновение, объятье	
И глаз твоих зовущих синева.	

14.02.2017

Такая вот случилась загогулька,	В сиянье твоих глаз. Мечты, мечты...
Во сне приходит часто образ твой.	С весной тебя! С рождением красоты
И плачу я весеннею сосулькой,	Природы, нашей мамы...
Что не могу слегка повыпивать с тобой.	Дурак я. Но скажу упрямо —
За добрый свет души твоей,	Нет в жизни счастья,
Неповторимость сердца.	Если бы не ты!
Мечтаю хоть чуть-чуть согреться	

7.03.2017

Читая тебя	Где крылья палаток — это наш кров,
И твои пятиминутки	Где звёздное небо нас укрывало
Возвращаясь, любя,	В мгновения счастья, в минуты любви
В то время, где шутки	Своим бархатным, вечным своим
И песни, и лица друзей	покрывалом
Искрятся мечтами наших костров,	От начала пути и до зари

30.01.2017

АРГЕНТИНСКОМУ ДОГУ МАМУТУ

(мамонту по-ихнему), с кем проживаем в горах Перу уже два года

*«Дай, Джим, на счастье лапу мне»
С. Есенин*

Что-то мы загрустили, однако.
Я один, да и ты собака.
Одиноко ложимся спать, —
Ты на землю, а я в кровать.
Перед сном мы поели, попели.
В небо мрачное вместе глядели,
Ждали — сверху нам упадёт
Мне надежда, тебе — косточка в рот.
Ни звезды и ни булочки с неба.
Только тучи повисли во тьме.
Где же наша с тобою победа?
Где же радость на этой земле?
Спи, кобель аргентинский по масти.
Да и я постараюсь заснуть.

Нам не выпала косточка счастья.
Ну и что? О плохом позабудь.
Завтра утром чего-то случится:
То-ли дождик слезинку прольёт,
То-ли радость какая примчится,
Мне — любовь, тебе — косточка в рот.
Завтра утром пройдем по дороге
И вернемся в наш скромный приют.
Нам дано с тобой жить. Ведь немногим
Боги счастье такое дают.
Завтра утром... Нам надо дожждаться,
Дотерпеть, не забыть, не пропасть.
И такими, как есть, оставаться,
Мне — друзей, тебе — косточка в пасть.

Не для меня!
Забыть друзей в родной России,
Забыть их славные дела,
Забыть осенние дожди косые
Забыть, куда дорога позвала.
Не для меня!
Хоть к чёрту на кулички
Судьба-злодейка занесёт,
Но если друг, то это личность
И пусть его наш Бог спасёт.
Не для меня
Измены и пороги
И пули злобные врагов, —

Есть только счастье и дороги,
Есть только подвиг и любовь.
Не для меня
В платочки горькие рыдания,
Когда весна лёд понесёт
И сердце счастье обретёт
В огромной радости познания.
Не для меня
Не вспомнить, не любить
Года, принёсшие нам славу.
И время долгое в приправу
Подсыпет перца, чтоб не забыть.

Невероятно, но мне снова повезло!
Судьба заботливо пригрела под крылом.
Колюшкой круглой понесла меня вперёд,
Где с красотой пустынных гор печаль живёт.
Танну-Ола, Танну-Ола.
Как жизнь, дорога ниткой пыльной пролегла.
А где-то там, под берегом чужим,
Фламинго машет нежным крылышком своим.
Хоть волос сед, в душе ещё не осень.
Хоть голос сел, но я допеть хочу.
Пусть сто открытий мне сегодня напророчат,
К друзьям я с клином журавлиным улечу.
Танну-Ола, Танну-Ола.

Закат раскинет перья, словно взмах
крыла,
И где-то там, по краешку озёр,
Фламинго розовый гуляет между гор.
Мой милый друг, опять печально брызжут
В нас скорой осени случайные мазки,
Но, засыпая, каждой ночью вижу
Среди степей скал острые соски.
Танну-Ола, Танну-Ола
Судьба меня в такие дали завлекла.
А где-то там, на берегу чужом
Фламинго манит нежным розовым крылом

август-сентябрь 20

ДЕНЬ ГЕОЛОГА 2016-й год

Звезда наша ещё не погасла,
Хоть слегка потускнел её свет,
Но мы верили ей не напрасно,
Сердцем юным давая обет,
Не сдаваться, не прогибаться,
Говорить только правду всегда.
А на горке рифейские сланцы,
А под ней родничок и вода.
И поёт котелок бульком нежным,
Предвкушая изысканный чай,
Что мы все не такие, как прежде,
Но, как прежде, не можем скучать!

И в прихожей страдает кирзуха
Почти стоптанных напрочь сапог
О не топтанных тропах Белухи
И других интересных дорог.
И за чаркой апрельскою полной
Вспомним тех, кто повёл нас к звезде,
Кто сердца наши верой наполнил,
Только ввысь и всегда, и везде.
Каждый день мы закат провожаем,
Дни бегут, пролетают года,
Но всегда, всюду всем наливаем,
Чтоб геологи были всегда!
С ДНЁМ ГЕОЛОГА!

Другое про ПЕРУ

«Белеет парус одинокий...»
Михаил Лермонтов

Чернеет кактус одинокий
На солнцем выжженной горе.
Зачем он ищет жизни лёгкой
В такой немислимо жаре?
Не уж-то ждёт, что Бог подарит
Ему, хоть раз в неделю, дождь?
Он не годится в пищу тварям
И на текилу он не гож.
И чахнет он, и птицы гадят
Ему на голову толпой.
К чему тогда, чего бы ради
В Аду взалкал себе покой?
Ему одна дана планида, —
Шуршать иглами на ветру.
А что до бурь? То бурь не видно.
Такой вот климат здесь в Перу.

Где-то там за горой порой
Большая Медведица светится.
Я, конечно, вернусь домой.
Почему-то мне в это верится.
Я, когда-нибудь, трону рукой
Заскучавшие умные книги,
Что дарили мне страсть и покой,
И надежду, и мысль, и интриги.
Пыль сотру с корешков, полистаю,
Прикоснусь к своим тайным мечтам
И на кухню пойду, и налью кружку чая,
Позвоню тем, кто живы — друзьям.
За окном солнце спать соберётся,
Чиркнув лучиком робким в окно,
Зарыдает душа, засмеётся,
Что мечтала об этом давно.
Вспыхнет звёздочка первая в небе,
Нежной искоркой вскрикнет в глаза.
Как давно уже дома я не был.
Сколько лет, уж не помню, назад.
За стеклом или снег, или слякоть, —
Там весна или осень грустит.
Там такое, с кем хочется плакать,
Там родное, кто может простить.
Где-то там за горою порой,
Как зарницы, любовь твоя светится...
Скучно мне без тебя. Тебе грустно одной,
Виноваты мы оба с тобой
И, немного, Большая Медведица.

Привет подруга, девушка Шальная!
Хочу без лести сказать тебе одно —
Ты словно веточка сирени в светлом мае,
Друзьям всем даришь души своей тепло.

Олюшка! Чья-то радость и горяшко.
Неповторимая и нами любимая,
Бесподобная и, в общем, такая —
НАША радость, подруга ШАЛЬНАЯ!
С РОЖДЕСТВОМ!

ЧУТЬ-ЧУТЬ ФИЛОСОФИИ ИЛИ НОСТАЛЬГИИ О ЗИМЕ

Когда взорвётся мой закат (желательно зимою),
Топорща перья морозам вопреки,
Примчатся снегири. Весёлою толпою
Расплещут по тайге свои мазки,
Сверкающие радостным рассветом,
Багряным на ветру, крадущимся в логах.
Январскую печаль раскрасит в чудо лета
Лишь небольшая стайка сумасшедших птах.
И я решу — не стоит торопиться
Мне в ту страну, где нас никто не ждёт.
Я подожду. Друзей я вспомню лица
И буду жить, покуда эта птица
В мороз трескучий о любви поёт.

01.02.2017

С ДНЁМ ГЕОЛОГА!

По воле Бога. Или же удачи!?
Судьба ведёт нас в познавание тайн.
Нам предлагали путь иной. Иначе,
Где вкусно всё и коньяка без край.
Нам предлагали денег тысяч много,
Что б написать «туфту» и дать кому-то шанс
Урвать. Но нас звала дорога,
Учившая своих не предавать.
Года пройдут, проскочит время,
Но всё же НАШ, кто честным был всегда,
Возглавит «ОТКРЫВАТЕЛЬСКОЕ ПЛЕМЯ»
В других мирах.
И не беда,
Что нам сегодня туго,
Что нас не стали вдруг любить.
ДЕРЖИСЬ, МОЙ ДРУГ,
ДЕРЖИСЬ, ПОДРУГА!
МЫ ВСЕ НАЗНАЧЕНЫ
С ЛЮБОВЬЮ ПОБЕДИТЬ!

ПЕРЛЫ ДРУЗЕЙ

Лёша Юрьев:

Я ему говорю: «У меня сегодня предлюбовный день»
Он переспрашивает: «Преддипломный?»
— Да нет. Предлюбовный.
— Разницы нет. Всё равно завалишь.

Володя Спивак:

Гляжу, два мужика идут. Грустные спереди и сзади.
Присмотрелся, а это Бабин с Шокальским.

Галя Чусовитина:

Я когда злая — голодная.

ИРИНА БОРИСОВНА СТЕПАНОВА

Родилась и выросла в Севастополе в семье военного моряка. Закончила геофак Харьковского государственного университета. Два незабываемых полевых сезона провела в Заполярной Якутии, на р. Индигирка. 12 лет проработала в инженерной геологии в Севастополе. В 1990-е годы получила второе (экономическое) образование, занималась бизнесом. Сейчас на пенсии, помогает сыну по экономической части, по-прежнему в Севастополе. Всё свободное время продолжает путешествовать — Кавказ, Тува, Байкал, Сахалин и Курильские острова, Таймыр, плато Путорана, Урал (последняя локация пока в плане).

... Желание странствовать не профессия, а склонность души.

Она или есть, или её нет.

У кого есть, тот уж изменить не может.

У кого нет, тому незачем.

Олег Куваев. «Дом для бродяг»

ПРОЛОГ

Самые странные жизненные решения принимались мной всегда спонтанно. И практически мгновенно. В теорию этого феномена вдаваться нет смысла. Ясно, что где-то в подсознании копились ссылки и аргументы, а потом откуда-то сверху капала на них последняя капля...

В данном случае последнюю каплю капнул Валера. Это мой университетский друг. Иногда он пропадает из моей жизни, потом снова в неё возвращается. Такое вот природное явление, вроде прилива и отлива.

В этот раз мы не общались лет шесть. Или семь. Сначала мы обменялись новостями и обсудили мою недавнюю поездку в Домбай. А потом плавно перешли к тому, как круто было бы поучаствовать в настоящей экспедиции «на край света» и получить незабываемый опыт. Это ведь не то, что ехать куда-то пошлым туристом — посмотрите налево, посмотрите направо...

Мы прямо-таки увлеклись темой странствий. Вообще, скажу я вам, это здорово бодрит, когда холодным зимним вечером ты сидишь за монитором и, бойко стуча по клавиатуре, строишь самые невероятные и фантастические планы. Правда, потом, ближе к полуночи, ты говоришь другу: «Ну всё, по коням», что означает «пора спать, до новых встреч в эфире». И до новых героических прожектов соответственно. Так, во всяком случае, всё это начиналось у меня. Очень абстрактно. Но у Валеры, судя по всему, если и не было на тот момент чёткой конструкции нашего будущего эпического восхождения, то конкретная точка на карте уже была выбрана. И я — в качестве жертвенного ягнёнка.

В том смысле, что он был уверен в моей готовности пожертвовать своим отпуском под пальмами и в качестве верного Санчо Панса сопровождать его сквозь тернии чужой территории в дикую горную страну. Вплоть до безопасного места, где предполагалось сдать его на руки проверенному другу. Потом, в принципе, я могла бы уже и домой возвращаться, ну, если бы не столь же тернистый обратный путь. И ни острова тебе за это, ни графского титула, ни губернаторской должности. Короче, та ещё перспектива...

Так рассуждал бы Санчо и любая нормальная женщина, которая никогда не принимает спонтанных решений. Но ко мне это не имело ровно никакого отношения. Дело было под Новый год, плотность мечты нарастала, и в какой-то момент капнула-таки эта самая капля...

«Как удачно подвернулся на этот раз Валера» — подумала я и приняла решение ☺:

Я ЕДУ К ОЛЕ!

Однажды ты проснёшься и поймёшь,
Что всё идёт не так... совсем не так.
Ты выпьешь кофе и пойдёшь
Искать рюкзак.
С трудом взберёшься на чердак.
И там найдёшь его в пыли
Средь кучи хлама и бумаг,
Но дни его пришли.
Тут важно сделать первый шаг,
А дальше — прямо на восход...
И ты, как много лет назад,
Идёшь вперёд.
Идёшь, оставив на потом
До боли важный разговор,
И чей-то долг, и с кем-то спор,
Идёшь всему наперекор...
Туда, где ветер и простор
И много света.
Где снег лежит на склонах гор.
И даже летом.....

И в той далёкой стороне
Ты сам с собой наедине,
Без масок и чужих ролей.
Ты просто есть, и ты ничей.
Там можно всё пересмотреть,
Утратить, снова обрести,
Устать и отдохнуть в пути,
Но главное — идти, идти...
Там истины так прост сюжет —
Друзья, костёр и лунный свет,
Саяны, ждущие рассвет,
И музы лёгкий силуэт...
Там звёзды ближе и теплей
И много искренних людей,
Спирт крепче и еда вкусней,
Там почему-то всё родней...
Поэтому вставай сейчас
И двигай именно туда —
Сегодня есть *«последний раз»*,
А завтра будет *«никогда»*...

ЭКСПЕДИЦИЯ В ВОСТОЧНЫЙ САЯН. АВГУСТ 2021 ГОД...

(из ненаписанной книги)

ГЛАВА I

**Оля, Клара, Света, Ира, Валера, Николай, Салбакай,
Чойган, Хулердаш здесь были...**

Смотрю на знакомые лица, теперь уже на мониторе, и кажется странным, что наше путешествие закончилось, и мы никогда уже не будем вместе, во всяком случае, таким составом.

Весь наш отряд (геолого-оленоводческий) — люди очень самобытные и интересные. С некоторыми я общалась тесно, а с другими — непростительно мало. Вот, например, Салбакай. Мы с ней не так уже много разговаривали, но мне почему-то кажется, что, несмотря на свой довольно молодой возраст, она

о жизни знает больше, чем я. А ещё она очень милая и женственная. И сын у неё замечательный. Прошёл с нами весь маршрут как взрослый.

Ещё один участник — оленевод Николай, таёжник с большим стажем. Мне хотелось послушать его рассказы о тайге и кочевой жизни. Клара частенько уходила к оленеводам попить чайку. Я тоже хотела бы посидеть с ними у огня, но почему-то боялась их стеснить... Хотя Света приглашала. Вряд ли у меня ещё будет такая возможность узнать о Туве «из первых уст».

Вообще для меня символ Тувы, тайги, Саян и, конечно, оленей это — Света. Светлана Алексеевна. Потрясающая женщина. Когда Оля говорила с ней по телефону, я почему-то представляла большую блондинку ☺. И тут такой сюрприз — маленькая изящная Света с прекрасным лицом и оленьими глазами. И что бы она ни говорила, что бы ни делала — вокруг как будто света и тепла прибавляется. А сколько добрых дел она успевает делать для своего народа, своей семьи, своих оленей, мирового сообщества и просто для знакомых людей. Надеюсь, мы с ней ещё увидимся.

Клара. Удивительная и неповторимая. Не люблю говорить о женском возрасте, но вот для Клары возраст — это как дорогое украшение. Он ничего в ней не портит. Напротив, каждый понимает, что Клара не уязвима для времени, она вне возраста. Всегда в форме, в режиме, и у неё уже с самого утра всё готово, чтобы погрузиться на лошадь и скакать вперёд. Правда, иногда это нарушало наш лентяйский утренний сон. Но кто ж нам виноват — спать нужно ложиться вовремя, а не вести беседы до полуночи.

Когда я увидела Клару в первый раз в аэропорту, я просто не могла отвести от неё глаз. Она как бы отражала всю красоту восточных женщин, для меня даже непонятно было, какой именно национальной принадлежности. На самом деле Клара — тувинка. Действительно красивая. И такая она вся тоненькая и лёгкая и... такая загадочная. Кроме того, Клара — личность незаурядная, интересуется многими вещами и хорошо чувствует людей.

Валера. Ну, Валеру я знаю с юности. Мы вместе учились на геологическом факультете. Он с тех пор, конечно, изменился. Внешне. А внутри него живёт всё тот же юный мечтатель, трудоголик и просто хороший парень. Без Валеры я, скорее всего, не приехала бы сюда. Были всякие мысли, ехать или не ехать, если его остановят на границе — не выпустят оттуда или не впустят сюда. Решила не ехать. Потом убедилась, что это было правильное решение. Минус мужчина, плюс женщина — так себе формула для экспедиции по тайге. Но карта легла... С Валерой спокойно, тепло и интересно. Пока он не включает Валеру-спорщика, который всё время спорит с кем-то, заметьте — не с вами, а с каким-то своим хроническим оппонентом, но всё это сваливается на вашу бедную голову. А во всём остальном он хорош. Мне показалось, что все женщины, которые были тут с нами и встречались на нашем пути, относились к нему с большой симпатией (но это у него ещё со студенческой скамьи).

Всю нашу компанию объединяет Оля. Не было бы Оли, не было бы ничего. Я могла бы тут долго перечислять её достоинства, но скажу только, что Оля — Друг с большой буквы, весёлый и талантливый человек, чертовски привлекательная женщина (как говорил ещё в студенческие времена один из наших профессоров) и оптимист по жизни. Оля такая по рождению и воспитанию, потому что выросла в семье геологов той эпохи. А геологи той эпохи — особенные люди. Ну, кто долго живёт или читал нужные книги, понимает, о чём я... Кстати, в Туве геология всё ещё живёт полной геологической жизнью со всеми циклами, и это меня очень сильно обрадовало.

И, наконец, несколько слов об основном участнике экспедиции — нашем проводнике Чойгане. Чойган — совсем молодой парень. Когда мы ехали с ним в уазике, я думала, что это сын водителя решил с нами прокатиться по адреналиновой трассе... Вспоминая свои далёкие полевые сезоны в заполярной Якутии, где лошади были основным средством передвижения, я хорошо представляла его будущую работу в нашем путешествии. И должна сказать, что он справлялся с ней очень даже хорошо. Правда, на мой взгляд, он немного переоценивал наши способности, упуская из виду, что: 1) мы не родились в тувинском посёлке и 2) лет нам не 20, и не 30, и не 40... Всё! Устала считать!). Но мы старались...

Кроме собственно лошадей (заседлать-расседлать, стреножить, напоить-накормить, отпустить погулять, найти с утра и вернуть в лагерь) и охранной функции, Чойган каждый раз перекладывал за нами наши тяжёлые баулы, загружал ими лошадей, а потом ещё заталкивал в сёдла нас самих. Это при том, что каждый из нас весит значительно больше самого Чойгана. Ну, кроме Клары, конечно. Хорошо, что с нами был Валера. Он помогал, чем только мог.

Однажды мне посчастливилось наблюдать Чойгана как охранника, что называется, «в деле». Это когда мы наткнулись на медведя. Не знаю, правда, почему Чойган в тот момент свернул с тропы. Думаю, так положено по охотничьим законам. Для широты манёвра. И, кажется, солнце светило в глаза. Но в результате на медведя вышла я). Приманка такая медвежья... То есть, я как раз подъехала, а медведь как раз встал из-за поваленного дерева. Ну, мы с ним в глаза друг другу посмотрели, я только успела подумать, какой он красивый. Как будто игрушечный. Он, видимо, не нашёл во мне ничего сильно

привлекательного, поэтому развернулся на 180 градусов и вразвалочку пошёл себе по своим делам.

Чойган спрашивает: «Где медведь?», я говорю: «Ушёл вперёд». Нужно сказать, что карабин Чойган вскинул сразу, и все действия его были спокойными и бесшумными. Видимо, сначала он увидел только кусочек медведя и сразу занял удобную позицию для выстрела, а медведь тут изменил положение тела, и обзор закрылся... Мне сейчас интересно, а сколько прыжков потребовалось бы медведю, чтобы допрыгать до меня. И сколько выстрелов за это время успел бы сделать Чойган, и сколько пуль попало бы в цель... Метров между нами было не более семи-восьми. Впрочем, это был молодой медведь, который, возможно, и не собирался нападать, просто любопытствовал, кто идёт...

За мной следом ехала Клара, и она тоже увидела мельком эту симпатичную морду. И даже Оля успела углядеть его зад. Остальные пролетели...

Поскольку медведь пошёл по тропе в том направлении, куда и нам было нужно, мы пошли за ним. Тут надо отметить, что Клара, которая перед этим ехала за мной и всё время из самых лучших побуждений подхлестывала моего Белого Носа, от чего он переходил в галоп (а это, знаете ли, отнюдь не комильфо — скакать галопом по бурелому), теперь резво обогнала нас и рванула за Чойганом. Через некоторое время они вообще скрылись из виду. Друзья мои университетские отстали, видимо, сгруппировавшись с оленеводами, и мы с Белым Носом оказались в гордом одиночестве. Ни тех не видно, ни этих не слышно. Совсем одни, короче, в этой медвежьей тайге.

Я ехала и думала о том, что вряд ли медведь сидит в засаде... Ещё думала, что будь к моей голове привинчена экшн-камера, медведь бы попал в историю нашей экспедиции и лично моей жизни... Самое обидное, что у сына есть эта чёртова камера, и мне нужно было только спросить, а нет ли у тебя случайно экшн-камеры... И если у него на пальце компьютер, то почему бы не быть камере. Меня подвела логика и куча дел перед отъездом.

Наше путешествие продолжалось. И ещё много интересного ждало нас впереди.

Какая природа! Какие вечера у костра! Какие встречи! Какие люди!

Геологи ГОКа Ак-Суг! Ваша бескорыстная помощь и забота неоценимы!

Наши добрые друзья в Тоора-Хеме, Наташа и Володя! Как же нам с вами было хорошо!

Но обо всём по порядку в следующих главах. Если, конечно, они будут написаны...

**Ира Степанова в конном
маршруте по Восточному Саяну.
2021 г.**

ТУВИНСКИЕ НАБРОСКИ

Я сижу на обрыве, чуть с него не скатилась...
Я люблюсь рекой, я боюсь высоты, как огня.
Я, похоже, не помню, как я тут очутилась,
И как этот обрыв вдруг заполз под меня...

О КЛАРЕ МОНГУШЕВНЕ РЫЧКОВОЙ, КОТОРАЯ ОБЪЕХАЛА НА ЛОШАДЯХ ПОЧТИ ВСЮ ТУВУ

Лошадь, обычно идущая впереди, всегда спокойна.
Даже мой Парень (Белый нос) идёт за ней след в след,
Точно, как наш жеребёнок за своей лошадиной матерью.
Лошадь чувствует седока. А эта маленькая женщина в седле
Могла бы, как мне кажется, управлять не только лошадыю...

И была там прозрачная речка и бодрящий лечебный родник,
И песок с разноцветной галькой, и похожий на бивни плавник,
И тайга, вся в дождинках, искрилась, и глазами сверкал перевал...
То ли сон мне там странный приснился, то ли дух лесной нашептал...
Будто б есть налог официальный на нормальную тихую жизнь...
Неужели такое возможно — всё на кубики разложить?
Но я снова и снова слышу гул далёких скифских коней,
И я вижу их ближе и ближе... а про налог — не ко мне.

**ЭТО О НАШЕМ УТРЕННЕМ ПОДЪЁМЕ)))
КЛАРА ВСТАЁТ РАНО — ЖАВОРОНОК))),
А МЫ (ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ) — СОВЫ)))**

Чуть солнце осветило... опушку и верхушки,
Она уже готова, собрав вещички, ждёт,
Когда же наши тушки поднимут кверху ушки
И выползут наружу задом наперёд.
Но мы до позы кошки поспим ещё немножко —
У нас с утра сегодня был ранний фальшь-подъём:
Тут в шесть часов шуршало, скрипело, шелестело...
И мы вот не готовы встречаться с новым днём ☺

Эти чёртики в глазах
Никогда не исчезают.
Перерывов-отпусков
Эти чёртики не знают.
Даже если в мох лицом —
Чёртикам всё нипочём
(я упала с лошади лицом в мох! —
какое счастье!)))))

**О ДОМЕ НАТАЛЬИ БОРИСОВНЫ ВЛАДИМИРОВОЙ
В СЕЛЕ ТООРА-ХЕМ**

Цветы во дворе, освещённые утреним солнцем,
И звенящая тишина до самых далёких елей.
Свет заливает комнату сквозь маленькие оконца.
Я хотела бы здесь остаться... ещё на неделю...

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ В ТООРА-ХЕМЕ

Наш катер летит, а я просто сижу
И думаю о том, что могла бы здесь жить —
Родиться и провести всю жизнь:
Рыбу ловить и с тайгой дружить.
И по морю бы никогда не скучала,
Поскольку б ничего про него не знала...

Есть такие мужики в глубинке,
Которые просто там живут.
Просто делают там свою работу
И временами, конечно, пьют.
Детей растят, а потом уже внуков.
И женщину любят всю жизнь одну.
И жизнь для таких мужиков — наука,
Вполне понятная их уму.
И дай им Бог...

Скучаю по своему Парню — неделю его не вижу.
Кони, конечно, не люди... но мне они даже ближе.
Не те, с золочёной сбруей и бархатными пелеринами,
А эти трудяги вечные с прогнутыми потными спинами.
Товарищи наши верные, безропотно нас несущие,
Покорно и терпеливо по трудной тропе бредущие.
И только в глазах их грустных я вижу и доблесть, и волю
Их диких и гордых предков, свободных как ветер вольный.
Говорят, лошади — это ж не люди, и нужно жалеть людей.
Но кто тогда их полюбит? Кто будет жалеть лошадей?

О СЕРГЕЕ НИКОЛАЕВИЧЕ СТЯЖКИНЕ

Ну, вот кто мне теперь заклеит рванный кроссовок
И накормит вкусной, с душой приготовленной пищей?
И скажет: «Да всё нормально» и качнёт головой,
И в который раз расскажет мне про Будулая и косулю,
А я буду сидеть и слушать, как будто бы в первый раз,
И пить солёный чай с молоком или, в крайнем случае, коньяк.
Люди такие разные. И самое лучшее их качество — доброта.

И каждый такой как есть.
И слава Богу.
Мы стали ближе чуть-чуть,
Совсем немного.
Мы знаем больше теперь
Друг о друге.
Но как избежать потерь
В этом замкнутом круге...

Наши сборы были слишком быстрыми,
Наши сумы были слишком тяжёлыми.
А лошадки наши не были штангистами —
Еле шли они, траву пережёвывая...
И подпруги у них не были новыми,
Вот баулы и висели неправильно.
Слава Богу, что вернулись мы почти целыми
Слава Богу, что пьём мы за здоровье.
А пацан наш был хорошим и правильным.
Просто одному ему было не справиться.
Мы, конечно, поумнели, помучавшись,
Жизнь покажет, как на деле получится... ☺

Я ж не спорщик, опять забыл?
Ты же раньше так не бурчал 😊,
Ты же лёгким, весёлым был.
Ты ж всегда над землёй летал...

Она сама себе весна, сама себе вселенная...
Была давно и есть сейчас всё та же, необыкновенная.
Она же — центр всех затей и центр беспокойства тоже.
Кругом дела, вокруг друзья, без них она не может.
И всю себя друзьям отдаст, и даже красные штаны...
И мы такого не забудем и будем тоже ей верны! 😊

СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ СТРЕЛЬЦОВ

Сергей Витальевич родился 15 июля 1955 г. в Харькове, детство и юность провёл в Крыму, в Севастополе. В 1978 году окончил Харьковский государственный университет, получив специальность «инженер-геолог, гидрогеолог». Долгие годы трудился инженером-геологом в отделении предприятия «Крымгеология» (Ялтинская инженерно-геологическая партия). С 2013 по 2015 год работал океанологом в гидрографической службе Черноморского флота РФ. Геолог 1-й категории. Призёр СССР по спелеологии. Инструктор-методист по альпинизму. Сергей Стрельцов — автор 28 **новых** альпинистских маршрутов в Крыму (освещено на международном сайте <http://mountain.ru/>). Ушёл из жизни в 2022 году.

От составителя Валентины Кузьменко
(однокурсницы Сергея)

СЛОВО О СЕРГЕЕ СТРЕЛЬЦОВЕ

*Каждый выбирает для себя
Женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или Пророку —
каждый выбирает для себя...*

Сергей Стрельцов — ярчайшая личность, улыбчивый, живой, невероятно харизматичный, хорошо узнаваемый в Крыму. В Севастополе даже в автобусе, в троллейбусе народ подходил, здоровался, жал руку, так как где-то встречались, виделись, общались.

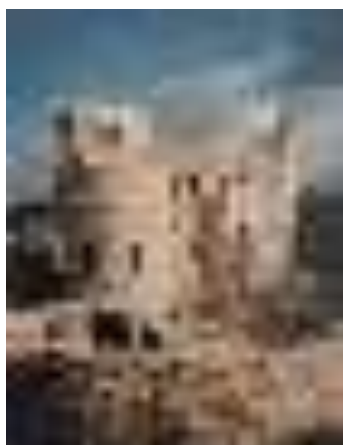
Он закончил геофак Харьковского госуниверситета в 1978 году по специальности «гидрогеолог, инженер-геолог». Во время учёбы в университете им были пройдены сложнейшие маршруты высшей категории в зимний период в Хибинах (Плато Расвумчорр), на Полярном Урале с покорением высшей горы Пайер. Всё это происходило зимой, в феврале месяце при экстремально низких температурах, удалённости от любого жилья, отсутствии топографической основы (пользовались схемами, скопированными на кальку). Но маршруты пройдены!!!

Потрясающее чувство юмора, великолепное исполнение бардовских песен под гитару запоминались надолго... Песню В. Высоцкого «Я не люблю...» можно поставить эпитафией к его жизни, где любая фальшь была невозможна. После защиты диплома Сергей вернулся в свой родной Крым, где работал в «Крымгеологии», в ялтинской оползневой группе, которая занималась обследованием 120-километровой береговой линии. Альпинистский и

спелеологический опыт давал Сергею возможность прогнозировать очень точно опасные оползневые участки.

Были периоды, когда зарплату не платили, всех отправляли в отпуска без содержания. Сергей использовал это время для прохождения альпинистских маршрутов, сплавов на байдарке. Работал гидом по Кавказу с альпинистами из Великобритании и США (достаточно хорошо владел английским и французским языками). Иностранцы прозвали Сергея «мистер Время», так как он требовал чёткого соблюдения графика маршрута. Кроме этого, он работал дизайнером-оформителем строений природным камнем. Творчество полное! Говорил, что любовь к камню можно развить до конечного результата — красивого изделия.

А замок, построенный Сергеем в одиночку! Это архитектурное произведение вызывает восхищение!! При строительстве были учтены все малейшие особенности средневековых замков: сторожевая башня, окна-бойницы, камин, сауна... Всё по собственным чертежам! А в центре — круглый стол из камня. Все, кто побывал в замке, чувствовали непередаваемую ауру лёгкости, сказочности, романтики, волшебства...

Замок, построенный Сергеем Стрельцовым

В 1988 году — землетрясение в Спитаке. Севастопольский аварийно-спасательный отряд отправился туда, где была необходима помощь. Сергей в том числе.

У него была мечта — попасть в Антарктиду. Приглашали в 1999 году, но не срослось по объективным причинам.

Сергей — призёр СССР по спелеологии, инструктор-методист по альпинизму, внештатный сотрудник КСС (контрольно-спасательной службы), автор 28 новых альпинистских маршрутов в Крыму! В статье Льва Блескина «Экстремальный Стрельцов» описан подъём по отвесной стене мыса Айя на его вершину с Сашей Закутиным: 5 дней на стене, ночлег на верёвках. Кто ходил по таким маршрутам, знает, насколько это сложно. Но вершина покорила их — первым, прошедшим этот маршрут!

Сергея неоднократно привлекали в качестве консультанта к работе по геологическому обеспечению реконструкции трассы «Севастополь–Ялта».

В 2002 году было интересное интервью в Клубе кинопутешествий. В 2016 — Сергей стал победителем общегородского конкурса журналистов

Севастополя «Курс в родную гавань» за авторскую работу среди печатных СМИ.

Альпинистский маршрут, проложенный Сергеем Стрельцовым на мысе Айя в Крыму

Когда человек талантлив, он талантлив во всём. Любовь к морю... То спокойное, окрашенное в цвет зари, то лунная дорожка в ночном сиянии, то шторм с огромными волнами, сметающими всё на своём пути... Как можно остаться равнодушным? И Сергей начал рисовать. Все картины раздаривал своим друзьям. Очень интересный фильм Сергея Стрижака «Крым. Русское море», где Сергей Стрельцов вместе с другими профессионалами интересно рассказывает об истории возникновения Чёрного моря, Крыма. Смотрите, не пожалеете, невозможно оторваться. Фильм захватывает с первого до последнего кадра.

Большое спасибо Светлане Кузнецовой, сотруднице газеты «Севастопольские известия», которая сохранила архив Сергея, помогала в подборке материалов о нём, фотографий, оказывала всевозможную помощь в публикации его статей.

Сергей жил ярко: то любил, то безумствовал, спасал всех всю свою жизнь. Его символ — рюкзак за плечами, отрицательный карниз на скале, тропа, уходящая в даль... и море... Всегда был готов помочь, спасти... И память о нём осталась лёгкая...

*Прощайте вы, прощайте,
Писать не обещайте.
Но обещайте помнить
И не гасить костры.
До после восхождения,
До будущей горы...*

«КОГДА ВОДА ВСЕМИРНОГО ПОТОПА ВЕРНУЛАСЬ ВНОВЬ В ГРАНИЦЫ БЕРЕГОВ...»

В верховьях реки Кубань в обрамлении ледников и водопадов укрываются уютные ущелья с колоритными названиями Кичкине-кол и Мырды. После слияния одноимённых рек долина и река, выходящая по дну ущелья, именуются Узун-кол. Это Карачаево-Черкесская Республика (КЧР) Российской Федерации. По меркам жителей равнин, условия жизни в долинах суровые. Край пастухов, альпинистов, пограничников. Зимой здесь жизни нет вовсе: лавины вынуждают всех покидать горы до лета.

За Главным Кавказским хребтом — Грузия. Строгости в режиме пребывания посетителей погранзоны вполне уместны. Прежде, до укрепления границы России перед Сочинской олимпиадой, случались угоны скота, нападения на горовосходителей с целью грабежа.

На излёте лета мы находились именно в этих местах, когда начались катастрофические паводки по рекам Кавказа. Их резонансом стало подтопление Ростова и других населённых пунктов в низовьях, а также прохождение селевого паводка в Приэльбрусье. Моя специальность — изучение опасных геологических процессов — обязывала профессионально вникнуть в суть события, отнаблюдать его от зарождения до формирования. Но обо всём по порядку.

Первые пять дней мы бродили по ледникам — бриллиантам Кавказа в оправе чёрных хребтов. В ночь на 31 августа началась увертюра к драме. Порывы ветра достигали 20–25 м/с, дождь с градом хлестко бил по склонам, вздувались ручьи, возникали водопады. Палатка устояла, но газ в горелке заканчивался, еда тоже, пережидать непогоду не стали, двинулись в долину. В долине ожидал пастуший кош, который нам доверили гостеприимные хозяева Тенгиз и Джулия.

Ущелье Кичкине-кол

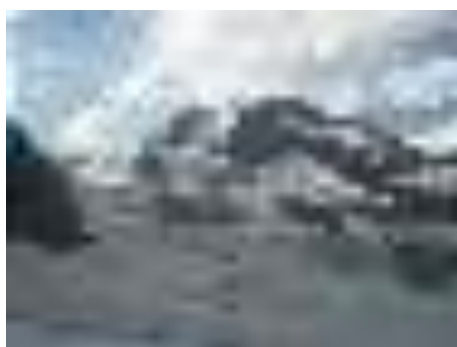
Ущелье Мырды, вид с плеча кругозора

Что такое кош? Сезонное жильё, зачастую стоящее на одном и том же месте столетиями. В этих краях участки выпаса скота остаются исторически наследственно-родовыми. Когда-то порядок в ущельях устанавливали кровью, а теперь поддерживают высокой культурой общения. «Нравственный оазис» — ещё в прошлом году написал я об этом в путевых заметках. Накормят, согреют, сдержат все обещания. Так поступают здесь коренные обитатели долин — от начальника альплагеря до пастуха. Считаю своим долгом сказать добрые слова в адрес наших хозяев: Тенгиза, Джулии и Алексея. Покормить пограничников, перебросить микроавтобусом через разлившуюся реку по изуродованной паводком дороге их амуницию, восстановить снесённую переправу — это они!

Ледник Мырды, панорама

В ночь потопа ущелье обезлюдело — все убыли в аул на праздник Курбан-байрам. Три часа ночи... Раскаты грома, грохот глыб, катящихся по дну реки, явственные звуки обвалов со скал разбавляются тихим журчанием воды, рвущейся в кош из-под брёвен. Через 20 минут вода поднимается до порога и начинает изливаться наружу. По кругу живописно плавают дрова, тапочки. Выхватываю, что могу. Ледяная вода, по которой ходишь по колено, бодрит. Мысли возникают в следующем порядке: «облик прилегающей территории следов прохождения потока через кош не имеет, значит ливень экстраординарный — можно ждать сель»; «собаки на цепях вокруг коша живы?», «избушка по соседству цела?».

Ледник Мырды

Рабочий момент

Выхожу, оглядываюсь: всё в порядке, только обувь из избушки частично уплыла курсом на Ростов. Обнаруживаю лом, пробиваю стоковый канал под порогом. Вода спадает, но ещё долго «пол» непроходим — скользкая глина. Светает. Вначале замеряю уровень наполнения ранее пустых кастрюль. Во

всех четырёх — 150–160 мм, что чуток не дотягивает до полугодовой нормы осадков Севастополя. Это количество выпало за 50–60 часов. Теперь известно пороговое значение интенсивности ливня, который вызывает катастрофические события в ущелье! Иду вниз по дороге, которая превратилась в поток, собираю уплывшие канистры, тазы и прочую утварь. По поверхности ручьёв плывёт малина, сбита градом с кустов. Позже старожилы заверили, что такое событие произошло впервые за 40 лет.

Откуда пришла вода, затопившая сухую террасу? Ухожу вверх по потоку. Оказалось, что основное русло реки Мырды не вместило всю шедшую воду, и она, прорвав бортовой вал, выплеснулась на полку грунтовой дороги. Ещё вчера по дороге без затруднений мог пройти внедорожник, а сегодня...

Мост у слияния рек Кичкине-кол и Мырды накрылся и медленно отрывается от берега: трещина в примыкании растёт. Пока он проходим, стада по обоим бортам не потеряны! Но как вернуть бычков, сбежавших на «чужой» берег перед катастрофой? Первая попытка едва не закончилась гибелью животного: телёнок, скользя по брёвнам, съехал к нижней настильной доске и чудом упёрся в её кромку. Безотлагательно, наспех, из подручного материала мы с Алексеем перекроили мост, и он заработал. Что видим, когда спускаемся вниз берегом реки Узун-кол? Боковая эрозия потока срезала с террасы до 5 метров грунта. Вместе с породами в русло валились 20-тиметровые сосны. Некоторые из стволов были снесены потоком ко входу в каньон и, протаранив старые завалы, смели их. Далее, пройдя сквозь водопад и «каменную трубу», стволы доплыли до переправы, по которой колёсный транспорт обычно перебирался с берега на берег, и залегли, закрыв переезд. И это не всё! Рядом с бродом селевый паводок выплеснул на дорогу глыбы, перекрыв её труднопреодолимым навалом. Тогда мы ещё не знали, что мост в устье ущелья Мырды полностью уничтожен, и сообщение между бортами отсутствует. Потеря моста означала, что по берегам долины бесконтрольно разбредаются стада коней, бычков, коз, овец, недоенных коров. Такова краткая сводка событий ночи с 31 августа на 1 сентября 2017 года.

Кроме нас, севастопольцев, до начала катастрофических паводков в высокогорной зоне проводили учения бойцы горно-стрелкового подразделения. В этой метеоереси они оставались на сутки дольше нас, а что это означает? Дополнительная ночёвка при ветре до 25 м/с обошлась поломкой каркасов палаток, тенты, лишившись опор, «легли», превратившись в плащ-палатки. На спуске бойцам пришлось четырежды переправляться через вздувшиеся реки, окунаясь по пояс в воду. Вода, бегущая с ледников, не теплее 3°C. Но бойцы не кисли, нет! С демонстративной лихостью они бодро вспарывали очередной, пятый поток своими телами.

В Карачаево-Черкессии нота дружелюбия звучит повсеместно: с бигбордов вдоль магистрали, в приветливых улыбках и предупредительности жителей...

Уезжали мы оттуда с неохотой.

А так хочется помочь этим людям! По долгу своей профессии я знаю, что решать задачу восстановления мостов нужно по государственному научно-обоснованно. Но уже сейчас ясно, что, только перекинув мост через теснину над водопадом, можно прочно и навсегда связать оба берега реки Узун-кол. Почему? Объясню. Борта долины по обе стороны абсолютно нелавиноопасны! Для того, чтобы прорезать пропасть каньона в этом месте, реке понадо-

билось много тысячелетий. Берега устояли в десятках землетрясений. Возведённый здесь мост позволил бы забыть о проблеме навсегда.

Суть в том, что Крым и Кавказ, как горные системы, подвержены сходным геологическим опасностям, однако исторически Крым освоен в качестве курортной зоны лучше. По причине высокой стоимости земли в Крыму издавна не жалели денег на содержание мощной геологической службы. Здесь наработан опыт контроля за опасными геологическими процессами, соответствующий мировому уровню. Какова практика эффективного контроля за природными катаклизмами в периоды катастрофических активизаций? Кратко опишу опыт «Крымгеологии». Полуостров разбит на подрайоны, и за каждым подрайоном «пожизненно» закреплён участковый геолог, который знает район как свою квартиру. Изучение ситуации в период катастрофической активизации (1967–1968, 1981–1982 и др.) начинается с аэровизуальных наблюдений. Участковый геолог, сидя на месте штурмана рядом с пилотом вертолёт, ведёт борт по болевым точкам района. Все опасные объекты тотчас выносятся на карту, фотографируются. После того, как картина в целом проясняется, мы выстраиваем очередность наземных обследований и паспортизации и тотчас оповещаем региональную администрацию об особо опасных точках. Лишь позже наземными маршрутами обследование с воздуха формализуется, обобщается.

В СССР не было мощной многопрофильной службы МЧС, какая есть в нынешней России. Если бы на борту вертолёт, помимо геолога, диагностирующего аварийную ситуацию, находился спасатель, то действия по ликвидации последствий можно было бы начинать прямо с воздуха по радиосвязи. Увы, ни одного вертолёт в небе Карачаево-Черкессии мы не увидели. А ведь опыт крымчан мог бы пригодиться не только в Карачаево-Черкессии, но и во всём кавказском регионе!

Сергей Стрельцов — геолог первой категории, инструктор по альпинизму, спасатель

ОСВОЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОСТИ

Сегодня мы предлагаем читателю тему, которая, по первому впечатлению, далека от интересов общества и занимает умы немногих специализированных спортсменов. Думаю, нам удастся расширить представления согражданам и показать практическую пользу устремлений спелеологов и альпинистов.

Представляем итоги марафона длительностью 35 лет.

На альпинистской карте район Юго-Западного Крыма, где лежит наш город, зиял белым пятном. От мыса Айя до Георгиевского монастыря, вплоть до 1987 года не существовало ни одного маршрута!

Однако, этот участок побережья изумительно хорош! Именно здесь в море обрываются полукилометровые стены, а глубина его под ними — до 56 метров. Значит, к трудностям, с которыми восходители привыкли справляться на сверхсложных маршрутах, прибавляются новые, часто нерешаемые из-за волнений, задачи: как подойти к старту и как эвакуироваться со стены.

Если ты на стене третьи сутки, питьевая вода на исходе, а шторм не пускает «домой», на базу, до которой по воде нужно плыть с километр, как быть? Продвижение к вершине по неизвестности часто составляло пару десятков метров в сутки. Однако нас не остановило ничто!

Здесь пройдено 28 сильнейших маршрутов. К примеру, описание маршрута «Мираж» было опубликовано на родине альпинизма в элитном британском журнале. Гостившие у нас американские альпинисты, альпинисты в пятом поколении, ходившие на ВСЕХ континентах, цокали языками: «Нам бы да ваше!». Такого же мнения были поляки, голландцы и пр. В итоге, за 35 лет упорной работы Севастополь обзавёлся собственным суверенным, освоенным районом, освещённым на международном сайте <http://mountain.ru/>. Его привлекательность и репутация в рекреационном мире выросли. На «глобусе» Крыма появилась своя Антарктида.

Теперь вскроем особенности симбиоза спорта и науки, выгоду такого союза для социума.

На карте побережья Крыма обозначен обвал объёмом 206 тысяч кубических метров. Он один превысил суммарное обрушение по полуострову за 100 лет наблюдений! С полукилометровой высоты рухнула эта махина. Удар был такой силы, что берег не устоял и выдвинулся на 44 м в море. Его изучение помогло предотвратить освоение Мраморной балки в курортных целях столичными тузами из Министерства обороны РФ (Газета «Флаг Родины» от 14 сентября 2018 г. № 35). Там висит над пропастью полмиллиона тонн! Блок отчленился от плато и ждёт сейсмического толчка...

Мог бы обследовать регион геолог без крепких навыков восходителя? Нет, конечно, хотя бы потому, что КЗоТ (Кодекс законов о труде РФ) запрещал применение наших «экзотических технологий». Работали по выходным, прикидываясь частными лицами. Заодно, там же, в «Затерянном мире», разгадали загадку синхронного обрушения скальных блоков в масштабах Крыма.

Выяснилось, что в те годы, когда температура дня и ночи переходит через точку нуля, имеет место фазовый переход: вода, стекающая по стенам от тающего снега, ночью замерзает в закольных трещинах и формирует ледовые клинья. Они-то, разрастаясь ото дня ко дню, и отрывают скальные массивы!

Лучший из клиньев имел высоту 14 (!) метров. В этих условиях грохочет по всему полуострову одновременно, только держись!

В 1980 году на побережье прошёл сель. Он транспортировал глыбы весом до 24 тонн. Нами, совместно с кандидатом геолого-минералогических наук А.А. Клюкиным, опубликована научная работа. Какова цена вопроса?

На общественных слушаниях, посвящённых готовившемуся пару лет назад бетонированию реки Чёрная, на основе чётких доводов (есть видео), базировавшихся на наших знаниях, удалось за 4 минуты разгромить спекулятивную корыстную модель команды губернатора Овсянникова. В бюджет вернулось 58 миллионов городских рублей. Такова продуктивность науки и спорта, действующих сообща. Кстати, по числу учёных среди занимающихся своими видами спорта (в процентах) в СССР альпинизм уступал лишь шахматам!

Теперь, отдав должное горам, «нырнём» под землю...

А под землёй? Те же верёвки, но задачи решаются другие.

Начнём с истории вопроса.

Долго, СТОЛЕТИЯМИ, скот гоняли на выпас на крымские яйлы, даже из Австро-Венгрии!!! (факты печатные). Всю падшую скотину сбрасывали в вертикальные карстовые полости. Там и сегодня вдоволь костей. Затем гниль с подземными водами попадала в питьевые родники Южного бережья. Массово и регулярно травилось население. Окончилась Вторая мировая война. Куда сбрасывался ненужный боезапас? Туда же! А просроченные порченные удобрения и ядохимикаты? Правильно, читатель, угадал. А ведь внизу люди пили из тех же родников.

Чтобы обследовать подземелья, нужна качественная экипировка и обученные спортсмены-спелеологи. Это был звёздный час крымской спелеологии. Пещеры открывались десятками, картировались, а данные оседали в фондах «Крымгеологии». И освоили эту неизвестность любители, затрачивая свои деньги и не получая от государства ни копейки. На следующем этапе опомнились учёные: как не воспользоваться трофейной помощью. Началось массовое крашение подземных вод сильнейшим безвредным пищевым красителем (флуоресцеином). Стали проясняться пути движения подземных вод, годовой режим стоков. Результаты шокировали учёных: поглощающий карстовый колодец над Ялтой прокрасил источник в Форосе. Каково? 42 км по прямой, да в неожиданном направлении! Материалы и по сей день в «Крымгеологии».

Открывая кран на кухне, хорошо бы вспомнить трудяг-спелеологов.

Мы скользнули по симбиозу науки и спорта, но это лишь частность...

Министерство обороны РФ всегда может рассчитывать на МЧС: так недавно, в ходе первовосхождения мы нашли потерянную ракету времён СССР (140×25 см). Войны, подайте заявку, выделите взрывотехников. Натянем трос и выкатим её на роликах по тросу на плато. Можно прямо в кузов транспортера.

Несколько лет назад офицеры МО РФ попросили нас подняться на стеклянный шпиль Матросского клуба с целью ревизии его сохранности. Сделали! Обследовали, отчитались, фильм сняли. И ещё много эпизодов, в частности, обучение спецназа «войне на вертикалях».

Пора вспомнить Советский Союз...

У нас в Харьковском университете (1973–1978 гг.) геологи осваивали технику безопасности под руководством мастера спорта по альпинизму. Те из студентов, которые занимались в профильных секциях, освобождались от посещения обычных физкультурных занятий. Считаю необходимым возродить этот канон в Крымском университете.

Искорёженная в украинский период спасательная служба, по возвращению России, возродилась, а по оснащению превзошла былую. Хорошо, что в руководстве МЧС продолжают трудиться ветераны. Носилки пусть носит молодёжь, а у дедов позаимствуем организационный опыт, чувство точного прогноза, кадровый нюх.

Спитакское землетрясение выявило истинные рейтинги служб разных стран, заставило подтянуть оснащение, но в целом работали все спокойно, без тремора.

В мирное время гирлянды верхолазов утепляют дома, красят металлические мачты, подъёмные краны, доки и пр. Рентабельно, быстро, бесшумно и опрятно. Польза несомненна.

Читателя поблагодарю за терпение, благожелательность. Материал непрост в восприятии в силу новизны. Всем ребятам, которые оказались неутомимыми, слова признательности, низкий поклон.

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

Как помнит читатель, в недавние годы Яшмовый пляж занимал второе место среди крымских пляжей, уступая лишь Оленевскому близ Тарханкута. Изумительный ландшафт, чистейшая вода открытого моря, защищённость от ветров: всё здесь совершенно, кроме...

До этого года, а я тружусь участковым геологом с 1979 года, каждый сезон сопровождался стычками на экологическую тему как с отдыхающими, так и представителями коммерсантов, бравших в сезонную аренду берег для набивания кошелька.

Яшмовый пляж

Яличники сбрасывали в зону купания трюмные (ляльные) воды с мазутом, коммерсанты неделями не вывозили мусор с гниющими отходами, пытались прятать мешки с мусором по закоулкам рельефа. Из-под монастыря по промоине до моря регулярно сливали и сливают бытовые стоки, которые благополучно травят акваторию. Который год на это с полным служебным безразличием взирают Росприроднадзор и Севприроднадзор.

В сезоне 2018 года в ходе инспекции я близко сошёлся с администратором пляжа Юрием Виноградовым, сотрудником симферопольского предпринимателя В.А. Грабова. обстоятельно поговорили, проверил соблюдение мер безопасности касательно обвалоопасности склонов, санитарное состояние пляжа и т. д. готовность к сезону была на достойном уровне. За лето четырежды посещал пляж — всё же это заказник, и внимание к нему особое! Удивило, что порядок поддерживался!

А теперь кульминация повествования: в конце сезона арендаторы, как закон, бросают всё, что не пригодится, и «делают ноги» — авось зимние шторы приберут летний хлам. Появляюсь на пляже 10 октября, и чуть слеза не прошибла. Вижу Яшмовый пляж таким, каким он был в 1978 году!! Ни пакета, ни бутылки, ни бумажки — никакого напоминания о тысячах отдохнувших здесь людей — МИРАЖ! Довершает впечатление восторга пустой контейнер у начала подъёма, оставленный арендаторами. Контейнер намекает: «Мы, мол, пляж подчистили «под веник», а вы поддерживайте порядок сами!»

Молодцы, симферопольцы! Побольше бы таких варягов на пляжах Севастополя! Читатель, бросай все дела, поезжай, убедись сам. Лето ведь не кончилось, а ты искупаешься, да порадуешься редкому зрелищу — порядочному отношению к Матушке-Природе!

ЭКСТЕМАЛЬНЫЙ СТРЕЛЬЦОВ

Лев Блескин, журналист.
Газета «Слава Севастополя»

О, это чувство зависти! Испытываю его каждый раз, когда приходит в редакцию геолог Сергей Стрельцов — этот человек, пахнущий ветром, полный заразительной весёлости, беспечности и того умного, хорошего легкомыслия, которое бывает только у людей мыслящих и вместе с тем простодушных. Глядя на него, ощущаешь невольно контраст между своим журналистским ремеслом, порой ограниченным различными нормативными, конъюнктурными рамками или авторитетами властных столпов, и кажущейся на первый взгляд безграничной вольностью жизни геолога. Вот он только что вернулся с полевых работ — обследовал оползневые участки всей 120-тикилометровой береговой черты.

Шёл от Алушты до Феодосии в светлое время суток и останавливался на ночлег, когда настигали его сумерки.

Стрельцов рассказывает, а я представляю себе, как он сбрасывает с плеч рюкзак, вытаскивает из него пуховик, разводит костерок, пьёт крепкий с. дымком чай и как, глядя в небо, под шёпот далёких звёзд забывается крепким сном уставшего человека. Поутру он вновь калил на живом огне котелок, оставял за спиной ещё тёплую золу очага и, картографируя зарождающиеся оползни, преодолевал очередные 25 километров. Ни начальства тебе, ни хронометража переходов, ни соглядатаев — благодать. Единственный контро-

лёр — совесть, которую хранит и лелеет стрельцовская привычка делать своё дело хорошо и красиво.

Но мою зависть к Стрельцову питает не столько кажущаяся вольность его профессии, сколько его пристрастие создавать самому себе нестандартные, экстремальные ситуации и понимание того, что этого нельзя перенять, ибо даётся от бога. Шесть лет назад решил Стрельцов построить дачу. Он сразу отверг пресловутую избу с двухскатной крышей и начертил эскиз средневекового замка со сторожевой башней, окошками-бойницами, сауной, камином под открытым небом и большим круглым столом из камня.

И в один прекрасный день был нанят КамАЗ, в кузов которого многочисленные друзья Стрельцова нагрузили, сколько мог вместить кузов, дикого камня, который за ненадобностью повыбрасывали окрестные дачники. Когда КамАЗ сделал пять ходок, а гора камней возвысилась, как Монблан, и была поднята чаша за успех безнадёжного дела, Стрельцов сказал: «Спасибо, ребята, остальное я сам». И пять лет горбатился геолог на своём участке, имея из строительных материалов лишь дикий камень, песок да цемент. Так по камушку и сложил он свой замок, на который редко кто из прохожих не поворачивает голову.

В сущности, в затее Сергея мало удивительного. Немало на миру таких, о которых Некрасов сказал: «Мужик, как бык, втемяшится в башку какая блажь, колом её оттудова не выбьешь — упирается, всяк на своём стоит».

Но замок — это так. Была у него мечта не мечта, а скорее соблазн подняться по отвесной стене мыса Айя на его вершину. И высота-то этой вертикали всего 235 метров, но маршрут, перерезанный нависающими карнизами, тянул на шестую категорию сложности. Попытку восхождения делали киевляне. Прошли где-то метров сто десять, повисели на верёвках три дня и спустились. Не произошло никакой трагедии, просто гора не пустила их дальше, и они смирились с неудачей, хотя и поднялись на вершину только через пять лет. Стрельцову всё это было известно.

Гора продолжала манить и дразнить его своей горделивостью, грезилась по ночам. Летом он болтался на резиновой лодке у подножия мыса, изучая залегание трещин, структурные элементы горных пород, чтобы разработать тактику восхождения. В одной связке с ним должен был идти Саша Закутин из Жёлтых Вод — человек, проверенный горами, надёжнее которого Стрельцов не знал.

Навьюченные верёвками, крюками, провизией и запасами воды, они десантировались с надувной лодки на гору, отвесно вздыбившуюся из воды. Забивая через каждые два метра крючья, через несколько часов изнурительного восхождения достигли первого карниза. Стрельцов и Закутин на пределе сил преодолели карниз и, пройдя 90 метров, заночевали. Сон на стене — это, в сущности, не сон, а томительное ожидание рассвета. С его приходом вновь поползли по горе и поднялись к новому карнизу, надеясь за световой день достигнуть вершины. Но на 180-ти метрах пришлось сделать ещё одну ночёвку.

На вершину по маршруту, который они называли «Оба-На!», поднялись только к полудню пятого дня, когда раскалённый диск солнца начал остывать на голубом морском горизонте. На восхождение ушло 38 часов напряжённой и рискованной работы. Этот риск можно было уменьшить, вбивая больше крючьев, но они сразу договорились: максимум человека и минимум технических средств. Такой уж этот Стрельцов, что ему претит перестраховка, что

он ощущает полноту жизни, когда наполняет её событиями, которые струной натягивают нервы и холодят кровь. Возможно, в чём-то были правы курортники, которые, увидев двух альпинистов на середине вертикальной стены, кричали им: «Безумцы, одумайтесь! Куда вас к чёрту занесло?» Но кричали и другое: «Вперёд, ребята!» Кричали и, наверное, завидовали чужой отваге и дерзости, которую всевышний вселяет в душу далеко не каждого.

В предстоящий сезон Сергей Стрельцов намерен подняться по отвесной стене мыса Айя в одиночку, по новому маршруту, который он называет «Чёрная метка». Это вдвое опаснее и сложнее, чем вдвоём, и потому гора вновь дразнит, и манит, и грезится ему по ночам.

АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФРОЛОВ

Родился в 1953 году. Окончил Харьковский госуниверситет (1977), инженер-геолог. Работал в Окинской экспедиции ПГО «Бурятгеология», в Восточных Саянах на поисках и геологической съёмке техником-геологом, геологом и начальником отряда. С 1982 года — на Дальнем Востоке, старший геолог партии, главный геолог ГРЭ «Далькварцсамоцветы», затем директор ГП «Далькварцсамоцветы». С 2003 года работал в Москве заместителем генерального директора ФГУП «Центркварц», в последние годы — его главный геолог. С 2021 года на пенсии. Почётный разведчик недр.

ГЕОЛОГИ ГОСТРЕСТА № 13 В ТЫЛУ И НА ФРОНТЕ

ВВЕДЕНИЕ

В 2025 году наша страна отмечает величайшее событие в истории XX века — 80-ю годовщину Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В общее дело Победы внесли свой вклад и геологи, сражаясь на фронтах и самоотверженно работая в тылу. Ведь война была не только схваткой сражающихся армий, но и ожесточённой борьбой экономик воевавших сторон, в которой минерально-сырьевой комплекс играл первостепенную роль.

Известно, что для производства вооружения и других технических средств ведения вооружённой борьбы в годы Великой Отечественной войны в нашей стране использовались около 100 видов полезных ископаемых, одним из которых являлось пьезооптическое минеральное сырьё. Поисками, разведкой и добычей этого сырья в годы войны занимался Государственный Союзный Трест № 13 Наркомата электропромышленности СССР.

Кварц сыграл выдающуюся роль в истории материальной культуры и развитии науки, а с открытием пьезоэлектрического эффекта в кристаллах горного хрусталя (сущность этого эффекта заключается в том, что при механическом воздействии на кристалл кварца в нём возникает электрический заряд и наоборот) впоследствии к нему возник интерес с технической стороны, как к сырью для производства стабилизаторов частоты радиоволн и генераторов ультразвука.

Упомянутый трест был организован в 1937 г. в системе Наркомата оборонной промышленности (НКОП) СССР для обеспечения радиозаводов страны пьезокварцем, который был необходим для создания средств устойчивой радиосвязи — войсковых радиостанций УКВ для танковых и авиационных частей Красной Армии. Месторождений пьезокварца в царской России и в СССР до этого не было. Первым геологам Треста № 13 пришлось искать, разведывать и добывать горный хрусталь, не имея методики геологоразведочных работ на кварц и опыта ведения этих работ. Уже в предвоенные годы пьезо-

зокварц с выявленных отечественных месторождений стал поступать на радиозаводы, а в 1940 г. СССР полностью отказался от импорта чрезвычайно дорогого бразильского пьезокварца. Кстати, кварц из Бразилии закупался через третьи страны (одна из них Япония), так как сенат США ввёл запрет на поставку пьезокварца в СССР. Как это всё напоминает современное положение, когда Запад пытается изолировать Россию и лишить её доступа к современным технологиям и поставок стратегических материалов.

Накануне юбилея великой Победы все предприятия и организации Федерального агентства по недропользованию Российской Федерации вспоминают славные страницы своей военной истории и своих ветеранов, которые ковали победу в тылу и на фронте. Есть что вспомнить и кем гордиться и «Музею Самоцветы».

«Музей Самоцветы» был создан в послевоенные годы как производственная литотека пьезооптического, кварцевого и камнесамоцветного сырья Всесоюзного промышленного объединения (ВПО) «Союзкварцсамоцветы» Мингео СССР, которое являлось правопреемником Гостреста № 13. Соответственно, созданный усилиями геологов всех геологоразведочных организаций Объединения, Музей вполне закономерно и обоснованно считает себя продолжателем дел и хранителем славных традиций легендарного Гостреста № 13, обеспечившим в годы войны оборонную промышленность страны стратегическим пьезооптическим минеральным сырьём. И сейчас в Музее экспонируются замечательные кристаллы пьезооптического сырья, добытые на месторождениях, эксплуатировавшихся в годы Великой Отечественной войны.

Конечно, сейчас уже в Музее и ветеранской организации Кварцсамоцветы нет ветеранов войны, но мы храним память о тех, кто сражался на фронтах, добывал пьезокварц, создавал Музей и формировал его коллекцию.

1. ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Начало Великой Отечественной войны Трест № 13 встретил в составе 7 экспедиций: Волынской (Житомирская область Украины), Полярно-Уральской, Средне-Уральской, Памирской, Нимгерской (Алданской), Куликолонской (Таджикистан), Вилуйской и Ахалцыхских агатовых разработок (Грузия).

Из перечисленных предприятий первые 5 экспедиций занимались поисками, разведкой и добычей пьезооптического кварца, Куликолонская экспедиция — разведкой и добычей оптического флюорита и поисками пьезокварца, Вилуйская экспедиция — разведкой и добычей исландского шпата и Ахалцыхские разработки — техническим халцедоном.

Война потребовала немедленного перевода советской экономики на рельсы военного хозяйства и, в частности, внесла значительные коррективы в деятельность Треста, который возглавлял в этот период Аркадий Петрович Винокур, а главным инженером был Михаил Еромолаевич Капелькин. Трест располагался в Москве, в доме № 22 по Уланскому переулку в здании Наркомата Авиационной промышленности в помещениях, которые он унаследовано занимал со времени вхождения в НКОП. Уже 27 июня 1941 г. приказом по Тресту во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР всем работникам были отменены отпуска и отозваны находящиеся в них работники, а в октябре 1941 г. издано распоряжение о проведении камеральных работ на месте производства полевых работ (ранее на камеральные работы инженерно-

технические работники (далее ИТР) выезжали в Москву или Ленинград). Трест был эвакуирован из Москвы в г. Кыштым Челябинской области. В Свердловске создаются сырьевая и перевалочная базы Треста, где сосредотачивались: оборудование, снаряжение и другие материалы, необходимые для производства разведочно-добычных работ, а также складские запасы пьезокварца, исландского шпата и оптического флюорита.

В условиях военного времени более жесткими стали плановые задания по поставкам пьезооптического сырья и технического агата для обеспечения обороноспособности страны. Несмотря на сокращение материально-технического снабжения и строгое лимитирование ресурсов подразделения Треста увеличили объёмы геологоразведочных и горно-эксплуатационных работ, центр тяжести которых сместился, в связи с потерей Волынского месторождения, на восток.

Программа по добыче пьезооптических минералов на 1941 г. была утверждена Тресту Постановлением СНК СССР в декабре 1940 г. в количестве 750 кг пьезокварца в моноблоках и 150 кг оптического кварца. В связи с оккупацией западной части Украины и потерей Волынского месторождения, которое давало 40 % добычи пьезокварца, производственная программа 1941 года оказалась под угрозой срыва, так как оказалась не обеспеченной запасами. Поэтому повсеместно месторождения, выявленные в текущем полевом сезоне на Памире, Урале и Алдане, сразу же вовлекались в эксплуатацию. Впрочем, такая практика сохранялась и после войны. И только с 1949 г. добычные работы стали планироваться и ставиться строго на объектах с подготовленными запасами.

Несмотря на потерю Волыни и обеспеченность рабочей силой только на 67 %, годовой план Треста по добыче пьезооптического кварца был перевыполнен досрочно к ноябрю 1941 г. — экспедиции Треста добыли и поставили промышленности 1215 кг моноблоков пьезооптического кварца. Производительность труда повысилась на 73 % благодаря перевыполнению норм выработки в среднем на 20 %, переходу на 10-тичасовой рабочий день, уплотнению графика рабочего дня, отмены части выходных дней и переводу вспомогательных рабочих на горные участки.

Первый год войны в работе Треста был самым трудным. Но уже в конце 1941 г. Нарком электропромышленности своим приказом отметил успехи Треста.

ПРИКАЗ

Народного Комиссара Электропромышленности Союза ССР
Москва № 15 / св 25 декабря 1941 г.

Благодаря умелой организации труда и хорошей работы коллектива работников Треста № 13 НКЭП и его экспедиций, годовая программа 1941 г. к 1 ноября перевыполнена. Экспедициями Треста открыт целый ряд новых месторождений дефицитного сырья для оборонной промышленности.

За успешную работу Треста № 13 выражаю благодарность коллективам работников Треста и его экспедиций и приказываю:

1. Наградить значком «Отличник социалистического соревнования Наркомэлектропрома» с выдачей денежной премии в размере полуторамесячного оклада:

Управляющего Трестом № 13 — тов. **Винокур А.П.**

Главного инженера Треста № 13 — тов. **Капелькина М.Е.**

Зам. Управляющего Трестом № 13 — тов. **Коновалова Л.Л.**

Быв. нач-ка Волынской экспедиции, ныне нач-ка Средне-Уральской экспедиции — тов. **Мининберг В.А.**

Быв. технического руководителя Волынской экспедиции, ныне нач-ка партии Полярно-Уральской экспедиции — тов. **Кармаева С.П.**

Начальника Куликолонской экспедиции — тов. **Ермакова Н.П.**

2. Наградить значком «Отличник социалистического соревнования Наркомэлектропрома» с выдачей денежной премии в размере месячного оклада:

Начальника Памирской экспедиции — тов. **Старчик П.П.**

Главного инженера Памирской экспедиции — тов. **Морозенко Н.К.**

Зам. начальника Средне-Уральской экспедиции — тов. **Инжееватова М.В.**

Начальника Ахалцихских разработок — тов. **Хачбабяна С.А.**

Старшего консультанта Треста — тов. **Гуревича М.И.**

3. Наградить денежной премией в размере месячного оклада:

Начальника Нимгерской экспедиции — тов. **Зубрева К.Н.**

Заместителя начальника Нимгерской экспедиции — тов. **Нефедова В.И.**

Главного бухгалтера Треста — тов. **Всеславского А.П.**

4. Разрешить Управляющему Трестом № 13 тов. **Винокур А.П.** премировать лучших работников Треста и экспедиций в пределах 35 тысяч рублей. Выплату премий произвести за счёт специальных средств Наркомата.

Народный Комиссар Электропромышленности

Союза ССР _____ И. КАБАНОВ

Для усиления поисковых работ по пьезооптическому кварцу в начале 1942 г. была организована Казахстано-Алтайская экспедиция. Работы, проведённые на Алтае в районах Калбинского хребта и Тигеревских Белков, а также в восточной части Казахстана не дали положительных результатов и в 1943 г. экспедиция была ликвидирована. До мая 1942 г. Управление Треста находилось полностью в Кыштыме. С мая в Москве была организована оперативная группа, превратившаяся фактически в Управление Треста.

Утверждённым планом на 1942 г. предусматривались добыча и выпуск следующей готовой продукции:

- пьезооптический кварц в моноблоках — 1150 кг
- оптический флюорит в кондиционном сырье — 100 кг
- исландский шпат в разделанных и обогащённых кристаллах — 400 кг
- агат невоскрытый — 24 000 кг

Численность промышленно-производственного персонала предприятий Треста была установлена планом 1450 человек, в том числе 1020 рабочих.

Утверждённая на 1942 г. производственная программа была очень напряжённой из-за ликвидации Волынской экспедиции, резкой нехватки рабочей силы, в особенности на Полярном Урале, и затруднения с горючим.

В результате успешной работы большинства экспедиций, в первую очередь Памирской, установленная программа была досрочно выполнена к ноябрю месяца.

Дефицит квалифицированной рабочей силы не дал возможности обеспечить значительное перевыполнение программы. Одна из крупных экспедиций Треста — Полярно-Уральская была обеспечена рабочей силой только на

50 %. В результате она выполнила план по добыче пьезо-кварца всего лишь в размере 28 %.

Остальные экспедиции выполнили и перевыполнили план по добыче кварца, а именно: Памирская — 278 %, Алданская — 120 %, Средне-Уральская — 109 %.

Заводы требовали пьезокварц, причём стабильных его поставок, что при сезонном характере работы выполнить было сложно. Летом 1943 г. управляющий Трестом А.П. Винокур проверил работу Алданской и Полярно-Уральской экспедиций и на месте принял решение об организации на месторождениях зимних добычных работ. Конечно, при существующем тогда уровне обеспечения, эффективность их была низкой. Но кого тогда интересовала эффективность, когда решался вопрос о самом существовании страны? По прошествии многих лет поэт-фронтовик Б.Ш. Окуджава напишет об этом времени очень точно и образно — «мы за ценой не постоим». А тогда приказы сухим, канцелярским языком требовали: «Обеспечить безусловное выполнение плана поставок любой ценой...». В 1943 г. план по добыче пьезокварца выполнен на 103 %, причём за счёт высших сортов.

До войны сырьё обычно поступало на базу Треста осенью, по завершению полевого сезона. Но сейчас заводы не могли ждать. По приказу Треста пьезокварц уникального и высшего сортов после полевой разбраковки сразу же направлялся самолётами до ближайшей железнодорожной станции. Это распоряжение было согласовано с Государственным Комитетом обороны (ГКО), так как использование авиации в народном хозяйстве в годы войны было строго ограничено.

Работники экспедиций с учётом полевых, редкометалльных, поясных, высокогорных и круглогодовых надбавок имели относительно высокий заработок (оклады начальников партий — 800–1000 руб., геологов — 600–800 руб., коллекторов — 400–500 руб., горнорабочие на сдельной оплате труда зарабатывали от 400 до 600 руб.), поэтому они, как и все советские люди, активно подписывались на облигации государственных военных займов. Кроме того, работники Полярно-Уральской экспедиции участвовали в сборе средств на постройку танковой колонны «Омский колхозник», Средне-Уральской экспедиции — на Уральский добровольческий танковый корпус, Памирской экспедиции — на авиаэскадрилью ВВС Красной Армии, Алданской, Вилуйской экспедиций и Ахалцхских агатовых разработок — на приобретение тёплых вещей для фронта.

На сайте Государственного архива социально-политической истории Тюменской области помещена телеграмма Верховного Главнокомандующего Красной Армии за 1944 год:

«ВЫСШАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ

Саранпауль Березовский Омской области ПУЭ Треста № 13 начальнику экспедиции тов. Карякину секретарю парторганизации тов. Хотенок

Прошу передать рабочим и работницам Полярно-Уральской экспедиции Треста № 13 собравшим 100 000 деньгами и облигациями Госзаймов на строительство боевых машин для Красной Армии мой братский привет и благодарность Красной Армии.

СТАЛИН»

К концу 1943 г. положение в экспедициях Треста относительно стабилизировалось — работа в экстремальных условиях военного времени стала при-

вычной, в некоторой мере улучшилось снабжение снаряжением, материалами и спецодеждой, руководство и трудовые коллективы экспедиций изыскивали внутренние резервы для улучшения питания и жилищных условий. Трест получил 10 грузовых автомобилей, несколько тракторов, локомотивов и нефтяных двигателей. Всё это положительно сказывалось на производственной деятельности его подразделений. Увеличились объёмы геологоразведочных работ, план добычи и поставок пьезооптического сырья и технического агата в 1943 г. был выполнен на 113 %.

Руководство страны отметило самоотверженную работу геологов и Указом Президиума Верховного Совета СССР в январе 1944 года наградило ряд отличившихся специалистов Треста орденами и медалями. Следует обратить внимание, что главный инженер Треста М.Е. Капелькин и начальник Алданской экспедиции Н.П. Ермаков были награждены орденом Красной Звезды, которым обычно награждались за боевые отличия бойцы и командиры Красной Армии на фронте. Таким образом, бесперебойные поставки стратегического минерального сырья для оборонной промышленности приравнялись к боевым подвигам на фронте. Вот этот Указ:

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР

№ 216 / 89 от 21 января 1944 года

о награждении орденами и медалями работников электропромышленности
(извлечение из документа)

За успешное выполнение заказов фронта и выполнение специальных заданий правительства
наградить

ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Винокура А.П. — управляющего Трестом № 13

Захарова А.И. — забойщика Полярно-Уральской экспедиции

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

Ермакова Н.П. — начальника Алданской экспедиции

Капелькина М.Е. — главного инженера Треста № 13

ОРДЕНОМ «ЗНАК ПОЧЁТА»

Инжееватова М.В. — начальника Средне-Уральской экспедиции

Жильцова А.Т. — начальника Вилуйской экспедиции

Коновалова Л.Л. — заместителя управляющего Трестом № 13

Мининберга В.А. — начальника Памирской экспедиции

Подольского В.П. — главного инженера Полярно-Уральской экспедиции

Хачбабяна С.А. — начальника Ахалцихских агатовых разработок

МЕДАЛЬЮ «ЗА ТРУДОВУЮ ДОБЛЕСТЬ»

Морозенко Н.К. — главного геолога Памирской экспедиции

Морозова В.Н. — начальника партии Средне-Уральской экспедиции

Петрунина Г.П. — главного геолога Полярно-Уральской экспедиции

МЕДАЛЬЮ «ЗА ТРУДОВОЕ ОТЛИЧИЕ»

Гуревича М.И. — старшего консультанта Треста № 13

Кармаева С.П. — старшего инженера Средне-Уральской экспедиции

Старчика П.П. — заместителя начальника Вилуйской экспедиции

Председатель Президиума Верховного Совета СССР _____ М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР _____ А. Горкин

Москва, Кремль

21 января 1944 года

В июне 1945 г. была учреждена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1945–1946 гг. этой медалью были награждены 732 работника Треста и его предприятий, в том числе:

- Алданской экспедиции — 94 человека
- Полярно-Уральской экспедиции — 114 человек
- Памирской экспедиции — 71 человек
- Средне-Уральской экспедиции — 18 человек
- Вилуйской экспедиции — 11 человек
- Ахалцихских агатовых разработок — 62 человека
- Центральной научной лаборатории Треста — 18 человек
- Аппарата управления Треста — 45 человек.

Работники Волынской экспедиции были награждены позже.

Все лица, упомянутые в данных материалах, награждены этой медалью.

В октябре 1943 г. Трест вернулся в Москву и расположился в доме № 17 по ул. Кузнецкий Мост, где ему выделили чердачное помещение. Тогда же его руководство приняло решение об организации архивов Треста, что позволило сохранить для нас бесценные документы его истории.

При недостатке материальных ресурсов и кадров, геологоразведочные работы в Тресте, как и в других разведочно-добычных организациях страны, например в Дальстрое, проводились в ограниченных объёмах. Стране нужно было сырьё и руководство Треста вынуждено было направлять все свои силы, в ущерб геологоразведке, на добычные работы. В послевоенные годы это, конечно, отрицательно сказалось на состоянии минерально-сырьевой базы Треста и потребовалось некоторое время для её наращивания и создания поискового задела районов и площадей, перспективных для выявления новых месторождений.

В октябре 1944 г. Нарком электропромышленности СССР И.Г. Кабанов обратился к членам ГКО Г.М. Маленкову и А.И. Микояну с просьбой об увеличении материально-технического и продовольственного обеспечения геологоразведочных и добычных работ Треста № 13.

В частности, он сообщал:

«Основной работой Треста № 13 НКЭП являются поиски и добыча пьезокварца, оптических минералов и агата. Пьезокварц, чрезвычайно редкий стратегический минерал, используемый для стабилизации радиостанций, а также в оптической промышленности Наркомата вооружений.

До 1940 г. пьезокварц ввозился в Союз из-за границы (бразильский кварц).

По имеющимся сведениям, бразильские месторождения, являющиеся основным мировым поставщиком кварца, истощаются, в результате чего Англия и США обращаются в СССР с запросами о поставках этого редкого минерала.

Добываемые Трестом № 13 исландский шпат для Наркомвооружения и агат для Наркомминвооружения также являются чрезвычайно редкими стратегическими минералами, дефицитными на мировом рынке».

Конечно, сведения об истощении бразильских месторождений пьезокварца, были далеки от действительности, но СССР, как бы там ни было, поставил Англии 40 кг моноблоков пьезокварца высших сортов, который был использован для производства станций орудийной наводки зенитной артиллерии — так тогда назывались РЛС.

В том же письме Нарком И.Г. Кабанов также докладывал:

«Постановлением ГКО СССР от 8 апреля 1944 г. № 5885сс обязал Наркомэлектропром произвести в 1944 г. попутно с разведкой и добычей пьезооптических минералов поиски месторождений урановых руд. Наркомэлектропромом эти работы были организованы и проводились экспедициями Треста № 13 на Волыни, Памире, Алдане, Вилюе и Полярном Урале.

Проведёнными Трестом № 13 и его Волынской экспедицией (т. Винокур, Кармаев, Осадчев) в июле-сентябре с. г. работами установлено наличие урана в пегматитах Волыни. Значительные количества пегматитов, определяемые миллионами тонн и промышленные содержания в них урана, дают право сделать вывод об открытии на Волыни крупного месторождения урановых руд».

Председатель Комитета по делам геологии при СНК СССР И.И. Малышев, как опытный геолог-рудник, выразил сомнение в радужной оценке пегматитов Волыни на уран. Он оказался прав, хотя впоследствии на Украине и на Алдане были выявлены крупные месторождения урана, но в других геологических структурах.

Уже после подписания Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии вышло постановление ГКО СССР от 15.05.1945 г. № 8566 «О неотложных мерах помощи тресту № 13 Наркомата электропромышленности СССР по увеличению добычи пьезокварца и агата». Это говорит, вместе с уже упоминаемым решением ГКО об использовании авиации для срочной вывозки пьезокварца с удалённых месторождений, о внимании Правительства к деятельности Треста № 13 и о значимости поставляемого им для промышленности сырья.

В 1945 г. Гострест № 13 добыл 1660 кг моноблоков пьезокварца — это самый лучший и высокий результат за годы Великой Отечественной войны.

В годы войны в геологических работах Треста № 13 принимали участие известные учёные-геологи, которые внесли значительный вклад в оценку перспективных районов, создание минерально-сырьевой базы Треста и выполнение им производственных программ. Вот некоторые из них.

Так в начальный период войны профессор А.В. Шубников, в будущем академик и директор Института кристаллографии АН СССР, работал по совместительству техническим руководителем Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) Треста. Он разработал технологию так называемого «косого среза» при раскройке пьезокварца, позволяющего использовать мелкие кристаллы горного хрусталя для производства пьезопластин.

Профессор Московского геологоразведочного института, эвакуированного из Москвы осенью 1941 г. в г. Семипалатинск, М.С. Швецов (автор известного учебника «Петрография осадочных пород») и профессор, заведующий кафедрой петрографии МГУ А.Е. Кузнецов в 1942 г. принимали участие в поисковых работах Казахстано-Алтайской экспедиции. Из заключения Треста: «... т.т. Кузнецов и Швецов исключили из площади поисков бесперспективные по геологическим признакам участки, обеспечили перевыполнение плана и высокое качество поисковых работ...».

Доцент, а впоследствии профессор Свердловского горного института Г.Н. Вертушков работал по совместительству главным инженером-заместителем начальника Средне-Уральской экспедиции, а затем её консуль-

тантом по научно-технической части. Его знания и рекомендации (он работал на Урале с 1931 года, в том числе на поисках горного хрусталя) легли в основу направления поисковых работ экспедиции на Среднем и Южном Урале.

Опытный специалист-кристаллограф, старший научный сотрудник Государственного оптического института (ГОИ) В.А. Осипов-Кинг работал в годы войны обогатителем в Вилуйской экспедиции. Он разработал схему обогащения исландского шпата и изготовления из него оптических линз, которые применялись на практике до середины 1960-х годов.

Трест № 13 в годы войны не только привлекал для своих работ учёных-геологов, но и сам, по решениям директивных органов, направлял своих специалистов для укрепления и усиления других геологических организаций. Как надо понимать, откомандировывались высококвалифицированные, лучшие специалисты.

В сентябре 1943 г. начальник горно-геологического отдела Треста Р.В. Нифонтов, который до этого работал в Тресте главным геологом Полярно-Уральской и Волынской экспедиций, откомандирован в распоряжение Комитета по делам геологии при СНК СССР, где назначен руководителем группы редких металлов (работа по «урановому проекту»). С 1946 г. он работал главным геологом Саксонской горно-рудной партии и в 1949 г., после успешного испытания первой советской атомной бомбы, удостоен звания Героя Социалистического Труда за создание минерально-сырьевой базы урана, кстати, единственный геолог в списке удостоенных этого звания.

В апреле 1944 года, после освобождения Прибалтики, откомандирован в распоряжение ЦК Компартии Латвии — для усиления национальных геологических кадров В.К. Мелналкснис, работавший начальником Полярно-Уральской экспедиции. Впоследствии он стал доктором геолого-минералогических наук, членом-корреспондентом АН Латвийской ССР и директором её Института геологии.

В 1945 г. главный геолог Треста № 13 кандидат геолого-минералогических наук Н.К. Морозенко был переведён в специальный (урановый) сектор металлогенических исследований ВСЕГЕИ, где он, вместе с известным советским геологом — первооткрывателем золотой Колымы Ю.А. Билибиным, разрабатывал методику прогнозирования и поисков месторождений радиоактивных элементов, впоследствии профессор, заведующий спецкафедрой Ленинградского горного института.

2. УСЛОВИЯ РАБОТ И ЖИЗНИ ГЕОЛОГОВ

Известно, что производство полевых геологоразведочных работ связано со значительными трудностями, особенно если они проводятся в отдалённых, малонаселённых или совсем безлюдных районах горно-таёжной местности, в условиях высокогорья, в пустыне и тундре. А именно там и находились районы поисков и месторождения пьезооптического сырья — Якутия, Эвенкия, Приполярный Урал, Алтай, Казахстан, Памир.

В годы войны, в условиях тотального дефицита снаряжения, спецодежды, инструментов, материалов, продовольствия (оборудования и техники практически не было), эти естественные трудности возрастали кратно.

Большой проблемой для всех экспедиций были связь и транспорт. Так геологи-поисковики Алданской экспедиции, ушедшие в маршруты с таёжной базы Сон-Тиит в конце мая-начале июня 1941 г., узнали о начале войны толь-

ко в конце лета этого года от сплавщиков, когда вышли на реку Алдан. С кем началась война — сплавщики сами точно не знали: толи с немцами, толи с японцами.

Наркомат требовал от Треста сведений о возможных поставках кварца, а Трест, не имея связи с экспедициями, сам не знал до осени о количестве добытого сырья. Радиосвязи в экспедициях, кроме Памирской, не было. В более благоприятном положении в этом отношении оказалась Средне-Уральская экспедиция, которая добывала пьезокварц в достаточно освоенном районе Южного Урала. К середине войны положение со связью в экспедициях выправилось, и все они были оснащены в минимальном объёме радиостанциями.

Доставка грузов на одно из месторождений Памира

Большая удалённость и малодоступность районов работ экспедиций также вносила коррективы в организационно-распорядительную деятельность Треста. Так по распоряжению Наркомата электропромышленности, руководство Вилуйской экспедиции должно было прибыть в Трест с отчётом о результатах работ 15 декабря 1942 г., а прибыло только 16 февраля 1943 г. Характерный эпизод из деятельности той же Вилуйской экспедиции сохранился в архивах. Весной 1944 г. экспедиция в составе рабочих и 15-ти ИТР вышла из базы пос. Туой-Хая на месторождение. На базе оставался только один заведующий базой из местных жителей, которого в середине лета призывали в армию. Он не мог сообщить об этом начальнику экспедиции и передать кому-либо свой подотчёт.

Управляющий Трестом распорядился списать подотчётную сумму на убытки.

Основным видом транспорта во всех экспедициях был гужевой и вьючный: лошади, олени, ишаки, волю. Из-за труднодоступности и неустойчивости вьючных троп на Памире срывались в пропасти караваны ишаков, погибали люди, терялся груз.

Отмечались случаи падежа оленей и лошадей от бескормицы в Алданской и Полярно-Уральской экспедициях. В некоторых экспедициях были автомашины (1–2 единицы), которые из-за нехватки бензина переделывались в газогенераторные. После освобождения Волыни экспедиции досталось несколько трофейных автомашин, в том числе одна легковая. Но работали они недолго

из-за отсутствия запчастей, а легковой автомобиль забрал в Москву Трест. Поэтому Волынская экспедиция, как и все, была вынуждена довольствоваться до конца войны конным гужевым транспортом.

Крупно- и среднемасштабных топографических карт на районы поисков, как правило, не было. Для планирования работ приходилось пользоваться мелкомасштабными учебными географическими или административными картами. Поисковые маршруты проводились на глазомерной основе кольцевым методом, что давало гарантии относительно достоверной привязки. И только на участки горно-разведочных и добычных работ составлялись крупномасштабные топографические карты и планы. Но объём их был незначительным из-за нехватки инструмента, да и топографы были не менее дефицитными специалистами, чем геологи.

Все горные работы выполнялись мускульным трудом, так как даже при наличии механизмов (например, перфораторов на карьере Ахалцихских агатовых разработок) они не применялись из-за полного отсутствия ГСМ. Взрывные работы при вскрыше проводились редко из-за дефицита взрывчатки и сложностей её доставки на участки горных работ. Ну а разборка хрусталеносных погребов или полостей с исландским шпатом и оптическим флюоритом, с целью сохранности кристаллосырья, производилась только вручную.

Геологи Алданской экспедиции. 1944

В связи с призывом мужского населения в армию среди рабочих экспедиций Треста резко возросла доля женщин и подростков. В среднем женщин среди работников экспедиций было 25–30 %, а в Средне-Уральской экспедиции их доля доходила до 40, и временами и до 50 %. Женщины выполняли тяжёлую физическую работу, на которой до войны были заняты исключительно мужчины: подносчики инструмента, воротовщики на проходке шурфов, откатчики, коновозчики, грузчики, а нередко забойщики, проходчики горных выработок. Подростки работали на выборке и мойке сырья, ухаживали за лошадьми и волами, сопровождали грузы на подводах и санях.

Из-за отсутствия технических средств месторождения оценивались и отработывались практически только с поверхности — канавами, мелкими карьерами и неглубокими шурфами. (В послевоенные годы эти месторождения были доразведаны на глубину в геологических границах и дали значительное

количество сырья). В незначительном объёме в годы войны проходились штольни (протяжённостью 15–20 м) и глубокие шурфы с рассечками. Откатка пород производилась тачками вручную и подъём — бадьями и корзинами с помощью воротков. Проблемой являлось освещение подземных выработок — в дефиците был карбид кальция и керосин для ламп. Иногда штольни, благодаря их малой глубине, освещались факелами.

Практически все годы войны в экспедициях катастрофически не хватало бумаги для делопроизводства и оформления отчётов и карандашей для документации горных выработок. В архивах сохранились геологические и технические отчёты, написанные или напечатанные на папиросной и жёлтой, рыхлой бумаге. Для отчётов использовались также разрезанные крафт-мешки.

Питание работников экспедиций в годы войны было скудным. Исключение составляет полевой сезон 1941 г., что объясняется существующей практикой зимнего завоза продовольствия на полевые базы партий. Но, уже осенью 1941 г., положение резко изменилось к худшему. Так, в 1942 г. в Алданской экспедиции установлены нормы выдачи хлеба в день: забойщикам (основная горная специальность) — 800 г, ИТР — 700 г, служащим и подсобным рабочим — 600 г. Также была нормирована выдача сахара, круп, жиров, соли, чая и табака. В 1943 г. начальник Алданской экспедиции Н.П. Ермаков подписал приказ: *«... выдать по 100 гр сахара проходчикам в виде премии за перевыполнение месячного плана очистных работ...»*. Это было в порядке вещей. В 1943 г. в Полярно-Уральской экспедиции месячный паёк состоял из 24 кг хлеба, 3 кг мяса, 2 кг рыбы, 2 кг крупы, 0,8 кг масла и 0,75 кг сахара. (Но даже этот ассортимент и количество были недостижимой роскошью для жителей блокадного Ленинграда, откуда было большинство ИТР экспедиции).

Для улучшения питания сотрудников экспедиции создают (где это возможно) бригады по заготовке мяса, рыбы, грибов, ягод, дикого лука. В Алданской экспедиции в 1944 г. такие бригады заготовили 6 т рыбы и 2 т мяса. Весной 1943 г. на Алдан прибыл эшелон Куликоллонской экспедиции, которая привезла с собой из Средней Азии невиданные для Якутии продукты: консервированное мясо тушёное и жаренное, паштет мясной, молоко сгущённое, крупы гречневая и рис, конфеты, урюк, папиросы, махорка, бумага курительная. Это явилось кратковременным подспорьем в питании работников экспедиции, численность которой в то время составляла 250 человек (с Кули-Колона прибыло 46 человек).

В г. Кыштыме весной 1942 г. было организовано подсобное огородное хозяйство, на котором во внеурочное время работники аппарата Треста выращивали картофель и другие овощи. Приказом по Тресту осенью 1942 г. семь работников управления Треста (стахановцы и стахановки) были премированы по мешку картофеля каждый.

Условия проживания персонала экспедиций в годы войны на базах экспедиций и партий, месторождениях и участках работ были очень тяжёлые. Стационарного жилья нигде не хватало, электрического освещения практически не было (за исключением Полярно-Уральской экспедиции, где на её базе в с. Саранпауле имелась маломощная дизельная электростанция, которая часто не работала из-за отсутствия горючего). Особенно трудно было проводить камеральные работы в осенне-зимний период. Керосиновые лампы были в дефиците, так на всю Вилуйскую экспедицию в 1943 г. их было три штуки. Помещения освещались в основном стеариновыми свечами и даже копилка-

ми. В 1941–1942 гг. средств на временное строительство не выделялось, кроме Памирской экспедиции, в которой по этой статье финансировались только работы по восстановлению и ремонту дорог к месторождениям в условиях высокогорья. Дело было даже не в финансировании — не хватало рабочих, не то что на строительство жилья, но и на основные геологоразведочные и горно-добычные работы. На поисковых работах не хватало палаток. На участках работ горняки проживали в землянках без освещения и с плохим отоплением. При наличии делового леса рабочие по своей инициативе рубили, в первую очередь бани и сушилки для одежды и, по возможности, зимовья и бараки. Лес и другие подсобные материалы (мох, кора для кровли, жерди и т. д.) были, но не было гвоздей, кирпича, оконного стекла, ёмкостей для воды и другой посуды.

Практически не было постельных принадлежностей, в дефиците была обычная одежда и обувь, не говоря уже о спецодежде. Экспедиции, как правило, содержали в штате сапожников и портных для постоянного ремонта обуви и одежды. Характерным эпизодом военного времени являлось выделение Трестом отрезов сукна награждённым работникам экспедиций.

3. ЭПИЗОДЫ ИЗ ЖИЗНИ ЭКСПЕДИЦИЙ

В архивах сохранились сведения о деятельности экспедиций Гостреста № 13 в виде производственных приказов, годовых отчётов по основной деятельности и капитальным вложениям, докладные записки по некоторым вопросам, штатные расписания, титульные списки геологоразведочных работ и другие материалы. Также сохранились записанные (неопубликованные, за редким исключением) воспоминания ветеранов, которые в годы войны работали в экспедициях Треста. Некоторые рассказы дошли до нас через вторые-третьи руки.

3.1. ВОЛЫНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Волынская экспедиция (до 1940 г. — Волынская промышленно-разведочная группа) добывала пьезокварц с 1935 г., сначала в составе треста «Русские самоцветы», а с 1937 г. — Треста № 13. Перед войной экспедиция давала 40 % объёма производственной программы Треста № 13, а себестоимость волынского кварца была самой низкой в стране. Но расположение Волынского месторождения вблизи границы, в случае войны, создало бы трудное положение в минерально-сырьевой базе Треста, что было отмечено на совещании в Тресте в апреле 1938 г. Хотя в 1939 г. западная граница СССР была отодвинута на 250–300 км, это принципиально не повлияло на тяжёлое положение, в котором страна оказалась в начале войны.

Западная часть Украины была оккупирована германскими войсками в течение 1–2 недель. В связи с приближающейся линией фронта, приказом по Тресту от 6 июля 1941 г. Волынская экспедиция была ликвидирована. Документация и часть складских запасов пьезокварца были отправлены в Москву. В спешке крупные кристаллы мориона, погрузить и вывезти которые не было технической возможности, пришлось разбить накладными зарядами взрывчатки. Куски моноблоков пьезокварца были надёжно спрятаны. Рабочие экспедиции были призваны в армию, а инженерно-технические работники переведены на Урал.

Геолог В.Т. Ключков вывез большой кристалл мориона (300–400 кг) перед самым вступлением немцев в село Писаревку (в то время там находилась база экспедиции). При этом ему пришлось выбросить из грузовика личное имущество эвакуировавшихся жителей.

Немцы, которые тоже остро нуждались в пьезосырьё, отработали четыре вскрытых перед войной пегматита. Но их попытки обнаружить новые тела и спрятанное сырьё не увенчались успехом. К тому же бывшие работники экспедиции скрывали известные им проявления мориона и саботировали другие действия немецких оккупационных властей.

В декабре 1943 г. Житомирская область была освобождена от оккупации. И сразу на Волынь выехала оперативная группа Треста для ознакомления с состоянием дел на месторождении, а в феврале 1944 г. Волынская экспедиция приступила к горно-эксплуатационным работам.

Из приказа Треста № 13 от 17.02.1945 г. № 21 «О производственной деятельности Волынской экспедиции за 1944 год»:

«Восстановительную и производственную деятельность в 1944 году Волынская экспедиция начала в трудных условиях, создавшихся в результате временной оккупации района месторождений немецкими захватчиками.

Немцы хищнически выработали ранее известные объекты № 79 и 54, не открыв новых месторождений. При отступлении немцы разрушили хозяйство, созданное экспедицией Треста к началу войны, в 1941 году, уничтожили транспортные средства, механизмы, инструменты, снаряжение, электростанцию, затопили выработки, разрушили производственные постройки на базе экспедиции в Писаревке.

В результате работ 1944 года Волынская экспедиция восстановлена.

Большую помощь в восстановлении работ Волынской экспедиции оказали Райком КП(б)У и Райисполком Володарского района.

Проведённые эксплуатационные работы дали 110 кг моноблоков пьезокварца».

На 1945 г. была запланирована добыча уже в объёме 500 кг. Годовой план был выполнен.

Большой вклад в освоение Волынского месторождения в восстановительный период внесли:

Кармаев Сергей Прокопьевич — первый начальник восстановленной экспедиции, до войны он также возглавлял эту экспедицию. В годы войны работал начальником разведочно-добычной партии в Полярно-Уральской экспедиции и старшим инженером Кочкарской партии на Светлинском месторождении. В 1946 г. откомандирован в трест «Союзредметразведка»;

Ключков Вячеслав Терентьевич (1906 г. р., ЛГИ, 1931) — первый главный геолог восстановленной экспедиции. В годы войны работал начальником отряда в Полярно-Уральской экспедиции. В послевоенный период разработал статистический метод подсчёта запасов сырья в пегматитах, который был успешно внедрён в практику геологоразведочных работ. По материалам Волынского месторождения в 1950-х годах защитил кандидатскую диссертацию;

Осадчев Борис Яковлевич — начальник группы редких элементов экспедиции, впоследствии работал в Институте геологии Арктики, автор листов государственной геологической съёмки, кандидат геолого-минералогических наук;

Пап Анатолий Михайлович — студент-коллектор, впоследствии доктор геолого-минералогических наук, работал в системе Академии наук, специалист по докембрию;

Свирид Валентин Леонтьевич (1918 г. р., ЛГУ, 1944) — рудничный геолог экспедиции. В годы войны учился и работал в Полярно-Уральской экспедиции коллектором и прорабом-геологом. С 1946 г. работал в Памирской экспедиции геологом, начальником отряда, партии и экспедиции. Первооткрыватель месторождения лазурита на Памире;

Типикин Игорь Артемьевич — инженер-геолог, фронтовик-орденоносец, прибыл в экспедицию в июле 1944 г. из госпиталя после тяжёлого ранения, в результате которого он потерял ногу. Он прошёл все ступени профессионального и служебного роста и впоследствии стал главным инженером Волынской экспедиции.

3.2. ВИЛЮЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Вилуйская экспедиция была создана в конце 1940 г. Полевая база экспедиции находилась в пос. Туой-Хая, на р. Чона (правый приток Вилуя). История её создания такова:

До начала работ на исландский шпат Трестом № 13 этот минерал (оптический кальцит) благодаря своим уникальным свойствам — большому двупреломлению и высокой степени поляризации света — применялся при изготовлении оптических приборов — дальномеров и, главным образом, поляризационных микроскопов. Объёмы потребления исландского шпата для этих целей были совершенно незначительные и вполне покрывались импортными поставками и, частично, сырьём из отечественных месторождений (Северный Кавказ и Средняя Азия).

После подписания, в августе 1939 г., пакта о ненападении между СССР и Германией — между этими странами в какой-то мере наладилось военнотехническое сотрудничество. В рамках этого сотрудничества в апреле 1940 г. делегация Наркомата авиационной промышленности СССР в составе военных лётчиков, конструкторов и инженеров по вооружению посетила авиазаводы Германии, где им были продемонстрированы образцы новой военной техники, в том числе и прицелы для бомбометания пикирующих бомбардировщиков. В этих прицелах использовались призмы из исландского шпата, изготовленные на заводах Карла Цейса. Кстати, имеются сведения, что ещё до 1-й мировой войны на заводы этой известной фирмы было поставлено несколько пудов шпата-сырца из Якутии, из районов, где в годы Великой Отечественной войны работала Вилуйская экспедиция.

По результатам командировки советских специалистов в Германию стало ясно, что исландский шпат является стратегическим минеральным сырьём и в декабре 1941 г. СНК СССР обязал Трест № 13 обеспечить промышленность страны исландским шпатом. Трест принял решение о производстве геологоразведочных и добычных работ на исландский шпат в наиболее перспективных районах Советского Союза — в Красноярском крае на р. Нижней Тунгуске и в Якутии в бассейне р. Вилуй, для чего создал Вилуйскую экспедицию.

Из-за начала войны работы Вилуйской экспедиции в 1941 г. были сорваны и развернулись в полном объёме только в 1942 г. — тогда было выявлено крупное месторождение Джекинда и добыто 900 кг исландского шпата в обо-

гащённых кристаллах-монокристаллах, при плане 400 кг. Шпат поставлялся в г. Омск на завод № 357 Наркомата вооружений (эвакуированный из Ленинграда оптико-механический завод «Прогресс»).

Из отчёта Треста № 13 в Наркомат электропромышленности о результатах работ Вилюйской экспедиции за 1942 год:

«Добыча велась на ранее известном Аламджахском месторождении приток реки Ахтаранда, также на вновь открытом в 1942 г. месторождении на реке Джекинде.

Эти месторождения расположены в отдалённых районах Якутии: расстояние от Якутска до базы экспедиции Туой-Хоя — 1500 км и от Туой-Хоя до месторождений 60–300 км.

Пути сообщения от Якутска исключительно зимой на оленях, летом можно пользоваться водной магистралью Иркутск–Мухтуй 2000 км; изредка можно пользоваться авиатрассой по этому же пути — от Мухтуя до Туой-Хоя — 500 км.

В результате работ экспедиции созданы на базе Треста значительные запасы исландского шпата, открыты новые месторождения мирового значения с огромными запасами (запасы исчисляются по предварительным данным в количестве около 5000 кг) хорошего качества по низкой себестоимости. Необходимо отметить значительную помощь, оказанную работам нашей экспедиции Якутским Областным Комитетом ВКП(б) и Якутским Совнаркомом.

Небольшой коллектив экспедиции рабочих и ИТР работает самоотверженно, не считаясь с продолжительностью рабочего дня, используя все возможности для лучших результатов. Стахановцы выполняют нормы на 200 %.

Перед Вилюйской экспедицией на 1943 год поставлена задача, помимо добычи 400 кг шпата, всемерно расширить поиски и разведку месторождений шпата в бассейнах рек Вилюй и Оленёк. Одновременно предложено экспедиции в 1943 г. окончательно оформить весь геологический материал по открытым месторождениям для представления в Академию Наук СССР, Геологическому и для напечатания этих трудов в соответствующих журналах и вестниках Академии Наук СССР».

В дальнейшем в 1943–1945 гг. экспедиция успешно эксплуатировала Джекинду и проводила поиски новых месторождений, которые, к сожалению, не дали положительных результатов (также, как и предпринятые в этом районе в 1950–1960-х годах, повторные поиски.).

В 1946 г. Вилюйская экспедиция была ликвидирована, «...обеспечив добытым сырьём оптико-механическую промышленность СССР на 10 лет...» (из отчёта Треста № 13 Наркомату электропромышленности).

В экспедиции в годы войны самоотверженно трудились:

Жильцов Алексей Тихонович (1907 г. р., МГРИ, 1937) — начальник экспедиции, кстати работавший в салоне «Цветные камни» (здесь в настоящее время находится «Музей Самоцветы») в 1970-е годы;

Золотухин Иван Андреевич (1921 г. р., н. в. о.) — начальник поисковой партии, студент Свердловского горного института, приехавший в 1942 г. в экспедицию на практику. В дальнейшем он возглавлял Полярно-Уральскую экспедицию и знаменитую экспедицию № 20 — «Шпат», работал заместителем начальника 6-го Главного управления Мингео СССР;

Копеевич Леонид Петрович — начальник партии, впоследствии работал в Эвенкийской экспедиции Всесоюзного аэрогеологического треста (ВАГТ), автор листов государственной геологической съёмки масштаба 1 : 200 000, кандидат геолого-минералогических наук;

Ломаев Александр Васильевич (1914 г. р., СГИ, 1941) — геолог, начальник поисковой партии, впоследствии работал начальником партий и главным геологом экспедиции на Южном Урале на поисках и разведке пьезокварцевых месторождений;

Паночкин Николай Фёдорович (1898 г. р.) — заместитель начальника экспедиции, впоследствии начальник Аламджахской экспедиции, созданной в 1953 г. для возобновления работ на исландский шпат на Вилую;

Пушкарёв Виктор Николаевич (1906 г. р.) — топограф экспедиции, высококлассный специалист, в дальнейшем производивший топографические съёмки многих известных месторождений пьезооптического сырья на Алдане, Волыни, Полярном Урале и в Эвенкии;

Пушкарёва Александра Ивановна — геолог, начальник отряда на разведке Джекиндинского месторождения, в дальнейшем работала на Волыни, Полярном Урале, ведущий инженер-обогадитель Сырьевой базы Треста;

Старчик Пётр Петрович (1897 г. р., МГРИ) — главный инженер экспедиции, впоследствии возглавлял Алданскую и Полярно-Уральскую экспедиции Треста № 13.

3.3. КУЛИКОЛОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Куликолонская экспедиция была создана в декабре 1940 г. и работала на месторождении оптического флюорита Куликолон, расположенном на северных склонах Зеравшанского хребта в Таджикистане. База экспедиции находилась в г. Самарканде.

Оптический флюорит представляет собой бесцветную, прозрачную разновидность плавикового шпата. Его высокая техническая ценность обусловлена следующими свойствами: способностью пропускать инфракрасные и ультрафиолетовые лучи, практически отсутствием двупреломления (полная противоположность исландскому шпату) и низким показателем преломления. Эти свойства делают оптический флюорит незаменимым материалом для изготовления линз специальных оптических приборов и призм спектрографов.

В результате работы Куликолонской экспедиции в 1941–1942 гг. было разведано одноимённое месторождение, в том числе штольной на глубоких горизонтах и созданы значительные (свыше 200 кг) запасы на базе Треста этого редкого и дорогого оптического минерала.

Учитывая незначительную потребность Наркомата вооружений во время войны во флюорите и его большие запасы на базе Треста Куликолонская экспедиция в 1943 г. была ликвидирована. Практический интерес к оптическому флюориту вновь возникнет в 1950–1960-х гг., когда он найдёт применение в головках наведения переносных зенитных ракетных комплексов (ПЗРК) противовоздушной обороны. Тогда же возобновятся работы на Куликолонском и других выявленных месторождениях флюорита.

Всё оборудование и материальные ресурсы экспедиции «перебрасываются», как тогда говорили, на Алдан для форсирования работ в новом перспективном хрусталеносном районе. Основные кадры ИТР ликвидированной экспедиции переводятся на Алдан, вот они: начальник экспедиции **Ермаков**

Н.П., начальники партий *Сафронов Г.М.*, *Судеркин А.И.*, начальники отрядов *Гудков А.С.*, *Лазько Е.М.*, *Рюриков Г.Н.*, геологи *Алмазова И.Н.*, *Барковская Е.И.*, *Белов И.В.*, *Гуринов В.В.*, *Митич Г.Б.*, *Ушверидзе Л.Е.*, *Шапошников А.А.*, *Шасткевич Л.К.*

3.4. АЛДАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Организована в феврале 1941 г. как Нимгерская геологоразведочная партия, затем преобразованная в экспедицию, наименование Алданская она получила в марте 1942 г. Управление экспедиции находилось в городе Алдане, а в районе работ был построен пос. Сон-Тиит — Центральная таёжная база экспедиции, где все годы войны проводилась камеральная обработка полевых материалов. В эти же годы началось строительство перевалочной базы на трассе Амуро-Якутской магистрали (АЯМ) в пос. Бол. Хатыми.

Основными объектами эксплуатации в годы войны являлись месторождения Сontiитской и Нимгерской групп: Холодное, Северное, Пустынное, Соседка, Сосновое и Хрустальное.

В 1941 г. Алданская экспедиция добыла всего лишь 9 кг моноблоков пьезокварца и выявила несколько месторождений, которые в последующем давали 150–200 кг моноблоков кварца ежегодно, а в 1944 г. уже 250 кг, что составило более 20 % от добычи Треста.

На примере Алданской экспедиции покажем сложность доставки грузов в район полевых работ. Всё снаряжение, материалы, продовольствие поступали железной дорогой из центра страны до станции Сковородино на Транссибе, оттуда всё перевозилось автотранспортом по АЯМу до перевалочной базы Бол. Хатыми. Далее груз вычным и гужевым транспортом перевозился до базы Юхта на притоке Алдана р. Унгра и уже лодками и плотами сплавлялся до пос. Сон-Тиит.

Весной 1944 г. для сплава грузов было построено 15 крупных лодок, 42 плота, 1 баркас грузоподъёмностью 15 т. В этом же году в экспедиции появились первая автомашинa ЗИС-5 и трактор, который стал регулярно возить грузы от Бол. Хатыми до Юхты (180 км).

В районе устья р. Мал. Нимыр (18 км от пос. Сон-Тиит) на косе реки был построен полевой аэродром, который совершенно не соответствовал нормам посадочной площадки, так как на нём не было аэродромного оборудования и, самое главное, радиостанции. Но пилоты Алданского авиаотряда и в таких условиях совершали транспортно-связные рейсы — доставляли остро необходимые грузы, вывозили на «большую землю» больных и сырьё.

Алданская экспедиция стоит на особом месте по персональному составу геологов — в годы войны через неё прошли практически все специалисты, которые составили гордость и славу отрасли и руководили ею в последующие годы.

Глазов Александр Васильевич (1918 г. р., СГИ, 1942) — работал в экспедиции геологом и начальником партии. После войны — начальник экспедиции № 104 и главный геолог экспедиции № 101 на Урале;

Каикуров Константин Фёдорович (1919 г. р., СГИ, 1941) — работал в экспедиции геологом. После войны — главный инженер Средне-Уральской экспедиции, руководил Алданской экспедицией. Первооткрыватель двух месторождений горного хрусталя на Урале. Лауреат Ленинской премии за работы по синтезу пьезокварца;

Крениг Александр Альбертович (1906 г.р.) — работал на Алдане начальником партии, внёс большой вклад в изучении хрусталеносных структур района. После войны — главный геолог Зейско-Амурской экспедиции;

Пашков Сергей Михайлович (1911 г.р., МГУ, 1937) — один из первых сотрудников экспедиции, работал начальником отряда и партии на поисках и разработках месторождений, открыл два месторождения пьезокварца. В послевоенные годы работал заместителем начальника Алданской экспедиции, начальником Волынской и Украинской экспедиций 8-го Главка МПСС, начальником Врангелевской экспедиции треста «Арктикразведка». В 1970-х годах работал в салоне «Цветные камни»;

Фрадкин Иосиф Исаакович (1919 г.р.) — работал в экспедиции горным инженером и начальником добычного участка. После войны — главный инженер Южно-Уральской экспедиции, начальник Волынской экспедиции, первый директор ВНИИП, начальник Ревизионной партии салона «Цветные камни», главный геолог экспедиции «Экспортсамоцветы»;

Чернышкова Людмила Платоновна (1914 г.р., ЛГИ, 1937) — прибыла на Алдан в мае 1941 г., проводила поиски и разведку в должности начальника отряда и технорука партии, открыла два месторождения пьезокварца. В последующем работала начальником партии на Волыни. В 1954 г. она была назначена первым главным инженером ВНИИП. Кандидат геолого-минералогических наук, работала в салоне «Цветные камни».

Прибывшие с Куликоллона специалисты сразу же включились в работу и вместе со старожилами экспедиции успешно продолжили наращивать потенциал района.

Гудков Александр Сергеевич (1918 г.р., МГРИ, 1941) — начальник отряда и партии. После войны — начальник партии Памирской экспедиции, главный геолог и начальник Горно-Алтайской экспедиции, главный инженер треста «Пьезокварц» и 6-го Главка Мингео СССР до 1964 г. Один из основоположников геологии месторождений пьезооптического сырья и методики их оценки. Первооткрыватель месторождения пьезокварца в Казахстане;

Гуринов Василий Васильевич (1914 г.р., МГРИ, 1940) — геолог, начальник партии. После войны — главный инженер Нижне-Тунгусской экспедиции (переименована в экспедицию № 20). Крупный специалист по месторождениям исландского шпата;

Ермаков Николай Порфирьевич (1913 г.р., МГРИ, 1938) — в 1943–1944 гг. начальник экспедиции, отмечен Сталинской премией, первооткрыватель месторождения. После войны — доцент Львовского госуниверситета, профессор МГУ, первый директор Музея землеведения. Основоположник советской школы термобарогеохимии;

Лазько Евгений Михайлович (1913 г.р., МГРИ, 1939) — главный инженер экспедиции. После войны руководил работами Рудно-Алтайской экспедиции. Доктор геолого-минералогических наук, профессор Львовского госуниверситета, крупный специалист по докембрию, автор классической монографии «Хрусталеносные жилы Алдана»;

Митич Герман Борисович (н. в. о.) — работал геологом и начальником отряда. После войны завершил обучение в МГРИ — главный геолог Новоземельской и Восточно-Сибирской экспедиций. Кандидат геолого-минералогических наук;

Сафронов Георгий Михайлович (1915 г. р., н. в. о.) — начальник партии, заместитель начальника экспедиции. После войны — начальник Памирской экспедиции, управляющий трестом «Пьезокварц», начальник 10-го Главка МРТП до 1958 г. Опытный администратор, крупный руководитель геологоразведочных, добычных и научно-исследовательских работ в кварцевой отрасли. Инициатор создания ВНИИП. Доктор геолого-минералогических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР;

Судеркин Алексей Ильич (1908 г. р., МГРИ, 1937) — начальник партии. После войны — начальник партии Волынской и Памирской экспедиций, управляющий трестом «Арктикразведка». Кандидат геолого-минералогических наук, специалист по месторождениям оптического флюорита, работал в салоне «Цветные камни»;

Ушверидзе Лали Евсеевна (1915 г. р.) — геолог, начальник отряда. После войны — старший геолог и начальник поисковых и тематических партий Восточно-Сибирской экспедиции. Видный специалист по месторождениям горного хрусталя, автор сводок и прогнозов по Южно-Якутской хрусталеносной провинции, кандидат геолого-минералогических наук;

Шапошников Анатолий Александрович (1919 г. р., САИИ, 1943) — начальник отряда и партии. Открыл на Алдане месторождение «Новое» (Малый Нихот). После войны — главный инженер Алданской экспедиции, главный геолог Дальневосточной экспедиции, главный инженер и директор ВНИИСИМС, заместитель начальника ВПО «Союзкварцсамоцветы». Кандидат геолого-минералогических наук, лауреат Государственной премии СССР.

Среди геологов, отдавших много сил и энергии изучению алданских месторождений пьезокварца в годы войны также необходимо отметить: *Алмазову И.Н., Барковскую Е.И., Белова И.В., Галеева И.В., Лобанова В.К., Рюрикова Г.Н., Шасткевич Л.К.*

3.5. ПОЛЯРНО-УРАЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Экспедиция создана в 1936 г. в составе треста «Русские самоцветы» для освоения месторождений пьезооптического кварца, расположенных в труднодоступных, субарктических районах Приполярного Урала. База экспедиции находилась в зырянском селе Саранпауль, расположенном на правом берегу р. Ляпин в 70-ти км от её устья.

В 1940 г. экспедиция дала 264 кг моноблоков пьезокварца, поэтому перспективы Приполярного Урала перед войной были оценены высоко (второе место после Волыни) и на экспедицию, невзирая на тяжёлые условия работ, в начале войны возлагались большие надежды. Однако они не оправдались. Полярно-Уральская экспедиция выполнила план 1941 года на 54 %, а 1942 года — на 28 %.

Из доклада Треста № 13 о результатах работ за 1942 г.:

«Несмотря на открытие нового Перевального месторождения, геологические работы на Полярном Урале не выявили геологических запасов кварца и поставили под сомнение промышленную перспективность месторождений пьезокварца на Полярном Урале. Для работ 1943 г. в Полярно-Уральской экспедиции создано 25 партий и отрядов, которые должны в текущем году

тщательно изучить все месторождения и документально доказать перспективность ведения добычных работ в дальнейшем».

В дальнейшем перспективность района была доказана и в 1943–1945 гг. Полярно-Уральская экспедиция добывала 200–250 г моноблоков пьезокварца, при численности 450–500 человек. В экспедиции работало порядка 50 ИТР.

Основными объектами разведочно-добычных работ Полярно-Уральской экспедиции в годы войны являлись месторождения: Парнук, Додо, Пуйва, Неройка, Сура-Из, Омега-Шор, Кварцито-Шор, Центральная и Северная Народа. Эти месторождения сосредоточены на небольшой площади и отличаются высоким качеством пьезокварца. Вот как об этом вспоминает коллектор В.А. Смирнова — тогда ещё студентка-практикантка, а впоследствии доктор геолого-минералогических наук:

«В 1941 году мне посчастливилось документировать только что открытое месторождение Верхний Парнук, знаменитую жилу № 3 с уникальными бездефектными кристаллами горного хрусталя, которые не нужно было даже обогащать. Это сырьё специальными авиарейсами отправляли в Москву для фронта. Большим спросом оно пользовалось у наших союзников англичан. Все горные выработки Верхнего Парнука расположены на большой высоте, на самом водоразделе Урала. Чтобы попасть на них, нужно подниматься на 500–600 метров по крутому склону. Климат здесь очень суровый, не растёт даже карликовая берёзка и часто наползают тучи...».

Конечно, кварц самолётом до Москвы не отправляли — только до ближайшей железнодорожной станции.

Полярно-Уральская экспедиция, как и все полевые организации, постоянно несла убытки, обусловленные разными причинами, среди которых были своеобразные, характерные только для неё. Почти ежегодно, в летние месяцы, бежавшие заключённые Печорских лагерей НКВД разоряли и грабили базы и продовольственные склады (как правило, на западном склоне Урала). В годовых бухгалтерских отчётах экспедиции эти потери списывались на безвозвратные потери.

Значительную часть инженерно-технических работников Полярно-Уральской экспедиции составляли ленинградцы — выпускники Горного института и университета. Это пошло ещё с тех времён, когда геологическим изучением Полярного Урала занимались Всесоюзный арктический институт и трест «Русские самоцветы», находившиеся в Ленинграде.

Большой вклад в изучение и освоение месторождений горного хрусталя Приполярного Урала внесли:

Карякин Александр Евграфович (1911 г.р., ЛГИ, 1938) — главный геолог, затем начальник экспедиции, работал на Приполярном Урале до 1953 г. Впоследствии — доктор геолого-минералогических наук, профессор Ленинградского горного института. Автор ряда учебников и классической монографии по хрусталености Приполярного Урала;

Мелналкснис Вернер Карлович — начальник рудника Омега-Шор, затем с 1943 г. начальник экспедиции. Впоследствии — начальник горно-геологического отдела Треста № 13;

Меркулова Галина Валерьевна (1912 г.р., ЛГИ) — ветеран полярно-уральской геологии. Старший геолог, начальник партии, автор геологических карт главной минерагенической структуры района — Неройской

хрусталеносной полосы. В послевоенный период составляла детальные геологические карты месторождений горного хрусталя на Алдане и Южном Урале;

Петрунин Герман Петрович (1901 г. р., ЛГУ) — геолог, начальник Тематической партии и главный геолог экспедиции. После войны — главный геолог Алданской и Южно-Уральской экспедиций;

Подольский Василий Петрович (1899 г. р., ЛГИ, 1931) — главный инженер экспедиции. Впоследствии работал главным инженером Вилуйской и Южно-Уральской экспедиций, начальником Средне-Азиатской экспедиции и Ленинградской лаборатории;

Полукаров Пётр Александрович — главный инженер экспедиции, погиб в конце 1943 г. в горах при переходе с горной базы Парнук на месторождение Омега-Шор;

Смирнова Валентина Александровна (1919 г. р., н. в. о.) — уже упомянутая выше. Студенткой Ленинградского госуниверситета приехала весной 1941 г. в экспедицию на практику. Вся её производственная и научная деятельность связана с горным хрусталём Приполярного Урала;

Хотенок Моисей Менделевич (1908 г. р., ЛГИ) — начальник партии, главный инженер экспедиции. Составитель одного из первых методических указаний по поискам и разведке месторождений горного хрусталя (1941). Впоследствии — начальник Ленинградской лаборатории ВНИИП, кандидат геолого-минералогических наук.

Среди геологов, отдавших в годы войны много сил и энергии изучению и освоению месторождений горного хрусталя Приполярного Урала также необходимо отметить: *Азарных А.Д., Боч С.Г., Бочкарёву М.В., Буссен И.В., Галайдина А.Я., Глазова А.В., Глуценко А.А., Добрынина П.А., Есина Н.В., Иньшина Е.Д., Клейнер М.Н., Ключкова В.Т., Коробова И.Н., Малиновского В.И., Осадчева В.Я., Полякову Е.Д., Свирида В.Л., Тертышникова П.А., Токмакова П.П., Цыганова Е.М.*

Большую работу проводили топографы: *Антонова М.А., Кличко М.В., Наумчик С.А., Федюкович А.Г.* Первыми, заходя на площади поисков, они, кроме своей основной работы по составлению топографических карт и планов, нередко выявляли развалы кварцевых жил и россыпи кристаллов горного хрусталя, которые уже затем оценивались геологами.

3.6. СРЕДНЕ-УРАЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В начале войны Средне-Уральская экспедиция имела в своём составе пять партий, одна из которых — Кочкарская поисково-разведочная партия вела работы на Светлинском месторождении пьезокварца, выявленном в 1939 г. на Южном Урале в районе г. Пласт. В те годы это было наиболее крупное подразделение Средне-Уральской экспедиции, где трудились около 200 человек. Перспективы Светлинского месторождения, которое давало реальное сырьё, требовали увеличения здесь поисковых и разведочных работ. Естественно, происходило это за счёт сокращения или прекращения работ в других партиях, поэтому к 1944 году в Средне-Уральской экспедиции осталась одна Кочкарская партия, которая в 1942 г. была преобразована в разведочно-эксплуатационную, а численность её снизилась до 115 человек. За годы войны на Светлинском месторождении было выявлено восемь промышленных россыпей, из которых сразу добывалось высококачественное пьезооптиче-

ское сырье. В 1941 г. добыча, как и в довоенный период, велась старательским способом, затем руководство экспедиции отказалось от старателей и эксплуатировала месторождение собственными силами.

В первый год войны на Светлинском месторождении было добыто 34 кг моноблоков пьезокварца. В дальнейшем Кочкарская партия добывала порядка 100 кг моноблоков пьезокварца (как правило, высших сортов) при численности рабочих 100–150 человек и 10–15 ИТР.

Наибольший вклад в освоение Светлинского месторождения в годы войны внесли:

Кармаев Сергей Прокопьевич — старший инженер Кочкарской партии.

С 1944 г. работал начальником Волынской экспедиции;

Морозов Валентин Николаевич (1910 г. р., н. в. о.) — бессменный начальник Кочкарской партии, первооткрыватель Светлинского месторождения. После войны он работал начальником Южно-Уральской, Средне-Азиатской и Средне-Уральской экспедиций;

Шарманов Пётр Григорьевич (1910 г. р., н. в. о.) — начальник поисково-разведочного отряда, первооткрыватель Светлинского месторождения.

Самоотверженно трудились на разведке и эксплуатации Светлинского месторождения геологи **Болдырева А.М., Степанова Е.**, прорабы **Пряхин М.Н.** и **Стародубцев И.С.**, горный десятник **Юрков М.И.**, топограф **Жителев М.И.**

3.7. ПАМИРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Основные объекты работ экспедиции в годы войны находились в Ванч-Язгулемском районе, это месторождения: Оудуи, Барнавадж, Лянгар, Гуджигас, Миона-Дара, Джауваси. Все они находятся в труднодоступной, высокогорной местности на высоте более 3000 метров. Полевой сезон очень короткий — 2,5–3 месяца. Дорога была только до кишлака Ванч, где находилась полевая база экспедиции, а дальше груз доставлялся выюком на ишаках и уже на участки работ — носильщиками.

Первые два года войны Трест выполнял планы поставок пьезокварца благодаря самоотверженной работе Памирской экспедиции. Так, при плане на 1942 год в 300 кг моноблоков пьезокварца, было добыто 820 кг. Такого в истории экспедиции больше никогда не было.

Из приказа Треста № 13 «О результате деятельности за 1942 год»:

«Первое место по результатам заняла Памирская экспедиция (начальник экспедиции — инженер-геолог тов. Мининберг В.А., главный инженер — кандидат геологических наук тов. Морозенко Н.К.).

Несмотря на значительные затруднения из-за отсутствия бензина с переброской к местам работ взрывчатки, снаряжения и продовольствия, с доставкой рабочих на месторождения Памирская экспедиция, мобилизовав весь коллектив рабочих и ИТР на работу от зари до зари, без выходных дней, широко применяя новые методы горных выработок и стахановские формы труда, обеспечила перевыполнение плана более чем в 2,5 раза и тем самым обеспечила выполнение Трестом программы в целом по кварцу».

В дальнейшем Памирская экспедиция до конца войны при численности 250–300 человек рабочих и 40–50 ИТР добывала 300–400 кг моноблоков. Себестоимость памирского пьезокварца была самой высокой в Тресте.

В феврале 1944 г. 78 инженерно-технических работников и рабочих-стахановцев Памирской экспедиции «за перевыполнение программы добычи

оборонного сырья» были награждены Почётной грамотой Верховного Совета Таджикской ССР.

Основной состав ИТР экспедиции был ленинградским, причём большинство из них было альпинистами. Это позволяло им успешно проводить работы в условиях высокогорья на высотах до 4500 м. Камеральная работа в годы войны проводилась на месте — в кишлаке Ванч и Сталинабаде.

Большой вклад в освоение месторождений горного хрусталя в условиях высокогорного Памира внесли:

Андреев Евгений Гаврилович (1904 г.р., ЛГИ) — ветеран памирской геологии, начальник и техрук партии, главный инженер экспедиции. После войны — начальник Горно-Алтайской экспедиции и снова техрук горных работ Памирской экспедиции;

Бархатов Борис Петрович (1916 г.р., ЛГУ, 1940) — начальник отряда и партии, в последний год войны занимал должность главного геолога Памирской экспедиции. Известный исследователь и знаток геологии Таджикистана, впоследствии доктор геолого-минералогических наук, профессор ЛГУ. Участник второй советской Антарктической экспедиции;

Гурьев Юрий Михайлович (1913 г.р., ЛГИ) — техрук и начальник партии, впоследствии работал главным инженером Волынской, Алданской, Аламджахской и Полярно-Уральской экспедиций;

Мининберг Вульф Абрамович (1910 г.р., МГРИ, 1936) — начальник экспедиции с 1942 г. Ежегодно весь полевой сезон проводил на объектах работ. После войны по состоянию здоровья выехал с Памира и переведён в трест «Арктикразведка», где работал начальником экспедиции;

Морозенко Николай Константинович (1902 г.р., ЛГИ, 1932) — главный геолог, затем главный инженер экспедиции. В 1945 г. назначен главным геологом Треста № 13;

Никитичев Павел Иванович (1915 г.р.) — начальник отряда и партии. После войны занимал должность главного геолога Памирской экспедиции, затем был директором Всесоюзного института пьезооптического сырья (ВНИИП), по линии научно-технического сотрудничества работал на пьезокварцевых месторождениях Китая, кандидат геолого-минералогических наук;

Петров Пётр Дмитриевич (1908 г.р., ЛГИ) — начальник партии. После войны — главный инженер экспедиции, работал в ленинградской группе ВНИИП;

Соколов Яков Николаевич (1913 г.р., ЛГИ, 1937) — техрук партии, первооткрыватель двух месторождений пьезокварца на Памире. Впоследствии работал на разведке месторождения пьезокварца Акташ в Казахстане. Крупный специалист по геологии месторождений горного хрусталя, автор сводки по месторождениям пьезокварца СССР.

Среди геологов, отдавших в годы войны много сил и энергии изучению и освоению месторождений горного хрусталя Памира также необходимо отметить: *Великославинского Д.А., Венедиктова С.Н., Гурьянова К.Ф., Долженко В.И., Захарченко А.И., Кошница А.С., Кузьмина Н.А., Майорова А.Н., Масленникова И.Т., Мышкина П.В., Рабкина М.И., Сергеева В.И., Смирнова Л.П.*

3.8. АХАЛЦИХСКИЕ АГАТОВЫЕ РАЗРАБОТКИ

Ахалцихские агатовые разработки вошли в состав Треста № 13 в 1938 г. Продукцией разработок являлся технический агат — однородный неяснослоистый халцедон, который благодаря высокой прочности, вязкости, слабой истираемости, стойкости к агрессивным средам, был остро необходим зарождающейся советской часовой промышленности, приборостроению и точной механике. Добытое сырьё из Ахалцихе поступало на завод Точных технических камней № 1, находившемся в ведении Треста № 13, в Старом Петергофе, где для указанных отраслей промышленности изготавливались подпятники, опорные призмы, фильеры, ступки.

В годы войны завод, фактически находящийся в блокадном Ленинграде, не работал, а технический агат поставлялся Трестом на заводы Наркомата миномётного вооружения в объёме 25–30 тонн в год. Заводы получали агат стабильно и в достаточном количестве, несмотря на то что, техническая оснащённость разработок сильно упала — применялся только ручной труд: отбойка пород кувалдой и ломами, откатка тачками, доставка на железнодорожную станцию гужевым транспортом.

В 1943 г. Трест распорядился обеспечить распиловку всего агата на месте, чтобы резко сократить перевозки и повысить качество сырья, поставляемого Наркомату миномётного вооружения. Из-за отсутствия станков и твёрдосплавного инструмента распиловку агата в Ахалцихе до конца войны наладить не удалось.

Геологоразведочные работы на месторождении во время войны не велись.

На разработках трудилось (кроме 2–3-х инженеров) местное население, которое обеспечивало себя продуктами питания с личных подсобных хозяйств.

Бессменным руководителем Ахалцихских агатовых разработок с 1938 г. по 1962 г. был опытный руководитель и хозяйственник, горный инженер *Хачбабян Сергей Абгарович* (1904 г. р.).

4. ГЕОЛОГИ-ФРОНТОВИКИ

Собственно, фронтовиков-геологов — работников Треста № 13 было относительно мало. Решением Государственного комитета обороны призыв геологов в армию был ограничен. Старые работники геологической отрасли даже говорили: «Геологов на войну не брали». Действительно, большая часть специалистов-геологов подпадала под бронирование. Это позволило в значительной мере обеспечить ритмичную работу по поискам, разведке и добыче полезных ископаемых.

В послевоенный период ряды работников Треста, как и всех отраслей, предприятий и организаций народного хозяйства страны, пополнились сотнями и тысячами фронтовиков. Это были служащие, очень много рабочих и геологи-специалисты — молодые люди, пришедшие с фронта, окончившие геологические вузы и техникумы. В Трест они пришли сформировавшимися личностями, закалёнными трудностями фронтовой жизни, неприхотливыми к бытовым условиям. Именно это поколение обеспечило все достижения «золотого века» отечественной геологии в 50–70-х годах прошлого века.

Им выпала судьба вернуться живыми в отличие от миллионов соотечественников, павших на полях сражений Великой Отечественной войны. Мы помним с каким чувством благоговения и скорби они вспоминали своих по-

гибших фронтовых товарищей. И наша задача сейчас сохранить переданную нам фронтовиками память и передать её подрастающему поколению.

Учитывая специфику материала, в приведённых ниже персоналиях геологов-фронтовиков указаны только их боевые награды. В дальнейшем за многолетнюю, добросовестную работу в геологической отрасли и достижения в труде они будут отмечены не менее высокими и значимыми наградами и званиями. Но это тема уже для других рассказов.

Сотрудников и посетителей «Музея Самоцветы» в центральном зале экспозиции встречает портрет Министра геологии СССР, академика **Сидоренко Александра Васильевича** — фронтовика, участника Сталинградского сражения. Именно он (по образованию геолог-минералог), был инициатором создания салона «Цветные камни» — предшественника Музея.

К сожалению, здесь не хватает портрета другого человека **Туринге Ариса Петровича** — руководителя ВПО «Союзкварцсамоцветы», единомышленника Министра, знатока и ценителя самоцветов и коллекционных минералов.

Со школьной скамьи, приписав себе год жизни, он ушёл в ноябре 1944 г. добровольцем в Красную Армию. Принимать участия в боях ему не пришлось — он служил рядовым миномётчиком в запасном полку в Польше и Германии. После окончания войны он был по болезни демобилизован, вернулся на родину, где закончил 10-й класс средней школы. Формально Арис Петрович был участником войны, так как был в действующей армии в период военных действий, но из-за своей скромности таковым он сам себя не считал — его окружали люди, действительно принимавшие участие в боях и ему было неудобно причислять себя к фронтовикам. Окружающие это ценили.

А теперь кратко вспомним некоторых геологов-фронтовиков, работавших после войны в организациях Гостреста № 13 и его преемников. Их было много, но мы упомянем только значимые в истории нашего Объединения лица — по алфавиту, независимо от их званий, фронтовых наград, послевоенных должностей и учёных степеней. Всех их объединяет одно — они были ТАМ.

Бабин Аркадий Иванович (1927 г. р.) — призван в РККА в 1944 г. Рядовой-шофёр. Воевал в составе 5-й воздушной армии и 17-й общевойсковой армии на Кубани, Украине, на Дальнем Востоке. Награждён медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За Победу над Японией». Демобилизован в 1951 г. В 1958 г. окончил МГРИ, геолог. Работал геологом, начальником партии, главным геологом и начальником экспедиции «Шпат». Работал в Монголии по линии технического содействия.

Бахур Евстафий Акимович (1919 г. р.) — до войны закончил Житомирский горный техникум. В 1939 г. призван в ряды РККА, и после учёбы в Хабаровской школе младших авиаспециалистов служил стрелком-радистом в авиачастях Дальневосточного фронта. Участник боевых действий в Манчжурии. Награждён медалями «За отвагу» и «За Победу над Японией». Демобилизован в марте 1946 г. После войны работал в Волынской экспедиции горным мастером, начальником добычного участка, затем переведён на Урал, где работал начальником партии и главным инженером Светлинской экспедиции. В 1963 г. закончил Магнитогорский горно-металлургический институт, горный инженер. В 1959–1974 гг. — начальник экспедиций № 112 и № 111 в Казахстане, руководил разведкой месторождений горного хрусталя, жильного кварца и цветных камней.

Горский Сергей Петрович (1923 г.р.) — добровольцем ушёл на фронт в 1942 г. В составе Волжской и Днепровской военных флотилий принимал участие в Сталинградском сражении, освобождении Украины и стран Восточной Европы. Матрос. Награждён медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Демобилизован в декабре 1947 г. и поступил в Московский геологоразведочный институт, который закончил в 1953 г., горный инженер-геолог. Работал геологом и начальником партии в Среднеазиатской и Казахстанской экспедициях на поисках месторождений горного хрусталя и оптического флюорита. Позже работал старшим геологом Тематической партии треста «Цветные камни».

Григорьев Порфирий Эммануилович (1905 г.р.) — в 1931 г. окончил Московский геологоразведочный институт, горный инженер-геолог. До войны работал начальником экспедиции в Дальстрое, управляющим трестом «Цветметразведка», зам. начальника отдела в Госплане СССР. В июле 1941 г. добровольно вступил в РККА. Воевал на Западном, Брянском, Калининском и 1-м Прибалтийском фронтах. Старшина, командир взвода. Награждён орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В декабре 1944 г. решением ГКО отозван из действующей армии и в составе группы специалистов направлен в распоряжение НКВД СССР, где принимал участие в работах по «урановому проекту» — заместитель начальника Саксонской горно-рудной партии. В дальнейшем работал в системе Министерства геологии — начальник геологоразведочной экспедиции в Казахстане, заместитель начальника 1-го Главного управления МГ СССР. В 1962–1968 гг. — начальник 6-го Главного управления Мингео СССР. При нём в Объединении был организован трест «Цветные камни», который развернул широкие поисково-разведочные и добычные работы на камнесамоцветное сырьё.

Гриценко Владимир Яковлевич (1924 г.р.) — призван в РККА в августе 1942 г. После ускоренного курса обучения в артиллерийском училище в должности командира огневого взвода противотанковой артиллерии с 1943 г. участвовал в боях в составе 3-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов. Войну окончил в звании ст. лейтенанта, имеет ранения. Награждён орденом Красной Звезды, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Демобилизован в июне 1946 г. После войны получил специальность топографа и работал в Амакинской экспедиции на поисках алмазов. С 1962 г. работал в экспедиции № 20 начальником топоотряда, старшим геодезистом и заместителем начальника экспедиции.

Замалетдинов Равиль Сергеевич (1925 г.р.) — призван в РККА в январе 1943 г. из 10-го класса школы. После окончания Сретенского пехотного училища направлен на фронт, где в качестве командира стрелкового взвода участвовал в боях по освобождению Белоруссии и в Восточной Пруссии; командиром миномётного взвода в составе Забайкальского фронта участвовал в разгроме Квантунской армии. Лейтенант. Демобилизован в марте 1946 г. Награждён орденом Красной Звезды, медалями «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне

1941–1945 гг.» и «За победу над Японией». После окончания Иркутского горно-металлургического института работал геологом, начальником участка на разведке и эксплуатации месторождений олова в Монголии (АО «Совмонголметалл»), затем в тресте «Востцветметразведка» и в экспедициях Иркутского геологического управления. С 1966 по 1987 гг. — бессменный главный геолог партии, а затем экспедиции № 123 (с 1978 г. — «Байкалкварцсамоцветы»). Под его руководством создана минерально-сырьевая база цветных камней Восточной Сибири, главные из которых месторождения нефрита, лазурита, чароита, ювелирного турмалина. Первооткрыватель Оспинского месторождения нефрита в Восточных Саянах, кандидат геолого-минералогических наук.

Карпунин Александр Дмитриевич (1923 г.р.) — призван в РККА в октябре 1941 г. рядовой танковой бригады 20-й армии Западного фронта, участник обороны Москвы. В январе 1942 г. тяжело ранен и год находился на излечении в госпиталях. Награждён медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После войны закончил геологоразведочный техникум, работал на Камчатке начальником сейсморазведочной партии и геофизической экспедиции. С 1966 по 1970 гг. работал заместителем управляющего трестом «Цветные камни».

Кашиев Николай Иванович (1918 г.р.) — в 1940 г. окончил МГРИ (инженер-геолог) и направлен на работу в Дальневосточное геологическое управление. В сентябре 1940 г. призван в ряды РККА. В годы войны служил в войсках Дальневосточного фронта в конной артиллерии, в штабе 1-й Краснознамённой армии. В 1945 г. принимал участие в боевых действиях по разгрому Квантунской армии в Манчжурии — начальник передвижного склада топографических карт 1-го Дальневосточного фронта. Капитан. Награждён орденом Красной Звезды и медалью «За победу над Японией». Демобилизован в июне 1946 г., после работал начальником инженерно-геологического поезда Северо-Кавказской железной дороги, затем в Дальстрое — начальником партии и экспедиции на Колыме. С 1962 г. работал в системе Всесоюзного Шестого производственного объединения (в будущем ВПО «Союзкварцсамоцветы») начальником геологического отдела и начальником Комплексной геологической экспедиции, в составе которой в 1973 г. был организован салон «Цветные камни». Внёс значительный вклад в организацию этого салона. Впоследствии работал начальником геологического отдела ВНИИСИМСа, кандидат геолого-минералогических наук.

Киевленко Евгений Яковлевич (1923 г.р.) — призван в РККА в октябре 1943 г. из Охотской экспедиции Дальстроя (работал коллектором) и направлен в Шкотовское пехотное училище, после окончания которого в должности замкомвзвода участвовал в боях по освобождению Южного Сахалина. Сержант. Награждён медалью «За Победу над Японией». Демобилизован в декабре 1945 г. и в 1946 г. поступил в Московский институт цветных металлов и золота (МИЦМиЗ), после окончания которого, в 1951 г. направлен на работу геологом в Волынскую экспедицию. В дальнейшем работал начальником партии и главным геологом Нижне-Тунгусской экспедиции на поисках исландского шпата, начальником геологического отдела Всесоюзного НИИ пьезосырья (ВНИИП), главным

геологом 6-го Главного управления и экспедиции «Центркварцсамоцветы». Доктор геолого-минералогических наук, профессор, крупнейший специалист в области геологии и освоения месторождений пьезооптического и камнесамоцветного сырья, лауреат Государственной премии СССР, первооткрыватель двух месторождений исландского шпата.

Кондрашов Сергей Никитович (1915 г.р.) — призван в армию в 1939 г. где и встретил войну. Служил в штабе ВВС Московской зоны ПВО, участник обороны Москвы, затем обеспечивал перелёты маршевых авиаполков из тыловых округов на фронт. Войну закончил капитаном, награждён медалями «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После войны получил специальность геофизика, работал в геологоразведочных организациях. С 1965 г. — заведующий геофизическим отделом ВНИИСИМС. Ведущий специалист страны по геофизическим методам поисков и разведки кварцевого и самоцветного сырья, кандидат геолого-минералогических наук. За разработку пьезоэлектрического метода поисков и разведки месторождений полезных ископаемых ему присуждена Государственная премия СССР.

Котов Николай Иванович (1918 г.р.) — призван в РККА в октябре 1941 г. с 3-го курса Московского института цветных металлов и золота (МИЦ-МиЗ). Закончил курсы при Военной академии химзащиты, лейтенант. Воевал на разных фронтах, имеет тяжёлое ранение. Награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, медали «За оборону Кавказа» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Демобилизован в ноябре 1945 г. В 1947 г. завершил обучение в институте, горный инженер. Работал начальником участка и шахты в АО «Висмут», в 6-м Главке — старший инженер, затем начальник горно-технического отдела.

Краснов Александр Григорьевич (1922 г.р.) — призван в РККА в 1942 г. Воевал на Сталинградском, Воронежском и 1-м Украинском фронтах в пехоте сначала рядовым, а после окончания ускоренных пехотных курсов командиром стрелкового и миномётного взводов. Участник освобождения Украины, Польши, боёв в Германии, войну закончил гвардии лейтенантом. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Демобилизован в декабре 1946 г. После окончания в 1951 г. технологического техникума работал на стройках и в коммунальном хозяйстве, с 1961 г. — в организациях Министерства геологии СССР. С 1975 по 1983 гг. — начальник отдела капитального строительства, затем техрука производственно-технического отдела экспедиции «Экспортсамоцветы». Внёс большой вклад в материально-техническое обеспечение салона «Цветные камни» и экспозиции Музея.

Куварзин Анатолий Иванович (1923 г.р.) — призван в РККА в 1942 г. Пехотинец, воевал в составе стрелковых частей 2-го Украинского фронта, демобилизован в феврале 1944 г. по тяжёлому ранению. Награждён медалями «За боевые заслуги», «За отвагу» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1951 г. закончил МГРИ, горный инженер-геолог. Работал начальником партии в тресте «Арк-

тикразведка» на Новой Земле, во ВНИИПе, участник 2-й Советской Антарктической экспедиции в 1956–1957 гг., принимал активное участие в геологоразведочных работах по линии научно-технического сотрудничества за рубежом (Албания, Мали, Иран). В 1973 г. назначен директором вновь образованного салона «Цветные камни», бессменный руководитель экспедиции «Экспортсамоцветы» (до 1984 г.). Внёс значительный вклад в создание и пополнение экспозиции «Музея Самоцветы».

Прупис Павел Михайлович (1921 г.р.) — призван в РККА в 1939 г. Войну встретил зенитчиком 2-го корпуса ПВО. В годы войны — командир орудия, заместитель командира огневого взвода ПВО Ленинграда, старшина. Награды: орден Красной Звезды, орден Славы III степени, медали «За оборону Ленинграда» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Демобилизован в ноябре 1945 г. В 1953 г. закончил Ленинградский горный институт, горный инженер-геолог. После окончания института работал геологом, начальником партии и главным инженером экспедиции № 112 в Казахстане на разведке месторождения горного хрусталя Актас, главным инженером экспедиции № 101 на Урале, начальником экспедиции № 118 на Приполярном Урале и начальником экспедиции № 121 в Ленинграде.

Самсонов Яков Павлович (1926 г.р.) — добровольцем вступил в РККА в 1942 г. Рядовым автоматчиком принимал участие в боях на Донском, 3-м Украинском, Северо-Западном, 1-м Прибалтийском фронтах. После ранения направлен в ВВС, где воевал стрелком в штурмовых авиаполках. Войну закончил в Венгрии в звании сержанта. Награды: орден Отечественной войны I степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После войны окончил геологоразведочный факультет Новочеркасского политехнического института и работал в Казахстане. В 1970-х гг. руководил во ВНИИ-СИМСе геологическим отделом. Специализировался на изучении цветных камней, издал в соавторстве с А.П. Туринге монографию «Самоцветы СССР», доктор геолого-минералогических наук, лауреат Государственной премии СССР.

Сенкевич Николай Николаевич (1917 г.р.) — закончил МГРИ в январе 1941 г., инженер-геолог. В июне 1941 г. призван в РККА и прошёл ускоренный курс обучения в Артиллерийской академии им. Дзержинского, после чего в январе 1942 г. командиром взвода направлен на фронт. Воевал в составе десантного батальона. При выходе из окружения под Сталинградом в августе 1942 г. попал в плен, находился в лагерях для военнопленных в Германии и Норвегии. После освобождения из плена прошёл спецпроверку и возвращён в армию командиром взвода в звании лейтенанта. Демобилизован в декабре 1945 г. Награждён юбилейными медалями уже в 1960-х годах. С 1946 г. работал в системе Треста № 13 — Объединения «Союзкварцсамоцветы» в должностях начальника партии, главного геолога экспедиций в Казахстане, Закавказье, Туве. Работал в Монголии по линии научно-технического сотрудничества. В должности главного геолога Тематической партии треста «Цветные камни» составил первые сводки месторождений камнесамоцветного сырья СССР, крупнейший знаток этих месторождений. Соавтор (вместе с Е.Я. Киевленко и

А.П. Гавриловым) известных монографий по геологии месторождений поделочных и драгоценных камней.

Смульский Игорь Яковлевич (1924 г. р.) — в 1941 г. из Московской специальной артиллерийской школы № 3 направлен в Миномётно-артиллерийское училище им. Красина. С марта 1942 г. воевал в составе гвардейских частей реактивной артиллерии Юго-Западного, Воронежского, Сталинградского и Украинских фронтов. Начальник разведки дивизиона, командир батареи, старший лейтенант. Освобождал страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Награды: орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, медали «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Белграда», «За взятие Будапешта», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Демобилизован в октябре 1946 г. в звании капитана и поступил во МГРИ, откуда перевёлся после зимовки на острове Новая Земля во Всесоюзный заочный политехнический институт. С 1962 г. работал в системе 6-го Главного управления — главным геологом партии, экспедиции № 107 (Алдан) и экспедиции № 105 (Приполярный Урал).

Стоялов Сергей Петрович (1926 г. р.) — призван в РККА в 1943 г. Принимал участие в боевых действиях при освобождении Белоруссии, Прибалтики. Имеет ряд боевых наград, в том числе награждён медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Демобилизован в августе 1945 г. по ранению. В 1952 г. окончил МГРИ, геолог. Работал геологом, начальником партии в Новоземельской экспедиции треста «Арктикразведка», в экспедиции № 3 ВАГТа, начальником партии и начальником экспедиции № 109, начальником Тематической партии треста «Цветные камни».

Трифонов Николай Владимирович (1918 г. р.) — в 1941 г. после окончания геологического факультета Молотовского госуниверситета, призван в РККА. Воевал в составе Уральского добровольческого танкового корпуса, старший лейтенант, зампотех танковой роты. Участник обороны Сталинграда и штурма Берлина. Награды: орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Демобилизован в сентябре 1945 г., работал начальником геологосъёмочных и крупных геологоразведочных партий Уральского геологического управления. В 1963–1974 гг. — начальник экспедиции № 101 на Урале, ведущей разведку крупнейших месторождений горного хрусталя и жильного кварца.

Филиппов Николай Иванович (1925 г. р.) — призван в РККА в 1943 г. Принимал участие в боевых действиях в составе стрелковых частей 3-го Белорусского фронта и Дальневосточного фронтов, сержант. Награждён медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За победу над Японией». После войны служил в частях, дислоцированных в Китае. Демобилизован в мае 1947 г. В 1954 г. окончил Ленинградский горный институт, горный инженер. После окончания института работал на полиметаллических рудниках Восточного Казахстана. В 1971–1984 гг. — главный инженер, а затем директор Волынского рудника (с 1977 г. — производственное объединение «Западкварцсамоцветы»).

Харин Михаил Яковлевич (1915 г. р.) — в 1941 г. окончил Воронежский госуниверситет и направлен в Дальстрой, откуда в июле 1941 г. был призван в РККА. Окончил ускоренный курс Артиллерийской академии им. Дзержинского и с 1942 г. воевал на Ленинградском, 1-м Прибалтийском и 2-м Белорусском фронтах. Лейтенант, командир огневого взвода, начальник артснабжения полка. Войну закончил капитаном, помощником начальника штаба артиллерийской бригады. Награждён орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Демобилизован в мае 1946 г. и направлен в Алданскую экспедицию, где работал геологом, начальником партии, главным геологом экспедиции. С 1961 по 1986 гг. — начальник экспедиции № 107 (с 1978 г. — ГРЭ «Востоккварцсамоцветы»). Под его руководством экспедиция разведывала и разрабатывала крупнейшие месторождения горного хрусталя и цветных камней — чароита, хромдиопсида, аметиста, сердоликов. Первооткрыватель месторождения пьезокварца Перекатное, «Заслуженный геолог Якутской АССР».

Цинобер Леонид Иосифович (1924 г. р.) — призван в РККА весной 1942 г. с 1-го курса геологического факультета МГУ. После обучения в составе первого гвардейского кавалерийского корпуса с августа 1943 г. принимал участие в боях по освобождению Украины, после воевал в отдельной роте связи, форсировал Днепр, освобождал Польшу, Германию, Чехословакию, ликвидировал банды бандеровцев на Западной Украине. Рядовой, два раза тяжело ранен. Награждён орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Демобилизован в декабре 1945 г., восстановился в МГУ, который закончил в 1951 г. и направлен в Алданскую экспедицию, где работал геологом. В 1954 г. переведён в лабораторию синтеза кварца ВНИИП, которую возглавил в 1958 г. после А.А. Штернберга. Кандидат геолого-минералогических наук. Лауреат Ленинской премии (в составе группы сотрудников ВНИИП за разработку и внедрение в промышленность технологии синтеза пьезокварца) и Государственной премии СССР (за создание технологии выращивания цветного кварца).

Шибанов Павел Никитич (1929 г. р.) — в 1943–1944 гг. учился в Школе юнг Северного флота на Соловецких островах, затем служил радиотелеграфистом на кораблях эскадры Черноморского флота. Награждён медалями «За оборону Заполярья» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Демобилизован в 1951 г. В 1957 г. окончил Свердловский горный институт, горный инженер-геолог. Работал старшим геологом и начальником партии экспедиции № 101 на Урале. В 1972–1976 гг. — главный инженер и начальник экспедиции № 120, ведущей геологоразведочные работы на цветные камни в Средней Азии.

Штернберг Алексей Александрович (1911 г. р., ЛГУ, 1937) — до войны работал геологом в тресте «Русские самоцветы» и руководителем группы в цехе кристаллосырья ГОИ. В первые дни войны призван в РККА, но уже в сентябре 1941 г. отозван с фронта и организовал в блокадном Ленинграде промышленное выращивание кристаллов сегнетовой соли для различных акустических приборов, применяемых в армии и на флоте. Награж-

дён медалью «За оборону Ленинграда». Впоследствии — заведующий лабораторией ВНИИП, доктор геолого-минералогических наук. Первый в СССР получил в 1956 г. кристаллы синтетического кварца, лауреат Ленинской премии.

В настоящее время нам известно только несколько геологов, которые ушли на фронт из экспедиций Гостреста № 13 и вернулись в него после войны. Вот некоторые из них.

Ануфриев Юрий Николаевич (1920 г. р.) — до войны учился в Московском геологоразведочном институте и работал коллектором и прорабом-геологом на Волыни и Среднем Урале. Добровольцем вступил в армию осенью 1941 г. Воевал в должности заместителя политрука роты в составе парашютно-десантных частей на Сталинградском, Украинском и Прибалтийском фронтах. Войну закончил в Прибалтике в звании гвардии старшины, имеет ранения. Награждён медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» После войны работал геологом и начальником партии на Урале, в 1952 г. окончил Свердловский горный институт, горный инженер-геолог. В 1954–1955 гг. работал в КНДР по оценке территории страны на пьезосырьё. В должности главного геолога Южно-Уральской экспедиции руководил разведкой открытого им совместно с Ф.К. Кашкуровым в 1946 г. крупнейшего в СССР Астафьевского месторождения пьезокварца. С 1964 г. работал зав. сектором пьезооптического сырья ВНИИСМС. Кандидат геолого-минералогических наук.

Зайцев Николай Максимович (1915 г. р.) — до войны работал начальником участка Полярно-Уральской экспедиции. Призван в РККА в августе 1941 г. В 1944 г. в боях по освобождению Украины под Ровно попал в плен, содержался в трудовом лагере в Австрии. Освобождён в 1945 г. союзниками, прошёл проверку и возвращён в армию. В декабре 1945 г. вернулся в Трест № 13 и направлен прорабом разведочных работ в Алданскую экспедицию. За мужество и героизм, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны награждён медалями «За отвагу» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в 1960-е годы награждён юбилейными медалями. В дальнейшем работал начальником партий в Алданской и Тувинской экспедициях 6-го Главного управления МГ СССР.

Пономарёв Пётр Сергеевич (1907 г. р.) — до войны работал коллектором в Полярно-Уральской экспедиции. После войны окончил курсы горных техников и вернулся в Полярно-Уральскую экспедицию, работал начальником участка. За мужество и героизм, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны награждён орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Синельников Борис Александрович (1909 г. р., ЛГРТ) — геолог-разведчик, до войны работал начальником Майдантальской партии (Узбекистан) Треста № 13. После войны работал начальником отряда и партии в Полярно-Уральской экспедиции. Первооткрыватель месторождения. За мужество и героизм, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны, награждён орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги»,

«За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1950-е годы работал начальником Аламджахской экспедиции, проводившей поисково-разведочные работы на исландский шпат в Якутии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К сожалению, мы не смогли рассказать о трудовых и ратных делах многих и многих работников Гостреста № 13 (в конце войны численность работников Треста составляла более 1500 человек, из них около 200 специалистов — геологов, горных инженеров, коллекторов, обогатителей), которые в неимоверно тяжёлых условиях военного времени обеспечивали оборонную промышленность нашей страны стратегическим минеральным сырьём.

Для геологов всех послевоенных поколений, в том числе и нашего времени, их героический труд, самоотверженность, целеустремлённость и способность преодолевать любые трудности, будет постоянным и жизнеутверждающим примером профессионализма и беззаветного служения Родине. Эффективность геологоразведочных работ военных лет, при минимальной технической оснащённости партий и экспедиций поражает — так работать могли только сильные, уверенные в своём предназначении люди, безоговорочно верящие в нашу ПОБЕДУ и сделавшие всё для её приближения.

Честь им и слава!

А наше дело — и дальше изучать архивы, выявлять и уточнять сведения об участниках войны — фронтовиках и работниках тыла; встречаться с их родственниками и, по возможности, собирать сохранившиеся воспоминания и фотографии военных лет, которые останутся благодарным потомкам.

Жильё геологов на одном из месторождений Алдана во время войны

Примечания:

1. В персоналиях указывается, если известно: год рождения, учебное заведение и год его окончания. Полнота сведений зависит от имеющихся у автора данных.

2. н. в. о. — неоконченное высшее образование в период войны. Как правило, курс обучения закончен после войны с защитой диплома.
3. Учебные заведения:
 - МГРИ — Московский геологоразведочный институт;
 - ЛГИ — Ленинградский горный институт;
 - ЛГУ — Ленинградский государственный университет;
 - СГИ — Свердловский горный институт;
 - САИИ — Среднеазиатский индустриальный институт (Ташкент);
 - ЛГРТ — Ленинградский геологоразведочный техникум.

КРАТКАЯ СПРАВКА О ВЕДОМСТВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И РЕОРГАНИЗАЦИИ ГОСТРЕСТА № 13 И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ

- Государственный Союзный Трест № 13 создан в июле 1937 г. в системе Наркомата оборонной промышленности (НКОП) СССР с подчинением пятому Главному управлению.
- При разделении НКОП на 4 наркомата в январе 1939 г. Трест № 13 вошёл в состав Наркомата авиационной промышленности (НКАП) СССР.
- В июне 1940 г. Трест № 13 передан из НКАП во вновь созданный Наркомат электропромышленности (НКЭП) СССР, в ведении которого находился все годы войны.
- В июне 1946 г. при разделении теперь уже Министерства электропромышленности Трест № 13 вошёл в состав Министерства промышленности средств связи (МПСС) СССР и в сентябре 1949 г. был реорганизован в восьмое Главное управление МПСС.
- В марте 1953 г. при ликвидации МПСС его восьмое Главное управление реорганизовано во Всесоюзный трест «Пьезокварц», который вошёл в состав вновь созданного Министерства электростанций и электропромышленности (МЭСЭП) СССР.
- В январе 1954 г. МЭСЭП ликвидировано и трест «Пьезокварц» вошёл в состав вновь созданного Министерства радиотехнической промышленности (МРТП) СССР в качестве его 10-го Главного управления, которое в августе 1957 г. перенумеровано в шестое Главное управление.
- В январе 1958 г. шестое Главное управление передано из МРТП в Министерство геологии и охраны недр СССР.
- В январе 1966 г. шестое Главное управление реорганизовано во Всесоюзное шестое производственное объединение (ВШПО) при Мингео СССР.
- В апреле 1977 г. ВШПО при Мингео СССР было преобразовано во Всесоюзное промышленное объединение (ВПО) «Союзкварцсамоцветы» Министерство геологии СССР.
- В сентябре 1987 г. ВПО «Союзкварцсамоцветы» переименовано в Государственное производственное объединение (ГПО) «Кварцсамоцветы».
- В апреле 1988 г. ГПО «Кварцсамоцветы» упразднено и создано Научно-производственное объединение (НПО) под тем же названием.
- В январе 1992 г. НПО «Кварцсамоцветы» ликвидировано как управленческая структура.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ЧЕРНЫШОВ

Алексей Иванович родился в 1953. В 1975 г. закончил Томский государственный университет по специальности «геохимия». После окончания университета был оставлен в качестве инженера на кафедре петрографии, с которой связан неразрывными узами по настоящее время. За это время занимал должности: инженера, старшего инженера, ассистента, старшего преподавателя, доцента. С 1997 г. он занимает должность заведующего кафедрой петрографии. В 2001 г. ему присвоено звание профессора. Круг его научных интересов тесно связан с проблемами минерагии и петрологии ультрамафитовых и мафит-ультрамафитовых комплексов. С 1971 г. по 2020 г. принял участие в 36 экспедициях в различные районы

Алтае-Саянской складчатой области, Урала, Забайкалья, Приморья, Камчатки и Казахстана. Защитил кандидатскую (1987) и докторскую (1999) диссертации. Автор более 250-ти работ. Подготовил 10 кандидатов наук. А.И. Чернышов награждён в 1999 г. значком «Отличник разведки недр», в 2000 г. — памятным знаком «300 лет Горно-геологической службе России», в 2013 г. — знаком «Почётный разведчик недр», в 2014 г. — медалью А.Е. Ферсмана «За заслуги в геологии».

ДНЕВНИК ОДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ПАРАМСКИЙ ГИПЕРБАЗИТОВЫЙ МАССИВ, ПОЛЕВОЙ СЕЗОН 1988 ГОДА

Итак, наш гипербазитовый отряд сформирован. После продолжительных дискуссий и дебатов в наш отряд вошли: А.И. Чернышов — начальник отряда, И.Ф. Гертнер — начальник группы, Е.Е. Пугачёва — начальник группы, И.Г. Сидоренко — студентка IV курса, М.А. Керкис — студент III курса и Н.Д. Захаров — студент IV курса, заменивший в последний момент А.А. Хондакову, которая состоит в отряде, и поехала в Салаирскую ГПП¹. Салаир — это второй этап нашего полевого сезона. А пока подготовка к отъезду завершена, всё готово к отправлению, которое намечено на 18 июня и которое стремительно приближается. Вещей 18 мест.

Томск–Парам (18–25 июня)

18 июня. Вечером на поезде Томск–Барнаул отбываем из Томска. Едем до Тайги. Начинаем сближаться благодаря нескончаемым разговорам обо всём. В Тайге пересадка, ждём Красноярского поезда.

19 июня. Ночь. Ждём свой поезд. Купив в буфете соки, а там больше не было ничего, и, закусив на перроне, продолжаем ждать и размышлять, на какой путь прибудет наш поезд, чтобы побыстрее загрузить вещи. Наконец, приходит поезд, мы быстро загружаемся. Увеличивается наша манёвренность. Разместившись в вагоне, насколько позволяли удобства, продолжаем наш путь. Продолжаем разговоры обо всём, но и не забываем вовремя пере-

¹ ГПП — геолого-поисковая партия (здесь и далее по тексту автора прим. А.А. Монгуша).

кусить, благо, что у многих оказалось достаточно много очень вкусных продуктов. Прибываем в Красноярск в обед. Простояли очередь за билетами дальше и купили на «Москва–Лена», на тот поезд, на который могли и в Томске взять, однако нам раньше не повезло. В Красноярске совершили небольшую экскурсию. Хотели попасть в кино, но не попали — все сеансы начинались или кончались не вовремя.

Побродив немного по городу, съели последний раз по мороженому. Возвращаемся на вокзал. Дожидаемся посадки на поезд и отправляемся дальше. Загрузка вещей ведётся с помощью транспортной тележки, чтобы увеличить нашу мобильность и манёвренность, хотя по прибытию в Красноярск нас за инициативу с тележкой чуть не оштрафовали. Но всё обошлось. Едем дальше. Вагон действует на всех по-разному. Одним спится, другие вяжут, а третьи читают и разговаривают, а иногда и всё сразу. Однако, поесть не забываем, благо еда всё не кончается. Наконец-то прибываем в Северо-Байкальск, ночью.

21 июня. По прибытии в Северо-Байкальск покупаем билеты дальше до станции Ангаракан¹. Однако, на дворе ночь и хочется спать. Расстелили спальные на вокзале среди багажных кабинок и продолжаем дремать, однако поспать не удаётся, испытываем неудобства, тесноту, хотя лучше плохо лежать, чем хорошо стоять. А поутру пристал товарищ милиционер, ему не нравилось, как мы лежим, но мы сразу не поддались. Однако он до нас упорно домогался, что пришлось согласиться и перетащить вещи в камеру хранения. У нас впереди ещё весь день, так как поезд идёт вечером. Мы идём гулять по городу. Сам город — это пятак с современными домами, а остальное — бараки, вагончики и другие захудалые постройки. Но зато у них в городе есть сахар и всякие конфеты, и в столовой кормят прилично. Докупаем необходимые вещи (посуду). Поболтавшись по городу, кому-то пришла мысль сходить в баню, что мы и сделали, после чего поужинали и идём на вокзал ждать поезда. Да, ещё днём побывали на Байкале, посмотрели на него. Вечером едем на поезде до Ангаракана (рис. 1, 2; фото 1).

Рисунок 1. Схема пути Северобайкальск–Парамский массив

¹ Река Ангаракан — левый приток Верхней Ангары. Интерес представляет эвенкийское — **кан**, используемое в названиях рек, в основном небольших. А в тувинском языке есть дамырак 'ручёёк' или 'небольшой кровеносный сосуд' и дамыр 'вена'. Можно предположить, что речная вода древними людьми рассматривалась в качестве крови, а реки, соответственно, кровеносных сосудов матери-Земли (тув. яз.: кан/хан — кровь, кем/хем — река; др.-греч.: һем — кровь (отсюда: гемоглобин, гематома и т. п.).

Рисунок 2. **Схема геологического строения Парамского ультрамафитового массива**
(составлена К.Ш. Шагжиевым (1972) с редакцией автора)

1 — четвертичные отложения; 2–5 — вулканогенные образования кильянской серии: 2 — метабазалты, метариолиты, туфы, туфоконгломераты, пестроцветные мрамора, 3 — метабазалты и андезибазалты; 4 — слабо метаморфизованные туфогенно-глинисто-карбонатные отложения; 5 — дациты, риолиты, туфы, туффиты, вулканические породы; 6 — выступы архейского фундамента; 7–8 — габброиды и гранитоиды Муйского комплекса; 9–11 — офиолитовая ассоциация: 9 — метабазальтово-сланцевая надпорожная толща: рассланцованные метабазалты, углеродисто-кремнистые и глинисто-карбонатные сланцы, 10 — амфиболиты и амфиболитизированные габбро-диабазы Надпорожного массива; 11–13 — ультрамафиты Парамского массива: 11 — серпентиниты, 12 — гарцбургиты, 13 — дуниты; 14 — разрывные нарушения: надвиги (а), прочие (б), 15 — геологические границы.

Фото 1
На берегу Байкала.
Слева направо: Лена
Пугачёва, Миша Керкис,
Коля Захаров, Инна
Сидоренко, Алексей
Чернышов (фото Игоря
Гертнер)

22 июня. Приехали в Ангаракан. Вагон быстро опустел, все пассажиры побежали к своим вахтовкам, ну а мы со своими вещами остались позади всех. Начинаем разведку — как ехать дальше. Стоят четыре вахтовки, ждут агитбригаду с музыкантами и космонавтами. Встречающие их комсомольцы ничего нам не обещают и не отказывают. Скоро прибывает агитпоезд. Из него выходят прилапанные музыканты, не всегда понятно, кто из них кто (мальчик или девочка). Однако, нам тут скоро повезло. Пришла вахтовка, которая будет отправляться до Окусикана, куда нам и надо. Быстро загрузившись, ждём отправления. Наконец-то едем.

Проезжаем через посёлок Тоннельный¹, где делаем остановку. Наши девочки решили погулять, но, как и везде, женщины не любят быстро гулять. В результате нам пришлось отправиться на поиски их, так как машина уже отправлялась. Благо, что посёлок небольшой и магазин рядом, поэтому их быстро нашли. Едем дальше через перевал до другого края железной дороги, откуда возят пассажиров, а через перевал только грузовые².

В Окусикане ждём своего поезда. Он стоит тут же и ждёт отправления. Сходили в очень хорошую столовую, где кормят очень прилично. Скоро на станцию приезжает агитпоезд, а за ним и музыканты, которые гуляют и осматривают сибирские достопримечательности. Их внешность у нас не вызывает доверия и поочерёдно в их сторону летят нехорошие шуточки.

Скоро нас проводник с проводницей (муж и жена) приглашают в вагон, взяв с нас деньги; с билетами не торопятся. Скоро состоялся с ними деловой разговор, они предложили уже использованные билеты. Им тоже хочется жить лучше, хотя получают они не меньше тысячи на двоих. Однако, они тут же предлагают нам чаю сколько хочешь и сахара сколько хочешь клади. Так что всё нормально идёт. Приближается ночь и вместе с ней и станция Витим.

23 июня. По расчётам проводника, на станцию должны были прибыть часа в 2 ночи. Однако в первом часу неожиданная остановка и нам говорят: «Быстро сходите, уже приехали». Так как у нас манёвренность была хорошо отработана, то это не заставило нас долго ждать. На станции Витим идёт дождь, а тут ещё, оказывается, нет даже вокзала. Станционный смотритель, женщина, нас пустила ночевать к себе домой в вагончик.

На утро дождь продолжился. После завтрака с жареными карасями устраиваемся на новом месте в вагончике без окон, но с крышей и палкой-затвором. Идём на гидропост, у которого в 1986 году был катер, и на который у нас вся надежда. Ведёт нас Миша, он тут уже бывалый. Гидропост на другой стороне Витима. Переходим мост и подходим к дому. Недалеко от дома, на берегу, стоит наша надежда — катер. Правда, у берега болтаются ещё две или три лодки. Встретил нас смотритель поста, мужчина, не очень приветливо. Разговариваем через ворота, дальше не пускают, хотя идёт дождь. Из разговора видно, что он не хочет ехать на Парам, на что у него есть «веские причины», однако больше ссылается на начальство.

¹ Образован в 1976 г. как временный посёлок строителей Северомуйского тоннеля, окончательно закрыт в 2009 г.

² Северомуйский тоннель открыт в 2003 г. Его протяжённость 15,3 км. Он сократил путь через Ангараканский перевал с 57 до 23 км, а время в пути — от 2-х часов до 25 минут. До открытия тоннеля полновесные грузовые поезда приходилось расцеплять и перемещать через хребет окружной дорогой — по Северомуйскому обходу, с максимальной скоростью всего 20 км в час, и с необходимостью подталкивания вторым локомотивом.

Решаем ехать в посёлок Усть-Муя — оттуда ближе до Парамы. В пос. Витим, через зам. начальника «Мостостроя», нам дают вахтовку, чтобы доехать до парома на Усть-Мую. Хорошо, когда так помогают и не ссылаются на «что-то». Там же, у этого начальника, познакомились с геодезистом, когда-то жившим в Томске. Он нам подсказал, к кому обратиться в Усть-Муе, ну и, конечно, поговорили о Томске. Быстро грузимся в вахтовку и едем в неизвестность, что нас там ждёт. По дороге из разговора с водителем узнаём, что он работает здесь недавно, приехал за машиной, за которую надо работать 2–3 года. Платят прилично, но жилья нет, только общежитие. Зато с водителем очень хорошо доехали до парома.

Идёт дождь, разгружаемся на паром. Деревня стоит на другом высоком берегу. Переезжаем реку и разгружаемся на пристани, где одно место уже занято местным селянином, который «утомился» и прилёг отдохнуть. Вдвоём с Игорем идём искать гостиницу. Она оказывается рядом с конторой Леспромхоза. Решаем зайти сначала в контору, так как рабочее время ещё не вышло и начальник ещё должен быть на месте. Наши надежды оправдались, он оказался там — Борис Иванович Миролубов. Объясняем, кто мы такие и что нам нужно. Начальник решает нам помочь. Начались звонки (много), за это время он нам рассказывает о всех неурядицах. Наконец, нам выделяют катер (Костромич). Время выезда нам неизвестно, должны завтра в два часа в сельсовете сказать. Здесь же начальник договаривается о гостинице. Идём устраиваться в гостиницу, есть мужские места, а женских нет. Администратор-женщина отдаёт свою комнату.

Итак, день подходит к концу и всё пока удачно. Идём на пристань за остальными. Здесь уже без нас провели основательную разведку. Сходили к деду, что возил наших в 1986 г. на Шаман¹, но его не было дома, и вышли на Виктора Ивановича Слепкова, капитана катера. Он уже был в курсе дела и сказал, что едем завтра. А вечером варили суп из мяса, что у них в магазинах лежит по 1,30 руб.

24 июня. Утром, отоспавшись, едем в сельский совет, где нам председатель (который о нас уже всё знал) сказал, что мы скоро, в этот же день, уедем. Отправляем своих в магазин загрузиться продуктами. Коля Захаров бежит вытаскивать вещи, а предварительно мы с ним вышли на Виктора Ивановича, и он нам сказал, что скоро подаст катер. На почте я отправляю депешу шефу (Александру Ивановичу Гончаренко), что отбываем на массив. Итак, последние приготовления, закупка продуктов в расчёте на месяц. Скоро подходит катер, и грузимся. У всех радостное настроение, что скоро закончится этот долгий путь и наконец-то мы выходим на финишную прямую (*фото 2*).

Путешествие по реке на катере куда более приятное, чем на поезде. Едем по Витиму на север, где горы белеют своими снежными шапками. По дороге подвозим баржу с соляжкой для старателей. Перед тем, как приблизится к порогу, река входит в горы и быстро сужается от ширины 800–1000 м до 130–200 м, течение нарастает. Не доезжая порога примерно 1,5 км, заходим в заводь, здесь у Виктора Ивановича зимовье, и здесь мы будем жить, он нам оставляет его. Отсюда хорошо наблюдается объект нашего исследования Парамский гипербазитовый массив и его главная вершина г. Парам (*фото 3*).

¹ Шаманский гипербазитовый массив.

Фото 2. Отправляемся на катере вниз по реке Витим на север, к конечной точке нашего пути — Парамскому массиву. Впереди по курсу — пос. Неляты. Слева направо: Миша, Лена, Инна, Коля, Игорь

Фото 3. Вид на гору Парам (выс. 2035 м) от зимовья В.И. Слепкова

Быстро готовим ужин и «отмечаем» прибытие, что наконец-то мы на месте и нам очень хорошо, и мы благодарим Виктора Ивановича за то, что нам так весело и очень хорошо. Тут вручаем «презент» нашему капитану. Но он отказывается, однако мы его ему передаём через его лоцмана, племянника Сашу. А потом наш капитан с катером покидает нас, и этот очень удачный день подходит к концу.

25 июня. Отоспавшись на новых квартирах, начинаем их осваивать. Возникают приятные хлопоты, куда, что, как. Больше всех в хлопотах Коля Захаров, ему до всего есть дело. Замечаем, что вода начинает прибывать. Игорь Гертнер решает делать баню, что не является предметом роскоши, а является реальной необходимостью и очень большой радостью после маршрутов. Утром обнаружили первые шалости реки — уплыл хозяйский чайник и наш тазик. После обеда ходим смотреть порог. Это надо видеть наяву, а мой художественный стиль не позволяет описать его (*фото 4*).

Фото 4. Парамские пороги (вид с устья руч. Крутого)

Вечером намечаем первые маршруты (*фото 5*). Я, Игорь и Инна идём на покорение самой безобидной вершины, сложенной гипербазитами. А Лена с Колей идут вдоль реки до Петра Ивановича, что живёт выше в 5 км перед входом реки в горы.

Фото 5. Определяем направления первых маршрутов.
Слева направо: Миша, Инна, Коля, Игорь, автор

ПЕРВЫЕ МАРШРУТЫ (26–27 июня)

26 июня. Подъём в 7³⁰. Плотно позавтракав маршрутной кашей, расходимся. В лагере остался Миша.

Мы втроём идём к началу маршрута. На первых скалах берём первую точку и начинаем подъём вверх по хребтику.

Вначале безобидный, выше он становится всё круче и скалистее, идёт непрерывный гребешок скал, приходится применять альпинистские приёмы, для Инны это что-то новое после Кузнецкого Алатау. Подъём в 1 км по превышению затягивается, с непривычки что-то не очень хорошо лезется вверх, приходится часто останавливаться, чтобы сердчишко на место встало и дышалось легче. Перед очередной вершиной, кажущейся последней, встают новые, и так, кажется, будет продолжаться бесконечно. А тут надвигается дождь, начинает накрапывать. Под очередной скалой немного пообедав, пережидаем дождь и дальше. Вот наконец-то и вершинка. Дальше вниз к контакту гипербазитов с вмещающими породами. Спуск идёт легче, дышится ровнее, однако усиливается дождь. На контакте канава на нефрит, но нефрита в ней нет. Дальше уже вмещающие породы, последние образцы берём под дождём.

Начинаем спуск вниз по крутому склону, заросшему кедровым стлаником и ольшаником. Вся вода с них льётся за шиворот, скоро ничего сухого не останется. Теперь уже всё равно и идём напролом к ручью. Стараемся не потерять Инну. Спуск кажется бесконечным, но наконец-то и ручей, по которому ещё долго (2 км) идти вниз, и по нему прыгаем то по камешкам, то по бережку, а то и на пятой точке по мокрым камням скользим вниз. А под конец решаемся срезать и попадаем в бурелом. Но благо, до дороги недалеко, которая скоро оказалась под ногами, и стало сразу легче на душе, что маршрут кончается, а вместе с ним и все неприятные препятствия. Скоро и зимовье, а в нём есть печка и сухая одежда.

Коля с Леной уже дома, тоже слегка подмоченные. Рассказывают о посещении Петра Ивановича, которого они не видели, но имели общение с его женой Розой и их гостями, которые встретили их не очень дружелюбно, и наши надежды на тесное сотрудничество с ними окончательно рухнули. Итак, после горячего чая и хорошей каши всё стало на свои места и снова жить стало веселее.

На завтра делимся опять на две группы: Игорь с Мишей идут по ручью Крутому, со среднего течения вверх, а я с Леной и Колей от его устья до начала их маршрута и под вершину Парамы. Инна остаётся дома.

27 июня. Встали утром рано. Река прибывает всё больше. К 9 часам вышли к месту маршрута. Перед ручьём разделились, и каждая группа пошла своим путём. Мы начали от устья ручья. На препарированной поверхности огромных обнажений хорошо наблюдалась полосчатость гипербазитов. Однако, скоро первые приятные впечатления от маршрута стали омрачаться — начался каньон (*фото 6*), который по ручью не всегда можно преодолеть, и приходилось облазить вертикальные скалы по крутым склонам и умудряться не скатиться вниз. Такое передвижение не обещало ничего хорошего и к обеде мы прошли всего 500 м — за 5 часов, а предстояло по плану где-то 4 км.

Скоро встретили Игоря с Мишей, они возвращались назад. Они дошли до «упора», где стены каньона уходили высоко в небо, а по ручью падала очень большая струя воды.

Фото 6. Каньон ручья Крутого

Так наше передвижение совсем застопорилось. Пообедали вместе на ручье. Затем Мишу с Леной отпустили домой. А сами втроём пошли искать другой «упор». Он оказался недалеко. Полазив по крутым склонам, вышли на левый борт, где на очередных скалах окончили маршрут. Дальше решили без разведки не ходить. По дороге назад нашли конную тропу, по которой вернулись домой.

Вечером поставили сеть на большую рыбу. На завтра назначен день отдыха.

ВОДА ПРИБЫВАЕТ (28–29 июня)

28 июня. Вода стремительно прибывает. Утром поехали смотреть сеть. Первые метры сети не предвещали ничего хорошего, сеть забита разной ерундой. Однако к концу сети показалась голова, а затем и сама рыбина. Это оказался маленький осётр (~ 2 кг) (*фото 7*). Это нас обрадовало. Накануне Игорь поймал ещё и несколько ельчиков. Часть осётра съели сырым, «чушью», что было очень вкусно, а из другой сварили уху, что тоже было очень здорово. Надеемся ещё на такой же улов.

Фото 7. Это наш первый и последний такой удачный улов. Миша и автор

В этот день закончили оборудование нашей маленькой базы. Коля смастерил кострище по всем правилам.

Мы втроём — я, Игорь и Миша занимались баней, к вечеру она была готова. И мы в ней согрели свои души. Пар был великолепен, особенно с нырянием в Витим. Облегчённые и помолодевшие, уходим в ночь.

29 июня. Вода продолжает прибывать. Проверка сети ничего не дала. Уходим в маршруты. Я с Мишей идём вверх по Феклистовому ручью. Лена с Инной по берегу Витима от устья ручья Крутого до лагеря. А Игорь с Колей пошли в разведку по ручью Крутому вверх. Наш маршрут проходил в основном по вмещающим породам. Встретили канаву на нефрит, но нефритов опять не нашли. Маршрут кончился благополучно, на этом ручье не было больших препятствий. Лена с Инной также хорошо прошли свой маршрут. Больше «женских» маршрутов не осталось.

Вечером вернулись Игорь с Колей. Разведка увенчалась успехом. Они дошли до развилки ручья с маршрутом. На вечернем консилиуме решили идти до развилки ручья Крутого на три ночи и оттуда штурмовать Парам. А женщин оставили охранять очаг. Заканчиваем приготовления к пути.

ШТУРМ ПАРАМА (30 июня –3 июля)

30 июня. На рассвете двинулись в путь. По левому берегу ручья Крутого дошли до упора (скалистый каньон уходил круто вниз к ревущему ручью) и по верёвке спустились в каньон ручья. Дальше путь продолжался по ручью, хорошо, что до этого дня погода стояла хорошая и вода в нём упала. С камня на камень, где вброд. А затем и по огромной наледи доходим до развилки. На одном из водопадов, где вода обтекает огромный валун, запечатлеваем своё присутствие на этом камне (фото 8).

Фото 8. Наледь и водопад на ручье Крутом

Пообедав и поставив палатку, уходим в маршруты по развилкам ручья. Здесь уже нет таких каньонов как раньше, и маршрут идёт уже по вмещающим сланцам, которые интенсивно дислоцированы в многочисленные складочки, которые великолепно просматриваются на препарированной водой поверхности. День кончается, а к ночи начинается непогода, накрапывает дождь, что не предвещает ничего хорошего.

1 июля. С утра идёт дождь с небольшими перерывами. Нашу палатку подтапливает, так как она располагается в чаше скалы, куда скатывается вода. В одном из перерывов быстро делаем настил и поднимаем палатку. Горы закрыли низко опустившиеся облака. К обеду посветлело, и облака стали рассеиваться.

Решаем идти в маршрут. Игорь с Колей уходят в правый левый приток, из вмещающих пород в гипербазиты. Мы с Мишей идём по хребту к вершине Парама по крутому склону, засыпанному курумом. Расстояние в 800 м (превышение 500 м) преодолеваем за два часа. Дальше по скалистому гребню стало идти легче. На хребте стремительные порывы ветра чуть не сдувают нас вниз. Утепляемся и продолжаем идти дальше. Облачность стала резко снижаться и закрывать все вершины. Вскоре мы входим в облака и продолжаем наш облачный маршрут, что, оказывается, не очень приятно, но всё-таки лучше, чем под дождём. В облаках не доходим до главной вершины, остаётся один километр, дальше хребет становится всё скалистее, и нам не очень хочется по мокрым скалам лезть вверх. Иногда облака опускаются ниже нас, а выше их стоит хорошая погода, светит солнышко. На этом закончили свой маршрут, и возвращаемся вниз из заоблачных высей.

Спуск по курумам оказался не очень быстрым, «ступеньки» то и дело уходят из-под ног вниз. А ближе к ручью ещё и кедровый стланик, ещё хуже, чем по курумам. Но наконец-то, измождённые спускаемся к палатке. Скоро возвращаются Игорь с Колей, они сократили свой путь и спустились по тому

же куруму, что и мы, и прочувствовали это удовольствие. К ночи опять идёт дождь, под который и ложимся спать.

2 июля. Без конца идёт дождь, вода в ручье резко подскочила, скрыла все валуны, которые перекачивала с места на место. Над костром соорудили балаган из веток стланика и спасаемся под ним, но за шиворот всё равно попадает. Весь день проходит в ожидании хорошей погоды. К середине дня рухнул ледяной грот над ручьём. Погода не улучшается, и у нас остались ещё два самых трудных маршрута, которые пройти не осталось надежды. С тем и ложимся спать.

Главным поваром за время нашей выкидушки был Николай. Он варил нам великолепные каши по всем правилам кухни. Это нам очень нравилось, однако, скоро мы поняли, что у нас заканчивается сахар. Пришлось урезать паёк: по 3 кусочка три раза в день.

3 июля. А ночью было холодно спать. Приходилось крутиться с боку на бок, чтобы согреться от соседа. Утром, когда встали, вершины были покрыты только что выпавшим белым снежком. И это в июле. А затем опять начал накрапывать дождичек. Дождь вроде прекращается, и нам надо выбираться до «дома». Вода в ручье немного упала, сборы были недолгие, и мы отправились в обратный путь.

Прошли где-то с километр, и за это время перебрали раза три ручей, который чуть не сбивал с ног (Николая всё-таки сбил). Мы поняли, что дальше будет хуже и надо искать другой путь. Оставалось только одно — уходить вверх по склону на хребет, который тоже мало чем прельщал — это был хребет первого маршрута. Стали по выражу подниматься вверх по бесконечным курумам, стланикам, скалам. Не очень скоро вылезли на хребет, немного отдохнули. С хребта было видно, как по Витиму плыли бесконечные коряги, лес, что тоже о чём-то (пока неизвестном) говорило нам.

Начали спуск по хребту. Если во время первого маршрута нам удавалось как-то забраться на эти «зубастые» скалы, то спускаться было гораздо труднее. Хорошо ещё, что дождя не было. Игорь, как знаток альпинизма, указывал нам «тропу». Пришлось учиться и альпинизму. Несколько раз спуск проходил на верёвке, то есть одного привязывали и спускали как мешок. Но всё, как говорят, «Слава Богу», закончилось благополучно — мы спустились с этого бесконечного хребта.

Идём домой, рядом бурлят пороги Витима. Дома нас ждут неприятности. Вода очень сильно прибыла и унесла Мишину резиновую лодку. Женщины наши не уследили и не проявили бдительности. В одно утро они увидели, как её крутило по заливу, а затем и совсем унесло. Когда мы пришли, вода уже затапливала гараж нашего капитана со всем имуществом, и мы не могли ничего спасти.

Во время пути назад мы мечтали о бане, которая нас ждёт. Но и она нас не ждала, а оказалась под водой. Однако женщины наши нас ждали. Миша дорогой мечтал о блинах, которые он заказал перед уходом. И эта мечта сбылась. Блины были очень вкусные, со стущённым молоком, которое привезли неизвестные нам гости, навестившие наших женщин. По их разговору, они нас выходили встречать до порога по дороге, что мы видели так же по их следам. Однако, по дороге к дому по этим же следам шёл ещё один «гость», босые ноги которого хорошо отпечатались на песке, но благо, что он не дошёл до дома.

Фото 9. Застольные разговоры после маршрута

Затем шли радостные застольные разговоры (*фото 9*). Все трудности вспоминались уже с иронией, и всё было хорошо. Тут же, после обеда, Коля перенёс кострище к самому домику в надежде, что сюда вода не придёт.

Однако вода продолжает прибывать на глазах, и всё ближе и ближе к домику, а гараж затапливает до половины. До палатки остаётся уже 20–30 см. В палатке не решаемся оставаться на ночь. Готовимся к эвакуации, собираем вещи, продукты в кучу, чтобы можно было быстро перетаскать их. К вечеру до порога дома остаётся полметра. Ложимся спать все в доме с неприятным ощущением, как бы не остаться запертыми водой в доме.

Ночью Колю не покидала бдительность, он периодически выходил и смотрел приближение воды, которая неумолимо подступала к порогу.

Стихия... Второй штурм (4–5 июля)

4 июля. К 7 часам утра вода шагнула через порог. Но мы уже были готовы к этому визиту и палатку эвакуировали на следующий уступ.

Фото 10. Затопленный гараж, видна только его крыша

Отдыхаем после маршрута, занимаемся кто, чем хочет, моемся, стираемся, сушимся. Вода наступает. Вода подходит под крышу гаража (*фото 10*).

Привязываем проволокой гараж за крышу к ближайшему дереву. Вода начинает обтапливать домик со всех сторон. Пришлось и его привязать к дереву за трубу, чтобы напором не унесло. Кострище у дома ушло под воду, переносим выше на следующее место. В итоге вода прибыла на 17 м.

Погода стоит хорошая, и мы решаем завтра идти на покорение вершины Парамы с двух сторон — Игорь с Колей от ручья Крутого, мы с Мишей — от ручья Пановского.

5 июля. Встали утром рано в 6 часов, быстро поели и отправились в нелёгкий день. После ручья Крутого разо-

шлись парами. Мы достигли исходной точки только к 11 часам, так как шли по бурелому и по звериным тропам. Вылезли на хребет и начали свой маршрут. Здесь были великолепно натоптанные звериные тропы среди кедрового стланика, если бы не они, нам бы там пришёл конец. После шли по вмещающим породам, спуски и подъёмы были плавнее, без скал, но часто со мхом. На контакте с гипербазитами находится прекрасный водораздел с озерками и редкими кустами, звериное место. Но мы их не видели, видимо, громко ходим.

Начались гипербазиты и основной подъём, а время уже за полдень (тут, кстати, остановились часы) и мы уже изрядно измотаны, по хребту прошли ещё с 1 км. Начинается непосредственный подъём на вершину, до которой остаётся ещё 1 км и превышение 500 м. Отсюда открывается превосходная панорама на гольцы правого берега р. Витим (*фото 11*).

Фото 11. Высокогорные гольцы Северо-Муйского хребта, правый берег р. Витим
(вид с южного склона г. Парам)

Однако, силы наши были на исходе, день кончился, и мы решили отступить. Спускаемся прямо с хребта по мелкой осыпи и крутому склону. Осыпь сама нас спускает вниз. Ниже пошла крупная осыпь и там с камешка на камешек прыгаем до низа. Возвратились домой где-то в половине десятого. Второй пары пока нет. Мы умылись, поели и пришли в себя. Игоря с Колей всё нет. Начинает смеркаться, пошёл двенадцатый час, уже и темно. Думаем, что их ночь застала на спуске, а в темноте там не разбежишься, и они решили ночевать на склоне.

Однако, скоро появились Игорь с Колей. Сразу отпали все волнения. Уставшие, измятые, но покорившие вершину, они возвратились вниз. Они преодолели превышение в 1,6 км за 8 часов. Так что их подъём увенчался успехом, у нас есть образец с самой вершины Парамского массива, что удалось не всем, кто тут бывал, этого достичь. С облегчением, что всё в порядке, ложимся спать. Завтра отдыхаем.

ОТДЫХ (6–7 июля)

6 июля. Утром спим до упора, кто сколько может, но к обеду не выдерживают даже самые закалённые. Начинаем приходить в себя. Однако ноги ещё не отошли от крутых горок и остаются ещё деревянными. После обеда занимаемся камеральными делами. Подводим промежуточный итог наших работ. Уже кое-что видно, появляются результаты.

А внизу, вокруг дома, бурлит вода, омывает его течением со всех сторон, у гаража уже всплыла крыша. Но нам, наверху, она не грозит пока, и думаем, что теперь уже вода до нас не доберётся.

7 июля. Сегодня у нас праздник — у Лены день рождения, и все с позднего утра её поздравляют. И сегодня продолжаем отходить после маршрута, и готовимся к праздничному ужину (*фото 12*). Коля с Игорем пекут лепёшки, а Инна стряпает торт из подручных средств. Миша ушёл на охоту. У всех праздничное настроение в предчувствии надвигающегося вечера. Наконец-то всё готово к праздничному ужину и ничто не мешает. И мы дружно сели. Поздравляли горячо Лену с днём рождения, а Коля ещё и от лица всевозможных общественных организаций и с вынесением благодарности. После приняли наркомовских по необходимой дозе, чтобы ещё всем было веселее. А затем начались песни всякие. Особенно удавалась «Окрасился месяц багрянцем...»¹, которая стала нашим гимном. Главными запевалами были Коля и Инна, и у них это очень хорошо получалось. Наверное, Витим тут ещё не слышал столь много разудалых песен. Все были в восторге от удачного вечера. Разрядка была полная. Вечер перевалил за полночь, когда ложились спать.

Фото 12. Подготовка к праздничному ужину. Сегодня у Лены день рождения

¹ Окрасился месяц багрянцем, Где волны шумели у скал. Поедем, красотка, кататься. Давно я тебя поджидал...

ВЫКИДУШКА (8–10 июля)

8 июля. А утром был «тяжёлый» подъём. Однако, впереди ждали «великие» дела, и к 9 часам встали все. Попили вдоволь чаю и стали собираться на «выкидушку». Сборы были недолги, и четыре орла уже были готовы свалить, как послышался рокот приближающегося катера, и вскоре приехал к нам капитан посмотреть на своё хозяйство. Для него было неожиданной новостью столь высокий уровень воды, которого до сих пор он не видывал. Но капитан оставался спокоен, попил с нами чаю. Обсудив столь грозное наводнение, договорились об очередной встрече, назначенной на 14 или 15 июля. После чего катер отчалил до следующего раза. А мы вчетвером отправились в дальний поход (*фото 13*), а женщины остались нас ждать и хранить огонь родного очага.

Фото 13. Отряд уходит в горы

К этому дню вода уже немного спала, и мы без труда по сухому перешли протоку там, где 2 дня назад бушевал бешеный поток. Следы его всюду были видны — помятые кусты и трава, прижатая к земле. Дальше дорога пошла вдоль Витима. По берегу росли сосны. Только что бушевавшая река наделала песчаных пляжей. Сосны с песчаными пляжами смотрелись очень хорошо, и мы восторгались столь чудным пейзажем, но раздеваться ещё было рано. Недалеко от порогов, на высоком песчаном берегу, в соснячке повстречались две могилы. Одна из них принадлежала лоцману, который всю свою жизнь прожил на пороге, проводил плоты через него, здесь и завещал его похоронить. Другая братская могила принадлежала двум строптивым туристам, которые хотели на байдарках проскочить через пороги, но увы, порог оказался коварным для них.

Дальше тропинка бежала по берегу реки, мы по ней уверенно продвигались, и казалось, ничто не предвещало каких-либо неприятностей, но мы рано радовались. Вскоре мы упёрлись в устье протоки, через которую вброд не пе-

рейти. Поиски найти какой-нибудь брод не увенчались успехом. И тогда мы решились на переправу — назад возвращаться в обход не хотелось. В разведку поплыл Коля как бывший моряк, а мы остались вязать плот. Вскоре разведка донесла, что плыть надо метров 30, а дальше по залому можно легко добраться до другого берега. Вода была бодрящая. На плот мог поместиться только один рюкзак, больше не решились, дабы не утопить сразу два. Первыми поплыли Игорь с Колей, впереди толкая плот. Вскоре Коля с плотом вернулся. Вторую и третью переправу осуществили Коля с Мишей. Миша не стал раздеваться и плавал в одежде. Потом очередь дошла до меня и последнего рюкзака. Приплыл и Миша с плотом, говорит, что скоро утонет от холода. И мы поплыли. На первых метрах вода обожгла холодом, но затем немного адаптировались, и стало легче плыть. Вода действовала ободряюще, но хорошо, что быстро всё это закончилось. Мы благополучно выбрались на берег, немного отжались, согрелись, хорошо, что ещё день был жаркий, и двинулись дальше.

Вскоре тропинка стала теряться и затем с трудом отыскивалась. Вышли на вездеходную дорогу, по ней и пошли дальше по заболоченной террасе, что было не совсем приятно, однако, какая-никакая, а всё-таки дорога. По ней и вышли к ручью Каменному, от которого первые впечатления остались приятные. Тут и решили сделать привал (*фото 14*). Стали варить чай, а пока он готовился, мы успели покупаться в ручье, так как после переправы успели изрядно разогреться и пропотеть. А ручей вдохнул в нас бодрящую струю.

Фото 14. Привал в устье ручья Каменного

Пообедав и отдохнув, стали готовиться к очередному затяжному прыжку, который составлял 10 км, и где нас должна ждать избушка на бывшем прииске. Сначала мы пошли вдоль ручья, однако каньон не давал нам быстро разогнаться. Решили на правом склоне искать тропинку, так как на карте она существовала. И вскоре мы её обнаружили, а по тропинке было значительно

быстрее идти. Иногда она опускалась к ручью, терялась, но нам удавалось её быстро обнаружить. В некоторых местах тропинка была вымощена камнями. Вдоль тропинки показались ямы-закопушки, которые остались с тех пор, когда здесь мыли золото.

Вначале нам попала на пути охотничья избушка, рядом с которой валялись шкуры кабарги. Однако, нам надо идти дальше, да и день подходил к концу. Вскоре тропинка кончилась у нас под ногами и по карте тоже. Дальше пришлось идти вдоль ручья. Мы, уже изрядно измотанные, продолжали путь по камешкам, переходя с одного берега на другой. Стало быстро смеркаться, скоро должен быть прииск, но он не показывался, и от того путь наш казался нескончаемым. Поступили предложения остановиться и заночевать. Но поиски хорошего места ничего не дали и мы решили ещё чуть-чуть пройти.

Сумерки уже вступили в свои права, и тут на левом берегу показалась поляна, на которой вырисовывались очертания бывших строений. Да, это был уже финиш столь трудного дня. Среди разобранных строений отыскивали быстро избушку. На полатах лежали уже прогнившие шкуры копытных, пришлось от них избавиться, да и в избушке прибраться. В избушке были и печь, и дрова, и лампа, и другие нужные предметы, которые нам стоились. Ужинали уже за полночь, как всегда вкусной маршрутной кашей, сваренной Колей. И отвалились спать вальтами, иначе не было возможности. Итак, прошёл ещё один наш трудный день. А завтра он, видимо, будет не легче.

9 июля. Утром подъём был по расписанию. Мы с Игорем отоспались, а вот Коля с Мишей были помятые, им что-то тревожно спалось, говорят, было жёстко. Позавтракали вволю любимой кашей, напились сладкого чаю, и стали собираться в маршруты к вершине Парама. Я пошёл с Колей, а Игорь с Мишей. Мы начали свой маршрут сразу от прииска, а Игорь с Мишей ушли вниз к началу своего маршрута.

Мы с Колей прошли по ручью, отобрали образцы и всё что нужно замерили. Затем наш маршрут продолжался по хребту вверх к вершине Парама. А Игорь с Мишей должны были идти по следующему хребту, которые где-то вверху должны были пересечься.

Начался подъём вверх к поднебесью, с превышением более 1 км. В начале подъём проходил по куруму и мы как по ступенькам довольно быстро стали подниматься. Однако, скоро курумник закончился и дальше подъём продолжился по мху и кустам, что было гораздо хуже. Поднимаясь вверх, мы вдруг стали замечать следы чьи-то, а скоро их различили отчётливо — они были человеческие, и могли быть только Игоря с Мишей. Значит, они дали маху и попали на наш хребет.

Поднявшись где-то на 1 / 3 превышения, мы наконец-то вышли из мха и вступили на скалистый гребень. Дальше идти стало легче. Скоро нас увидели Игорь с Мишей, они уже к этому времени поняли свою ошибку и махнули на свой хребет. Тут у нас и состоялась переключка. Время подошло к обеду, мы устроили привал. Коля решил быстро сбегать к ручью за водой, чтобы вдоволь напиться чаю. Однако «быстро» обернулось почти на час. Но чаю мы напились вволю и с собой ещё набрали. И двинулись дальше вверх. Поднимаясь всё выше и выше, тем грандиознее разворачивалась перед нами панорама гор Северо-Муйского хребта, которую мы видели (*фото 15*).

Наконец, мы вышли на пересечение хребтов. Игорь с Мишей уже ушли далеко вперёд, пропустив и оставив нам часть хребта для нашего маршрута.

Подъём продолжался, пить хотелось нестерпимо, чай уже давно был выпит. Мы приближались уже к нашей точке поворота, когда услышали среди скал журчание ручейка, который бежал где-то под камнями. Мы стали искать его выход и нашли небольшой клочок обводнённой земли, выкопали ямки, где скопили воды и вдоволь напились, припадая несколько раз к ямке. Скоро подъём наш закончился и мы по траверсу перешли на хребтик, который уходил вниз. Спуск был довольно крутой и заканчивался далеко внизу у ручья Пановского.

Фото 15. Вид на Северо-Муйский хребет с южного склона г. Парам

По ходу отобрали последние образцы и на подгибающихся ногах в конце концов спустились в ручей. День подходил к концу и начало смеркаться. Мы стали торопиться к условленному месту нашей встречи. Сумерки нас преследовали по пятам, и когда мы добрались к устью ручья, где должна была состояться встреча, было уже темно.

Тут нас ещё никто не ждал, мы были первыми. Быстро нашли место для ночлега, насобирали дров, разожгли костёр и стали варить кашу. На лежанки наломали кедровых веток. Мы поели, стали ждать, но они не спустились к нам. Нам осталось предполагать, что их задержала ночь где-то тамверху. Мы нагрели себе по «каменной «бабе» и свалились спать. Но что-то мне не очень хорошо спалось, то ли «баба» плохая попалась, я периодически просыпался и подкладывал в костёр, и опять засыпал. А Коля безмятежно спал крепким сном, крепко обняв свою «бабу». Под утро я почувствовал, что ногу стало припекать, и я в очередной раз проснулся. Горела моя фуфайка, уже не было полрукава. Я попытался сбить огонь, но вата тлела, и дым валил из рукава как из трубы. Надо было бежать к ручью, а я был без сапог. Пришлось будить Колю, он вначале со сна не сообразил в чём дело, но так как он парень смыслённый, он быстро понял, что от него хотят, и быстро потушил пожар.

После чего мы опять завалились спать. Ночь катилась уже к утру, и стало по-немногу светать. Итак, день и ночь прошли, наших соратников пока нет.

10 июля. Настало утро, а Игоря с Мишей пока всё нет. Мы наварили каши на четверых и стали ждать, иногда высказывая мысли вслух по поводу их отсутствия.

И вот послышался непонятный шум, вслед за которым появились Игорь с Мишей, изрядно измотанные. С их появлением у нас в душе настало облегчение, свалился груз неизвестности. Мы их тут же пригтели, накормили кашей, напоили чаем и дали хорошо отдохнуть.

Они в это время поделились впечатлениями от вчерашнего маршрута. Их маршрут лежал через вершину Парамы и обойти её никак было нельзя. Только под самой вершиной они по траверсу свалили на свой хребет – скалистый гребень, который резко уходил вниз. А вскоре начало смеркаться, затем совсем стало темно. По их рассказам, там, где они не прошли бы днём, во тьме они продолжали спускаться вниз и, в конце концов, они спустились со скалистой части хребта уже за полночь. Сошли с хребта в какие-то кусты, в которых и пересидели до начала рассвета. А с первыми проблесками света продолжили свой вчерашний маршрут, добирая последние образцы.

Таким образом, закончились ещё два наших нелёгких маршрута. После отдыха, по ручью Пановскому спустились к Витиму, по тропинке вдоль которого и стали возвращаться домой. По дороге, на одном из песчаных пляжей, мы искупались в реке. Затем подошли к избушке, что стоит сразу за порогом, чуть ниже устья ручья Крутого.

Я сходил на пороги, чтобы ещё их раз сфотографировать. Да, это всё-таки грандиозное зрелище, которое надо видеть. Там, где только что, казалась, была ровная поверхность реки, вдруг резко вздымалась крутая волна и много ещё чего такого неожиданного можно тут было увидеть. И с берега можно было долго смотреть на буйство порогов, но лучше не дай Бог оказаться там. А после такого зрелища мы тихой сапой дошли до нашего дома, где нас уже ждали. А потом вечером мы рассказывали о нашем походе и больше всего о переправе.

К нашему приходу вода значительно упала и отступила от гаража. А в гараже она натворила дел, всё смешалось в кучу. Продукты все были в солёрке, и матрацы с одеялами тоже. Пол был вывернут и крыша не поставлена на место, так что теперь тут надо было разбираться. Мы вытащили, что можно, просушить на берег.

Вечером с Мишей поехали ставить сети, и обе довольно быстро кинули, привязали их к кустам повыше, стоя в лодке на расстоянии вытянутой руки. А ещё мы узнали, что без нас у нас гостей не было, кроме хозяйских собак. Которые прибегали осмотреть свои охотничьи угодья.

ОТДЫХ, КАМЕРАЛКА (11–12 июля)

11 июля. К позднему утру мы отоспались. Поехали проверять сети, однако, нашли только одну, и ту без рыбы, другой, хозяйской, сети не нашли. Вода за ночь опять сильно прибыла и первая попытка поисков сети не дала результатов. На вторую попытку взяли с собой «кошку» и давай таскать её вдоль берега и таким образом мы её и обнаружили. Оказалось, что место, к которому она была привязана, затоплено и скрыто под водой. Таким образом,

вода прибыла за ночь где-то на 2 метра, вот такие шуточки с её стороны. Но и эта сеть была пустой.

После завтрака занялись хозяйственными делами. Оборудовали по новой баню, так как от старой осталась одна печка. По новой и переоборудовали наше первое кострище. Таким образом, в делах и заботах день перевалил за полдень, и баня тоже скоро могла принимать посетителей. И мы не замедлили воспользоваться столь долгожданным событием, так как один раз такое мероприятие сорвалось из-за стихии.

Это было блаженство, парились до упада, а затем ныряли в Витим, который освежал тут же, и это повторялось много раз. И ещё раз мы убедились, что другие городские бани не идут ни в какое сравнение с нашей баней.

А Коля с Мишей ещё показывали фигуры высшего пилотажа. Они ныряли в Витим, проделав сальто с разбега. Завершили баню уже с наступлением сумерек. И опять наши женщины на нас поворчали, что им время мало осталось, но и им хватило. После бани мы обпивались компотом. На том и день кончился.

12 июля. В этот день проснулись после того, как хорошо выспались. После завтрака стали готовиться к отъезду Лены с Колей, а также подводить итоги проделанной работы. Вынесли на карту все наши маршруты (рис. 3). Северная часть оказалась ещё мало закрытой маршрутами, куда ещё непременно надо сходить. И остаётся правобережная часть массива.

Рисунок 3. Маршруты на левобережной территории Парамского массива и вмещающих его пород

Вначале я хотел отправить Игоря с Мишей на правую сторону Витима, а самому с Инной сходить в северную часть массива. Однако, после некоторых раздумий решаю изменить составы групп — я с Мишей на правый берег, а Игорь с Инной на север.

В обед приехал наш капитан. Он тут оказался рядом, подвозил старателей и решил к нам завернуть. Вместе с ним очистили гараж, всё, что пропало, тут же захоронили, остальное вынесли на свежий воздух сушиться.

Виктор Николаевич обещал приехать 14-го или 15-го и привезти нам продуктов кое-каких, и в первую очередь хлеба. После обеда заделали один ящик с образцами и пробами, где-то на 50 кг. Вечером состоялось небольшое «совещание», на котором я доложил результаты наших исследований, что мы смогли получить. После небольшой дискуссии вынесли решение «одобрям», с условием, что ещё кое-что надо доделать.

Три группы (13–15 июля)

13 июля. День расчленения нашего отряда на три группы. Стали готовиться, каждая группа в соответствии со своей задачей. Коля с Леной — к полной эвакуации с Парама. Однако, было видно, что им так не хочется от нас уезжать, они даже предлагали разные варианты, которые были отклонены. Их дальнейший путь лежит на Молодёжное месторождение¹, где их попечителем будет Борис Корнеев, на которого мы возлагаем большие надежды, что он окажет им всестороннюю помощь и поддержку (как потом оказалось, наши надежды были напрасны). Он не оправдал их, оказался не тем парнем, с которым можно пойти хоть куда и на которого можно положиться. Ну а нашим группам полегче, так как у нас тут ещё незакончены работы. Мы должны «разбежаться» по разным берегам Витима лишь до очередной встречи.

Вечером решили устроить маленькие проводы. Лена взялась приготовить кушанье на праздничный стол. Однако она не долго думала, и приготовила нам гречневую кашу — наверное, посчитала, что это наше любимое блюдо годится на все случаи жизни. А Инна испекла такие маленькие штучки, типа печенья, обмазанные чем-то вроде шоколада, очень оригинальное и вкусное.

А вечером мы сели за стол и произнесли несколько тостов за наше здоровье, за что и выпили, однако, закусь шла туго, которую в свою очередь надо было чем-то запивать, иначе она грозила остановиться в пути. Пошли первые песни, Инна входила в роль и Коля тоже, да и все мы их усиленно поддерживали. Однако, Инна вскоре почувствовала упадок сил — видимо, каша не стала нейтрализовывать в достаточной мере допинг, и она отправилась спать. У остальных ещё сохранилось бодрое настроение, мы ещё попили, поели и попили. Но без Инны, без её азарта, уже не всегда всё получалось удачно. Однако, за разговорами, за песнями мы разошлись за полночь.

14 июля. Сегодня отлёживаемся и ждём катер. Настроение у всех ниже среднего, да и голова тяжёлая, больше пьём чай. Решили истопить баню и паром выгнать из себя все вредные концентрации, дабы снова оказаться духом младенцами. Что мы и не замедлили сделать. Так, в ожидании и приготовления бани, проходит день. Катер не пришёл, зато мы ещё раз, к великому удо-

¹ Молодёжное месторождение асбеста в Бурятии, на сев. склоне Южно-Муйского хребта (см. рис. 1), уникальное по высокому содержанию текстильных сортов асбестового волокна и разведанным запасам.

вольствию, воспользовались нашим чудным творением. Горячий, обжигающий, чудодейственный пар и обжигающая вода Витима сделали своё дело, и мы, поздоровевшие, помолодевшие, уходили в ночь.

15 июля. Утром, причём очень ранним, Игорь с Инной уходят в свой дальний маршрут на ручей Каменный, на золотой прииск, где им предстоит провести дня 3–4 и освоить северную часть массива. А мы, отоспавшись, продолжаем ждать катер. Ожидание уже становится тягостным, не знаем, куда от безделья себя деть. Уже перевалило за полдень, а катера всё нет. Затем и день катится к концу, а его опять нет, и мы уже стали терять надежду, как вдруг неожиданно появился катер уже в шестом часу. Сборы были у нас не долги, так как мы были уже на стрёме. Наш капитан привёз нам и свежих продуктов. Мы с Мишей забираем у них половину с собой, а другую оставляем Игорю с Инной. И скоро покидаем нашу базу — мы ненадолго, а Коля с Леной, возможно, навсегда.

Виктор Иванович перевозит нас на другой берег, напротив зимовья мы прощаемся с Колей и Леной, желаем им всяческих благ. А Виктор Иванович обещает приехать за нами 21 июля. Итак, первый осколок откололся от нашего отряда (*фото 16*).

Фото 16. Отъезд Лены и Коли

Мы с Мишей ставим палатку на утёсе. Делаем по всем правилам — сначала настил, чтобы лучше спалось. Во время строительства я наступал на свои часы и с ними стало твориться что-то неладное — они вдруг побежали очень быстро вперёд и мы потеряли точный отсчёт времени.

Устроили лагерь, поужинали и легли спать. Завтра предстоит трудный день с ночёвкой в неизвестности.

ПРАВОБЕРЕЖНЫЙ ПАРАМ (16–19 июля)

16 июля. Наступило утро, неизвестно, сколько часов, но рано. Съели по положенной порции каши и отправились вверх по Витиму — туда, откуда начинается наш сегодняшний хребет. Нашли звериную тропу, по которой бо-

лее успешным стало наше продвижение, а без неё нам было бы очень плохо. Благо, что здесь ещё сохранились звери, а они хорошо знают, где лучше ходить. Итак, по тропинке мы довольно быстро добрались до начала нашего маршрута, до Муйской долины. Оттуда и начали свой маршрут, который проходил по хребту к малой правобережной вершине Парама. Маршрут быстро и круто уходил в небо, но мы были уже натренированные прежними маршрутами, и поэтому довольно легко и непринуждённо, как горные козлы, которых здесь очень много, о чём свидетельствуют их многочисленные экскременты, поднимались вверх. А с подъёмом расширялась и увиденная нами панорама, очень красивая.

Перед вершиной устроили привал с положенным часовым отдыхом и обедом. Миша тушёнку отказался есть, говорит, что надоела, а насиловать себя не хочет, ну а я пока ничего, принял за себя и за Мишу. Он наелся хлебом с чаем и сахаром. После отдыха быстро «взлетели» до вершины, через которую нам надо будет завтра возвращаться домой, поэтому оставили все образцы под камнями, но на видном месте.

Дальше маршрут лежал к озеру, что расположилось на перевале. Спуск был очень крутой, приходилось скользить и катиться на мелком делювии, и мы довольно успешно и быстро спустились к подножию. А дальше спуск уже был по пологому, по заболоченному и заросшему кустарником склону. Через перевал шли многочисленные большие и малые тропинки, протоптанными зверями, которые уходили в Муйскую долину.

Спуск к озеру заканчивался скалистым обрывом. Выбрав удачное место, мы спустились к озеру. Озеро было очень красивым, посередине возвышались скалистые острова, прямо как в Швейцарии, судя по картинкам.

Затем вдоль озера мы последовали к её южному концу. Где-то к середине озера, поближе к другому берегу, мы увидели две большие водоплавающие дичи, впервые за столь долгие наши странствия по здешним местам. И Миша впервые использовал своё ружьё по назначению. Он начал стрелять по ним, но расстояние было большим, а дробь мелкой, и гуси полетели в обратную сторону. На этом Миша не успокоился и пошёл за ними. А я пошёл искать место для ночлега в конце озера. Там, где стреляли в гусей, на той стороне озера была избушка, но возвращаться к ней не хотелось.

В южной части озера тропинка выводила на скалистый утёс, который был хорошим отстойником для зверей, судя по натоптанности тропинок и других явных примет. Но нам оставаться здесь на ночь не захотелось. Поэтому я спустился к подножию утёса к озеру, где стал искать место, и время от времени кричал Мишу. Вскоре появился и он. Его охота оказалась неудачной, гуси остались плавать по озеру. Мы решили остановиться в вершине озера, там, где был звериный водопой, и к озеру подходила хорошо натоптанная тропа. К этому времени мы уже хорошо притомились, и очень хотелось есть. Быстро стали разводить костерок, чтобы сварить нашу незаменимую ничем кашу и вскипятить чай (*фото 17*).

И тут со склона послышался сильный треск — кто-то большой приближался к водопою и не знал, что мы уже здесь. Пришлось покричать, однако, это не помогло, треск слышался всё ближе и ближе, «он» нас ещё не воспринимал. Пришлось выстрелить вверх. На этот раз «он» нас понял, сразу после выстрела треск резко ушёл в сторону, буквально за несколько секунд. Затем наступила тишина. Столь неожиданный визит такого гостя нам не очень по-

нравился, стоило задуматься о предстоящей ночи. Однако, больше к нам никто не приходил, на это были уже свои причины. После визита мы поели каши, а чай пришлось пить без сахара, так как мы его оставили на обеденной стоянке.

Фото 17. Остановка на ночлег

А затем стали готовиться к ночи — натаскали сушняка для ночного костра, устроили себе лежанки. Скоро послышались раскаты грома, что не предвещало ничего хорошего. Но у нас на этот случай были целлофановые плёнки, которые мы натянули над своими лежанками. Вскоре раскаты грома стали приближаться всё ближе и ближе, а затем загрохотало и над нами. Бесконечные молнии рассекали небо со всех сторон. Скоро и прилетели первые капли дождя, а затем начал и сам дождь хлестать по нашим плёнкам, которые нас и спасли. Дождь был не очень долгим, однако, за ночь он несколько раз был нашим гостем. Но костёр наш не затух и горел весело и непринуждённо, по мере его затухания периодически подбрасывали в него дров. Костёр, видимо, был нашим защитником не только от дождя и тёмной ночи, но и от неожиданных лесных визитёров. Ночь прошла в основном без сна, только к утру немного задремали, однако ненадолго, так как наступило утро, а с ним и наш предстоящий маршрут, который неизвестно что нам сулил после ночного дождя.

17 июля. Утром встали немного припухшие после бессонной ночи. Тучи низко ходили над озером и закрывали вершины гор. Но нам ждать тут чего-то лучшего не приходилось и после утренней трапезы мы пошли к началу маршрута, который начинался со стороны Муйской долины и должен был следовать по хребту, параллельному вчерашнему нами пройденному маршруту.

Мокрые кусты быстро сделали своё грязное дело — к началу маршрута мы были уже мокрые. А затем маршрутом стали подниматься к вершине. Этот

хребтик был не такой скалистый, как вчера. Чаще он был покрыт мелкой щебёнкой и задернован, и подниматься было полегче. За время подъёма наши разгорячённые тела и свежий ветер обсушили нашу одежду. Так как дождя пока до сих пор не было.

Мы благополучно забрались под вершину, где вчера оставили образцы, которые оставались на месте. Загрузившись ими, наши рюкзаки существенно потяжелели. Теперь надо было миновать вершину Парама, которая была трёхглавая и каждая из вершин представляла собой остроконечный пик. На первый мы зашли быстро, но тут начался столь «долгожданный» дождь. Укрывшись под плёнками под скалами, мы решили пообедать и переждать его. Перекусив тем, что было, мы стали ждать, а дождь всё накрапывал и было ясно, что быстро он не закончится. Решили идти. Кругом всё было мокрым и противным. Мох был скользким, то и дело уходил из-под ног. А впереди предстоял крутой спуск по скалистому, покрытому мхом и кустарником, склону. Конца у этого спуска не видно было, однако, был виден подъём на средний зубец и на последний, самый высокий. Это были сплошные скалы с вертикальными стенками.

Посоветовавшись, мы решили отступить и не рисковать, а идти в обратную сторону, по хребту вдоль Витима, вниз по течению. От этого мы мало что теряли, так как этот хребет тоже был в плане наших маршрутов. Начался крутой бесконечный спуск. Пока шли по гипербазитам, спуск проходил по курумникам, по которым мы и допрыгали к контакту массива, а затем пошёл гребенчатый хребет. Со стороны Витима он был поросший мхом, кустарником и лиственницей, а с другой был более привлекательный, встречались поляны с красивыми цветами, но более скалистый. Чаще приходилось двигаться по самому гребешку, а где нельзя было, приходилось обходить по склону. Пока спускались с вершины и шли по хребту, дождя не было и так мы дошли по хребту во вмещающие породы. И тут опять стал накрапывать дождик, который усиливался. Пора было заканчивать маршрут. Под дождём уже взяли последний образец.

Пытаемся переждать дождь, но он не кончается, иногда затихает, а затем начинается с новой силой. Небо всё затянулось низкими облаками. Ждать уже было нечего, и мы напрямик стали спускаться к Витиму. Склон был очень крутым, покрытый мхом, кустами и лиственницей. Часто мох вылетал из-под ног, и тогда надо было изловчиться, чтобы не упасть, что не всегда удавалось. В конце концов, спустились в долину Витима и по звериным тропам пошли в обратную сторону к нашей палатке. К этому времени наша одежда до основания вымокла, поэтому надо было постоянно идти, чтобы не озябнуть.

Перед порогом вышли к Витиму. Тут мы встретили рыбаков, отца с сыном, которые возвращались после своего очередного вояжа за запрещённой рыбой вальком. Однако, рыбалка, по их разговорам, не очень удалась, валька попало мало, а хариуса побольше. Они угостили нас малосольным хариусом, который был очень вкусный и мы с удовольствием зажевали по паре штук.

Мужик оказался очень разговорчивым. Он работает тут штатным охотником, а его участок располагается ниже порогов. И он нам рассказывал о своей жизни. После небольшой трапезы пошли берегом обходить пороги, выше порогов у них была уже другая лодка. Шли берегом, а рядом бушевал порог. То

тут, то там бешеные волны взмывали вверх, готовые сокрушить всё на своём пути, но нам на берегу они были не страшны. Из реки был слышен глухой шум — это по дну перекатывались огромные валуны. Пока шли, охотник не молчал, жаловался на медведей, которых тут много, и которые грабят и ломают охотничьи избушки. За это он стреляет им в живот. На наш вопрос, зачем в живот, он говорит, что так он далеко не уйдёт и где-нибудь сдохнет. Были ему знакомы и геологи, которые работали в этих краях.

У небольшой сопочки решили передохнуть. Тут охотник рассказал нам новую историю. По его словам, на вершине этой сопочки лежат до сих пор три скелета, трёх беглецов с Чарских рудников. Один из них был полковник-лётчик, другой — сухопутный майор, третий — неизвестный. Которые так же неизвестно за что отбывали свой срок после войны. И вот, в начале 1950-х годов им захотелось свободы, каким-то образом они захватили оружие и пустились бежать. И тут на сопке их настигли спящими у костра и тут же их спящими поубивали, а закапывать не стали. Вот с тех пор и лежат тут три скелета, омываемые дождём и обдуваемые ветром.

После столь печального рассказа раздался неожиданный выстрел, и маленькая пулька пронеслась около Мишиной ноги. Это сын охотника «побаловался» с мелкашкой и дёрнул не за то, хотя уже и был большой. Миша говорит, что у него после выстрела побежали мурашки. После этого мы добрались до реки выше порогов, и они нас на своей лодке подбросили до нашей палатки.

Мы сбросили с себя всю мокрую одежду, оделись в сухую, и сразу жить стало веселее. Отогрелись, наелись и завалились спать. Завтра будем отдыхать.

18 июля. Утром спали до упора. Первым не выдержал я, вылез из палатки. Погода была хорошая, без дождя и с солнышком. Согрел чаю, и тут меня посетила муза, навела на меня творческое вдохновение. И я подумал, не написать ли мне небольшой дневник о нашей экспедиции, по дням и всё как было, чтобы когда-нибудь на досуге почитать его и вспомнить в деталях о нашей экспедиции, которая была для нас испытанием на пригодность в столь экстремальных условиях. И я стал восстанавливать на страницах этой тетради день за днём, стараясь не упустить каких-либо даже незначительных моментов. Написание его не ограничилось одним днём, а продолжалось и во все последующие дни, когда было свободное время и когда было на это соответствующее настроение.

К обеду встал Миша, и он захотел сварить яичницу в котелке, которая, по его словам, должна удастся. Яичницей мы и пообедали, однако осилить её мы не смогли, хотя и запивали чаем. К концу обеда она уже встала поперёк горла. На том и закончили, несмотря на то, что осталось её чуть ли половина котелка. После обеда беседовали на все темы, об университете, о преподавателях, о студентах и в частности о 251 группе в которой учился Миша и т. д. К вечеру, по нашим предположениям и по плану, должны были вернуться к зимовью Игорь с Инной. Миша взял ружьё и бинокль. Мы вышли на берег, дома ли они.

В бинокль мы вскоре рассмотрели, что они уже дома. После наших выстрелов они вышли на берег на переговоры с нами. Однако диалог удался с трудом, из-за шума реки и её ширины. Мы поняли, что их поход прошёл вполне удачно и задание выполнено, а их здоровье вполне удовлетворитель-

но. Завтра они отдыхают, а мы идём в последний маршрут. На том и переговоры наши закончились. Вечером, попив чаю и закусив чем-то и яичницей, в том числе мы легли спать. Однако сон не шёл ни мне, ни Мише, и мы долго крутились с боку на бок — то ли яичница действовала, то ли ещё что-то, но мы уснули далеко за полночь.

19 июля. Однако, утром мы проснулись с первыми лучами солнца, а мои часы показывали 7 часов утра. Быстро позавтракали нашей кашей и в путь, который не должен быть лёгким, что вскоре и подтвердилось. Мы заходили на маршрут от излучины Витима, там, где начинались пороги. В начале маршрута на нашем пути предстал курумник, где громадные валуны в поперечнике до 10 м стояли на нашем пути, и мы искали обход. На одном таком обходе у меня выпал молоток и упал в расщелину между валунами, а сверху его не было возможности достать, но мы нашли подход к нему снизу, и он опять вернулся к нам, а мы продолжили путь.

А вскоре начался и сам подъём к вершине, которого нам ещё не приходилось преодолевать. Это были непрерывные скалы, поросшие кедровым стлаником, и мы, как обезьяны должны были карабкаться по этим скалам вверх, по пути отбирая образцы и замеряя всё, что нам нужно. Где-то на четверти пути нам выпала небольшая удача. Впервые на Парамском массиве нами были обнаружены хромитовые жильные тела, которые залегали так, как должны были, согласно нашим представлениям о строении массива. Хотя и небольшие были тела хромитов, но всё-таки это была уже руда, и нам было приятно от этой находки.

Дальше маршрут проходил в той же ситуации — цепляясь за ветки стланика и за уступы скал, мы карабкались вверх. А когда оглядываясь назад, лезли, казалось, что мы от реки вовсе не удаляемся, а зависаем над ней. Перевалив за половину пути, мы выбрались наконец-то из зоны стланика, дальше поднимались по курумнику. Затем начался скалистый гребень. Но по нему уже передвигаться было легче и вскоре мы достигли вершины (малой правобережной вершины Парамского массива), которая увенчалась тригопунктом.

И тут на нас обрушилась стая летучих муравьёв, которые стремились угодить в нос, рот и глаза. Быстро оставив на тригопункте следы своего присутствия, и отобрав образцы, мы отступили от вершины, где благополучно и отобедали. День был солнечный, солнце стояло в зените и нещадно палило. Отдохнув после обеда положенный час, мы начали спуск по скалистому гребню, который также быстро уходил вниз, а где склоны гребня достигали вертикали, приходилось обходить и облазить, что нам было уже не в диковинку.

По пути мы развлекались — отслеживали какой-нибудь огромный валун, который чуть держался на склоне, и, навалившись на него, пускали его вниз. И тут начиналось самое интересное: валун увлекал за собой сотню валунов, и эта лавина устремлялась вниз к подножию, сметая на своём пути всё, что ей мешало, и это сопровождалось сильным грохотом. И эта лавина вызывала в нас какое-то дикое возбуждение, и после очередной лавины нам хотелось устроить следующую, чтобы стоя наверху наблюдать столь необузданную стихию.

По хребту мы вошли в зону контакта массива, и дальше не должно было быть чего-нибудь интересного, да и солнце уже изрядно нас нагрело, очень хотелось пить, и мы свалили с хребта в сторону Витима. Вначале по мелкой

сыпучке серпентинитов катились вниз, а затем по крутому склону стали спускаться в ложбинку, в которой должен быть ручей. Но она оказалась сухой. Мы не теряли надежды и спускались по ней вниз. Вскоре наши надежды оправдались, и мы попали на очень маленький ручеёк. Собрали по бересте полную фляжку, к которой тут же с жаждой прилипли и пили до упора, постоянно пополняя флягу, но пить всё равно хотелось, а животы больше не позволяли.

У подножия горы ручеёк уже стал довольно заметным, и его журчание постоянно нас влекло к себе, и мы постоянно к нему припадали, как лошади, так было вкусно. У подножия мы попали на известную нам тропинку и двинулись к нашей палатке. Однако, несколько раньше, чем надо, мы сошли с неё, и дальше через чащу по берегу Витима добрались до палатки.

Итак, закончился наш последний маршрут на Парамском массиве на правобережье реки Витим (рис. 4). Дальше нас ждёт обратный путь в Томск.

Рисунок 4. Маршруты автора и Миши на правобережной территории Парамского массива

Добравшись до палатки и передохнув, мы сварили свой полдник, и вышли на переговоры с той стороной. Игорь предложил нам переправу на их сторону на байдарке. Я был некоторое время против, но искушение победило.

Игорь на байдарке заплыл вверх по течению и начал переправу к нам. Мощная струя реки увлекала его быстро вниз по течению. Но его уверенные движения веслом позволили причалить в наш залив. Тут мы быстро закончили свою трапезу и стали сворачивать наш маленький лагерь. Решили переправляться в два приёма. Вначале я с Игорем и с половиной вещей, а затем Игорь поедет за Мишей.

Я сел за руль и направил нашу маленькую байдарку в пучину реки и тут же попал в струю, которая быстро уносила нас вниз к порогам. Скоро это струя кончилась, а затем последовала другая, которая вынесла нас в залив, в котором нас уже не влекло вниз и мы, преодолев последнее препятствие, причалили к нашей пристани, где нас встречала Инна. Затем Игорь поплыл за Мишей. Уже по известному пути он пересёк Витим. Они загрузили всё остальное и начали переправу. С берега это зрелище было впечатляющее. Угодившую в первую струю байдарку, как щепку, понесло вниз неизвестно с какой скоростью к порогу. А затем вторая струя так же мгновенно унесла их в залив в водоворот, где течение было обратное. Таким образом, мы оказались на нашем берегу все вместе.

А за вечерним чаем делились своими впечатлениями о прожитых раздельно днях. Мы им рассказали о своих наиболее запомнившихся событиях, а они о своих, которых оказалось тоже предостаточно.

МАРШРУТЫ ИГОРЯ И ИННЫ (15–18 июля)

В первый день, 15 июля, Игорь с Инной, чтобы не терять день, пошли через ручей Пановский маршрутом в ручей Каменный. Благополучно миновав перевал, они спустились в Каменный, а дальше по ручью надо было идти к прииску, к зимовью уже известному.

Инна стала отставать, силы стали её помаленьку покидать. Игорь уходил немного вперёд, но не упускал её из виду. И вот он однажды обернулся назад и не увидел Инны нигде. Но вскоре она поднялась из глубины ручья вся мокрая. Оказалось, она потеряла бдительность, а тут коварный камешек под ногой подвернулся, и она упала в ручей, а сверху её придавил рюкзак. Она говорит, что пробыла под водой минуты 3, как хороший ныряльщик. Дальше они без приключений добрались до избушки.

На другой день Инна отходила от вчерашнего дня, а Игорь сделал благополучно кольцевой маршрут, замкнув северную часть массива. Инна ещё рассказывала, что ей там одной было немного жутковато и, якобы, на склоне она видела медведя (а может и на самом деле видела).

На третий день они начали обратный ход маршрутом вдоль западного экзоконтакта массива. Маршрут проходил по скалистому хребту, покрытому кедровым стлаником, и они преодолевали его с сопутствующими трудностями. Маршрутом они дошли до перевала, а дальше пошёл свободный отход в сторону истоков ручья Крутого. По замыслу Игоря, они должны были заночевать на нашей стоянке, на развилке ручьёв, куда они, в конце концов, и спустились. А эти крутые горки опять измотали Инну. Пока спускались к месту ночёвки, у Инны был на устах один вопрос: «Ну, скоро?». Переночевали у нашего костра с шалашом. Ночь тоже не прошла бесследно — у Игоря прогорел плащ.

На другой день они начали спуск к Витиму по ручью Крутому, хотя вода была большая. Но они не свернули от него, как мы в прошлый раз, а где надо

и облазили по скалам. И на одной такой скале Игорь, забравшись на высоту 3–4 метров, уцепился за очередной куст, но тот оказался непрочным и Игорь, со слов Инны, как в кино с замедленным действием пошёл вниз, задержался на полпути немного, а потом навзничь упал в ручей на спину с рюкзаком. А Инна стояла рядом и не знала, что в таком случае у Игоря надо спросить. Немного оклемавшись, он поднялся на ноги. Отделался ушибами, синяками и изрядно поцарапался и ободрался, но падение его всё-таки было удачным, могло быть и хуже. А дальше они без особых приключений добрались до зимовья. На этом их поход по Параму закончился (рис. 5).

Рисунок 5. Маршруты Игоря и Инны на левобережной территории Парамского массива

И так, поговорив обо всём, мы легли спать, завтра будем готовиться к отъезду, который по нашим планам должен состояться 21 июля.

ЭВАКУАЦИЯ (20 ИЮЛЯ)

20 июля. Поутру проснувшись и позавтракав, стали готовиться к эвакуации. Собрать все вещи, образцы по рюкзакам, чтобы мест было как можно

меньше. Занялись постирочными делами и топить баню, чтобы напоследок отвести душу и уехать отсюда чистенькими. День был наш и мы не спешили.

Однако, сразу после обеда, часа в 3 вдруг послышался шум катера, а скоро и он появился неожиданно в этот день. Наш капитан говорит, что обстоятельства изменились, и нужно сегодня уезжать. Однако, он нас сильно не торопил. Инна взялась пожарить последнюю картошку на прощальный обед. Компот у нас уже был, и маленькие вкусные штучки типа печенья. Продукты, что у нас оставались, отдали Виктору Ивановичу. Ему сгодятся, так как его запасы были уничтожены. Сходили и в баню всё-таки, попарились напоследок. Когда всё было готово, сели за стол и совершили прощальную трапезу с остатками допинга. Поблагодарили от всей души нашего капитана Виктора Ивановича за столь радушное к нам отношение. Долго сидеть было некогда, и мы стали грузиться на катер. А потом и отплыли. Наш капитан дал прощальный гудок.

Итак, прощай Парам, ты за месяц стал для нас родным. Мы выдержали все твои испытания, всё кончается вполне удачно, и мы, целые и невредимые, покидаем тебя. Мы покидаем тебя покорённым, и к тебе, видимо, уже не вернёмся. Но, как гласит народная мудрость, «Неисповедимы пути Господни». Может, кому из нас и повезёт ещё здесь побывать.

Наш быстроходный катер уносил нас от Парама. Витим уже успокоился после своего «гнева» и выглядел вполне пристойно. Только кое-где виднелись следы недавней стихии.

Поздним вечером мы прибыли в посёлок Усть-Муя. Виктор Иванович определил нас на ночь к своей невестке, которая тут недалеко от берега жила. И обещал помочь нам завтра отправиться дальше до Таксимо. А пока спать — мы развернули свои спальные мешки и пошли в ночь.

Усть-Муя—Томск (21–26 июля)

21 июля. На утро встали как положено, не пересыпая. Сходили в местную столовую, в которой с удовольствием поели довольно вкусных блюд, особенно салатов, которых мы уже давно не видели. Затем в сельском совете полностью утвердили наш контракт с Виктором Ивановичем и обоюдно остались довольны. После приобрели ящики для наших образцов и сходили в местный промышленный магазин, в которых приобрели небольшие подарки для себя и для своих близких. А Миша приобрёл и швейную электрическую машинку, а ещё и косо посмотрел на швейную машинку с кожаным приводом.

После чего мы вернулись на квартиру и стали устраивать наши образцы в ящики. А затем стали ждать транспорт. Прошёл обед и опять ожидание, в надежде уехать. К вечеру сходили к Виктору Ивановичу, но он тоже пока ничего не знал о своём друге, и опять ожидание. К вечеру, после обеда в столовой, мы зашли в магазин, и после долгих колебаний я всё же решил взять своей жене в подарок швейную машинку. Мы её тут же упаковали, и у нас прибавилось ещё место. Итак, день прошёл, и мы остались на месте.

22 июля. С утра потянулись долгие часы ожидания с перерывами на завтрак и обед. Сходили к Виктору Ивановичу, однако он тоже толком ничего не знал о друге. Видимо, друг его является не таким надёжным партнёром, как он сам. Мы стали волноваться, сходили в леспромхоз, но у них машины не шли до Таксимо.

Однако, в ОРСе¹ сказали, что должны подойти машины из Таксимо с грузом и потом назад. Скоро на той стороне Муи появился фургон, а затем на пароме переправился на эту сторону. Первое знакомство с шофёром ничего не дало — он отослал к начальству, к которому я тут же пошёл, и они предложили нам разгрузить машину. Я сходил за ребятами, и мы насколько смогли, помогли местным грузчикам. И опять стали просить шофёра нас довезти до Таксимо. Но он нас отговаривал, что мы будем испытывать неудобства от поездки в будке. Но мы были на всё согласны, и после долгих уговоров он согласился нас отвезти в Таксимо. Мы тут же быстро загрузились в машину, сами устроились в маленьком предбаннике перед будкой, а Инну определили в кабину. Отблагодарили радушных наших хозяев за их терпение и за сочувствие — всё-таки приятно иметь дело с хорошими людьми, которые готовы всегда помочь.

Итак, едем дальше, настроение у всех сразу поднялось. По пути помогли шофёру наломать берёзовых веников. Приехали в Таксимо уже к вечеру. Шофёр зашёл на базу и потом собирался отвезти нас на железнодорожный вокзал. Скоро он вернулся и сказал, что начальство отправляет его в Ангаракан за грузом. Мы тут же уговорили, чтобы он отвёз нам груз с одним человеком до Ангаракана, чтобы не таскаться с ним через перрон. Парень оказался сговорчивым и не смог нам отказать. Мы договорились, что он заедет за Игорем на вокзал, где мы будем ждать поезда. После чего сходили в столовую и, чтобы скоротать время, пошли в кино на детектив.

Когда вышли, уже стемнело, и мы пошли искать вокзал, который оказался в другой части города, которая находилась в двух часах ходьбы. И мы ночной дорогой уже за полночь добрались до вокзала. Заняли лавки, чтобы подремать, а часа в четыре засигналила машина и Игорь уехал. Скоро подошёл поезд, мы заняли места согласно билетам и завалились дальше спать.

23 июля. К обеду благополучно доехали до Окусикана. Там мы быстро покинули вагон и устремились к вахтовке, которая ждала своих пассажиров и даже заняли сидячие места. Хорошо, когда нет груза, и ничто не мешает нашей мобильности. На вахтовке перевалили через перевал и прибыли в Ангаракан. Игорь нас уже давно ждал.

Купили билеты на поезд, который идёт вечером, и стали ждать. Мухи местные нас одолевали — столько их мы уже давно не видели. Вскоре появился автобус, который шёл до Северо-Байкальска, и мы решили отправить Инну взять билеты дальше.

Поезд подошёл по расписанию, и мы со своими вещами и ящиками устремились к нему. Но не тут-то было — на нашем пути встала начальник поезда, который никак не хотела нас пускать в вагон с ящиками. В составе поезда был вагон рефрижератор, и она отослала нас к сопровождающему этот вагон, с которым мы быстро поладили. На вопрос: «Что буду иметь?», ответили: «А сколько надо?».

До отправления оставалось несколько минут. Хорошо, что Игорь утром в этот вагон с шофёром загружали бидоны, и он видел, как его надо открывать, а так бы не справиться. Мы быстро загрузили ящики в вагон и запломбировали

¹ Отдел рабочего снабжения. ОРСы занимались материальным обеспечением: именно благодаря им в бамовских магазинах были свежие колбасы, компоты, соки, а сами строители носили дублёнки, свитера и куртки, о чём в Союзе могли только мечтать.

ли. Затем покидали рюкзаки и не успели занять места, как поезд тронулся. Места были в разных вагонах. Мы сели с Мишей в одном купе, а Игорь в другом вагоне. С нами в купе оказались две девочки десятиклассницы из Таксимо. Они рассказали нам о своей жизни в Таксимо, и мы сагитировали их приехать в Томск и поступать в наши вузы. Так, за дружеской беседой мы провели вечер. Они угостили нас колбаской и огурчиками, которых мы давно не видели. А потом легли спать. Ночью на какой-то станции наши попутчицы сошли, а к утру и сами доехали до Северо-Байкальска.

24 июля. Нас встретила Инна, она уже по нас соскучилась. Мы быстро разгрузились. Забрали ящики из рефрижератора и опять его закрыли. Расплачиваться не с кем было, никто не вышел.

Расположились около багажного отделения, чтобы больше ящики не таскать. Вокзал был полон народу, и мы расположились на улице, хотя было прохладно. Инна рассказала о своём путешествии в автобусе, и как шофёр-бурят хотел её соблазнить. Но она дала ему достойный отпор и он отступил. Она благополучно добралась до вокзала и купила нам всем билеты сегодня на вечер.

Тут мы заметили, что с Игорем что-то не ладно, и он скоро сознался, что заболел, видимо где-то продуло. Мы перебрались в вокзал к камере хранения и стали ждать её открытия. А когда она открылась, сдали вещи в камеру хранения и наконец-то избавились от своих ящиков, сдали их в багажное отделение. В них оказалось 200 кг.

После пошли в город. Было воскресенье, почта была закрыта, и мы остались на мели. Выручила Инна — она одолжила из своих запасов, сколько могла. Мы сходили в столовую, по магазинам, хотели посетить баню. Но она, к нашему неудовольствию, оказалась на ремонте. И после долгого дня дождались вечера, а с ним и отправления поезда. Тут выяснилось, что у нас билеты в купейный вагон и в одном купе, но мы ничего не имели против и разместились как хотели. Вагон, по нашим понятиям, был «супер» (потому что мы лучших не видели), в нём было всё пристойно и чисто.

За ужином попили чаю с тем, что закупили в Северо-Байкальске. Инна всё больше наваливалась на халву, которая тут была в достатке, а не как в Томске. Она к ней была не равнодушна. А после она взялась лечить Игоря, делать массаж и натирать «какой-то» мазью, которая у нас была. И запах от этой мази кажется, распространился на весь вагон. Но возражений в наш адрес не поступило, поэтому Инна продолжала врачевать — нам Игорь нужен здоровый.

25 июля. День прошёл в поезде, отлёживаемся и отдыхаем. А Игорь продолжает лечиться. Так, за непринуждёнными беседами и периодическим сном, дожидаемся ночи, а с ней и ст. Тайги, где предстоит нам пересадка до Томска.

26 июля. 4 часа утра прибываем на ст. Тайга, на первый путь. Думаем, на какую платформу выгружаться на 1-ю или 2-ю. Игорь говорит, что электричка должна уходить вот-вот со второго пути. И мы выгружаемся на вторую платформу, но на втором пути электричка отсутствует, и мы пытаемся узнать о ней у прохожего милиционера, который, как мы поняли, ничего не знает. Через несколько минут подходит Андижанский поезд, который идёт в Томск. Я побежал на вокзал закомпостировать билеты и в кассе узнал, что электричка стоит на северном пути и отходит через 5 минут. Я побежал к своим, мы

похватили свои вещи, а их было 14 мест, и, насколько позволяла нам скорость, кинулись к электричке. Она ещё стояла на месте. Я с Инной заскочил в неё, а Игорь с Мишей давай кидать нам вещи. Когда кидали последний спальный мешок, дверь стала захлопываться, и он оказался между створок. Это нас и спасло, а также Игоря с Мишей. Дверь на несколько секунд распахнулась, и они заскочили в вагон, а иначе бы пришлось догонять им нас следующим поездом.

Итак, всё опять закончилось благополучно, и мы выходим на финишную прямую. После столь сумбурной погрузки отходим, восстанавливаем здоровье. А через 2 часа выгружаемся в Томске. Часть вещей оставляем в камере хранения, а с личными разъезжаемся по домам.

И так закончился наш славный поход в столь дальние «страны». Судя по разговорам участников нашей экспедиции, никто не пожалел, что участвовал в ней, у всех накопилось масса впечатлений от этого путешествия. Мы ближе узнали друг друга, узнали, на что способен каждый из нас и все вместе. Задание мы своё выполнили, насколько это нам позволили обстоятельства, и с чувством выполненного долга и с хорошим настроением возвратились домой.

Эпилог

В следующие 3 дня мы отдохнули, как следует. Вдохнули «свежий» ветер города. Сходили в университет, встретились с шефом А.И. Гончаренко, поделились своими впечатлениями, доложили о выполнении работы. Он остался доволен результатами экспедиции (рис. 6).

Рисунок 6. Карта фактического материала с точками наблюдений и отбором образцов

А потом был второй этап нашей экспедиции на Салаир. Но это уже другой дневник и другие впечатления. А по осени мы все встретились и продолжали рассказывать друг другу о том, уже несколько далёком, путешествии. К этому времени уже забылись все неприятные впечатления, а всё окрасилось уже в розовый цвет и вспоминалось только хорошее.

На том и закончился мой первый дневник о нашей экспедиции на Витим. А жаль, что это первый — до этой экспедиции было уже много других, которые остались только в памяти в виде отдельных фактов и фотографий, и в которых также было о чём написать, но не приходили до сих пор в голову такие бредовые мысли. А жаль!!! Но это мы учтём на будущее.

Однако, этот дневник, к сожалению, был как первым, так и последним.

Томск, 1988, 2024

РАИС ГАЙНУЛОВИЧ ШАРИПОВ

Родился 27.06.1961 года в деревне Шагирислам Пировского района Красноярского края. 1978—1983 годы — учёба в Красноярском институте цветных металлов на геологоразведочном факультете по специальности геологическая съёмка, поиски и разведка месторождений полезных ископаемых, инженер-геолог. 1983—2003 гг. — работа по распределению в Северной ГРЭ ПГО Красноярскгеология, прошёл путь от старшего техника-геолога до геолога 1-й категории на поисках золоторудных месторождений в Ведугинско-Панимбинском и Советском рудных узлах. 2003—2005 гг. — начальник Советской ГРП ГУП «Сибзолоторазведка», поисковые работы на рудное золото, разведка россыпей. 2005—2006 гг. — организатор геологоразведочной службы ООО «Соврудник» в качестве начальника службы. С 2006 года и по настоящее время работает в АО «Полюс Красноярск» в качестве ведущего геолога отдела геологоразведочных работ. Награждён нагрудным знаком «Первооткры-

ватель месторождения» за открытие и разведку месторождения рудного золота Панимба в Красноярском крае (запасы золота — 74,5 т).

ЗАГАДКА 58 КИЛОМЕТРА

Осенью 1983 года, после окончания КИЦМ, я прибыл на работу в Северную ГРЭ, базировавшуюся в посёлке Тея. Руководители геологической службы СГРЭ распределили меня в Северо-Енисейскую геолого-поисковую партию в Ведугинский отряд, возглавляемый старшим геологом Михаилом Васильевичем Крысиным. После сдачи поискового отчёта по Ведугинско-Панимбинскому рудному узлу, отряд продолжил работы на Панимбинской площади, а поиски на Ведуге оставили ждать лучших дней. Так летом 1984 года я попал на Панимбу. Много интересного связано с геологической точки зрения с этим поистине ставшим родным для меня участком, но сегодняшний рассказ о «загадке» 58 километра Комсомольского тракта.

В полевой сезон 1984 г. мы выехали в поле без старшего геолога: Михаил Васильевич уехал в Красноярск на сдачу отчёта. Работу на участке начальник партии Анатолий Яковлевич Курилин поручил организовать технику-геологу нашей партии Анатолию Схоменко (он в 1983 г. после окончания Новосибирского ГРТ отработал полевой сезон на Панимбинском участке), а документацией канав занимался я. Кроме нас ещё в отряде были бульдозерист и три горняка. Работы по проходке канав велись в основном на Михайловском и ручья Золотого рудопроявлениях. Документацией канав я никогда ранее на производственных практиках не занимался, потому свободного времени у меня практически не было, всё время уходило на работу — постигал премудрости залегания пород Енисейского кряжа и поиск золотой руды. Всё было для меня ново и интересно, но дальше канав я носа не совал. На следующий же год начались полномасштабные поисковые работы по проекту с металлометрией, наземными геофизическими работами, проходкой канав и шурфов. Расширилась площадь работ, и я потихоньку начал изучать окрестности участка. В этом мне очень помогало моё весеннее приобретение — мотоцикл «Восход-3М». Купил я его в нашем продснабе за 450 рублей, что было большой удачей: мотоциклы разбирали влёт, особенно в почёте были «Уралы», «Днепры» и «Ижи».

Был мой мотоцикл оборотистый, по болотам и грязи конечно не ходок, но по тракту и по старательским отвалам он носился — будь здоров! Наш полевой лагерь располагался у моста (54 км тракта от п. Брянка) через реку Панимба, на не высокой террасе у левого берега. Состоял лагерь из десятка жилых палаток, навеса над кухней, палаточной бани на речной косе. До места производства работ было в основном недалеко — около трёх километров.

Шурфы копал старый горняк, настоящий бич Рамазан Яубасаров. Человек, неизвестно как попавший из родной Башкирии в 1960-х годах в геологоразведку, да так и прикипевший к этому образу жизни. К своим 50-ти годам у него не было ни дома, ни семьи, ни постоянной работы. Весь его нехитрый скарб умещался в одном вещмешке. В полевой сезон он устраивался к нам в экспедицию на проходку канав и шурфов, а зимой, если сильно повезёт, работал на Руднике в одной из многочисленных в то время кочегарок.

В полевой сезон 1985 г. Рамазан пришёл к нам в отряд на проходку картировочных шурфов. Одна из линий шурфов была задана как раз в районе 58 километра, ориентирована она была север–юг. Начал её проходку Рамазан с севера. Он копал шурфы, я документировал. Добирались до работы поразному: я, как уже выше сказано, был моторизован — ездил на мотоцикле «Восход-3М». Пять минут хода по тракту в гору, и я у шурфов. Бросил мотоцикл у дороги (были же времена — никто ни разу не покусился на моего железного коня из проезжих машин!), прошёл до линии шурфов, работай в удовольствие. А Рамазан, ходил пешком — никак я не мог его уговорить сесть и комфортно доехать до работы. «Один проехал, теперь лежит в постели, не встаёт», такая была у него отговорка. Человек он был неразговорчивый, редко скажет более пяти слов. Придёшь к нему на шурф, он вылезет, закурит сигаретку, покурит, ответит на два-три вопроса и обратно — нырк в шурф: «некогда мне — работать надо!». Проходчик он был от бога! Несмотря на свои совсем невнушительные габариты (рост около 160 см, ладонь маленькая, как женская) месячная выработка у него была самая высокая: меньше 80–90 пог. м шурфов он не проходил, независимо от геологического разреза, погоды, расстояния между шурфами и подхода к ним. Его шурфы всегда отличались высокой культурой проходки, если у других, неопытных проходчиков, это были скорее ямы, а не горные выработки, то у Рамазана шурф был с ровными стенками, с одинаковым сечением, что на поверхности, что на забое. Забой всегда был добит до коренных, которые отличались от других забоев чистотой и аккуратностью. Копал он шурфы на «выкид» до глубины 3,5 м один, без помощника, и это в 50 лет. В глубокий шурф у него всегда был оборудован спуск: в стенках шурфа выбивались ниши, в которые при спуске очень удобно ставилась ступня. Поэтому спуск-подъём в шурфы Рамазана не вызывал никаких затруднений. Анатолий Яковлевич Курилин рассказывал нам про то, как Рамазан стал горняком. Было это в начале 60-х годов прошлого века на съёмочных работах у него в партии. Вначале Курилин определил его в маршрутные рабочие: мол, роста маленького, слабоват на вид. В конце сезона, после окончания маршрутных работ, предложил покопать шурфы — «лишние метры для плана не помешают, да и себя прокормит», подумал. Подбив объёмы выполненных работ в конце месяца, после закрытия нарядов у Рамазана оказалось больше всех пройдено погонных метров шур-

фов. Горняки, прожжённые бичи, наехали на Курилина: мол, приписал любимчику – создали комиссию и пошли перемерять объёмы. Оказалось, геологи ещё полметра не дописали, просто все диву давались – какой силой он мог столько копать: на вид «дохляк». Конец жизни у него незавидный: сгорел при пожаре в доме по улице Ленина в «Совруднике» после полевого сезона в начале 90-х. Опознали его менты по геологической фуфайке и пачке трёхрублёвок в кармане – ещё не всё успел прогулять и разбазарить с такими же, как и он, бичами на рудницкой «блат-хате». Хоронили мы его поздней осенью. Рабочий нашей партии, местный житель Володя Осипов, показал место с мягким грунтом на местном кладбище — пусть земля ему будет пухом.

Так вот, как-то спускаясь с линии шурфов напрямую к тракту, я остановился в удивлении: на окраине курума слюдистых сланцев (площадь развала каменных глыб была около 50×100 м) виднелись какие-то постройки из камней на западном склоне горы с отметкой 681,0 м, сложенные обломками сланцев размерностью до 0,5 м. Обломки пород были поросшие мхом, похожим на ягель; кое-где виднелись редкие кустики угнетённой малины. Деревья росли по краю каменной осыпи, но также не создавали радужное настроение: часть из них была засохшая, остальные же были в виде чахлах ёлок, пихт, осинки и берёзок среди высоких редкосучных лиственниц. Курумы меня поражали с первого моего знакомства с ними на первой производственной практике на реке Большой Пит. Курумы (древне-тюркское *gorum* — «каменистые россыпи») образуются там, где на дневную поверхность выходят твёрдые горные породы. Одним из первых на генезис или происхождение курумов указал российский военный географ белорусского происхождения Н.М. Пржевальский. Он полагал, что курумы образуются вследствие разрушения скальных горных пород в силу неравномерного нагрева и охлаждения, там, где велика амплитуда дневных и ночных температур. Очевидно также, что курумообразование интенсивнее проходит весной и осенью, когда на нагретую поверхность скал изливается холодный дождь и лёд ломает горную породу. Являясь уроженцем западносибирской части Красноярского края, редкий каменный материал я видел только в виде гальки на пляжах реки Большая Кеть, и на железнодорожной насыпи, где мы с ребятами отыскивали кусочки гранита, кварца и «пишущих» камней: которыми можно было написать вечное на заборе. Было что-то таинственное, а может просто непривычное моему глазу в таких вот каменных развалах. А на этом куруме, к моему почтенному отношению к ним, добавилось удивление в увиденной упорядоченности, сложенных в кучи камнях. Что это было творение рук человеческих, не вызывало сомнений, но какова была цель этих построек? Спускаясь с линии шурфов к тракту, в то лето 1985 г., я частенько заглядывал к этим каменным постройкам, надеясь хотя бы чуть-чуть приоткрыть тайну каменных построек.

Вторично на Панимбе я оказался, когда вернулся, на уже родные для меня места, работая в составе ГРП ЗАО «Полюс». Было это в 2006 году: прошло 22 года с моего первого посещения Панимбы. Здесь всё было знакомое и родное, сохранились даже наши старые пикеты на бульдозерных траншеях. Поисковые работы «Полюс» развернул со свойственным ему размахом — велись горные, геохимические, геофизические, буровые работы. Численность рабочих в полевом лагере доходила до 120–150 человек. Условия жизни, конечно, отличались от 1980-х годов: на смену палаткам пришли передвижные

комфортные балки «Кедр», круглосуточно работала ДЭСка, давая свет и тепло в балки. Жизнь в палатках, при свечках полна романтики, но забирает много времени на поддержание нормальной жизнедеятельности геологов.

Среди прочей техники у нас была буровая установка УРБ-2М на автомобиле КАМАЗ для проходки буровых картировочных и поисковых профилей. С её помощью, кстати, было открыто второе рудное тело на Михайловском проявлении, которое мы в 1980-х годах не смогли вскрыть бульдозером — трактор утонул в болоте, сломалась его рессора, и мы отступили: отбило охоту соваться в такое погибельное место. А УРБ-2М спокойно, по пробитому в чернолесье профилю, по пням, буеракам, по самым автомобильным мостам в воде и грязи — вскрыла мелкоузловатые сланцы: руду «михайловского» типа. Большинство поисковых шурфов при работах в 1980-х годах садились на валуны кристаллических сланцев, они не в полной мере отражали реальную геологическую обстановку.

Картировочные буровые профили решали с большей достоверностью поиск золоторудных зон. Линия шурфов, пройденная Рамазаном в 1985 г., так же частенько отмечалась фиксацией в шурфах крупно-глыбовых развалов, ручной разборке неподвластных. А так как она была пройдена на севере площади, в районе заворота складки, фиксируемой и геологическими, и особенно геофизическими методами — геологи «Полюса» не могли упустить случая, пощупать это место на золотоносность. Жарким летним днём, протесав линию бурового профиля, я с геодезистами нашего отряда спускался к тракту (уже на этот момент заброшенному, так как дорожники спрямили участок дороги с 56 км до 65).

Отвлечённый мыслями о работе, я совершенно забыл, что мы находимся рядом с каменными постройками — артефактами (артефакт — лат. *artefactum* от *arte* — искусственно + *factus* — сделанный) в обычном понимании — любой искусственно созданный объект, продукт человеческой деятельности, так волновавшими меня четверть века назад. Каково же было удивление товарищей при виде каменных построек, неожиданно открывшихся их взору. Моих спутников заинтересовало, чьих рук это творение? Я же безапелляционно брякнул: мол, это могилы тунгусских князей. Видите, говорю — это могила князя, а рядом его любимой жены и наложниц, а в длинных стенообразных постройках лежат доблестные воины. до самой смерти преданные своему князю. Посмеялись мои товарищи, но смотрю, что-то притихли и задумались: чем чёрт не шутит. А я, признаться, в тот момент и сам не знал, кто же на самом деле сотворил эти каменные постройки.

Осенью 2014 года мы с коллегами по ГРП решили съездить на Панимбур, отвлечься от серых рудинских будней: кто-то порыбачить, кто ягоду пособирать, сходить на Панимбинские столбы, и я пообещал показать своим товарищам «могилы тунгусских князей». Даже нашёл координаты крайней скважины, ближайшей к артефактам, и попросил нашего геодезиста Сергея Зудова «забить» их в GPS, чтобы точнее выйти к ним. На машине главного геолога нашей партии Владимира Владимировича Журавлёва отправились мы к 58 километр, доселе неразгаданным артефактам. Включив GPS, я внимательно смотрел на стрелку прибора, боясь упустить момент сопряжения координат и точки на местности. Вдоль дороги стоял лес, поражённый пожаром 2012 года, когда по всей северо-енисейской тайге бушевали пожары вследствие жаркого сухого лета. Но, видимо было не суждено нам в этот момент найти наши артефакты, что-то отводило нас в сторону от них. Поплутав около часа, не солоно хлебавши, мы вернулись на базу участка. Но я непременно решил посетить 58 километр на обратном пути в Еруду. С Сергеем Зудовым на автомобиле «Урал» мы свернули на Комсомольский тракт у знака 56 км и стали внимательно смотреть на GPSи по сторонам, надеясь увидеть дорожный столб с указателем «58 км». Остановившись приблизительно около артефактов, мы отправились на поиски. Пройдя по-над трактом метров 200–300, увидели искомую цель — вышли на край курумника, рядом были и каменные строения.

для УРБ-2М летом 2006 года. Но и в этот раз его охватило, то ли волнение, то ли возбуждение от увиденного. Казалось бы, что тут такого: сложенные в кучи камни, на первый взгляд без всякой системы. Поражала только точность и тщательность выкладки углов у более хорошо сохранившихся «могил». Может быть, эти ощущения сравнимы с видом египетских пирамид:

там тоже гора камней, пусть правильной пирамидальной формы и высокой, но тоже просто камни! Мы ходили вокруг каменных артефактов и не переставали удивляться: сколько терпения надо было иметь для складывания обломков горных пород неправильной формы в аккуратные прямоугольники.

Сергей был со мной и ранее у этих артефактов, когда мы рубили профиль. Большинство «могил» были осыпаны, углы обрушены: или быть может, они были недоделаны в силу каких-то причин. Романтическая версия о причастности коренных народов, заселявших район и об их культовом сооружении, конечно, грела душу. На самом же деле я более всего склонен к двум версиям: о заготовке бутового камня «комсомольцами» для строительства Комсомольского тракта в 1937 году, и второе: причастности к этим сооружениям геологов-разведчиков андалузитового сырья для алюминиевой промышленности.

Поиски андалузитового сырья начались Гольцовской поисково-опробовательской партией (Левченко, 1957), основанием послужили геологосъёмочные работы масштаба 1 : 200 000 и средне-крупномасштабные геолого-поисковые работы. На Панимбинском участке было пройдено 13 шурфов и три канавы в местах с максимальным содержанием андалузитов, произведено опробование, участок признан перспективным.

В 1958–1960 гг. работы были продолжены Панимбинской партией с целью предварительной оценки качества андалузитовых сланцев (Казаров, 1960). На участке пройдены шурфы по сети 200–400×100 м на площади 3×3,6 км, проведён отбор двух валовых проб и технологические испытания руд, среднее содержание андалузита составило 13 %. Установлена высокая стоимость андалузитового концентрата.

Я использовал результаты их работ в отчёте за 1988 г. при построении карты района работ (Крысин, 1988). Линии шурфов андалузитчиков находятся северо-восточнее описываемого места и тянутся через Тавликский хребет к золоторудному проявлению Тавлик. Так что версия происхождения артефактов при геологоразведочных работах имеет право на существование. Каменные кучи выложены в правильные формы для подсчёта объёма породы, по краям крупные камни образуют как бы ёмкость, а мелкие сложены внутри объёма. При беглом осмотре я увидел внутри кладки и обломки кварца 30×30 см, что ни в коей мере нельзя отнести к андалузитовой руде. Обломки меньших размеров, явно дроблёных камней, сложены кучами в стороне от крупноглыбовых образований. Методика подсчёта запасов и отбора технологической пробы, к сожалению, в отчёте не расписана. При осмотре «могил тунгусских князей» у меня почему-то даже не возникла мысль простучать камни в кучах для просмотра их состава. Снаружи они поросли мхом и все серого цвета, я только по опыту работ на Панимбинском участке чисто визуально определял принадлежность обломков к слюдястым сланцам кординской свиты.

Что-то удерживало меня от даже малейшего нарушения покоя этой каменной пустыни. Пожарище дополнило унылый вид кладбищенского пейзажа. За всё время посещения территории артефактов, мы не обнаружили следов человеческой деятельности: брошенных орудий труда (лопат, скребков, листов жести, консервных банок). О чём это говорит? Либо время уничтожило следы человеческой деятельности, либо после окончания строительства наведён порядок. Так, кем же были эти загадочные строители и каково предназначение данных построек?

Ноябрь 2014 г.

Сазонов Анатолий:

Раис, добрый день! Мир тесен. Я хорошо знал Рамазана. Последний раз встречался с ним на Благодатном, когда руководил там поисками Володя Зумарев. Когда я распрощался с Рамазаном и ушёл на Эльдорадо, Володя Зумарев по пьянке спалил палатку и рацию, ночью после моего ухода. Когда это было, точно год не помню, скорее всего, 1974. Начиная с 1975 года, я работал на Удерее, Васильевском, Герфедде, Бабушкиной горе и в целом на площади Партизанского рудного узла. О гибели Рамазана я узнал давно, и мне было жаль смерти этого человека, мы были в очень добрых отношениях, конечно, мы не были друзьями, но при встрече в любых местах, в поле или в посёлках, были рады друг другу. Почему у нас сложились тёплые отношения и в каком году, я не помню, но первый раз в район я приехал на Эльдорадо в 1967 году.

Спасибо за рассказ, память о своём «крёстным» участком. Рассказ получился душевным, занятым и повествовательно-приятным, без тяжести какого-либо «жуткого» сюжета. У геологов часто бывают в разговорах-байках либо страшные сюжеты, либо неправдоподобно смешные. До связи.

[sazonov_am@mail.ru]
Чт. 12.02.2015 23:02

ПАНИМБИНСКИЕ СТОЛБЫ

Замечательное место на Земле — участок Панимба! Прекрасно во всех смыслах: есть окутанные тайной «могилы тунгусских князей» (Загадка 58 километра), а какой замечательный вид с горы Тавлик на север от Тавлик-

ского хребта! Не менее прекрасен вид на хребет Вэйванде с вершины горы на участке Золотой Панимбинского месторождения. Прекрасна и сама река Панимба, пусть и изтруженная рабами золотого тельца, но всё же с хорошей рыбалкой. А сколько грибных, ягодных мест! Тяжёлый труд в геологоразведке не очень-то подразумевает развлечения. Баня, столовая, шконка в палатке или в балке и всё — на этом конец жизненным радостям!

На Панимбе же для всех работников была возможность отдохнуть от дел трудовых, будничных — устроить себе маленький праздник. Кому рыбалка, сбор дикоросов (грибы, ягоды, черемша и др.). А кто и просто валялся на диком пляже у дражных разрезов, с тёплой на поверхности и с ледянящей на глубине водой, в редкие выходные дни.

Ещё до моего первого посещения Панимбы, Володя Лохмаков, работавший на Панимбе в 1983 г., рассказал мне о Панимбинских Столбах, речных порогах в вершине реки Панимба в 2 км выше моста.

Учась в институте в Красноярске, я частенько ходил на Красноярские Столбы с товарищем по комнате Володией Буйловым. Наши походы хорошо помогали отвлечься от учёбы, от шумного и грязного города, давали хорошую физическую закалку. В памяти от этих походов остались только одни приятные воспоминания, и поэтому я с нетерпением ждал первой встречи с Панимбинскими Столбами, чтобы поскорее увидеть и оценить красоту скал. В первый же день, свободный от трудовых будней, я пошёл по дороге ведущей вверх по реке Панимба к гранитным останцам. Моё ожидание от встречи с прекрасным оправдалось в полной мере и тут же встал вопрос: как же образовались эти причудливые творения природы? Приведу краткое геологическое описание района Красноярских и Панимбинских Столбов (быть может оно и неинтересно простому обывателю, но для понятия сути вопроса очень важно).

КРАСНОЯРСКИЕ СТОЛБЫ

520–600 млн лет назад в венде и раннем докембрии на месте нынешнего г. Красноярска плескалось море, в котором накапливались песок и глина, позднее превратившиеся в песчаник и алевролиты тюбильской свиты.

Затем начали строить свои рифы археоциаты — древние организмы, похожие на кубки, скелет которых состоит из углекислого кальция. Так появились известняки торгашинской свиты с остатками водорослей и древних скелетных организмов, свидетелей мелководного морского режима. А около 450 млн лет назад, в средне- позднеордовикское время в районе, где сейчас находятся города Красноярск и Дивногорск, начались сильные извержения вулканов. На поверхности, из продуктов извержений этих вулканов, сформировалась мощная имирская свита трахибазальтов, трахиандезитов, трахитов и их туфов (возраст 447 млн лет по рубидий-стронциевому методу, Рублёв, 1996). На глубине в это время застывал сиенитовый расплав, из которого сформировались массивы Столбовского комплекса (Столбовский, Абатакский, Шумихинский, Лиственский и др.). Возраст формирования этих массивов по данным калий-аргонового и уран-свицового методов для Столбовского массива находится в интервале 446–452 млн лет (Рублёв, 1996, Крук и др., 2002).

Схема расположения Красноярских Столбов

Столбовский массив представляет собой пластовое тело, по форме приближающееся к лакколиту, площадью около 40 км², кровля которого по геофизическим данным полого погружается в СВ направлении под долину р. Базаиха. Массив сложен слабопорфировидными и равномерно-, мелко- и среднезернистыми биотит-роговообманковыми сиенитами и кварцевыми сиенитами первой фазы. Они составляют все самые известные скалы Красноярских Столбов. После затухания вулканической деятельности продолжилось раз-

рушение горной страны и накопление девонских красноцветных толщ песчаников, конгломератов и алевролитов. Постепенно к концу каменноугольного периода горные сооружения разрушились, и территория превратилась в заболоченную равнину с многочисленными озёрами. В юрском периоде образовались угленосные формации. В районе заповедника Столбы мезозойские бурые угли сохранились в единичных тектонических блоках. Через сотни миллионов лет в кайнозое начался новый подъём территории нынешнего Восточного Саяна. Начало поднятия оценивается цифрой 30–35 млн лет. В течение этого этапа древняя пенепленезированная поверхность, поднятая в районе заповедника до отметок 700–900 м над уровнем моря, была пропиленна и расчленена правыми притоками р. Енисей (Мана, Базаиха и др.). Осадочные слои, скрывающие Столбовскую интрузию, постепенно разрушились и сиениты оказались на поверхности. Наиболее устойчивые к выветриванию горные породы — мелко- и среднезернистые сиениты выдержали всё: воду, ветер, солнце, перепады температуры и поэтому постепенно образовались господствующие высоты заповедника: Куйсумский хребет, гора Атабак, Столбинское нагорье. В пределах последнего единый Столбовский массив был расчленён на ряд останцов выветривания — причудливых скал-«столбов». В дальнейшем процессе атмосферные воздействия придали многим скалам причудливые формы. В результате трещины расширились, образовались ниши, козырьки, пещеры, кресла, стаканы, качающиеся камни и т. д. Возраст столбов достоин уважения: по разным данным, прошло от 449 до 451 млн лет со дня их возникновения. Около ста скал насчитывается на территории заповедника. Различают непосредственно «Столбы» — открытые для туристов скалы, и «Дикие столбы» — скалы, расположенные в глубине заповедника, доступ к которым ограничен.

Жители Красноярска более чем 150 лет посещают «Столбы» с целью активного отдыха, занятия спортом. За это время возник и сформировался «столбизм». Посещаемые туристами места можно условно разделить на два района.

- «Такмаковский район» расположен в долине реки Базаихи, у подножия Такмака. В этом районе располагаются скала Такмак, Китайская стенка, Ермак и группа мелких скал «Воробушки» — Цыпа, Жаба и др.
- «Центральные Столбы» — район в 7-ми км от границы заповедника, занимающий площадь примерно 5×10 км. Здесь расположены уникальные в своём роде скалы: Дед, Перья, Львиные ворота, Столбы с I по IV и многие другие. Самые популярные ходы к вершине скалы имеют собственные названия: «Голубые катушки», «Дымоход».

Столбисты рассказывают, что перед революцией большевики написали на самом большом II Столбе слово «Свобода» (сейчас его периодически обновляют энтузиасты), и ввиду сложности хода к вершине блюстители закона так и не смогли стереть эту надпись. «Дикие Столбы» — такие дальние скалы: как Манская стенка, Манская Баба, а также скалы, расположенные в Буферной зоне (закрытой для свободного посещения).

Первый столб. Один из крупнейших (высота до 85 м) и самых популярных скальных массивов заповедника «Столбы», расположен в Центральном районе Столбов, окружность свыше 600 м и высота 567,8 м над уровнем Енисея.

Первый столб

Такмак. В Такмак входит ряд отрогов, составляющих единую систему утёса. Крайняя северная площадка носит название «Малька», затем идёт главный массив, за ним — «Большой Беркут», «Могол» и карандашеобразный «Тотем».

Такмак

Дед. Одна из самых популярных и «фотогеничных» скал высотой 50 м. Доступная смотровая площадка — левое «плечо» Деда.

Дед

Вид на осеннюю тайгу со скалы «Дед»

Скала Перья. Её не спутаешь ни с какой другой не только на Столбах, но и в мире. Четыре сорокаметровых отвесных камня, примкнутые друг к другу, напоминают перья исполинской птицы. Один из символов Красноярска. Символ заповедника «Столбы».

Скала Перья

Малый Беркут

Манская стенка

Второй Столб. Самый высокий в Центральном районе Столбов скальный массив (относительная высота 96 м), наблюдаемый с многих мест в Красноярске.

Второй Столб

Скала Мечта

Близнецы

(очень похожи на Панимбинских «Трёх братьев»)

Столбист

ПАНИМБИНСКИЕ СТОЛБЫ

А.И. Вызу в отчёте о геологическом доизучении площади южной части Северо-Енисейского золотоносного района в масштабе 1 : 50 000, проведённом в 1979–1983 гг. Центральной партией описал район Панимбинских Столбов как часть Чиримбинского массива татарско-аяхтинского комплекса.

Анализ различных групп гранитоидов, участвовавших, в строении Чиримбинского массива, позволил ему выделить при их формировании 4 фазы:

- Первая фаза — породы преимущественно диоритового ряда.
- Вторая фаза — граниты гнейсовидные, участками лейко- и меланократовые (контаминированные и гибридизированные).
- Третья фаза — граниты среднезернистые, преимущественно массивные, нередко порфировидные.
- Четвёртая фаза — фаза дополнительных интрузий, гранитоиды мелкозернистые, массивные и гнейсовидные.

Внедрение интрузии происходило в раннеорогенный этап в предчингасанское время 850 ± 50 млн лет назад. Этот же возраст гранитов определяют А.М. Сазонов и Н.А. Некрасова (СФУ) в статье «Геохронология гранитов и руд месторождения руч. Золотого (Панимбинский рудный узел, Енисейский кряж)». В образце ГрПнб-1. умеренно щелочного гранита, отобранного в 100 м от контакта интрузии, на широте месторождения руч. Золотого, определён минеральный состав (в %): хлоритизированный биотит — 3; олигоклаз — 10–15; микроклин — 40–45; кварц — 25–30; циркон, апатит, сфен. Химический состав (мас. %): SiO_2 — 73,55; TiO_2 — 0,19; Al_2O_3 — 15,51; Fe_2O_3 общ. — 2,47; MnO — 0,03; MgO — 0,36; CaO — 0,69; Na_2O — 2,64; K_2O — 3,38; P_2O_5 — 0,06; п.п.п. — 0,82.

В нитевидных трещинах выявлены смолисто-маслянистые битумоиды. По результатам U-Pb датирования для цирконов ($n = 11$) получен конкордантный возраст $868,9 \pm 6,5$ млн лет. $U = 355\text{--}2491$ ppm, $Th = 168\text{--}709$ ppm, $Th/U = 0,29\text{--}0,63$. Нижне-Чиримбинский массив прорывает ядерную часть Панимбинского антиклинория на стыке со структурами Ангаро-Питского синклинория, вытянут в северо-западном направлении и по отношению к вмещающим породам является согласно секущим телом. В районе Столбов мы наблюдаем его южное окончание и участок сочленения с Верхне-Чиримбинским массивом. Непосредственно Панимбинские Столбы сложены гранитами, относящимися к третьей фазе. К этой фазе относятся преимущественно среднезернистые часто порфировидные гранитоиды, наиболее выдержанные по составу и внешнему облику среди слагающих массив пород. Благодаря этим качествам, они хорошо обособляются и легко картируются среди гранитоидов других фаз. Составляя в объёме массива около 20 %, среднезернистые гранитоиды образуют самостоятельные выходы, занимающие значительные выходы в бассейнах верховьев Левого Ведуги, Панимбы и Чиримбы. В восточной части массива среднезернистые гранитоиды с достаточно резкими контактами интрузируют мелко-среднезернистые гранитоиды второй фазы. Среднезернистые гранитоиды западной части Нижне-Чиримбинского массива слагают восточную окраину крупного тела, основная часть которого расположена в бассейне верховьев реки Ведуга. Их выходы отличаются сложно-расчленённой формой, изобилуют заливами и останцами вмещающих пород. С активным интрузивным контактом описываемые гра-

ниты прорывают отложения тейской, сухопитской, тунгусикской и киргитейской подсерий, испытывая в узких приконтактных зонах слабую контаминацию, заметно метаморфизуют породы ксенолитов. Столь же определённы их взаимоотношения с диоритовыми породами первой фазы, останцы которых корродируются и прорываются среднезернистыми гранитами, и с мелко-среднезернистыми гнейсовидными гранитоидами второй фазы.

Схема расположения Панимбинских Столбов

Геологическая карта района Панимбинских столбов

И, в свою очередь, граниты третьей фазы секутся редкими телами мелкозернистых гранитов дополнительных интрузий. В отличие от пород более древних и более молодых фаз, среднезернистые граниты лучше обнажены, иногда слагают мощные и живописные останцы выветривания, образуют курумные поля и свалы. Граниты Столбов медленно остывали и в динамически спокойной среде кристаллизовались, образовались породы наиболее близкие к классическому типу гранитов. Граниты западной части Нижне-Чиримбинского массива (панимбинский тип) характеризуются наибольшей выдержанностью как состава, так и внешнего облика.

Это однородно-массивные, иногда умеренно гнейсированные среднезернистые, нередко слабопорфировидные породы серого цвета с буроватым, редко зеленоватым, красным или розовым оттенком. Вкрапленники голубовато-серого полевого шпата обычно составляют не более 10–12%. Изредка в гранитоидах содержатся округлые ксенолиты гранитизированных био-

титовых пород диаметром до 10 см. По минеральному составу гранитоиды панимбинского типа подразделяются на резко преобладающие граниты и подчинённые гранодиориты и плагиограниты. Граниты в бассейне реки Панимбы биотитовые, двуслюдяные и лейкократовые, мусковитизированные содержат 20–30 % кварца, 29–65 % калишпата, 10–35 % плагиоклаза, меньше 1–10 % биотита, иногда 1–5 % мусковита. Результаты химического анализа гранитоидов панимбинского типа характеризует их как породы, пресыщенные кремнезёмом и глинозёмом, богатые, редко умеренно богатые щёлочью. По содержанию основных элементов-примесей в гранитах панимбинского типа доминируют элементы группы железа и рудные металлы.

Из элементов первой группы только хром присутствует в количествах в 3,4 раза превышающих его кларк в кислых породах. В группе рудных металлов заметно повышены содержания свинца и олова — соответственно в 2,5 и 1,9 раза относительно их кларка. Содержания остальных представительных элементов околосларковые или пониженные против соответствующих кларков. От 13 до 35 % проб содержат молибден (до $5 \times 10^{-4} \%$), германий ($1-2 \times 10^{-4} \%$), иттрий ($5-10 \times 10^{-3} \%$), барий ($2-4 \times 10^{-3} \%$), литий ($1-5 \times 10^{-3} \%$), мышьяк ($5-50 \times 10^{-3} \%$). В одиночных пробах отмечены также кобальт ($1 \times 10^{-3} \%$), серебро (меньше $1 \times 10^{-6} \%$) и стронций (до 0,6 %). Магнитная восприимчивость гранитоидов панимбинского типа обычно колеблется в пределах 0–12, редко $25-30 \times 10^{-6}$ ед. СГС, эти породы немагнитны. По данным аэромагнитной съемки над ними развито ровное отрицательное поле, с редкими локальными минимумами до 50 гамм. Плотность гранитоидов от 2,61–2,62 до 2,84 г/см³. Шлихогеохимическое опробование по правому притоку (в его верховьях находится Каменная река) реки Панимба, впадающего выше линии ЛЭП, обнаружило аномальные содержания иттрия (0,003 %), лития, ниобия, олова и молибдена (0,001 %). Донное опробование указывает кроме того, на аномальные содержания мышьяка, свинца, бериллия и иттербия. Минералогический анализ шлихов показал содержание шеелита до 285 знаков. В развилке ручья распространены мелкокристаллические лейкократовые граниты. Возможно, аномалия вызвана минерализацией акцессорного типа (Вызу, 1983).

Далее приведём современное толкование природы Панимбинских гранитов, изложенное в объяснительной записке к государственной карте РФ масштаба 1 : 200 000, издание второе, серия Енисейская, лист 0–46–IV (Стороженко, 1999). Данные образования относят к Гурахтинскому комплексу субщелочных гранитов, которые ранее описывались как «гурахтинские» граниты субщелочного ряда в противовес нормальным гранитам «каламинского» типа. К данному комплексу отнесены субщелочные биотитовые граниты, кварцевые сиениты и граниты Гурахтинского, Панимбинского, Левоведугинского, Скалистого, Тактырского массивов и субщелочные лейкограниты штоков нижнего течения р. Еруды. Они фиксируются отрицательными гравитационными аномалиями и интенсивными радиометрическими аномалиями урановой и смешанной природы. Жильная серия представлена аплитами и пегматитами.

Площадь, занятая Панимбинскими Столбами, относится к Панимбинскому массиву. Панимбинский массив глубоко эродирован (глубина залегания подошвы 0,3–0,4 км) и сложен однородными средне-, крупнозернистыми биотитовыми субщелочными гранитами и рибекитовыми щелочными гранитами. Субщелочные граниты состоят (в %): из кварца — 30–40, микроклина — 30–45, плагиоклаза (№ 8–15) — 20–25, биотита — 3–5, бурой роговой обманки — до 3. Акцессорные минералы: циркон «дипирамидальнопризматического» и «дипирамидального» габитуса, апатит, альмандин, ильменит, магнетит, турмалин, ортит, торит, ксенотим, монацит, флюорит, касситерит, фергусонит, эвксенит, дистен. Граниты отличаются меньшим содержанием кварца (20–30 %), меланократовостью (7–8 %), повышенной основностью плагиоклаза (№ 20–25). В кварцевых сиенитах снижается содержание кварца (до 10 %) и увеличивается основность плагиоклаза (№ 30–35). Субщелочные лейкограниты характеризуются высокими содержаниями кварца (50–55 %), фергусонита, монацита и ксенотима. Характерным для гранитоидов является

наличие идиоморфных кристаллов дымчатого кварца, низкая основность плагиоклаза, акцессорная редкометалльная минерализация и большое количество циркона. Гранитоиды относятся к образованиям калиево-натриевой субщелочной серии ($\text{Na}_2\text{O} + \text{K}_2\text{O} = 7,9\text{--}9,2\%$, $\text{K}_2\text{O}/\text{Na}_2\text{O} = 1,3$) и характеризуются значительными вариациями содержаний SiO_2 (66–76%), низкими содержаниями $\text{FeO} + \text{Fe}_2\text{O}_3$, CaO , MgO , TiO_2 , Sr ; высокими, превышающими кларковые в 1,5–3 раза, Rb , Li , Zr , Nb ,

Y , Sn , U , Th ($\text{Th}/\text{U} = 4\text{--}6$), повышенными значениями коэффициента апатитности (0,8–0,88), Rb/Sr , Rb/Zr , $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}_0$ (0,713–0,723), что указывает на коровую природу магм. По соотношениям петрогенных и редких элементов они близки к внутриплитным анорогенным гранитам А-типа. Становление массивов происходило в мезоабиссальных условиях ($P_{\text{H}_2\text{O}} = 3\text{--}3,5$ кбар) при

кристаллизации богатой водой и летучими компонентами гранитной магмы корового происхождения. На АФС интрузии выделяются светло-серым пятнистым фототонотом и ровным рисунком фотоизображения. Гурахтинские гранитоиды прорывают отложения потоскуйской свиты и граниты татарско-аяхтинского комплекса. Изотопный возраст выше описанных гранитоидов составляет 670–716 Ма (у Красноярских столбов — от 449 до 451 млн лет), что позволяет принять позднерифейский (постчингасанский) возраст комплекса, относимого к образованиям субщёлочнотриановитой формации.

С ним связано грейзеновое Li-Mo-W-Sn и U оруденение. Разница во времени образования Панимбинских гранитов, определяемая Вызу и Сазоновым с одной стороны и Стороженко с другой, около 200 млн лет. Кто из них прав, одному аллаху известно... Но то, что Панимбинские Столбы почти в 2 раза древнее Красноярских Столбов — неоспоримо. Глядя на них можно только подивиться — хорошо сохранились! Описать красоту творений природы мне вряд ли удастся, поэтому помещу на страничках фото, сделанные мной и моими товарищами при посещении уникального памятника природы.

Три брата (сравните с Красноярскими близнецами)

Краткая справка о путях подхода, для желающих посетить Панимбинские Столбы:

- по дороге по-над левым берегом Панимбы от автомобильного моста на тракте Брянка-Северо-Енисейский до ЛЭП, далее перейти вброд реку и вверх по ЛЭП (*см. карту*). Дорога для автотранспорта практически не проезжая: валуны гранитов, заболочено. Недостаток: в холодный период переход вброд реки малоприятное занятие; а также долгий подход к гранитным останцам. Преимущество: спокойный ход по лесной дорожке, усеянной грибами и ягодами осенью.

второй путь менее трудоёмок — начинается от 51 км тракта и далее через заболоченную долину Малой Панимбы. Недостаток: в кедах не пройдёшь, летом гнус даст «жару». Преимущества: полчаса потерпев, попадаешь практически сразу на красивейшую часть Столбов.

Старый замок (на карте № 1)
и **Мечта Панимбинская** (такая же шаткая, как и Красноярская)

Стенка

Каменная речка

Путь к «Братьям»

«Братья» во всей красе

«Братья»

Названия скал даны условно, быть может, кто-то их обзовёт по-своему — простора для фантазии очень много.

Большой выбор для настоящих столбистов — маршруты на любой вкус

Столбы у подножья хребта Вэйвандэ летом

Схему расположения Панимбинских Столбов (см. первый рисунок) нарисовал геолог Сергей Каменев, правда, на ней пока не показаны все скалы, но думаю, «другие придут и допоют». А пока смотрите и сравнивайте с Красноярскими Столбами по выше представленным фотографиям. На Панимбе район Столбов поменьше, чем в Красноярске, количество скал не более двух десятков, но меньшего интереса от этого они не вызывают. Наоборот, Панимбинские Столбы притягивают своей неизведанностью, нетронутостью — ты можешь быть первооткрывателем ещё одного дивного уголка природы!

Сентябрь 2016 г.